



приоритет2030<sup>+</sup>  
лидерами становятся



СТУДЕНЧЕСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Том 2

Москва

Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

2024

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации  
Федеральное государственное автономное образовательное  
учреждение высшего образования  
«Московский государственный юридический университет  
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

## X СТУДЕНЧЕСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФОРУМ

# ПАРАДИГМА ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

### Том 2

Объекты гражданских прав: проблемы теории и практики

Проблемы гражданской правосубъектности в условиях применения сквозных технологий (нейротехнологий, биотехнологий, технологий искусственного интеллекта)

Право интеллектуальной собственности: глобальные и национальные вызовы

Правовое обеспечение реального сектора экономики:  
путь к технологическому суверенитету

Тенденции и перспективы совершенствования российского законодательства  
в сфере труда и социального обеспечения

Парадигма семейного права на современном этапе развития общества

Под общей редакцией **А. В. Сладковой**

УДК 34(082)  
ББК 67я43  
Д377

**Редакционная коллегия**

**Дорохова Н. А.**, к. ю. н., доц., — раздел XV (совм. с **Носовым Д. В.**); **Белова Д. А.**, к. ю. н., доц., — раздел XVI; **Гульбасарова Е. В.**, к. ю. н., преп., — раздел XVII (совм. с **Королевой А. Г.**); **Кантор Н. Е.**, к. ю. н., доц., — раздел XVIII; **Челнокова Г. Б.**, к. ю. н., доц., — раздел XIX; **Шепелева Д. В.**, к. ю. н., доц., — раздел XX.

В составлении сборника принимали участие Пасканый М. Р., Петров И. А., Пономаренко В. В., Гильванова А. В., Нешпор М. В.

Д377 X Студенческий юридический форум «Парадигма права на современном этапе развития общества: от теории к практике»: сборник статей: в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. А. В. Сладковой. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. — 356 с. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-907670-43-3

В сборник вошли материалы X Студенческого юридического форума — ежегодного всероссийского научного мероприятия для молодых ученых — студентов всех курсов и форм обучения.

Цель форума — создание научной практико-ориентированной площадки, на которой участники смогут как персонально, так и в составе команды продемонстрировать свои знания, навыки, умения, обменяться опытом и преумножить имеющийся интеллектуальный капитал в области юриспруденции.

Форум создает условия для взаимодействия участников и потенциальных работодателей, для привлечения внимания профессионального сообщества к инициативам студентов.

УДК 34(082)  
ББК 67я43

ISBN 978-5-907670-43-3

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024

## СОДЕРЖАНИЕ

### XV. ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

<b>Азизова Х. М.</b> Цифровые токены в гражданском праве .....	8
<b>Александрова Г. В.</b> Понятие цифровых прав в Российской Федерации: проблемы гражданско-правового регулирования .....	11
<b>Баймова Д. Д.</b> Доля в праве общей долевой собственности как объект гражданских прав: проблемы теории и практики .....	14
<b>Белов Д. К.</b> К вопросу о правовом статусе органов и тканей человека .....	16
<b>Бессонов А. М.</b> Проблемные аспекты правового регулирования оборота земельных участков, занятых гражданскими захоронениями .....	19
<b>Боброва А. Д.</b> Коллизии в применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации и норм Закона о контрактной системе .....	23
<b>Бухидель М. Р., Исаканова М. М.</b> Искусственный интеллект: доктринальные подходы .....	25
<b>Гаврилова К. Д.</b> Статья 128 ГК РФ: быть или не быть? .....	29
<b>Горина В. К.</b> Проблема разграничения результатов работ и оказание услуг .....	32
<b>Григолашвили В. Б.</b> Исторический обзор развития института наследования по закону в Грузии .....	35
<b>Джафарова А. Р., Шершова В. А.</b> Юридические услуги: проблемы стандартизации .....	39
<b>Догаева Х. М.</b> Недвижимое имущество как объект гражданских прав: современные проблемы разграничения с движимым имуществом .....	42
<b>Дыльнова Д. Д.</b> Криптовалюта, как самостоятельный объект гражданского права .....	45
<b>Имамбаев А. А., Юнусов Д. С.</b> Проблема ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом .....	49
<b>Ковалевский К. К., Шандурин Н. В.</b> Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав .....	52
<b>Колесников И. А.</b> Жилищная собственность: проблемы и перспективы развития .....	55
<b>Коробкова Н. М.</b> Нежилые помещения: проблемы гражданско-правового режима .....	58
<b>Крикса А. К.</b> Проблемы закрепления цифровых прав как объекта гражданского права в контексте анализа ст. 141.1 ГК РФ .....	62
<b>Криушина А. В.</b> Наследование аккаунтов в социальных сетях .....	65
<b>Лебедь П. А.</b> Защита голоса человека: сравнительное исследование права России и Китая .....	69
<b>Михайлинский Г. О.</b> Гараж как объект гражданских прав: проблемные вопросы правового регулирования .....	73
<b>Орлов Г. А.</b> Имущественные права и валюта как объекты договора мены .....	75
<b>Панков Д. С.</b> Проблемы правового регулирования цифровых прав как объектов гражданских прав .....	78
<b>Пильникова А. С.</b> Трансформация наследственного права в условиях цифровизации .....	81
<b>Полянина М. Я.</b> Виртуальная собственность как новый объект гражданских прав: подходы к пониманию, проблемы регулирования .....	85
<b>Потаскаев В. В., Харитонов В. С.</b> Персональные данные: вопросы гражданско-правовой квалификации .....	88
<b>Ситников К. А.</b> Завещательный отказ и цифровые права .....	92
<b>Смешко М. С.</b> Проблематика правового регулирования предприятия как объекта гражданских прав .....	96
<b>Суворов А. М.</b> Перспективы правовой регламентации статуса мощей святых как объектов гражданских прав .....	99

<b>Хаматнурова А. М.</b> Можно ли сыграть во «Что? Где? Когда?» .....	102
<b>Хорошавин М. Ю.</b> К вопросу о включении криптовалюты в состав конкурсной массы должника при банкротстве .....	106
<b>Чекурова Д. И.</b> Правовая природа энергии как объекта гражданских прав .....	109
<b>Шабаян В. С.</b> Имя гражданина: условия и пределы использования .....	112
<b>Шелунцова А. О.</b> Проблемы практической реализации принципа <i>superficies solo cedit</i> с конструкцией единого объекта в российском гражданском праве .....	114

## **XVI. ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ СКВОЗНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ, БИОТЕХНОЛОГИЙ, ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА)**

<b>Бабичева В. А.</b> Искусственный интеллект: инструмент для творчества или новый субъект авторского права? .....	119
<b>Даниленко Н. И.</b> Проблема правосубъектности «ребенка-спасителя» при применении вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) .....	122
<b>Дыгданова Е. И.</b> Проблема определения правосубъектности лиц, использующих нейрохакинг .....	127
<b>Зайчук Е. А.</b> Практическое гражданско-правовое регулирование использования дронов .....	129
<b>Законова Е. К., Маслов М. И.</b> Проблематика возникновения гражданской правосубъектности у искусственного интеллекта .....	132
<b>Календарев И. Г., Скоморохов А. С.</b> Сравнительно-правовой анализ правового регулирования искусственного интеллекта на примере ChatGPT в различных право порядках .....	135
<b>Карпушкина М. А.</b> Правовое регулирование биопринтинга в РФ .....	138
<b>Крылов Ф. В.</b> Автоматизация и искусственный интеллект: вызовы и перспективы для правовой системы и гражданской правосубъектности .....	140
<b>Куприянова Ю. И.</b> Подходы к определению гражданско-правового статуса искусственного интеллекта .....	143
<b>Лихотников Г. М.</b> Проблемы правосубъектности и ответственности искусственного интеллекта .....	146
<b>Набиуллин Р. В.</b> Правосубъектность искусственного интеллекта: определенность или необходимость .....	149
<b>Намяк Е. И.</b> Нейропротез «ELVIS»: вопросы правосубъектности и законодательного регулирования .....	153
<b>Олейник Г. О.</b> Наследственная правосубъектность постмортальных детей .....	157
<b>Позднякова М. Д., Щедрин Г. А.</b> Признание за искусственным интеллектом источника повышенной опасности: реалии и перспективы .....	160
<b>Русецкая Е. И.</b> Вопрос деликтоспособности в сфере развития систем искусственного интеллекта .....	164
<b>Свечникова Е. В.</b> Проблема наделяния юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью .....	167
<b>Соловей И. С.</b> Авторские права на произведения, созданные с использованием ChatGPT .....	170
<b>Станиславов П. Д.</b> Особый статус и защита прав крионируемого лица .....	173
<b>Тищенко А. Б.</b> Влияние на правосубъектность загрузки сознания .....	175
<b>Усова Д. Е.</b> Проблемы гражданско-правовой ответственности за причинение вреда третьим лицам лицом, использующим интерфейс мозг-компьютер .....	177
<b>Усова Н. Н.</b> Правосубъектность эмбрионов <i>in vitro</i> в Российской Федерации <i>de lege lata</i> и <i>de lege ferenda</i> .....	181
<b>Шелопина П. А.</b> Проблемы наделяния искусственного интеллекта гражданской правосубъектностью .....	184

## **XVII. ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ**

<b>Афанасьева В. А.</b> Интеллектуальная собственность, создаваемая в рамках хранения, исследования и использования биологических коллекций .....	188
<b>Бараева Д. А.</b> Искусственный интеллект в праве интеллектуальной собственности .....	191
<b>Барсукова З. О.</b> Проблемы параллельного импорта в России .....	195
<b>Булгакова Е. А.</b> Проблема защиты кулинарных рецептов как объектов авторского права .....	198
<b>Войдат В. А., Тиванов А. А.</b> Правовые проблемы создания производных музыкальных произведений .....	202
<b>Гайдукова В. А.</b> Принудительное лицензирование в области патентного права: проблемные аспекты и перспективы регулирования .....	205
<b>Гришин С. А.</b> Муралы как объекты интеллектуальной собственности .....	209
<b>Дзивицкая Л. А.</b> Особенности правовой природы произведений изобразительного искусства, изначально созданных в цифровой форме .....	213
<b>Дзюба И. Ю.</b> Авторско-правовая охрана IT-решений в России: абрис проблемы .....	216
<b>Левашов А. А.</b> Проблемные вопросы в области правовой охраны фирменных наименований .....	220
<b>Николаева Е. А.</b> Правовой режим базы данных и свободный обмен информацией в условиях цифровизации .....	223
<b>Новикова А. В.</b> Вопросы интеллектуальных прав при использовании искусственного интеллекта для перевода текста .....	225
<b>Панарина А. Д.</b> Использование товарного знака конкурента как акт недобросовестной конкуренции .....	228
<b>Пасканый М. Р.</b> Интеллектуальные права в современном социокультурном пространстве .....	231
<b>Турсунов А. Ю., Шматкова Е. С.</b> Проблема принадлежности Авторских прав в digital-искусстве .....	233
<b>Федорова В. В.</b> Охраноспособность «исполнения» артиста, участвующего в съемках с использованием технологии motion capture с точки зрения гражданского законодательства .....	237

## **XVIII. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ: ПУТЬ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ**

<b>Анепкин А. В.</b> Правовое регулирование импортозамещения в легкой текстильной промышленности: анализ и перспективы .....	240
<b>Будунов М. А.</b> Путь к технологическому суверенитету в контексте последних событий: спад или новые возможности .....	243
<b>Гридасова Е. В.</b> Правовой режим инвестиционных платформ .....	245
<b>Золотухина А. А.</b> Роль государства в обеспечении технологического суверенитета реального сектора экономики .....	248
<b>Лапин Д. С.</b> Проблемы использования систем маркировки и прослеживаемости товаров на современном этапе развития экономики .....	252
<b>Назарова О. Г.</b> Некоторые аспекты правового обеспечения цифровой трансформации в агропромышленном комплексе .....	255
<b>Чеха К. В.</b> Правовое регулирование редомициляции в России .....	258
<b>Яппарова Э. Р.</b> Исследование влияния технологического суверенитета на конкурентоспособность и стабильность экономики: анализ стратегий и правового обеспечения различных стран .....	261

## ХИХ. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

<b>Балдаев Д. И.</b> Тенденции и возможности совершенствования российского законодательства в сфере регулирования труда спортсменов и тренеров .....	266
<b>Ганеева С. В.</b> Проблемы правового регулирования привлечения к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения в трудовом законодательстве .....	269
<b>Докучаева Е. В.</b> Проблемы применения процедуры медиации при разрешении трудовых споров .....	272
<b>Котовой А. С., Яшенкова А. М.</b> Соглашение о неконкуренции: российский и зарубежный опыт .....	274
<b>Мусалимова А. И.</b> Дискриминация или дифференциация: проблема регулирования труда женщин .....	279
<b>Нанаголюян А. Р.</b> Институт компенсации морального вреда: усовершенствование критериев определения размера выплат .....	282
<b>Невская В. С.</b> Тенденции и перспективы совершенствования российского законодательства в сфере труда и социального обеспечения .....	287
<b>Павельская П. А., Судакова Т. С.</b> Проблемы трудоустройства молодежи: современность и перспективы .....	290
<b>Покровская М. С.</b> Дефиниция понятия «дискриминация» в праве Российской Федерации и международном праве .....	293
<b>Серебренникова М. М.</b> Перспектива законодательного регулирования предложения о работе .....	296
<b>Смирнов В. А.</b> Некоторые проблемы трудоустройства молодежи Российской Федерации в современных условиях .....	301
<b>Степаненко С. А.</b> Правовое регулирование платформенной занятости в Российской Федерации .....	303
<b>Харазян Е. А.</b> Какие изменения могут произойти в сфере занятости? .....	306
<b>Цыбулина В. С.</b> Самозанятость: проблемы законодательного регулирования и тенденции развития .....	309
<b>Цыс З. А.</b> Дистанционное трудоустройство и работа как мера поддержки слабозащищенных категорий граждан .....	313

## ХХ. ПАРАДИГМА СЕМЕЙНОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<b>Амиралиева Х. А.</b> Парадигма развития семейного права в Дагестане: на стыке обычаев и закона .....	317
<b>Багдасарова М. А.</b> Бэби-боксы как способ защиты прав детей: за или против? .....	320
<b>Бареев Р. Р.</b> Фактические брачные отношения: проблемы правового регулирования в Российской Федерации .....	323
<b>Белогорцева С. С.</b> Ответственность в семейном праве .....	326
<b>Борец С. Д.</b> Проблемы правового закрепления договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации .....	329
<b>Борисова Э. Б.</b> Государственные жилищные программы при разделе имущества супругов в случае расторжения брака .....	331
<b>Глухова В. И.</b> Некоторые вопросы снижения размера алиментов, установленных соглашением: теория и практика .....	335
<b>Гриджина А. А.</b> Правовое регулирование права женщин на аборт: становление и развитие в России .....	338
<b>Джафарова А. Г.</b> Правовая система защиты родительских прав и интересов после расторжения брака .....	342
<b>Литвин А. С.</b> Некоторые аспекты правовой ответственности за невыполнение алиментных обязательств .....	344

<b>Магомедов М. Р.</b> Вопросы нормативного регулирования наследственных отношений в случае недействительности брака .....	348
<b>Сбытова Е. А.</b> Особенности распоряжения общим имуществом супругов: теоретический и практический аспекты .....	350
<b>Уранова М. К.</b> Как брачный договор поможет в борьбе с наследственными рисками? .....	354



**Азизова Х. М.**

РГА Минюста России

Студент

### Цифровые токены в гражданском праве

**Аннотация.** В статье предпринята попытка проанализировать место цифровых токенов (NFT) в системе объектов гражданских прав с учетом их неопределенной правовой природы. Сделан вывод о том, что в настоящее время невзаимо-заменяемые токены в Российской Федерации находятся вне правового поля ввиду отсутствия не только конкретной нормы права, регулирующей механизм их оборота, но и терминологического вакуума.

**Ключевые слова:** блокчейн, результат интеллектуальной деятельности, цифровой токен, криптовалюта, цифровые права

18 марта 2019 г. Президент России подписал закон о внесении изменений в три части Гражданского кодекса Российской Федерации относительно цифровых прав. Проект этого закона был внесен в Государственную Думу в марте 2018 г.

Цифровые права охарактеризованы в первую очередь как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы. Анализируя указанный закон, А. А. Карцхия сформулировал идею о создании особого цифрового права, которое выходит за пределы традиционного понимания цивилистического права<sup>1</sup>.

В современных условиях проблемы правового регулирования свободной информации, защиты права частной жизни в цифровом мире, влияние новейших технологий в киберпространстве на права и правовые интересы граждан, общества в целом влекут определенные преимущества и угрозы содержанию и структуре традиционного права.

Исследователи правовых отношений с использованием цифровых технологий отмечают, что сегодня нельзя не признавать научно-технический прогресс и его непосредственное воздействие на развитие всех общественных институтов<sup>2</sup>.

Сегодня закладываются только первые кирпичики, формируются только первые основы регулирования в цифровых отношениях<sup>3</sup>. В целом не вызывает сомнения тот факт, что цифровые права — это определенный набор прав каждого на исполь-

---

<sup>1</sup> Карцхия А. А. Цифровое право как будущее российской цивилистики // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет // Государство и право. 2018. № 1. С. 26–40.

<sup>2</sup> Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.

<sup>3</sup> Ситдикова Р. И. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 9 (204). С. 75–80.

зование Интернета для передачи, распространения информации и надлежащий доступ к цифровым медиа. Категория цифровых прав, предложенная законодателем, сводит такие права к обязательственным и иным правам, содержание и условия осуществления которых определены в информационной системе.

Иными словами, цифровые права с учетом законодательного закрепления обладают рядом следующих особенностей:

- во-первых, обладание и распоряжение ими возможны только в информационной среде (то же самое будет касаться обременения или ограничения цифровых прав);
- во-вторых, осуществление или распоряжение такими правами будет происходить без обращения к третьему лицу;
- в-третьих, в большинстве случаев обладатель цифрового права — это лицо, которое имеет возможность распоряжаться таким правом в соответствии с правилами информационной среды;
- в-четвертых, переход цифрового права по сделке не требует согласия должника.

Напрашивается вопрос: чем отличаются цифровые коды от цифровых обозначений? Думается, что, вероятнее всего, речь идет об описании общероссийских классификаторов технико-экономической и социальной информации, применяемой в статистике и включающей набор основных характеристик, отражающих их состав, структуру и систему кодирования. Если рассуждать о форме такой сделки, то выражение воли субъектов в электронной сделке будет соответствовать простой письменной форме. Исходя из положений п. 1 ст. 160 ГК РФ допустимо считать соблюденной письменную форму сделки, если она совершается при помощи электронных носителей и с помощью технического оборудования.

В то же время с помощью электронных и аналогичных технических средств может проводиться заочное голосование для установления решения общего собрания. Например, может быть проведено интернет-голосование членов товариществ или обществ либо дистанционно заполнена форма в Интернете.

Пункт 2 ст. 160 ГК РФ не предусматривает использование факсимильного воспроизведения подписи при совершении сделок. Исходя из этого, многие исследователи гражданско-правовых отношений считают, что требование о наличии подписи будет соблюденным, если достоверно возможно определить волю участников сделки.

Стоит заметить, что неквалифицированная подпись, то есть электронная, имеет сходную юридическую силу с подписью на бумаге. Тем самым юридическая сила электронной подписи может быть определена с помощью подписания соглашения об ее использовании.

Можно представить, что субъекты электронного взаимодействия договариваются о том, что получение электронного сообщения с распознаванием электронной почты будет приравниваться к подписанию договора простой электронной подписью. Тем не менее напрашивается закономерный вопрос — если нажатие на кнопку в браузере приравнивается к полноценному волеизъявлению, то каким способом воздействовать на средства автоматизации браузера? Каким образом установить «недееспособность» электронного устройства, зараженного, допустим, вирусом, который подписал вла-

дельца на какие-либо услуги или приобрел товар? Можно представить и электронные доверенности (их необходимость назрела давно), и бюллетени для голосования в электронном виде, что сегодня крайне актуально, и действительный заключенный гражданско-правовой договор, заполненный в электронной форме.

При этом такая форма будет соблюдена при совершении сделок с помощью электронных (технических) средств, которые позволяют воспроизвести на материальном носителе содержание такой сделки.

То есть договор в такой форме может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами с помощью электронных средств или простого обмена электронными документами. В то же время стоит отметить, что исходя из новых положений ст. 309 ГК РФ, условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств. Одновременно с этим совсем необязательно наличие направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон с помощью информационных технологий.

Положения новизны ст. 454 ГК РФ определяют, что нормы о договоре купли-продажи применяются к продаже имущественных прав, включая цифровые права. Согласно поправкам к ст. 493 ГК РФ договор розничной купли-продажи считается заключенным в надлежащей форме с момента выдачи продавцом покупателю кассового, товарного чека, а также электронного или иного документа, а выставленные товары и их образцы в сети Интернет признаются публичной офертой.

Глава 39 ГК РФ о возмездном оказании услуг дополнена ст. 783.1. Так, договор, в силу которого исполнитель обязуется совершать действия по предоставлению конкретной информации заказчику, может предусматривать обязанность одной или обеих сторон не совершать по предоставлению в течение определенного периода действия, в результате которых информация может быть раскрыта третьим лицам.

Тем самым устанавливается правило в обязательстве, свидетельствующее о воздержании сторонами от конкретных действий. Указанные правила, вступающие в силу в ближайшем будущем, свидетельствуют о внедрении такой категории, как Big-data, то есть легализации сбора и обработки значительных данных обезличенной информации. В пункте 1 ст. 860.2 ГК РФ внесены изменения, которые устанавливают правила о заключении договора номинального счета в письменной форме в виде составления одного документа, подписанного сторонами, с допустимостью совершения этого действия в электронной форме. Необходимо указать дату заключения такого договора или произвести обмен электронными документами (иными данными) с учетом положений абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ. Стоит заметить, что составление завещания с использованием электронных или иных технических средств будет невозможно.

Если говорить о зарубежном законодательстве, то ученые, например, Китая в большинстве своем связывают понятие цифровых прав именно с криптоактивами<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Асад А., Анам Ф., Кеннет С. Система управления цифровыми правами в Китае: проблемы и возможности // Журнал по информационным технологиям. 2018. № 20. С. 20–27.

В иных правовых системах цифровые права расцениваются несколько иным образом. Например, в США эта категория рассматривается как права человека и юридические права, которые позволяют отдельным лицам получать доступ, использовать, создавать и публиковать цифровые носители или получать доступ и использовать компьютеры, другие электронные устройства и телекоммуникационные сети<sup>1</sup>. Эта концепция связана с защитой и реализацией существующих прав, таких как право на неприкосновенность частной жизни и свободу выражения мнений, в контексте цифровых технологий, в частности Интернета. Иными словами, цифровые права расцениваются как гражданские права в области информационных и коммуникационных технологий. Они включают в себя множество вопросов, касающихся конфиденциальности, сохранения данных авторских прав, патентов на программное обеспечение, права на защиту данных и конфиденциальность, свободы слова в Интернете, частного правоприменения и кибербезопасности. Л. Ю. Василевская отмечает, что опираясь на зарубежный опыт, современная цивилистическая наука способна решить проблемы цифровых экономических отношений<sup>2</sup>.

Думается, что с развитием современной цифровой экономики, цифрового общества и государства, назревает потребность в подготовке специалистов, имеющих цельное комплексное технико-правовое представление о цифровых правах и особенностях их оборота. Исследования в этой сфере должны носить междисциплинарный характер с учетом научной и практической основы для развития правового регулирования в цифровых отношениях.

Развитие телекоммуникационных технологий значительно опережает развитие современных процессов и результатов законотворчества. Поэтому изучение содержания гражданско-правового режима нового объекта гражданского права — цифрового права необходимо и важно.

**Александрова Г. В.**

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (СПбГАУ)  
Студент

### **Понятие цифровых прав в Российской Федерации: проблемы гражданско-правового регулирования**

**Аннотация.** Цифровые права — динамично развивающаяся отрасль отечественного современного права. С каждым днем цифровые права всё больше проникают во все сферы жизни общества и государства. В настоящее время

---

<sup>1</sup> Мифодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 22 с.

<sup>2</sup> Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.

законодатель нацелен на регулирование данных правоотношений и обеспечение правовой защиты из участников.

**Ключевые слова:** цифровые права, цифровые технологии, понятие «цифровые права», правовое регулирование цифровых правоотношений.

Цифровые технологии с каждым днем всё больше внедряются в жизнь как человека, так и общества, государства в целом, что порождает новый вид правоотношений, связанных с цифровыми правами. Цифровая трансформация — это постоянное модифицирование ключевых свойств и содержания субъективных прав, как результат влияния цифровых технологий, благодаря которым формируются новые виды собственности, а именно криптовалюты, цифровые права, токены, базы данных и другие виртуальные объекты. Отличительные качества подобных предметов в первую очередь неимение материального субстрата, то есть физического, материального выражения, обременяют их описание как вещей в традиционном резоне этого понятия.

Как во всех гражданско-правовых отношений, одним из субъектов всегда будет человек.

Что же следует понимать под цифровыми правами? Видный российский правовед В. Д. Зорькин отмечал, что цифровые права — преференция для создания ресурса, подборки и опубликования цифровых произведений, а в некоторых случаях это дополнительное превосходство во внедрение электронных устройств в сети «Интернет»<sup>1</sup>. С. В. Сарбаш рассматривает цифровое право, как средство декорирования общеизвестных нам видов права. А Р. С. Бевзенко предлагает рассматривать цифровое право, как модус функционирования имущественного права<sup>2</sup>.

Таким образом, приведенные примеры понятия «цифровое право» демонстрирует то, что даже среди видных деятелей российской науки нет единого правового понимания сущности цифровых прав. Это еще раз подтверждает необходимость законодателя дать более детализированное юридическое толкование данного понятия, а также обеспечить его законодательное закрепление с целью устранения правовой неопределенности.

Само понятие «цифровые права» закреплено в Федеральном законе от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в часть первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 34-ФЗ). Однако содержащееся в нем понятие «цифровые права», данное российским законодателем не способно раскрыть рассматриваемое правовое явление полностью, что негативно отражается на современных цифровых правах, их реализации и защите.

<sup>1</sup> Зорькин В. Д. Право в цифровом мире: размышления на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018.

<sup>2</sup> Бевзенко Р. С. Объекты гражданских прав. Комментарий к ст. 128 Гражданского кодекса. 17 сентября 2019 г. URL: [https://www.youtube.com/watch?v=or\\_O5so1\\_ro](https://www.youtube.com/watch?v=or_O5so1_ro) (дата обращения: 23.09.2023).

Кроме названного выше, законодатель определил круг лиц, фигурирующих владельцами цифрового права и порядок перехода этих прав. В соответствии с этим, владельцем цифрового права считается лицо, которое наделено возможностью распоряжаться этим (цифровым) правом. Передача цифрового права во владение от одного субъекта к другому на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Вопрос в том, смог ли законодатель отразить современные реалии в определении цифровых прав и определить четкий круг их обладателей, обеспечить правовое регулирование названных отношений? На наш взгляд, определение цифровых прав является достаточно «размытым», имеет общие черты, т. е. определение «поверхностное». Обывателю, да и не только, представляется невозможным понять включил ли законодатель в понятие цифровых прав банковские онлайн-режимы и переводы, технологию блокчейна, ЭБС, «облачные» ресурсы, искусственный интеллект и некоторые другие цифровые активы. Законодатель попытался дать единое определение цифровым правам, с целью обеспечения их полноценного оборота, всесторонней защиты, однако стоило ли выделять цифровые права в отдельную категорию объектов гражданского права?

Исходя из вышеназванного выделяют две правовых проблемы, во-первых, необходимость более детального законодательного толкования понятия «цифровые права», которое будет в полной мере отражать сущность данных правоотношений, во-вторых, стоит ли в целом отдельно выделять цифровые права, как новую, самостоятельную и исключительную гражданско-правовую категорию.

Среди ученых-правоведов нет единой точки зрения в данном вопросе. Часть правоведов считают, что выделять цифровые права в отдельную категорию объектов гражданских прав не является необходимым. Например, по мнению, Ю. В. Кузнецова, в гражданских правоотношения слабо отработаны практические вопросы оборота цифровых прав, юристы не полностью осознали значимость и профессиональное использование цифровых прав как объектов гражданского права, а указанный выше Федеральный закон № 34-ФЗ призывает к основательным изменениям гражданско-правовой доктрины и всего гражданского права в целом<sup>1</sup>. Л. Ю. Василевская утверждает, что настоящий ход цифровизации прав приведет не к выработыванию новых видов имущественных прав, совместно с комплексом обязательственных, корпоративных и исключительных прав, а только к цифровым способам их фиксации<sup>2</sup>.

Другая часть ученых-правоведов считает, что цифровые права необходимо выделить в отдельную гражданско-правовую категорию объектов гражданских правоотношений, но при соблюдении определенных условий. Например, по мнению

<sup>1</sup> Кузнецов Ю. В. Криптоактивы как документарные ценные бумаги // Закон. 2019. № 9. С. 95–104.

<sup>2</sup> Василевская Л. Ю. Токены как новые объекты гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4. С. 112–118.

В. А. Лапач, в случае если цифровые права рассматривать как отдельную гражданско-правовую категорию, то важно учесть, что к ключевым признакам объектов гражданских прав причисляются дискретность, системность и юридическая привязка. Сама дискретность открывает возможность обособить объект. По отношению к цифровым правам она будет открывать исключительные правила учета объекта, к примеру, запись его в распределенном реестре<sup>1</sup>.

В вопросе выделения цифровых прав как отдельной гражданско-правовой категории также отсутствует единый подход.

То есть выделение цифровых прав в отдельную гражданско-правовую категорию возможно, но с соблюдением определенных контрольно-надзорных действий в отношении данных прав, к примеру, путем записи их в реестр, с целью обеспечения их защиты, соблюдение норм российского законодательства.

По нашему мнению, необходимо дать расширительное толкование понятию «цифровые права», воспроизведя в нем основные нюансы представленного понятия, добавив обратить внимание на правовое регулирование общественных отношений, появляющихся из цифровых прав и актуализировать правовую базу, восполнить ее для регулирования вышеназванных общественных отношений. Также необходимо законодательно закрепить, либо же опровергнуть необходимость выделения цифровых прав как самостоятельного объекта гражданско-правового регулирования.

В свою очередь, решение названных правовых проблем позволит сформировать юридическую базу для реализации цифровых прав, избежав при этом каких-либо практических неточностей в ущерб субъектам цифровых прав.

**Баимова Д. Д.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Доля в праве общей долевой собственности как объект гражданских прав: проблемы теории и практики**

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию правовой природы доли в праве общей долевой собственности. Автором произведен анализ действующего законодательства и юридической литературы, были рассмотрены правовые коллизии, связанные с категорией общей долевой собственности. Делается вывод о возможности причисления доли в праве общей долевой собственности к перечню объектов гражданских прав, закрепленных в ст. 128 ГК РФ, в качестве имущественного права.

**Ключевые слова:** доля в праве общей собственности, право собственности, объекты гражданских прав, имущественные права.

---

<sup>1</sup> Лапач В. А. Система объектов гражданского права: теория и судебная практика // Лапач В. А. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. 542 с.

Теоретические и практические вопросы определения правовой принадлежности категории доли в праве общей долевой собственности к закрепленному в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации перечню объектов гражданских прав долгое время исследуется учеными — цивилистами, в связи с чем на данный момент существует множество мнений и концепций, создающих проблемы для правильного определения правовой природы данной категории и возможности ее отнесения к объектам гражданских прав.

Как писал Г. Ф. Шершеневич «Общая собственность, явление весьма частое, представляет значительные трудности для уяснения его юридической природы»<sup>1</sup>.

До сих пор законодатель не дал легальную дефиницию «доли», он лишь указывает на то, что доля является правом (п. 2 ст. 244 ГК РФ).

В связи с чем на данный момент в правовой науке существует мнение о том, что стоит рассматривать долю в качестве понятия идеального, означающего «долю в праве на вещь».

Исходя из этого фактически можно признать тот факт, что законодатель использует юридическую фикцию, допускает наличие двух объектов оборота: непосредственно имущества и доли в праве собственности на него.

Характерной чертой права общей долевой собственности является наличие нескольких собственников, которые при отчуждении вещи в целом по своей сути выступают в качестве одного субъекта гражданских прав. В данном случае предметом договора являются как имущественные права (доля в праве), так и само имущество.

Некоторыми особенностями обладают и взаимоотношения между сособственниками. По своей правовой природе право собственности является абсолютным вещным правом, однако в случае наличия нескольких собственников по отношению к одному объекту, отношения между ними приобретают также черты прав относительных, которые предполагают наложение определенных обязанностей на участников общей долевой собственности, в частности, необходимость соблюдения преимущественного права покупки доли.

По мнению Е. А. Суханова, можно говорить о существовании долей самого права общей долевой собственности, то есть ученый придерживается позиции делимости, наличия расщепления права<sup>2</sup>.

Однако, в отличие от присущих ограниченным вещным правам изъятиям некоторых из правомочий собственника, право общей долевой собственности сохраняет свойственную праву собственности триаду лишь ограничивая ее определенной частью имущества.

Также профессор Е. А. Суханов указывает на то, что доля в праве на имущество сама по себе может быть предметом разнообразных сделок (обладает оборотоспособностью), а также объектом претензий со стороны кредиторов, что свидетель-

---

<sup>1</sup> Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права : в 2 т. Т. 1. М. : Издание бр. Башмаковых, 1914. С. 318.

<sup>2</sup> Гражданское право : в 4 т. Т. 2 / под ред. Е. А. Суханова. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 118.



стует о том, что профессор признает некоторые вещные права в качестве объектов гражданских прав<sup>1</sup>.

В связи с чем можно отметить ряд различий, присущих праву общей долевой собственности по сравнению с иными вещными правами, в частности, для него не характерно право следования, что позволяет праву долевой собственности, будучи обороноспособным, вне зависимости от вещи быть самостоятельным объектом гражданских прав, относиться к категории имущественных прав.

Однако стоит отметить, что в данном случае возникает проблема проявления конструкции «право на право», которая не характерна для классического российского гражданского права.

По мнению Л. Ю. Василевской, данной коллизии можно было бы избежать, если рассматривать право на долю с обязательственно-правовых позиций, поскольку внутренние отношения между собственниками одного объекта действительно регламентируются по большей части нормами обязательственного, нежели вещного права<sup>2</sup>.

Несмотря на это цивилисты не отрицают возможность использования в российском гражданском законодательстве концепции «право на право». Как считает В. П. Мозолин, для этого необходимо определить сферу ее применения<sup>3</sup>.

Подводя итоги, можно отметить, что право общей долевой собственности, несмотря на присущие ему особенности, на данный момент имеет вещно-правовую природу, среди объектов гражданских прав наиболее рациональным будет закрепить его среди категории имущественных прав наряду с относительными корпоративными правами, правами требования из обязательств, а также правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

**Белов Д. К.**

Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ  
Курсант

### **К вопросу о правовом статусе органов и тканей человека**

**Аннотация.** Актуальным в российской правовой науке остается вопрос о правовом статусе органов и тканей человека, защите граждан от противоправных посягательств на них. В настоящее время медицина далеко продвинулась в сфере трансплантации данных объектов, однако законодательство в данной сфере по ряду вопросов объективно отстает в своем развитии от медицинских наук, что значительно усложняет ряд практических вопросов правоприменения, оставляя их регулирование правовому обычаю.

<sup>1</sup> Суханов Е. А. Лекции о праве собственности. М. : Юрид. лит, 1991. С. 170.

<sup>2</sup> Василевская Л. Ю. Обзор судебной практики «О юридической природе доли в праве общей собственности» // Арбитражное правосудие в России. 2009. № 6. С. 60.

<sup>3</sup> Мозолин В. П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М. : Юстицинформ, 2008. С. 56.

**Ключевые слова:** трансплантация, органы и ткани человека, правовой статус, правовой режим.

Несмотря на всестороннее изучение права и анализ правоприменительной практикой, как самими учеными, так и правоприменителями, в российской правовой науке, как и в самом законодательстве, до сих пор остается ряд проблемных вопросов, представляющих комплексный, теоретико-практический интерес для исследований. Подобные, зачастую спорные, темы касаются, как правило, взаимосвязи разных отраслей права, затрагивая широкий спектр правоотношений.

В данном исследовании будут рассмотрены вопросы, связанные с правовым статусом органов и тканей человека, их трансплантацией и квалификацией преступлений, предметом которых они являются.

Законодателем напрямую не установлен правовой режим органов и тканей, а реализуемое правоприменителями доктринальное представление о нем влечет возможность разночтения законодательства и создания повышенной криминогенной обстановки в сфере трансплантации органов и тканей человека.

Помимо этого, представляется спорным вопрос о наказуемости сделок в отношении органов и тканей умершего человека его родственникам, а также о гражданско-правовом статусе крови, уголовной противоправности и наказуемости деяний, связанных с принуждением к ее изъятию и оборотом.

В настоящее время рассматриваемые в данном исследовании вопросы становятся всё более актуальными. Исходя из данных статистики в России ежегодно проводится значительное количество операций, связанных с трансплантацией органов и тканей человека<sup>1</sup>. При этом в условиях проведения Специальной военной операции можно прогнозировать повышение востребованности не только самого проведения подобных операций, ввиду поступления в госпитали военнослужащих, получивших ранения, но и непосредственно доноров, согласных на изъятие у них органов, тканей и крови для последующей трансплантации либо переливания.

Отсутствие четкого правового статуса не позволяет эффективно работать механизму донорства органов, когда их трансплантация бывает экстренно необходимо для военных госпиталей.

В данной ситуации многократно повышается опасность неправомерного изъятия органов и тканей граждан, так как в условиях боя, обстрелов и иных тягот и лишений войны, возникают сложности с получением информации касательно наличия или отсутствия согласия на трансплантацию. Также особенно возрастает риск преступлений, связанных с незаконным изъятием крови, например, переливание ее у находящихся в бессознательном состоянии тяжелораненых, спасение которых не представляется возможным, военнослужащим, которым она необходима для сохранения жизни, возможность чего подтверждается жесткими требованиями

---

<sup>1</sup> Трансплантология: итоги и перспективы. Т. 12 : 2020 г. / под ред. С. В. Готье. М. — Тверь : Триада, 2021. 28 с.

медицинского обеспечения и принципами фильтрации раненых в условиях ведения боевых действий.

При этом несовершенство законодательства в рассматриваемой сфере приводит к ряду спорных вопросов, что выражается в том числе и в отсутствии единства среди ученых-теоретиков и практиков юриспруденции в решении возникающих проблем.

В статье 128 ГК РФ перечисляются объекты гражданских прав. Органы и ткани человека напрямую не указаны в данном перечне и рассмотрение их правового статуса возможно либо через понятие имущества и отнесение данных объектов к категории «иного имущества» в соответствии с рассматриваемой статьей, либо через отнесение их к нематериальным благам, о чем свидетельствует ряд исследований в данной области.

В то же время мы также можем говорить о данных объектах как о нематериальных благах, относя их к жизни и здоровью личности в соответствии со статьей 150 ГК РФ. В данном случае законом признается их не отчуждаемость и непередаваемость. В то же время, говоря о трансплантологии, мы видим, что при определенных законодательством условиях органы и ткани человека всё же могут передаваться, отчуждаться в интересах другого человека, что идет в разрез с установленным законом правилом. И всё же ряд исследователей, таких как Л. О. Красавчикова, считает данные объекты нематериальными благами, неразрывно связанными с человеком от рождения и имеющими возможность отчуждения в исключительных случаях медицинского вмешательства<sup>1</sup>.

По наиболее популярному мнению, которое находит свое отражение в практической составляющей данного вопроса, органы и ткани человека всё же являются особыми объектами гражданского права вещного характера<sup>2</sup>. При этом исследователи относят их, как правило, к вещам, ограниченным в гражданском обороте.

На данный момент в законодательстве не содержится прямого указания на запрет совершения большинства сделок, в том числе и безвозмездных, предметом которых могут являться органы и ткани человека. В данном случае это регулируется возможностью применения гражданского законодательства по аналогии, либо же в соответствии с обычаем согласно ст. 6 ГК РФ.

Исходя из анализируемых ранее положений в рамках данного исследования, следует сделать выводы о том, что органы и ткани человека всё же являются вещами, ограниченными в гражданском обороте.

Принимая органы и ткани за вещи, ограниченные в гражданском обороте, мы должны учитывать, что совершение с ними сделок необходимо квалифицировать как преступное деяние, так как законодатель в рамках УК предусматривает подобную точку зрения в отношении ряда других вещей, ограниченных в гражданском обороте, таких как оружие, наркотические вещества, ядовитые и сильнодействующие

---

<sup>1</sup> Красавчикова Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. 1994.

<sup>2</sup> Головинин А. В. Оборотоспособность объектов гражданских прав // Право и экономика. 2018. № 4.

вещества. Исходя из этого, можно сделать вывод об уголовной противоправности оборота предметов, ограниченных в нем.

Более того в Законе РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» говорится о том, что «Купля-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность»<sup>1</sup>. Данная норма права является бланкетной и отсылает нас к уголовному законодательству. По своей сути она подразумевает преступность как отдельно взятой сделки купли-продажи данных объектов, так и организацию такой торговли в широких масштабах.

Однако Уголовный кодекс не содержит статьи, предусматривающей ответственность за оборот органов и тканей человека, совершение с ними сделок, незаконное их хранение или пересылку. Данные случаи в настоящее время представляются возможным квалифицироваться лишь по вышеуказанным статьям.

При этом данную проблему необходимо рассматривать непосредственно через вопрос о правовом статусе органов и тканей человека, как объектов, ограниченных в гражданском обороте. Ведь, как говорилось ранее, совершение сделок, прямо не предусмотренных законом, со сходными в правовом статусе объектами выделяется законодателем в отдельные, самостоятельные составы преступлений, полностью отражающие суть противоправного деяния.

Можно говорить о необходимости придания органам и тканям человека конкретного правового режима в рамках гражданского законодательства и придания им определенного статуса в гражданском законодательстве. Проанализировав мнения различных ученых и практическую составляющую данного вопроса рационально говорить об органах, тканях и крови человека, как об объектах, неразрывно связанных с честью, достоинством и здоровьем личности, строго ограниченных в гражданском обороте, изъятие которых допускается в исключительных случаях в определенном законодательством порядке.

Помимо этого, в целях комплексного решения указанной проблемы предлагается внесение в УК РФ статьи, предусматривающей ответственность за заключение сделок в отношении органов и тканей человека, незаконное их приобретение, сбыт и трансплантацию.

**Бессонов А. М.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Проблемные аспекты правового регулирования оборота земельных участков, занятых гражданскими захоронениями**

**Аннотация.** В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с нормативно-правовым регулированием оборота земельных участков, заня-

---

<sup>1</sup> Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (в ред. от 16.10.2006) // Ведомости РФ. 1993. № 2.

тых гражданскими захоронениями и являющихся в смысле Земельного кодекса Российской Федерации публичным доменом.

**Ключевые слова:** захоронение, Российская Федерация, земельный участок, участок под захоронение, публичный домен, нормативное регулирование.

В силу положений пп. 9. п. 4 статьи 27 Земельного кодекса Российской Федерации, земельные участки, занятые находящимися в федеральной собственности гражданскими и военными захоронениями (далее — участок под захоронение), являются вещами, изъятыми из оборота<sup>1</sup>. Исходя из смысла указанного положения, должно явствовать, что участки под захоронение не должны интересовать юристов в аспекте применения к ним гражданско-правовых норм, поскольку последнее является «правом оборота» и не может регулировать публичный домен. Однако действия, совершаемые субъектами «похоронных правоотношений» на практике, причем как в юрисдикции Российской Федерации, так и в юрисдикции иностранных государств, могут свидетельствовать об обратном, а также выявлять недоработки законодателя в рассматриваемом вопросе. Именно этим и обусловлена актуальность исследуемого вопроса.

Начать следует с любопытного момента, касающегося терминологии. Специальные нормы, регулирующие отношения по погребению умерших, содержатся в Федеральном законе от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (далее — Закон о погребении)<sup>2</sup>. Указанный закон не содержит понятия «земли захоронений», предусмотренного ЗК РФ, а вводит собственную дефиницию в ч. 1 статьи 4 — «места погребения». Можно предположить, что вследствие ошибки законодателя и несовершенства юридической техники, понятия «земли захоронений» и «места погребения» являются тождественными, однако данный подход не является верным. Представляется, что понятие «земли захоронений» более широкое, нежели «места погребения», поскольку включает в себя также мемориальные или историко-культурные объекты, не предназначенные для погребения или хранения праха умерших, но непосредственно связанные с захоронениями. Тем не менее использование разнообразной терминологии в нормах специального законодательства порождает определенные сомнения в том, что именно следует относить к участкам под захоронение.

Перейдем к рассмотрению проблем предоставления прав на конкретный участок под захоронение.

Так, статьей 7 Закона о погребении предусмотрена гарантия бесплатного предоставления каждому человеку участка земли для погребения тела (останков) или праха, причем с учетом его волеизъявления. Однако законодателем не определен

---

<sup>1</sup> Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» (ред. от 13.06.2023) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 146.

характер возникающих у лица с момента его волеизъявления прав на указанный участок под захоронение. Более того, любопытным является вопрос выдачи лицу, ответственному за захоронение, которого при этом часто именуют владельцем участка под захоронение, свидетельства или паспорта о факте регистрации могилы. Резюмируя данные тезисы, вывод становится явным: вещных прав на участок под захоронение в реалиях действующего российского законодательства возникнуть не может.

На практике же предоставление лицу, ответственному за захоронение, паспорта или свидетельства о факте регистрации могилы фактически означает предоставление ему ограниченно-вещного права на участок под захоронение. Ответственный за захоронение несет бремя содержания участка под захоронение, а также осуществляет полномочия владения и пользования, поскольку именно он наделяется правом решать вопрос о дальнейших погребениях на указанном участке. Более того, в некоторых субъектах Российской Федерации такие «похоронные правоотношения» получили нормативное регулирование. Так, например, постановление Правительства Москвы от 08.04.2008 № 260 ПП закрепляет все вышеуказанные права и обязанности ответственного за захоронение<sup>1</sup>. Таким образом, фактический характер проявляемых «похоронных правоотношений» и наличие нормативного регулирования в отдельных субъектах обличают существующий пробел в законодательстве. Исходя из предложенной выше диспозиции следует, что любой ответственный за захоронение, является лицом, посягающим на публичный домен, в связи с чем публично-правовое образование имеет возможность защиты своего права с помощью властных полномочий, чего, однако, не происходит в связи со сложившимся обычаем, регулирующим данные правоотношения.

Интерес также вызывает тот факт, что возможна так называемая покупка участка под захоронение, с целью размещения на нем семейного (родового) захоронения. На первый взгляд кажется, будто земли, предназначенные для размещения кладбищ и изъятые из оборота, в обход действующего законодательства можно приобрести в частную собственность. С другой стороны, создается видимость, что такие правоотношения могут быть оформлены как аренда земельного участка, поскольку чаще всего в этом случае используется механизм договора о размещении семейного (родового) захоронения. Однако истина вскрывается, если проанализировать какой-либо из таких договоров, например, договор о предоставлении участка земли для создания семейных (родовых) захоронений, используемый в г. Ставрополь<sup>2</sup>. Исходя из положений п. 1.2 указанного договора, явствует, что его предметом является услуга по резервированию места семейного (родового) захоронения. То

<sup>1</sup> Постановление Правительства Москвы от 08.04.2008 № 260-ПП «О состоянии и мерах по улучшению похоронного обслуживания в городе Москве» (ред. от 22.11.2022) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. № 24. 23.04.2008.

<sup>2</sup> Форма 7. Образец договора о предоставлении участка земли для создания семейных (родовых) захоронений. URL: [https://ставрополь.рф/files/kgb/2020\\_06\\_23/форма%207%20приложения.docx](https://ставрополь.рф/files/kgb/2020_06_23/форма%207%20приложения.docx) (дата обращения: 24.09.2023).

есть с точки зрения теоретического аспекта вещных прав на конкретный участок под захоронение опять же не возникает, а заключение указанного договора можно рассценивать, как волеизъявление конкретного лица относительно места его погребения (в смысле статьи 7 Закона о погребении) или же ответственного за захоронение. Однако даже в указанном случае неясными остаются права лиц, непосредственно осуществивших захоронение, осуществляющих полномочия владельца и пользователя, а также несущих бремя содержания. По существу, данные отношения все также оформляются ограничено-вещным правом, как и в случае, описанном выше.

Отдельного внимания заслуживает проблема оформления конкретных участков под захоронение, поскольку непосредственной регистрации подлежат только в целом земельный участок, назначение которого «под размещение кладбища». В связи с этим образуются споры, связанные с определением границ участков под захоронение, которые к тому же разрешаются путем вещно-правовых способов защиты нарушенного права (например, с помощью негаторного иска в деле № 33–4081/2017<sup>1</sup>). Конечно, в отечественных субъектах ведутся реестры мест погребения, с целью оповещения населения от возможности «приобретения» такого участка<sup>2</sup>, но должной юридической силы они не имеют, поскольку отсутствует единообразие судебной практики, касающейся разрешения споров относительно границ участков под захоронение. Более того, глубже раскрывает рассматриваемый тезис то, что регистрации в ЕГРН не подлежат даже склепы, которые явно представляют собой объект недвижимого имущества (в смысле статья 130 Гражданского кодекса Российской Федерации<sup>3</sup>), что в контексте вышеизложенного обличает очередной пробел в нормативном регулировании «похоронных правоотношений».

Итак, законодательство, касающееся «похоронных правоотношений», а в частности оборота участков под захоронения, требует реформирования. Выявленные в ходе исследования проблемы не только ставят вопрос о неопределенности применимых правовых средств (обычая на практике и норм федерального законодательства в теории), но и заставляют задуматься о природе прав, возникающих у различных лиц на участок под захоронение. На мой взгляд, наиболее рациональным является применение к данным «похоронным правоотношениям» правил об аренде земельного участка, по аналогии с нормами принятых в Германии законов о похоронах *Bestattungsgesetz*, где срок аренды участка под захоронение составляет от 15 до 30 лет, после чего надгробие подлежит демонтажу, а останки эксгумации и повторному погребению на другом участке кладбища. После указанной процедуры участок под захоронение — ис-

<sup>1</sup> Дело № 33–4081/2017. URL: <https://судебныерешения.рф/31183378> (дата обращения: 24.09.2023).

<sup>2</sup> Реестр участков семейных (родовых) захоронений. Поиск, покупка и оформление мест на кладбищах. Портал госуслуг Москвы. URL: <https://www.mos.ru/ritual/> (дата обращения: 24.09.2023).

<sup>3</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СЗ РФ. 1994. № 32 ст. 3301.

пользуется повторно. Однако применение такого механизма требует внесения дополнительных записей в ЕГРН, с целью регистрации каждого конкретного участка под захоронение.

**Боброва А. Д.**

Пермский государственный национальный исследовательский университет  
Студент

### **Коллизии в применении норм Гражданского кодекса Российской Федерации и норм Закона о контрактной системе**

**Аннотация.** Статья затрагивает проблемы правовой регламентации правоотношений, возникающих при заключении, исполнении и расторжении государственного контракта, и отражает возможные способы преодоления коллизий в регулировании данного вопроса.

**Ключевые слова:** коллизия, контрактная система, закупки для государственных и муниципальных нужд, специальный закон, контракт.

Контрактная система государственных закупок в России представляет собой один из субинститутов гражданского права, к которому на сегодняшний день обращен пристальный контроль, как практиков, так и теоретиков. Одной из значимых проблем является закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации отличного от Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе) порядка заключения, исполнения и расторжения государственного контракта.

Содержательная коллизия, по мнению Е. А. Суханова и Н. В. Козловой, должна разрешаться в пользу применения ГК РФ, поскольку он является стержневым актом и при коллизии ГК РФ и других федеральных законов необходимо руководствоваться требованиями ГК РФ<sup>1</sup>.

Однако существует точка зрения, альтернативная приведенной выше позиции, высказанная Д. А. Чваненко и А. Я. Курбатовым. По их мнению, подобные коллизии между ГК РФ и Законом о контрактной системе решаются в пользу последнего по принципу «специальный закон отменяет общий закон»<sup>2</sup>. Верховный Суд Российской Федерации позицию поддержал и установил, что при разрешении споров, возникающих в рамках государственных (муници-

---

<sup>1</sup> Гражданское право : в 4 т. Т. 1 : Общая часть : учебник для вузов / под общ. ред. Е. А. Суханова. М. : Волтерс Клувер, 2006. С. 62–63.

<sup>2</sup> Чваненко Д. А. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового договора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 65.



пальных) контрактов, суды руководствуются нормами Закона о контрактной системе, которые толкуются совместно с положениями ГК РФ. В случае отсутствия специальных норм суды применяют непосредственно нормы ГК РФ<sup>1</sup>. В. Е. Белов подчеркнул, что важно учитывать факт того, что специальное законодательство будет развиваться быстрее общего законодательства. Следовательно, целью ГК РФ должно быть не ограничение этого процесса, а, наоборот, создание условий для его развития<sup>2</sup>. С названным утверждением невозможно не согласиться, ведь Закон о контрактной системе подлежит постоянному реформированию, в отличие от ГК РФ, которым в части регулирования государственных контрактов последние изменения внесены Федеральным законом от 02.02.2006 № 19-ФЗ.

Проведенный анализ точек зрения позволяет отметить, что ученые не имеют единого подхода к решению рассматриваемой дискуссии, при имеющихся условиях обратимся к судебной практике.

Арбитражный суд Волго-Вятского округа в кассационной инстанции отменил судебные акты первой и апелляционной инстанций по делу об одностороннем отказе заказчика от исполнения государственного контракта. Предмет контракта составляли работы по корректировке проектной документации для строительства автомобильной дороги. Заказчик в результате работы исполнителя получил проектную документацию, в которой были допущены ошибки. Это обстоятельство послужило основанием для получения отрицательного заключения государственной экспертизы. Вместе с тем исполнитель внес изменения в проектную документацию с учетом замечаний в течение десятидневного срока, что соответствует пп. 13, 14 ст. 95 Закона о контрактной системе. В соответствии с названными нормами, если после надлежащего уведомления в течение 10 дней подрядчиком нарушение устранено, то решение об одностороннем отказе подлежит отмене. Подрядчиком нарушение в установленный срок устранено. При этом заказчик принял решение об одностороннем отказе от исполнения контракта. Подрядчик, не согласившись с таким решением, обратился в суд. Суды двух инстанций посчитали такой отказ соответствующим требованиям ГК РФ, однако в кассационном порядке суд решения отменил, указав что порядок заключения и исполнения государственного контракта регулируется специальными положениями Закона о контрактной системе, которые имеют приоритет над общими нормами ГК РФ. Соответственно, в данном случае необходимо руководствоваться нормами специального законода-

<sup>1</sup> Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: утвержден Президиумом ВС РФ 28.06.2017.

<sup>2</sup> Белов В. Е. Об изменениях гражданского законодательства в условиях формирования контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10. С. 2265–2270.

тельства. Суды, принимая решения, в аналогичных ситуациях отдают нормам Закона о контрактной системе<sup>1</sup>.

В спорах, связанных с требованием о выплате неустойки за нарушение сроков исполнения обязательств по государственному контракту, суды устанавливают, что Закон о контрактной системе имеет приоритет перед общими нормами ГК РФ. Правоотношения между сторонами регулируются специальным законодательством, включающим положения об ответственности сторон государственного контракта. В случае отсутствия специальных норм, применяются нормы ГК РФ<sup>2</sup>.

При проведении анализа практики судов неоспоримо можно выделить общий принцип, которым руководствуются суды — приоритет специального закона перед общим законом. В этом контексте важно отметить, что в случаях, при которых нормы Закона о контрактной системе напрямую не регулируют правоотношения, правоприменитель руководствуется общими положениями гражданского законодательства.

Наиболее удачной сегодня видится позиция Валерия Евгеньевича Белова, который справедливо отмечает, что специальное законодательство опережает развитие общего законодательства, общий закон не должен тормозить такое развитие.

В совокупности с изложенными выше тезисами представляется возможным дополнить абз. 2 ч. 3 ст. 715 ГК РФ следующим содержанием:

«Положение части 3 настоящей статьи, касающееся подрядных работ для государственных или муниципальных нужд, применяется с учетом положений, предусмотренных законодательством о размещении заказов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

**Бухидель М. Р., Исаканова М. М.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

### **Искусственный интеллект: доктринальные подходы**

**Аннотация.** В статье рассмотрены два основных подхода к пониманию правовой природы искусственного интеллекта, приведены аргументы-тезисы в их

---

<sup>1</sup> Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 28.12.2020 по делу № а43–42193/2019 ; постановление Арбитражного суда Волго-вятского округа от 18.12.2020 по делу № а43–378/20202019 ; определение Верховного Суда РФ от 21.05.2021 № 304-эс21–3268 // URL: consultant.ru (дата обращения: 25.09.2023).

<sup>2</sup> Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.07.2016 № Ф06–10222/2016 по делу № А49–9838/2015 ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.03.2022 № Ф09–247/22 по делу № А76–11173/2021 ; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.06.2022 № Ф04–1565/2022 по делу № А81–5180/2021 // URL: consultant.ru (дата обращения: 25.09.2023).

подтверждение, выдвинуты предложения, которые могут способствовать закреплению единообразному пониманию сущности искусственного интеллекта.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, правоспособность, правосубъектность.

В условиях цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека одной из актуальных проблем исследования является проблема искусственного интеллекта (далее — ИИ). Говоря о национальном уровне, ИИ относится к приоритетным вопросам государства, что подтверждает, например, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденная в рамках Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В связи с этим в цивилистической доктрине указанная выше проблема активно исследуется.

Легальное определение ИИ закреплено в нескольких нормативных правовых актах. Так, согласно пп. «а» п. 5 Указа Президента РФ № 490, искусственный интеллект — «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». Подобное определение также дается, например, в п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных».

Л. Ю. Василевская отмечает, что «данное определение, с одной стороны, далеко от совершенства юридической техники, а с другой — не имеет отношения к нормативному регулированию, связанному с искусственным интеллектом»<sup>1</sup>. Наличие в цивилистике нескольких подходов в понимании сущности искусственного интеллекта не могло не отразиться и на позиции законодателя в этом вопросе. В рамках данной статьи рассмотрим основные доктринальные подходы в отношении природы искусственного интеллекта — является ли ИИ субъектом или объектом гражданского права?

Классическая доктрина, отвечая на поставленный вопрос, говорит о том, что на данном этапе развития технологий и естественно-научного знания, ИИ является объектом: «утверждать о возможности правосубъектности искусственного интеллекта означает не что иное, как допущение схоластики»<sup>2</sup>. Аргументируя данную позицию, можно выделить следующие тезисы:

<sup>1</sup> Василевская Л. Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С.

28. <sup>2</sup> Там же. С. 28.

1) Рассуждения некоторых авторов о правосубъектности искусственного интеллекта по аналогии с общепринятыми субъектами гражданского права — это «интерпретация, искажающая суть основных положений науки гражданского права»<sup>1</sup>. О неоднозначности данного тезиса будет сказано позже;

2) На современном этапе развития информационных технологий ИИ — это сложное программирование, созданное человеком для решения конкретных поставленных задач<sup>2</sup>;

3) Имитация ИИ когнитивных функций человека не означает, что искусственный интеллект по своему назначению и оценке «своих» результатов приближен к возможностям естественного интеллекта человека. Действительно, несмотря на то что искусственный интеллект и искусственно-нейронные сети (ИНС) обладают заявленными в различных публикациях уникальными возможностями, такими как самообучение и способность находить решения без заранее заданного алгоритма<sup>3</sup>, следует признать, что они не представляют собой полные аналоги человеческого интеллекта. Современная нейронаука, включая нейрофизиологию и нейробиологию, до сих пор не обладает ясными и исчерпывающими представлениями о механизмах функционирования человеческого мозга и его интеллектуальных возможностях.

Таким образом, искусственный интеллект с точки зрения классического правопонимания — это результат сложного программирования, его создание невозможно без целого комплекса охраняемых законом различных результатов интеллектуальной деятельности: алгоритмов (ноу-хау) (п. 1 ст. 1465 ГК РФ), изобретений как новых технических решений (п. 1 ст. 1350 ГК РФ), баз данных (п. 1 ст. 1240 и п. 1 ст. 1260 ГК РФ) и др. Следовательно, с этой точки зрения можно говорить о объекте гражданских прав, в котором основным системообразующим элементом, безусловно, выступают компьютерные программы. Каждый из перечисленных элементов охраняется авторским правом (программы для ЭВМ) или патентным правом (изобретения). Относительно алгоритмов (ноу-хау), то законодатель предусматривает для них «особый режим, отличный от правового режима иных объектов исключительных прав, входящих в структуру искусственного интеллекта»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См., например: Регулирование взаимодействия человека с автономными техническими средствами: дискуссия о правовых режимах / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, В. А. Лебедев, С. С. Зенин // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 9 (154). С. 85–95.

<sup>2</sup> См., например: URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/17398623> (дата обращения: 22.09.2023).

<sup>3</sup> См., например: Карпов, А. П. Искусственный интеллект: самообучение через наблюдение // *Современные научные исследования и разработки*. 2016. № 6 (6). С. 280–281.

<sup>4</sup> Василевская Л. Ю. Цифровизация гражданского оборота: правовая характеристика «искусственного интеллекта» и «цифровых» субъектов (цивилистическое исследование) : в 5 т. / Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова, Ф. А. Тасалов ; отв. ред. Л. Ю. Василевская; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Т. 3. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2021. С. 77–78, 92–93.

Обращаясь к иному подходу в понимании сущности искусственного интеллекта, согласно которому ИИ — это субъект гражданский правоотношений, то в основном аргументация в пользу данной точки зрения сводится, как было сказано выше, к «рассуждениям по аналогии с общепринятым субъектами гражданского права», однако если эти «рассуждения» выстроены логично и не противоречат общепризнанным нормам, то невозможно говорить об искажении цивилистической науки в целом — здесь следует говорить лишь о несогласии с устоявшимися положениями гражданского права. Рассмотрим основные тезисы данного подхода:

1) Правоспособностью, т. е. «индивидуальными потребностями субъекта, определяющие основные компоненты социально-психологической регуляции его поведения: интерес, цели, мотивы, волю, социально-правовые установки»<sup>1</sup>, может быть наделен и ИИ, учитывая, что его волеизъявление проявляется в соответствии с заданными программными алгоритмами. Однако «для права важно проявление воли вовне, а не внутренние психологические процессы»<sup>2</sup>, и в таком случае ИИ способен на волеизъявление, которое повлечет определенные юридические последствия;

2) У искусственного интеллекта, в отличие от субъектов права в классическом понимании, отсутствует осознанность. Но, с другой стороны, это сближает его с субъектами-носителями неполной или ограниченной дееспособности. Кроме того, уже сейчас умные роботы могут в разной степени «осознавать» и оценивать свои действия, а нейронные сети наделены отдельными свойствами самосознания. Таким образом, правовой статус ИИ будет зависеть от понимания специфики его самосознания;

3) ИИ «не может и не должен обладать антропоморфизмом»<sup>3</sup> в полном понимании данного определения, «поскольку продуктам цифровых технологий не свойственны определенные, присущие исключительно человеку характеристики»<sup>4</sup>;

4) Не существует общей классификации видов искусственного интеллекта, одна если рассматривать наиболее общую из них, то можно выделить следующие виды ИИ<sup>5</sup>:

— реактивные машины — системы ИИ, не имеющие памяти и решающие только определенные задачи;

<sup>1</sup> Структура и состояние гражданского правоотношения : монография / Чеговадзе Л. А. М. : Статут, 2004. С. 115.

<sup>2</sup> Рыженков А. Я. Действие своей волей и в своем интересе как принцип гражданского законодательства // Юрист. 2014. № 16. С. 17, 13.

<sup>3</sup> Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 138.

<sup>4</sup> Там же. С. 138.

<sup>5</sup> Технологии искусственного интеллекта и машинного обучения. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-i-mashinnogo-obucheniya/> (дата обращения: 22.09.2023).

- ограниченная память — системы с памятью, основанной на прошлом опыте;
- теория разума — системы, понимающие человеческие эмоции и намерения, обладающие социальным интеллектом и участвующие в командной работе;
- самосознание — у систем искусственного интеллекта этого типа формируется представление о себе, благодаря чему они полностью имитируют интеллект человека.

И если первые два типа с большой долей уверенности можно отнести к категории объектов права, то более совершенные виды ИИ могут быть дифференцированно отнесены к субъектам права.

Таким образом, «неклассический» поход и определение искусственного интеллекта как субъекта гражданских правоотношений имеет право на существование и требует дальнейших исследований.

По нашему мнению, на сегодняшний день можно с уверенностью говорить лишь о том, что отечественная доктрина не выработала универсального подхода к пониманию природы ИИ. Следует ли наделять таких участников гражданских отношений статусом объекта или субъекта права — необходимо признать всё еще открытым вопросом. В будущем, с развитием технологий и появлением новых прецедентов, возможно, будет разработан более четкий правовой статус для ИИ, что можно сделать, например, путем последующей классификации форм искусственного интеллекта по правосубъектности, по компетенциям, которые сертифицированы посредством государственной регистрации.

**Гаврилова К. Д.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Статья 128 ГК РФ: быть или не быть?**

**Аннотация.** Понятие объекта гражданских прав до сих пор вызывает серьезные дискуссии в научном сообществе, в силу чего перечень закрепленных в ст. 128 ГК РФ объектов подвергается критике и противоречит правилам формальной логики. Целью статьи является анализ данных проблем с предложением возможных путей их разрешения.

**Ключевые слова:** объекты права, объекты гражданских прав, субъективные частные права.

Каждый ученый и практикующий юрист неизбежно обращается к статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой закрепляется перечень объектов гражданских прав.

Данная норма закрепляет нормативный перечень объектов. В частности, это: 1) вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права));

2) результаты работ и оказание услуг; 3) охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); 4) нематериальные блага<sup>1</sup>.

По мнению автора, главным минусом, приводящим к остальным логическим ошибкам данной статьи, является отсутствие единообразного понятия «объект гражданских прав» в доктрине. Как следствие, неразработанность данного аспекта в теории, приводит к существенным проблемам в тексте Кодекса что, в свою очередь, предопределяет вопрос о необходимости существования статьи 128 ГК РФ, потому как закон должен быть написан ясно и недвусмысленно<sup>2</sup>.

Точный ответ на вопрос о том, что подразумевается под объектом гражданских прав<sup>3</sup> вызывает серьезные дискуссии в научном сообществе<sup>4</sup>.

Так, обнаруживаются несколько основных направлений мысли: 1) любое благо, по поводу которого могут складываться отношения, регулируемые гражданским правом<sup>5</sup>; 2) то, что конкретный субъект считает объектом<sup>6</sup>; 3) поведение обязанных лиц<sup>7</sup>.

Помимо изложенных единичных концепций, выделяют две основные теории (группы теорий) — монистические (О. С. Иоффе)<sup>8</sup> и плюралистические (Г. Ф. Пухта, С. С. Алексеев)<sup>9</sup>, подразделяющиеся внутри себя еще на множество теорий. Например, по мнению Д. Д. Гримма, к категории объектов относятся лишь «лица и предметы внешнего мира»<sup>10</sup>; Д. И. Мейер утверждает, что это лишь «вещи и лица»<sup>11</sup>.

Приведенный обзор демонстрирует отсутствие даже абстрактного понимания понятия объект гражданского права, что влечет за собой наличие грубых ошибок данной нормы, не подчиняющихся правилам формальной логики.

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Многие ученые считают, что ст. 128 ГК РФ выступает в роли учебника, что является прерогативой теории права, но никак не закона. См., например: Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. С. 585 ; Бевзенко Р. С. Объекты гражданских правоотношений. М., 2010. С. 28.

<sup>3</sup> Автор статьи сознательно игнорирует дискуссию о соотношении понятий «объект права» и «объект правоотношения», презюмируя, что данные понятия синонимичны.

<sup>4</sup> См. подробнее: Гримм Д. Д. К учению об объектах прав // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. Т. 1. М., 2002. С. 192 ; Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 210–225.

<sup>6</sup> Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 338.

<sup>7</sup> Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права. Изд-во Р. Асланова «Юридический центр-Пресс», 2006.

<sup>8</sup> Иоффе О. С. Советское гражданское право // Избранные труды. Т. 2. СПб., 2004. С. 588.

<sup>9</sup> Пухта Г. Ф. Курс римского гражданского права. Т. 1. М., 1874. С. 125–126 ; Алексеев С. С. Теория права. М., 1993. С. 57.

<sup>10</sup> Гримм Д. Д. Там же.

<sup>11</sup> Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч.: по испр. и доп. 8-му изд., 1902 г. Ч. 1. М., 1997. С. 139.

Следует начать с категории «иное имущество». Семантика данного понятия в гражданском праве достаточно многовариантна: одни авторы считают, что допустимо его максимально широкое толкование и отнесение всех иных существей, не подпадающих под перечисленный перечень объектов<sup>1</sup>, другие же — ограниченно используют данную категорию<sup>2</sup>. Непонятна, в таком случае, логика законодателя в установлении закрытого перечня объектов, если под некоторые виды (в нашем случае, иное имущество) можно подводить «все, что душе угодно»<sup>3</sup>.

Следующая категория — результаты работ и оказание услуг. В рамках настоящего исследования нет объективной необходимости воспроизводить многочисленные точки зрения, посвященные разграничению работ и услуг. В целях создания определенности автор лишь отметит, что результат работ, как правило, должен быть материализован, а суть услуги состоит в выполняемых действиях, неотделимых от исполнителя<sup>4</sup>. Следовательно, результатом работы будет овеществленный результат деятельности подрядчика, т.е. вещь. Невозможно представить работы как самостоятельный объект в подрядных отношениях. В таком случае, опять же, нарушается логика законодателя. По мнению Р. С. Бевзенко, речь идет лишь о действиях по оказанию услуг, как объекта прав<sup>5</sup>. Однако ученый тут же оговаривается, что существуют и иные действия. В таком случае, перечисление всех действий будет бесконечным и приведет к абсолютной бессмыслице.

Таким образом, анализ лишь некоторых (наиболее острых) аспектов доказывает отсутствие системности в нормативном перечислении объектов гражданских прав и выступает скорее неудачной попыткой, чем обоснованной интенцией законодателя<sup>6</sup>.

Решение изложенных проблем видится в следующем: необходимо закрепить перечень объектов по аналогии с видами субъективных частных прав<sup>7</sup>, т.е. вещные, обязательственные, корпоративные, исключительные, личные неимущественные

<sup>1</sup> Мефодьева К. А., С. С. Щербак. Признание имущественного права на данные в коммерческом обороте: отечественный и зарубежный опыт // СПС «КонсультантПлюс»; Микрюков В. А. Интенсификация применения аналогии права в практике преодоления гражданско-правовой неопределенности // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Белов В. А. Гражданское право: Общая и Особенная части. С. 127.

<sup>3</sup> Бевзенко Р. С. считает, что установление закрытого перечня объектов нерационально, поскольку в обороте постоянно появляются новые объекты; открытый же перечень не несет никакого смысла, поскольку его ценность как ориентира будет невысока. Подробнее: Бевзенко Р. С. Объекты гражданских правоотношений. М., 2010. С. 29.

<sup>4</sup> Высший Арбитражный суд в свое время высказал аналогичную позицию. Постановление Президиума ВАС РФ от 27.04.2010 № 18140/09 по делу № А56–59822/200 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Бевзенко Р. С. Там же.

<sup>6</sup> Примечательно, что аналогичных норм в ведущих зарубежных правовых системах (Германия, Франция, Голландия) нет.

<sup>7</sup> Аналогичную классификацию предлагал Эннецерус Л. Курс германского гражданского права. М., 1950. Т. 1. С. 258.



права. В таком случае, вещным правам будут соответствовать вещи и иное имущество; обязательственным — действия обязанных лиц; корпоративным — членство в корпорации и вытекающие из него права; исключительным — охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); личным неимущественным — нематериальные блага.

Подводя итог настоящего исследования, следует отметить, что автором были проанализированы лишь некоторые (наиболее острые) проблемы статьи 128 ГК РФ. Думается, что следует пересмотреть изложенную законодателем классификацию, поскольку ее существование влечет за собой множество системных и логических ошибок.

**Горина В. К.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Проблема разграничения результатов работ и оказание услуг**

**Аннотация.** Работы и услуги являются объектами гражданских прав, договорных обязательственных правоотношений, имеют товарную стоимость. Однако в теории и практике разграничение результатов работ и оказания услуг вызывает ряд трудностей из-за отсутствия четкого указания в законодательстве на их отличия.

**Ключевые слова:** гражданское право, объекты гражданских прав, результаты работ, оказание услуг, договор возмездного оказания услуг, договор подряда.

В гражданском праве существует множество неоднозначных вопросов, и соотношение результатов работ и оказания услуг как объектов гражданского права не исключение.

Гражданское правоотношение, как и любое другое правоотношение, имеет свою структуру: субъект, объект и содержание. Объектами называют то, на что направлена деятельность субъектов, или то материальное благо, на пользование которым и охрану которого направлены субъективные права и юридические обязанности.

В статье 128 ГК РФ содержится перечень объектов гражданских прав. (Мы придерживаемся мнения, что объект гражданских правоотношений и объект гражданских прав не имеют между собой различий, т. к. субъективное гражданское право — элемент гражданского правоотношения. Следовательно, данные понятия будут использоваться в статье как синонимичные). Результаты работ и оказания услуг указываются в качестве объектов гражданских правоотношений.

В Гражданском кодексе нет определения результатов работ и оказания услуг. Однако есть п. 1 ст. 703, раскрывающий сущность работ как предмет договора

подряда — изготовление или переработка (обработку) вещи либо выполнение другой работы с передачей ее результата заказчику<sup>1</sup>. Касательно оказания услуг в Гражданском кодексе в главе, посвященной регулированию договоров возмездного оказания услуг, сказано, следующее: «По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги»<sup>2</sup>. Следовательно, полной картины отличия работы и услуги, исходя из статей Гражданского кодекса, не складывается.

В Налоговом кодексе содержится определение работ и услуг как объектов налогообложения<sup>3</sup>. В статье 38 под работой понимается деятельность, приносящая выраженные материально результаты, которые могут использоваться для удовлетворения потребностей юридических лиц и физических лиц. В этой же статье дается определение услуги. Услуга — это деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности.

Между объектами есть общее: оба являются деятельностью, которая приводит к определенным результатам. И главная проблема в дифференциации работ и услуг кроется как раз в результате.

Как отличается результат работ и результат услуги? Исходя из определений, указанных в Налоговом кодексе, основное отличие в том, что результат работ имеет материальное выражение, а результат услуг — нет. Еще одним отличием выступает время реализации и потребления результатов. У услуг — это время совпадает. Для работ одномоментность не является обязательным условием.

На первый взгляд, отличия очевидны. Однако на практике часто случаются сложности с разграничением работ и услуг. Для внесения ясности стоит обратиться к доктрине.

Результат работы — это сущность самой работы<sup>4</sup>. По общему правилу если нет результата работы, то объем затраченного подрядчиком труда не имеет значения, и оплата не производится. Результат работы — это вещь. Однако не только созданная новая вещь, но также и обработанная или переработанная существующая вещь. Сюда же можно добавить и любое материальное изменение внешнего мира (материальное, т. е. овеществленное). Занимательно, что в ст. 128 ГК РФ уже

---

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023). URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_5142/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_28165/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>4</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023). URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_5142/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/) (дата обращения: 20.09.2023).

указана вещь, как объект гражданских прав. Думается, что законодатель поместил в перечень «результаты работ» для того, чтобы отграничить их от оказания услуг.

Оказание услуги — это действие, совершаемое на возмездной основе субъектом обязательственного правоотношения в пользу другого по основаниям и на условиях, определенных законодательством РФ с целью удовлетворения потребностей.

А. П. Сергеев считает, что основным признаком, который позволяет разграничить результат работ и оказание услуг, является выраженность этого результата в овеществленной форме, т. е. материализован в созданных, отремонтированных, переработанных и т. п. вещах. Подтверждение точки зрения А. П. Сергеева содержится в Гражданском кодексе. Стоит добавить, что этот результат должен обладать способностью отделения от самих действий лица, выполняющего работу, быть осязаемым и способным к передаче лицу, для которого выполнялась работа. Под услугами А. П. Сергеев понимает определенные договором действия субъектов гражданского правоотношения, которые имеют два варианта развития. Первый — не завершаются каким-либо конкретным результатом, а заключают полезный эффект в самих себе, и второй — имеют результат, который не воплощается в овеществленной форме<sup>1</sup>.

С. П. Гришаев продолжает точку зрения, предложенную А. П. Сергеевым. Он добавляет, что вернее говорить не о результате, а об эффекте оказанной услуги. Но стоит отметить, что такой эффект может и отсутствовать<sup>2</sup>. При оказании услуг деятельность исполнителя неотделима от результата этой деятельности.

Иная точка зрения высказывается Б. А. Борисовым, который понимает работы как разновидность услуг. В результате таких услуг появляется материальный предмет или материальный результат. К услугам, по его мнению, относится и нематериальная, т. е. не овеществленная сфера, например, медицина, образование, юриспруденция<sup>3</sup>.

Как отмечалось выше, на практике достаточно сложно разграничить работу и услугу. Суды при разрешении споров неверно квалифицируют договоры о возмездном оказании услуг и подряда. В Арбитражном суде Дальневосточного округа 11.07.2016 рассматривалось дело № А24–3262/2015<sup>4</sup>. Между юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем был заключен договор на оказание услуг по дпечатной подготовке информационных материалов о деятельности общества (книги, фотоальбомы).

---

<sup>1</sup> Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 2 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, К. М. Арсланов [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. 880 с.

<sup>2</sup> Гришаев С. П. Работы и услуги как объекты гражданских прав: изменения в законодательстве. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21204989> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>3</sup> Попова О. П. Выполнение работ и оказание услуг как объекты гражданских прав / О. П. Попова, Т. С. Романова // Достижения вузовской науки: от теории к практике : сборник материалов III Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 26–27 января 2018 г. Новосибирск : Центр развития научного сотрудничества, 2018. С. 150–155.

<sup>4</sup> Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 21.03.2016 № 05АП-4/2016 по делу № А24–3262/2015. URL: <https://base.garant.ru/61224912/> (дата обращения: 20.09.2023).

Суд первой инстанции квалифицировал отношения, возникшие между сторонами как договор оказания услуг. Апелляционная инстанция не согласилась с данным выводом, т. к. по договору подряда для заказчика важно достижение подрядчиком определенного вещественного результата. При возмездном оказании услуг заказчика интересует именно деятельность исполнителя, не приводящая непосредственно к созданию вещественного результата. И даже тот факт, что спорном договоре указано положение об оказании услуг, не влияет на квалификацию договора как договора подряда. Данное замечание следует из того, что оказание определенных услуг — это дополнительное условие для достижения конечного результата — изготовления проектов книг и фотоальбомов. Суд также отметил, что для заказчика не имеет значения процесс создания проектов, сколько важен результат работ.

Таким образом, проблема дифференциации результатов работ и оказание услуг существует в теоретическом поле, что выражается в наличии различных точек зрения. На практике сложности возникают с выявлением верной квалификации договоров о возмездном оказании услуг или подряда.

**Григолашвили В. Б.**

Московский финансово-юридический университет (МФЮА)  
Аспирант

### **Исторический обзор развития института наследования по закону в Грузии**

**Аннотация.** В статье анализируется регулирование вопросов наследования по закону в историческом прошлом и их адаптация в современное законодательство нашего ближайшего соседнего государства — Грузии, связанного с Россией многовековыми отношениями в различных сферах. Предлагается заимствование грузинского опыта в нормы наследственного права в Российской Федерации.

**Ключевые слова:** наследственное право, наследование по закону в Грузии, история права, опыт иностранного законодательства

Институт наследственного права Грузии устанавливает правила, по которым распределяется имущество, оставленное умершим лицом между его наследниками. Согласно академику И. А. Джавахишвили (1876–1940) нормы законодательства Грузии, регулирующие принадлежность наследственного имущества и порядок наследования по закону, исторически развивались из адатов — неписаных обычаев, основанных на нравственных нормах народа, формировавшихся с течением времени в добровольно исполняемые обществом нормы обычного права. Вопросы наследственного права регулировались в различных грузинских правовых памятниках уже с VIII в.: завещания царя Давида IV Строителя (1123 г.) и эристава Картли Григола Сурамели (1247–1250 гг.) Шиомгвимскому монастырю, своды законов царей Баграта III Куропалата («Книга права», кон.

IX в.) и Георгия V Блистательного («Судебник», 1325–1346 гг.), Судебник правителей Самцхе-Саатабаго Беки II и Агбуги (XIV–XV вв.), Сборник законов царя Вахтанга VI (1705–1708 гг.)<sup>1</sup>.

Основой наследования в Грузии было кровное родство — издревле наследственное имущество, с целью, чтобы оно оставалось в семье, передавалось внутри одного дома или неразделенной семьи. Термин «наследственное имущество» происходит от наследственного имени — «вотчины» (мамули), которое во многих местах называлось просто «наследством», соответственно потомка мужского пола называли «наследником». Значительно позднее наследниками стали считаться и родственники, покинувшие общую семью.

Согласно грузинским историческим правовым источникам в круг наследников по закону входили прежде всего дети, причем предпочтение, как продолжателями рода (фамилии), отдавалось сыновьям, которые являлись прямыми наследниками своих родителей. Дочери не приравнивались к сыновьям, поскольку считалось, что дочь, уходя из родительского дома, продолжала жизнь другого рода. Замужняя дочь долю в наследстве своих родителей не получала, ее права наследования ограничивались приданым. При этом из «Жития Григола Хандзетели» (951 г.) видно, что дочь могла получить наследство в том случае, если она не выходила замуж и оставалась в родительском доме. Также в случае, когда отсутствовали наследники мужского пола, остававшееся после отца и матери наследуемое имущество переходило к наследнице женского пола и ее потомкам.

Каноны православной церкви предписывали равную долю наследникам независимо от пола, но в Грузии это правило не соблюдалось, закон не распределял наследство поровну, а предписывал «старшую» (саупросо), «среднюю» (сасашуало) и «младшую» (саумцросо) доли в наследстве.

Существование увеличенной «старшей» доли в наследстве объяснялось необходимостью компенсировать старшему наследнику бремя расходов по несению возложенных на него служб культа предков, заботы о семье и т. п. Согласно порядку престолонаследия Законов Беки (ст. 8), порядка наследования вотчин и иного недвижимого имущества Законника Баграта Куропалата эквивалентом «старшей» доли в наследстве был термин «старейшина» (хуцеси).

«Младшая» доля в наследстве — это дополнительная доля младшего брата (умцроси) в наследственном имуществе, встречающаяся в законодательных памятниках с XIV в. (Законы Беки, ст. 49) и являвшаяся институтом обычного права. Согласно Вахтангу сборнику законов за младшим сыном закреплялся дворец (ст. 103), младшему отдавался сарай, амбар (ст. 204).

«Средняя» доля в наследстве — т. е. доля среднего брата (шуатани), относительно позднее правило, введенное Георгием XI. Согласно статье 102 Вахтангова

---

<sup>1</sup> И. Глonti. Основные принципы наследственного права Грузии в далеком прошлом и настоящем // Аудит, бухгалтерия, финансы. № 1 (121). 2010. URL: <http://aaf.ge/index.php?menu=1&jurn=0&rubr=6&mas=346> (дата обращения: 20.09.2023).

сборника законов при наличии нескольких средних братьев, «средняя» доля в наследстве должна быть разделена между ними.

Существовала еще одна специальная доля в наследстве — «сачирнауло», предназначенная в случае каких-либо лишений, несчастий. Ее могли получить как старший, так и средний или младший брат. Были случаи, когда в общем наследстве одновременно выделялись все 4 доли.

Интересно, что наследственное право Грузии признавало дополнительную долю в наследстве больного ребенка, хотя этот вопрос напрямую не регулировался тогдашним грузинским законодательством, но на практике реализовывался на основе греческого законодательства включенного в Вахтангов сборник законов (ст. 295). Усыновленные дети приравнивались к родным детям и им, наравне с родными детьми, передавалось имущество, как по закону, так и по завещанию. Согласно Законам Беки (ст. 59) усыновленный ребенок терял право наследования в случае его исключения или ухода из семьи. Права наследования внебрачных детей были крайне ограничены грузинским законодательством. В Вахтанговом сборнике законов было прямо указано, что «у бастарда нет доли в вотчине», при этом если незаконнорожденный прислуживал своим братьям, то они обязаны были выделить ему некоторую часть наследства<sup>1</sup>.

В историческом праве Грузии, как и в праве других христианских стран, права наследования родителей не было четко выражены. Хотя в вышеуказанных правовых источниках не содержалось каких-либо норм относительно наследственных прав родителей, однако анализ различных иных источников показывает, что родители являлись наследниками своих детей.

Наконец, интересен вопрос наследования выморочного имущества. В грузинском языке для обозначения такого имущества использовались одновременно термины «упатроно» (от (от лат. *patronus* — «покровитель, хозяин») и «бейтальмани» (от ивр./араб. «байти» — «дом, сокровище»). С древнейших времен как в мусульманских, так и в христианских странах такое имущество принадлежало государству. Такое же правило существовало и в Грузии: выморочное имущество переходило в порядке наследования по закону в собственность царю или господину. Согласно Вахтангову сборника законов, если человек умирал без наследника, его вотчина отходила к государю (ст. 113), если купленный господином раб оставался без наследника, его имущество принадлежало господину (ст. 248). Что касалось духовных лиц, то, если священнослужитель не оставлял наследника, то его имуществом переходило во владение церкви<sup>2</sup>.

После присоединения Грузии к Российской империи Правительствующий Сенат, обобщив содержащиеся в вышеуказанных грузинских правовых источниках пра-

---

<sup>1</sup> И. Глonti. Основные принципы наследственного права Грузии в далеком прошлом и настоящем (на груз. языке) // Аудит, бухгалтерия, финансы № 1 (121), 2010. URL: <http://aaf.ge/index.php?menu=1&jurn=0&rubr=6&mas=346> (дата обращения: 24.09.2023).

<sup>2</sup> Там же.

вовые нормы, в 1828 г. издал их в официальном переводе на русский язык в виде сборника «Законы грузинские»<sup>1</sup>. В 1859 г. были полностью отменены все ранее действовавшие в Грузии местные правовые акты и распространено общероссийское законодательство. В 1921–1991 гг. в Грузии, как и других союзных республиках, действовало законодательство, основанное на советском социалистическом праве.

После обретения страной независимости гражданское право Грузии в 1990-х гг. было преобразовано в соответствии с принципами рыночной экономики и романо-германскими цивилистическими традициями<sup>2</sup>. В 1997 г. вступил в действие новый Гражданский кодекс Грузии, в котором наследованию по закону посвящена состоящая из 8 статей (ст. 1336–1343) вторая глава книги шестой<sup>3</sup>. Для сравнения, в России наследованию по закону посвящены 11 статей (ст. 1141–1151) главы 63 раздела 5 части 3 Гражданского кодекса Российской Федерации<sup>4</sup>.

Большинство из рассмотренных выше действовавших в историческом прошлом правовых норм, связанных с наследованием по закону, внедрены в институт наследственного законодательства современной Грузии. При этом расширен круг наследников, введены иные новые отсутствовавшие ранее нормы и способы регулирования.

Становление и развитие института наследственного права в России является непрерывным процессом. Заимствование опыта норм иностранного права может быть полезным для отечественной правовой системы, иметь практическую значимость. Хотя наследственное законодательство Российской Федерации и Грузии имеют общие нормы, основанные еще на законодательстве СССР, однако есть и различия, связанные с тем, что с 1990-х гг. Грузия гармонизирует свое законодательство, в том числе и наследственное в соответствии с западными правовыми нормами<sup>5</sup>. С учетом этого представляется интересной возможность внедрения ряда рассмотренных выше положений наследования по закону в Грузии, в частности,

<sup>1</sup> Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное гражданское право Грузии в правовом регулировании на Кавказе (1800–1850-е гг.) // Юридические исследования. 2013. № 6. С. 197–219. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.6.613. URL: [https://nbpublish.com/library\\_read\\_article.php?id=613](https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=613) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Краткий обзор истории становления семейного законодательства Грузии (Евразийский юридический журнал № 8 (39) 2011) // Евразийский юридический портал. URL: <https://www.eurasialegal.info/index.php/legal-articles/36-2010-12-14-07-45-12/882-2011-09-07-05-11-27.html> (дата обращения: 24.09.2023).

<sup>3</sup> Гражданский кодекс Грузии, книга шестая от 26.06.1997 № 786 (в ред. от 22.02.2023) // Законодательный вестник Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/31702?publication=122> (дата обращения: 21.09.2023).

<sup>4</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации, часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 28.02.2023) // СПС «Гарант». URL: <https://internet.garant.ru/#/document/10164072/paragraph/10032:0> (дата обращения: 21.09.2023).

<sup>5</sup> Гиורי Туманишвили «Введение в частное право Грузии», Государственный университет Ильи, Тбилиси 2012 (на груз. языке). С. 16.

выделения обязательной доли внебрачным детям, дополнительной доли больным детям и др. в нормы действующего российского законодательства.

**Джафарова А. Р., Шершова В. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

### **Юридические услуги: проблемы стандартизации**

**Аннотация.** В статье рассматривается система существующих стандартов качества юридических услуг для населения. К чему может привести отсутствие единых стандартов юридических услуг и какие недостатки могут возникнуть вследствие.

**Ключевые слова:** юридические услуги, качество услуг, стандарты качества, правовая грамотность населения.

Юридические услуги играют важную роль в современном обществе, обеспечивая правовую защиту граждан, организаций и иных субъектов правоотношений. Однако единого стандарта качества в столь значимой сфере нет. Это может привести к негативным последствиям, таким как неполнота или ненадлежащее качество оказываемых услуг, недостаточная защита интересов клиента и т. д.

Отсутствие стандартов в сфере юридических услуг создает определенные трудности для доверителей при выборе квалифицированных юристов или юридических организаций. Слабая сторона договора не всегда может оценить уровень профессионализма и надежности юридических услуг, и, соответственно, рассчитывать на их качество и результативность. Кроме того, отсутствие стандартов в сфере юридических услуг может повлиять на процесс разрешения споров и конфликтов. Несоблюдение единого стандарта может привести к противоречиям и неоднозначности в судебных решениях и, соответственно, затруднить достижение справедливой и эффективной правовой практики. Для улучшения ситуации и предотвращения возможных проблем необходимо разработать единый стандарт качества в сфере юридических услуг. Это позволит установить единые требования к профессиональной подготовке юристов, качеству оказываемых услуг, этике и ответственности в юридической сфере<sup>1</sup>.

Стандартизация юридических услуг приведет к повышению качества предоставляемых услуг, а также к снижению рисков для всех участников правовых отношений. Доверители смогут быть уверены в том, что получают квалифицированные и надежные юридические услуги, а юристы и юридические организации

---

<sup>1</sup> Полякова Н. В. Юридические услуги для населения / Н. В. Полякова, Ю. О. Банарова, В. В. Поляков // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27. № 2. С. 146–153.



смогут демонстрировать свою профессиональную компетентность и добросовестность. Разработка и применение стандартов в сфере юридических услуг может осуществляться с помощью профессиональных организаций и государственных органов. Профессиональные организации могут выполнять роль экспертов, определять необходимые нормативы и рекомендации, а также проводить контроль за их соблюдением. Государственные органы могут вносить регулятивные изменения и нормативные акты для регулирования деятельности в сфере юридических услуг.

Стоит отметить, что стандартизация юридических услуг является неотъемлемой частью их развития и предоставления наилучшего качества услуг. Внедрение единого стандарта качества позволит повысить профессиональную ответственность юристов, улучшить доверие клиентов к юридическим услугам и обеспечить справедливое и эффективное разрешение правовых споров.

Отсутствие стандартизации в юридических услугах является серьезной проблемой, которая может негативно сказываться на качестве оказываемых услуг и на интересах доверителей. В данном контексте возникают несколько основных проблем.

Во-первых, отсутствие стандартизации ведет к разнообразию подходов и методов работы юридических специалистов. В результате слабая сторона по договору сталкиваются с неопределенностью и неуверенностью в выборе и оценке качества услуг. Непредсказуемость и непостоянство сотрудничества с различными юристами могут создать для клиента большие неудобства.

Во-вторых, отсутствие стандартов затрудняет сравнение и оценку услуг от разных юристов и юридических фирм. Это означает, что доверители имеют ограниченные возможности в выборе наиболее подходящего специалиста и оценке его профессиональных навыков и качеств. Кроме того, без стандартов доверители могут столкнуться с различиями в ценообразовании и условиях предоставления услуг. Отсутствие прозрачности и недостаточная информированность доверителя относительно стоимости и условий услуг могут привести к нечестным практикам, а также к неоправданно высоким расходам на услуги<sup>1</sup>.

Еще одной проблемой, связанной с отсутствием стандартизации в юридических услугах, является непрозрачность и неэффективность процесса рассмотрения жалоб и претензий клиентов. Без ясных и объективных критериев, доверители могут столкнуться с трудностями в доказательстве недобросовестности или нарушения правил сотрудничества со стороны юристов или юридических организаций.

Недостатки, которые могут возникнуть при отсутствии стандартов в области юридических услуг, являются серьезной проблемой, которая может негативно сказаться на качестве работы юристов и удовлетворенности клиентов. Вот некоторые из главных недостатков, которые могут возникнуть при отсутствии стандартов:

1. Отсутствие единых критериев оценки квалификации и компетентности юристов. Без стандартов, нет четкого определения требований, которым должны

---

<sup>1</sup> Мельниченко Р. Г. Адвокаты избавились от страха // Адвокатская практика. 2010. № 1. С. 29–32.

соответствовать юристы, что может привести к недостаточному качеству предоставляемых услуг и негативным последствиям для слабой стороны договора.

2. Отсутствие единых критериев ценообразования. Без общих стандартов разные юридические фирмы предлагают различные цены за одинаковые услуги. Это может создать недоверие у клиентов и затруднить процесс выбора юридической услуги.

3. Отсутствие единого подхода к решению юридических вопросов. В отсутствие стандартов могут возникать различия в подходах и методах работы разных юристов и юридических фирм. Это может привести к несогласованным действиям и даже противоречиям в решении юридических проблем доверителей.

4. Риск некачественного обслуживания. Без стандартов, доверители могут сталкиваться с некачественными услугами, так как нет обязательных требований к процессу предоставления услуг и отсутствует контроль со стороны стандартов<sup>1</sup>.

5. Отсутствие возможности сравнения и выбора. Без стандартов, слабая сторона договора теряет возможность сравнивать юридические услуги разных фирм на основе объективных критериев. Это может приводить к ограниченному выбору и понижению конкуренции, что негативно сказывается на качестве услуг.

6. Отсутствие защиты интересов клиентов. В отсутствие стандартов, доверители остаются без должной защиты от некачественных юридических услуг или неэтичного поведения юристов. Это может создавать риск для клиентов и отрицательно влиять на доверие к юридическому сообществу. В целом отсутствие стандартов в области юридических услуг может привести к негативным последствиям для доверителей, юристов и общества в целом. Разработка и применение стандартов становится необходимой мерой для улучшения качества услуг и обеспечения надежной защиты интересов клиентов.

В современном мире, где юридические услуги играют важную роль в обеспечении правовой защиты и поддержки доверителей, вопрос стандартизации становится всё более актуальным. Разработка и применение стандартов для юридических услуг имеет ряд важных преимуществ.

Для успешной разработки и применения стандартов для юридических услуг необходимо участие всех заинтересованных сторон, включая профессиональные организации, представителей бизнеса, государственных органов и доверителей. Только совместными усилиями можно создать эффективные и релевантные стандарты, отвечающие потребностям всех заинтересованных сторон<sup>2</sup>.

В заключение, сто́ит отметить, что проблема качества юридических услуг — это проблема прежде всего непрофессиональных участников гражданского оборота

<sup>1</sup> Воронов А. А. Преступления и наказания адвокатов (отзыв на монографию Р. Г. Мельниченко «Правовое регулирование института профессиональной ответственности адвокатов в Российской Федерации» /А. А. Воронов // Адвокат. 2010. № 11. С. 37–38.

<sup>2</sup> Горovenko В. В. Методологические проблемы правовой активности // Право и бизнес : сборник статей I Ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В. С. Мартемьянова / М. Ю. Абрамкина [и др.] ; под ред. И. В. Ершовой. М. : Юрист, 2012. 770 с.

(граждан, физических лиц). Разработка и применение стандартов для юридических услуг является важным шагом направления на повышение качества услуг и решение проблем, связанных с отсутствием стандартизации. Это способствует улучшению доверия клиентов, снижению рисков и увеличению конкурентоспособности юристов и юридических организаций. Однако необходимо помнить, что стандартизация — это процесс, требующий постоянного обновления и совершенствования, чтобы отражать изменяющиеся потребности доверителей и требования рынка.

**Догаева Х. М.**

Финансовый университет при Правительстве РФ  
Студент

### **Недвижимое имущество как объект гражданских прав: современные проблемы разграничения с движимым имуществом**

**Аннотация.** Вопросы недвижимости являются одними из самых обсуждаемых в правовой науке гражданского права. В статье представлены основные проблемы определения недвижимого имущества, которые могут возникать в теории и практике, и пути их решения.

**Ключевые слова:** недвижимое имущество, движимое имущество, недвижимость, объекты гражданских прав, гражданское законодательство.

Традиционно объектами гражданских прав признаются вещи. Существует множество разных их классификаций, но самым значимым по праву считается деление вещей на движимые и недвижимые.

Понятие недвижимости в российском праве появилось довольно поздно, а в советский период вообще было упразднено за ненадобностью. Возвращено в оборот оно было уже как несколько десятилетий назад. При этом оно не перестает быть темой для обсуждения: его раскрытие не только в нормативных правовых актах, но и в судебных решениях, и в правовой доктрине остается одним из самых дискуссионных вопросов и по сей день.

Связано это во многом с тем, что при характеристике недвижимого имущества как объекта гражданских прав, выясняется, что ни в научной литературе, ни в законодательстве еще не выработан единый подход к определению его признаков. Из-за этого возникает большое количество правовых коллизий и нерешенных вопросов. Один из главных — это вопрос дифференциации движимого и недвижимого видов имущества.

В правовой доктрине существуют две противоположные концепции, определяющие основополагающие признаки недвижимости. Если исходить из концепции юридической, вещь может признаваться недвижимой, только если требуется государственная регистрация. Физическая концепция, напротив, не относит обязательную государственную регистрацию прав к отличительным признакам недвижимости.

Согласно этой концепции, главный признак физический (естественный) — тесная связь с землей. Государственная регистрация — это лишь следствие данного признака.

Анализируя ст. 130 ГК РФ, которая приводит определение недвижимого имущества, можно увидеть, что законодатель в основном исходил из физической (естественной) концепции<sup>1</sup>.

Несостоятельность юридической концепции для российского права можно выделить из постановления Пленума Верховного Суда № 25, в котором указывается, что недвижимая по своим телесным свойствам вещь, не указанная в качестве таковой в гос. реестре, не может считаться движимой. Получается, что государственная регистрация не является обязательным признаком недвижимости. Это скорее производный признак, которым обладает вещь, уже являющаяся недвижимой. И соответственно, она будет такой признаваться и до государственной регистрации прав на нее<sup>2</sup>.

В Гражданском кодексе к недвижимым вещам относится «всё, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно», а также дополнительно то, что к таковым отнесено прямо самим законом.

В данной норме ГК РФ можно увидеть одну из основных проблем недвижимости как объекта гражданских прав — отсутствие единых классификационных критериев. Законодатель относит к недвижимым три категории вещей:

Недвижимость по естественным причинам (например, земля, ее недра)

Объекты, связанные с землей и перемещение которых невозможно (здания, сооружения, объекты незавершенного строительства)

Объекты, признающиеся недвижимыми в силу закона (воздушные суда, морские суда, суда внутреннего плавания)

Последняя категория вещей — суда — способны к перемещению. Более того, это и есть их основное назначение. Поэтому у множества правоведов возникает вопрос: рационально ли такое имущество включать в категорию недвижимого, ведь оно не подходит под основные критерии (невозможность перемещения, связь с землей), а только лишь под дополнительные (высокая стоимость, важность для гражданского оборота).

Зыбкость этой конструкции можно увидеть на примере космических объектов, которые до недавних изменений, внесенных в Гражданский кодекс, признавались недвижимыми. При этом представить аналогичной ситуации с недвижимостью, являющейся таковой в силу своих телесных свойств, невозможно. Например, пе-

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30.11.1994 № 51-ФЗ, ст. 130 // URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_5142/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 38. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_181602/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/) (дата обращения: 29.09.2023).

реведение земельного участка в категорию движимого имущества трудно себе представить и в целом невыполнимо для гражданского оборота, поскольку такое имущество априори не обладает признаками движимости.

Именно поэтому по мнению О. А. Хатунцева, а также многих других правоведов, во избежание противоречий и несистемности в законодательстве, нужно исключить существующую в ГК РФ фикцию, и имущество, которое не является по природе недвижимым, отнести к отдельной категории объектов гражданских прав, распространяя на них при этом правовой режим недвижимости (в силу совпадения некоторых дополнительных признаков)<sup>1</sup>.

Остановиваясь подробнее на дополнительных признаках и их необходимости, сто́ит выделить проблему, которая очень часто возникает в судебной практике: недостаточность критериев, указанных в ГК РФ, для определения недвижимое данное имущество или движимое.

Статья 130 ГК РФ относит к недвижимости объекты незавершенного строительства, с обозначением которых и возникает подавляющее число трудностей. Для решения этой проблемы постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 25 вводятся некоторые дополнительные признаки недвижимости.

Так, во-первых, строительство имущества, которое признается недвижимым, не должно противоречить закону. Во-вторых, работы по сооружению опорной конструкции здания должны быть в полной мере окончены<sup>2</sup>.

При этом важно, что верхнее покрытие земельного участка (замощение) не может признаваться отдельной недвижимостью. Это только часть недвижимости (земельного участка), так как не несет в себе самостоятельного функционала. Исходя из этого, выявляется еще один дополнительный признак недвижимой вещи помимо законности возведения сооружения — самостоятельность его функционирования, наличие определенного собственного назначения.

На практике большая сложность возникает также с вещами, которые, по сути, являются движимыми, но при этом обладают некоторыми элементами недвижимости. Именно в таких случаях на первый план приходит признак о назначении объекта.

Так, в судебной практике принято сооружения, возводимые на земле, сдаваемой не в долгосрочную аренду, считать движимыми. При этом не имеет никакого значения насколько сильная связь объекта с землей. Связано это как раз-таки с тем, что на первый план выходит назначение: если главная цель объекта — это долгосрочная служба, он будет признаваться недвижимым, если же он был возведен для временного пользования, он будет считаться движимым имуществом.

<sup>1</sup> Хатунцев О. А. Деление вещей на движимые и недвижимые // Бизнес в законе. 2008. № 2. С. 284.

<sup>2</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», п. 38. URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_181602/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/) (дата обращения: 29.09.2023).

При определении режима такого имущества сто́ит исходить из того, что оно должно иметь самостоятельный функционал, выполняемый только вместе с земельным участком. Причем не просто с землёй в принципе, а именно в единстве с конкретным, индивидуально-определенным земельным участком.

В гражданском законодательстве России можно встретить только один из этих признаков, выделяемых постановлением Пленума Верховного Суда № 25 А (законность), самостоятельность назначения и индивидуальная определенность на данный момент признаются как признаки недвижимого имущества лишь судебной практикой. Поэтому решением этой проблемы было бы закрепление этих признаков наряду с другими в ГК РФ.

Существует большое количество проблем, возникающих как в теории, так и в практике при разграничении недвижимого и движимого имущества. Возникают они как в силу неопределенности и недочетов в гражданском законодательстве, так и в силу комплексности и многогранности недвижимости как объекта гражданских прав. При разрешении правовой коллизий и пробелов важно учитывать, что признаки недвижимости должны использоваться в совокупности, а также основываясь на равном учете как публичных интересов государства и его органов, так и частных экономических интересов участников гражданского оборота.

**Дыльнова Д. Д.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Криптовалюта, как самостоятельный объект гражданского права**

**Аннотация.** Повсеместная цифровизация и возникновение всевозможных явлений в рамках виртуального поля — неизменный тренд XXI в. 2009 г. познано мир с беспрецедентно новой материей, которая, сочетая в себе технический прогресс и цифровизацию, в большей степени является экономическим явлением. Впрочем, экономическая природа не избавляет законодателя от необходимости урегулировать его с правовой точки зрения.

**Ключевые слова:** криптовалюта, цифровые права, виртуальная валюта, цифровизация, иное имущество, объект гражданского права.

Итак, что есть криптовалюта? С момента представления миру биткоина лицом или группой лиц под псевдонимом Сатоши Накомото ведутся активные споры по этому вопросу. Опыт и доктринальные исследования других стран позволяют понять масштабность этого виртуального явления. В Канаде криптовалюту разрешено использовать в целях оплаты товаров и услуг по правилам бартерных сделок, т. е. криптовалюта в целях налогообложения характеризуется как цифровой товар. В Германии криптовалюту признали формой частных денег, облагаемой налогом в качестве капитала. Венесуэла в 2018 г. начала выпускать собственную государ-

ственную криптовалюту — петро, которая обеспечена запасами нефти, бензина, золота и алмазов<sup>1</sup>. В Японии же криптовалюты могут использоваться в качестве средства платежа, а деятельность площадок по покупке и продаже криптовалюты лицензируется<sup>2</sup>. В одном из наиболее популярных зарубежных трудов по криптовалюте встречается такое определение, как «всемирно признанная виртуальная валюта, способная осуществлять беззатратные транзакции с молниеносной скоростью, которая имеет открытый исходный код и неизменяемую функцию записи, гарантирующую абсолютную безопасность каждой транзакции при полной анонимности, поскольку эта валюта независима от центральных банков или финансовых институтов»<sup>3</sup>.

Впрочем, в отечественной доктрине также уже успела сложиться относительно устойчивая дефиниция. Так, согласно обзору Центрального банка Российской Федерации криптовалюта — децентрализованная виртуальная валюта, основанная на математических алгоритмах и защищенная методами криптографии, выпуск которой осуществляется на основе распределенных реестров<sup>4</sup>. Если обращаться к исследованиям М. А. Егоровой, В. С. Белых и С. Б. Решетниковой, то криптовалюта — это вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций<sup>5</sup>.

Так или иначе, правовые исследования в этой сфере раскрывают невозможность отнесения криптовалюты ни к одному из известных объектов гражданского права, за исключением иного имущества<sup>6</sup>. Конкретно в рамках иного имущества криптовалюта относится законодателем к цифровым правам, что исходит из содержания статей 214.11 и 226.2 Налогового кодекса Российской Федерации и отсутствия криптовалюты в перечне статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации. В качестве первичной попытки урегулировать криптовалюту, придать ей хоть сколько-нибудь понятную форму, такая аналогия права видится приемлемой. Но уже в 2021 г. было законодательно урегулировано налогообложение криптовалюты: физические и юридические лица обязаны уплачивать подоходный налог с прибыли, полученной путем операций с криптовалютой, а сейчас, в 2023 г., ведутся активные

---

<sup>1</sup> Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты : монография / под общ. ред. доктора юридических наук, профессора М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2023. С. 14.

<sup>2</sup> Там же. С. 13.

<sup>3</sup> Rebecca M. Bratspies, *Cryptocurrency and the Myth of the Trustless Transaction*, 25 Mich. Telecomm. & Tech. L. Rev. 1 (2018).

<sup>4</sup> Обзор по криптовалютам, ICO (Initial Coin Offering) и подходам к их регулированию, Центральный банк Российской Федерации. 2017.

<sup>5</sup> Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты : монография / под общ. ред. доктора юридических наук, профессора М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2023. С. 20.

<sup>6</sup> Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136–153.

переговоры о создании или по крайней мере о разработке принципиально нового явления — Цифрового кодекса РФ. И здесь стоит помнить о том, что цифровое пространство, как и всякое явление, продолжает активно развиваться и требует постоянного совершенствования правового поля, распространяющегося на него.

Почему же автору видится необходимым выделение криптовалюты в качестве самостоятельного объекта в рамках иного имущества? Здесь стоит исходить из экономической и правовой природы криптовалюты, ее сложности, как цифрового объекта, и множественности доктринальных подходов к ее пониманию. Обратившись к правоведческим исследованиям, автор предлагает понимать под криптовалютой выступающую носителем собственной ценности некоторую виртуальную расчетную единицу, представляющую собой децентрализованную, конвертируемую, основанную на математических принципах и криптографическом шифровании пиринговую валюту<sup>1</sup> с открытым исходным кодом. Ее бесспорными характеристиками признается анонимность, трансграничность и установление курса за счет рыночных инструментов, что делает ее сверхволатильной и сложноконтролируемой как для рынка, так и для государства.

То есть криптовалюта однозначно является одним из сложнейших цифровых явлений, существующих на данном этапе цифровизации. Сложность заключается, как уже было указано, не только в технико-экономической составляющей ее природы, но и в том, что такая природа делает крайне затруднительным ее правовое регулирование. На практике такая сложность отражается и во временном промежутке, а это более десяти лет, когда с точки зрения права криптовалюту было затруднительно облечь в правовую форму. Уже один этот факт указывает на необходимость особого внимания со стороны законодателя к более точному определению криптовалюты и ее регулированию в качестве отдельного объекта. Научно-правовая доктрина полнится спорами в освещаемой теме давно, однако фактическое включение в состав статьи 128 ГК РФ цифровых прав, а также включение в НК РФ статей о налогообложении сопутствующих объектов датируется всего лишь концом второй и началом третьей декады двадцать первого века.

Впрочем, можно сказать, что даже сейчас в правовом поле только начинают зарождаться основы понимания того, как именно должно выглядеть нормативное регулирование принципиально новых цифровых материй. Всё еще не раскрывается хотя бы открытый перечень того, что законодатель понимает под цифровыми правами. Так, к цифровым правам с переменным успехом относят и утилитарные цифровые права, и NFTs (non-fungible tokens), и цифровые финансовые активы, и криптовалюту, и иногда цифровую валюту, что удобно с точки зрения не-нагромождения нормативных правовых актов и неверно с точки зрения природы каждого отдельного объекта. Автор предполагает нежелательным такое смешение: по сути своей разно-

---

<sup>1</sup> Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты : монография / под общ. ред. доктора юридических наук, профессора М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2023. С. 11.



родные объекты имеют общее или сходное, почти не различающееся регулирование. Так, утилитарное цифровое право запрещается принимать в качестве платежа или иного встречного предоставления, а криптовалюта напротив — имеет вполне себе реальную и реализуемую функцию средства платежа. Это подтверждается позицией ФНС России о том, что запрета на проведение российскими гражданами и организациями операций с использованием криптовалюты законодательство РФ не содержит<sup>1</sup>. Например, в настоящее время криптовалюты активно принимаются к оплате в крупнейшей электронной платежной системе PayPal. Притом, нельзя не обращать внимание и на то, что само понятие криптовалюты включает в себя еще множество цифровых валют: самые известные из них Bitcoin, Ethereum, Litecoin, но также есть и те, которые не так узнаваемы в обороте. Впрочем, их непопулярность не исключает факта самого их существования, придавая сущности криптовалюты еще и обобщающий характер. В этой связи обобщение постоянно растущего числа объектов под дефиницией цифровых прав видится ошибкой юридической техники. Пока что ошибкой естественной, не лишаящей цифровые права 128-й статьи ГК РФ заложенного в них законодателем смысла. Однако, с позиции автора, стремительное развитие объектов уже цифрового права, как предположительно новой отрасли права, не позволит законодателю и дальше сдерживать такой массив новых материй под одним обобщающим дополнением статьи 128 ГК РФ. Особенно если учесть, что доктринально общее, что объединяет такие объекты — это цифровое пространство, где они существуют и участвуют в обороте.

В свете набирающих силу тенденций не только цифровизации, но и постепенного формирования цифрового права, как отрасли, с грядущей кодификацией в качестве общего источника (Цифровой кодекс РФ), видится логичным и совсем не преждевременным выделение криптовалюты в качестве самостоятельного объекта статьи 128 ГК РФ. Так, в представлении автора может выглядеть упомянутая выше измененная статья: «К объектам гражданских прав относятся вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, криптовалюты, цифровые права); результаты работ и оказание услуг; охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальная собственность); нематериальные блага»<sup>2</sup>. Вопрос о последующем выделении и иных объектов, входящих в понятие цифрового права, отнюдь не закрытый — автор полагает, что законодатель непременно осуществит такое разделение в рамках возможного Цифрового кодекса. Данная работа раскрывает необходимость выде-

<sup>1</sup> Письмо Федеральной налоговой службы от 03.10.2016 № ОА-18-17/1027 Об операциях, связанных с приобретением или реализацией криптовалют с использованием валютных ценностей (иностранной валюты и внешних ценных бумаг) и (или) валюты РФ // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

ления криптовалюты, как отдельной категории в силу описанных выше аспектов ее природы, сложности регулирования, налогообложения, необходимости контроля и обеспечения максимально возможной прозрачности оборота криптовалюты.

**Имамбаев А. А., Юнусов Д. С.**

Саратовская государственная юридическая академия (СГЮА)  
Студенты

### **Проблема ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом**

**Аннотация.** Весьма большую роль играет искусственный интеллект в современном мире. Вместе с тем он приносит соответствующие проблемы, в том числе с определением субъекта ответственности и ее характер.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, юридическая ответственность, гражданское право, гражданская ответственность.

На сегодняшний день мы можем наблюдать повсеместное развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ). В связи с этим весьма актуальным становится вопрос о том, кто должен нести ответственность за ущерб, причиненный такой автономной системой. Уже сейчас существует острая потребность в конструктивных правовых моделях для решения проблемы юридической ответственности ИИ, которую можно проследить на примере развития рынка беспилотных автомобилей: Как государственные органы, так и коммерческие организации считают, что необходимо обеспечить безопасность условий, в которых эти системы вводятся в эксплуатацию, поскольку в мировой практике использования роботов в средствах массовой информации имеется достаточное количество прецедентов, свидетельствующих об опасности, которую они представляют.

Так, в 1997 г. почтовый робот сбил женщину и запер ее в гардеробе; в 2014 г. в Ганновере (Германия) на человека упала стальная балка, спровоцированная роботом; в 2015 г. робот убил человека на заводе Volkswagen в Германии; в 2019 г. в США беспилотный автомобиль Uber сбил велосипедиста. И таких случаев может быть множество, поэтому возникает острая необходимость в регулировании этих правоотношений.

Для решения этой проблемы необходимо прежде всего обратиться к термину ИИ. Впервые этот термин был закреплен на законодательном уровне в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией искусственного интеллекта на период до 2030 года). В данном акте под ИИ понимается «совокупность технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (в том числе самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и при выполнении определенных задач достигать результатов, как минимум сопоставимых

с результатами умственной деятельности человека». В набор технологических решений входят информационно-коммуникационные инфраструктуры, программное обеспечение (в том числе использующее методы машинного обучения), процедуры и сервисы для обработки данных и поиска решений<sup>1</sup>.

Вопросы компенсации должны решаться в соответствии с действующим законодательством. Основная проблема заключается в том, что ИИ пока не признан в качестве юридического лица ни в международном, ни в национальном праве. Это означает, что сам ИИ не может нести персональную ответственность за причиненный ущерб. Возникает вопрос: кто должен нести ущерб?

И первым шагом к решению этих проблем стало принятие Европарламентом 16 февраля 2017 г. резолюции «Гражданско-правовые нормы о робототехнике», которая предусматривает введение общеевропейской системы регистрации интеллектуальных машин, т. е. роботам будет присваиваться индивидуальный регистрационный номер и вноситься в специальный реестр. Первым шагом на пути решения этих проблем стало принятие Европарламентом в феврале 2017 г. резолюции: «Нормы гражданского права в области робототехники, которая предусматривает введение общеевропейской системы регистрации интеллектуальных машин, т. е. роботы будут получать индивидуальный регистрационный номер и заноситься в специальный реестр»<sup>2</sup>.

Этот номер используется для идентификации робота и содержит сведения о производителе, владельце и условиях компенсации в случае повреждения. Для управления системой учета и контроля роботов планируется создать специализированное агентство по робототехнике и искусственному интеллекту. Кроме того, принятое постановление предусматривает введение страхования ответственности за ущерб, причиненный роботами. Такое обязательное страхование рисков позволит пострадавшему получить гарантированную компенсацию, а в случаях, не покрываемых страховкой, может быть использован резервный компенсационный фонд.

Ученый П. М. Морхат выделяет: «три основные модели определения ответственности за действия ИИ, повлекшие за собой наступление вредоносных последствий, которые необходимо рассмотреть и возможно дополнить»<sup>3</sup>.

Модель, в которой система искусственного интеллекта рассматривается как принципиально невиновный субъект, а само противоправное деяние совершается

---

<sup>1</sup> Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

<sup>2</sup> European Parliament. REPORT with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Debates, 15 February 2017. URL: [http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170215&secondRef=\[TEM014&language=EN&ring=A8-2017-0005](http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170215&secondRef=[TEM014&language=EN&ring=A8-2017-0005) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>3</sup> Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. РГАИС. М., 2019. С. 242–259.

непосредственно человеком. В первой модели ответственность может быть возложена на разные субъекты в разных юрисдикциях. В основном ответственным лицом является разработчик системы, который должен своевременно вносить коррективы в программу работы и обучения ИИ.

Модель естественных вероятных последствий, предполагающая, что система искусственного интеллекта совершает действия, которые являются естественным и вероятным следствием программирования. При этом предполагается, что человек, запрограммировавший машину (разработчик), проявляет неправомерную халатность или самонадеянность. Модель прямой ответственности системы ИИ за свои действия. Эта модель не получила широкого распространения в современном мире, поскольку ИИ, хотя и является автономным или способным к обучению, еще не обладает когнитивными функциями или правосубъектностью и поэтому не может нести ответственность.

Представляется, что первым ответственным лицом следует признать создателя (создателя или разработчика ИИ), поскольку владелец не всегда имеет техническую возможность влиять на работу ИИ, прогнозировать или корректировать его поведение.

Второй стороной, несущей ответственность, может быть владелец самой системы ИИ, обладающий правом собственности на нее, например, правом на технологию или саму машину. В этом случае ответственность может быть разделена между владельцем и программистом в зависимости от ситуации и самой программы ИИ.

Ответственной третьей стороной может быть третья сторона, которая незаконно завладела ИИ и перепрограммировала его, чтобы причинить ему вред или действовать в его пользу.

Однако это не решает проблемы, поскольку во многих случаях причиной отказа являются факторы внешней среды. ИИ действительно подвержен воздействию факторов внешней, непрограммируемой среды. И в этом случае мы не можем возлагать ответственность ни на программиста, ни на пользователя, ни на владельца ИИ.

Таким образом, нерешенность вопросов ответственности за чрезвычайные последствия использования машин с искусственным интеллектом в настоящее время тормозит их развитие и распространение. Кроме того, важно представить некоторые мнения ученых относительно целесообразности использования уже существующих норм Гражданского кодекса РФ для формулирования правил применения гражданско-правовой ответственности вследствие действий ИИ. В частности, мы можем рассматривать ИИ как особый способ причинения вреда.

В случае с роботами, которые являются механическими машинами, может применяться действующее законодательство. Гражданский кодекс РФ содержит статью 1095, которая регулирует вред, причиненный вследствие недостатков товара, когда товар приобретался не для использования в предпринимательской деятельности, а только для потребления. В этом случае в период использования товара потерпевший вправе выбрать, к кому предъявить требование о возмещении ущерба — к продавцу или к изготовителю.

В заключение хотелось бы отметить, что наличие сбалансированного доктринального подхода к регулированию соответствующих отношений, а также зарубежной практики позволит разработать необходимые поправки в действующее законодательство в исследуемой области. В настоящее время представляется целесообразным возлагать ответственность за действия ИИ на программиста/разработчика, поскольку он полностью управляет этой программой и отвечает за действия программного кода, которым оперирует ИИ, а также предусмотреть страхование рисков гражданской ответственности за вред, причиненный ИИ.

**Ковалевский К. К., Шандурин Н. В.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

### **Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав**

**Аннотация.** Феномен цифровизации стал ключевым фактором, влияющим на изменение финансовой сферы в России и мире. Изначально развиваясь вне контроля со стороны государственных институтов, цифровизация финансового оборота вынудила центральные банки обратиться к экспериментам, что привело к возникновению явления «цифровой валюты центрального банка». Теперь государства видят в цифровой валюте новые возможности, прежде всего в отказе от бумажного (наличного) оборота, а некоторые уже находятся на этапе реализации данных решений.

Статья рассматривает вопросы правовой, а также экономической природы цифрового рубля, предполагая, что среди специалистов существуют различные позиции касательно сущности данного явления. Установление правового режима цифрового рубля — одно из важнейших направлений развития гражданского права в России.

**Ключевые слова:** цифровой рубль; платформа цифрового рубля; деньги; валюта; цифровая валюта; национальная цифровая валюта; безналичные денежные средства; государство; Банк России; национальная платежная система; платежные системы.

В настоящий момент можно наблюдать процесс появления новых форм денежных знаков и расчетов. Так, большую популярность набирает обращение криптовалют, составивших серьезную конкуренцию деньгам. И поскольку возможности правового регулирования обращения криптовалют ограничены, государства предложили населению альтернативу — цифровые валюты центральных банков (Central bank digital currency (CBDC)), процесс выпуска и обращения которых контролируется со стороны публично-правовых образований<sup>1</sup>. То есть неизменным остается стрем-

---

<sup>1</sup> Ситник А. А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 8. С. 20–36. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.153.8.020-036.

ление государства, с одной стороны, обеспечить стабильность денежной системы, с другой — сделать процесс организации денежного обращения более дешевым, а расчеты — удобными для населения. Появление цифровой национальной валюты — логический результат этого объективного процесса.

Не стала исключением и Россия. В апреле 2021 г. Центральный банк РФ выпустил доклад «Концепция цифрового рубля»<sup>1</sup>, ставший предметом широкого обсуждения как среди различных СМИ, так и на страницах научных изданий. Позднее, 29 декабря 2022 г., на рассмотрение Государственной Думы были внесены проекты федеральных законов № 270838–8 и № 270852–8, предложившие общие подходы к регулированию обращения цифрового рубля (далее также — российской национальной цифровой валюты). После внесения существенных корректировок, 24 июля 2023 г. Государственная Дума приняла Федеральный закон № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»<sup>2</sup> (далее — Закон № 339-ФЗ) и Федеральный закон № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>3</sup>, на основании которых ГК РФ<sup>4</sup>, Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»<sup>5</sup> (далее — Закон о НПС), Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»<sup>6</sup> (далее — Закон о Банке России), Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»<sup>7</sup> и другие законы были дополнены нормами, регулирующими общественные отношения в сфере организации обращения российской национальной цифровой валюты.

Значение принятых ФЗ многоаспектно. Так, введение цифрового рубля в условиях цифровой трансформации гражданского оборота затрагивает интересы абсолютно всех субъектов правоотношений — публично-правовых образований, физических и юридических лиц, ведь с его использованием будет значительно проще и быстрее совершать различные финансовые операции. Более того, хотя проекты по внедрению CBDC во многих государствах находятся на ранних стадиях, и цифровой рубль сейчас сложно использовать во внешних расчетах, он может стать эффективным средством противодействия международным санкциям, поскольку для международных переводов с использованием CBDC не требуется посредничество SWIFT.

---

<sup>1</sup> Концепция цифрового рубля // Банк России. Апрель 2021. URL: [http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept\\_08042021.pdf](http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf) (дата обращения: 21.09.2023).

<sup>2</sup> Российская газета. 2023. № 167.

<sup>3</sup> Российская газета. 2023. № 167.

<sup>4</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

<sup>6</sup> СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

<sup>7</sup> СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что массовое использование цифрового рубля запланировано на 2025–2027 гг.<sup>1</sup> Значит, на момент принятия соответствующих законов объекта правового регулирования как такового еще не существовало<sup>2</sup>. Как отмечается в доктрине, «в нормах права закрепляются, как правило, уже сложившиеся, повторяющиеся общественные отношения. Но нормы права могут и программировать развитие общественных отношений, направлять их развитие в определенное русло»<sup>3</sup>. Иными словами, нормы, регулирующие обращение цифровой валюты, также должны послужить основой для возникновения соответствующих отношений, и поэтому действие правовых норм, опосредующих использование цифрового рубля, является перспективным, направленным преимущественно на экономические отношения, которые будут возникать в будущем.

Сущность цифрового рубля вызывает оживленные дискуссии. Так, на основании указания ЦБ РФ, что «цифровой рубль... станет третьей формой российской национальной валюты»<sup>4</sup>, родилось мнение, что он не может быть отнесен ни к наличным деньгам, ни к безналичным денежным средствам. Однако в «Концепции цифрового рубля» содержится такая сноска: «Здесь и далее термин «форма денег» используется в экономическом контексте»<sup>5</sup>.

Заметим, что действующее российское законодательство не оперирует таким понятием, как «форма денег». В Законе о НПС и Законе о Банке России упоминается только о «форме безналичных расчетов», а в ГК РФ — о «безналичных денежных средствах». Согласно изменениям, внесенным Законом № 339-ФЗ в ст. 128 ГК РФ, цифровые рубли признаются безналичными денежными средствами<sup>6</sup>. Действительно, цифровой рубль является безналичным в том смысле, что у него нет материальной формы выражения в реальном мире, как, например, у наличных денег, существующих в виде банкнот и монет. То есть мы видим терминологическую путаницу, которая с учетом последующих научных дискуссий будет усиливаться. Представляется, что

<sup>1</sup> В ЦБ сообщили, что массовое использование цифрового рубля в РФ возможно в 2025–2027 гг. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18203187> (дата обращения: 21.09.2023).

<sup>2</sup> Аналогичная ситуация сложилась после принятия Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее также — Закон о ЦФА и ЦВ): информация о первом операторе информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, была внесена в реестр Банка России лишь 14 декабря 2022 г. См.: Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. URL: [http://www.cbr.ru/vfs/registers/ infr/list\\_OIS.xlsx](http://www.cbr.ru/vfs/registers/ infr/list_OIS.xlsx) (дата обращения: 21.09.2023).

<sup>3</sup> Теория государства и права : учебник / Л. А. Морозова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. С. 219.

<sup>4</sup> Концепция цифрового рубля (см. сноска 2).

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Согласно ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся в том числе имущественные права (включая безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права).

обозначенная проблема в первую очередь обусловлена: неоднозначностью понятия «безналичные денежные средства», обусловленной расширением содержания данного термина после 1 августа 2023 г. и погрешностями юридической техники.

Можно выделить ряд особенностей российской национальной цифровой валюты, которые позволяют отграничить ее от других видов денежных средств, находящихся в обращении. В частности, цифровой рубль:

- 1) выражен в единицах национальной валюты Российской Федерации;
- 2) является обязательством ЦБ РФ;
- 3) обращается в рамках платформы цифрового рубля и учитывается на счете цифрового рубля (отдельном виде банковского счета);
- 4) не привлекается во вклады (депозиты), а на остатки цифровых рублей не начисляются проценты;

Цифровой рубль является официальной денежной единицей (валютой) Российской Федерации<sup>1</sup> и выступает законным средством платежа. Это, в частности, отграничивает цифровой рубль от цифровой валюты (в том значении, в котором данный термин используется в Законе о ЦФА и ЦВ) — ею может быть только средство платежа, не являющееся денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей (ч. 3 ст. 1 Закона о ЦФА и ЦВ). Цифровая валюта также не является чьим-либо обязательством. Следовательно, цифровой рубль и цифровая валюта — разные объекты правового регулирования<sup>2</sup>.

Так что же такое «цифровой рубль»? С точки зрения экономики — это безналичные деньги, которые могут выполнять функцию средства платежа. С позиции гражданского права, с учетом ст. 128 ГК РФ<sup>3</sup>, цифровой рубль — это не самостоятельный объект гражданских прав, а скорее форма безналичных денежных средств, представляющих собой обязательственные права требования управомоченных лиц.

**Колесников И. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

## **Жилищная собственность: проблемы и перспективы развития**

**Аннотация.** Вопросы прав на такие объекты недвижимости, как здания, квартиры и иные помещения всегда актуален для гражданского оборота, в связи

<sup>1</sup> Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> С учетом того, что законодатель под «цифровой валютой» имел в виду криптовалюту, то логичнее рассматривать цифровой рубль и цифровую валюту как часть и целое, а не как отличные друг от друга, самостоятельные объекты правового регулирования.

<sup>3</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».



с чем представляются особенно важными проблемы правового режима таких объектов и прав лиц, являющихся их собственниками.

**Ключевые слова:** недвижимость, жилищная собственность, общая долевая собственность, помещение.

Недвижимость как объект гражданских прав имеет и всегда имела большое значение для гражданского оборота и жизни общества в целом. Она выступает пространством, где человек в принципе существует, живет, осуществляет многие виды деятельности и удовлетворяет свои потребности. В российском правопорядке существует такой особый вид недвижимых вещей, как здания. Они признаются самостоятельными объектами гражданских прав, в отличие от альтернативной концепции, где здание является составной частью земельного участка. Однако особенности правового режима зданий в российском праве на этом не заканчиваются: внутри зданий закон выделяет также самостоятельные объекты вещного права — помещения (квартиры, комнаты в коммунальной квартире, нежилые помещения). С точки зрения классического подхода к институтам гражданского права такая ситуация представляется по меньшей мере необычной. Получается, что внутри юридически неделимой вещи (здания) выделяются самостоятельные вещи, которые, по сути, являются ее составными частями. С выделением хотя бы одного такого помещения здание перестает существовать как единая вещь. Возникает особая «совокупность», состоящая из помещений и всего остального имущества дома (стены, лестницы, подсобные помещения, коммуникации, крыша и т. д.), в которое включается и земельный участок под домом.

Как уже было сказано выше, с выделением помещений здание в качестве объекта права перестает существовать, вследствие чего меняется и правовой режим этого объекта (объектов). На помещения, как на самостоятельные вещи, устанавливается право собственности, а на все остальное имущество дома — режим общей долевой собственности, где доля в праве определяется пропорционально доле площади помещения собственника в общей площади здания. Права на общее имущество дома следует считать вторичными и имеющими вспомогательное значение по отношению к праву собственности на помещение, поскольку закон устанавливает их необоротоспособность. Отчуждение таких прав возможно лишь вместе с правом собственности на помещение. Таким образом, проявляется еще одна особенность российского правопорядка в этой сфере: помещение, являясь лишь определенной областью пространства, поскольку, потолок и стены одного помещения также соприкасаются с пространством другого и являются, по сути, общим имуществом дома, приобретает не только самостоятельное, но и главное значение по отношению ко всем другим объектам в здании.

Стоит сказать, что описанный режим распространяется как на дома с жилыми помещениями, так и на здания, в которых выделяются нежилые помещения. Это

следует напрямую из закона (глава 18 Гражданского кодекса РФ<sup>1</sup>, ст. 36 Жилищного кодекса РФ<sup>2</sup>) и из судебной практики<sup>3</sup>.

Представляется, что сложившийся в России режим «жилищной собственности» (термин, используемый и в других правопорядках, употребление которого к упомянутым явлениям представляется удачным, несмотря на аналогичный режим нежилых помещений) не лишен недостатков, и существуют пути дальнейшего его развития.

Так, машиноместа в российском праве признаются самостоятельными недвижимыми вещами и как следствие объектами права собственности. Тем самым они исключаются из общего имущества дома и долевой собственности лиц, являющихся собственниками помещений в нем<sup>4</sup>. Это может привести к несправедливой ситуации, когда, например, все машино-места на подземной парковке здания выкупаются одним лицом и реализуются иным лицам, которые далеко не всегда являются собственниками помещений в доме.

Выделение самостоятельных вещей внутри здания и его «юридическое исчезновение» имеет негативные последствия, касающиеся качества содержания всего сооружения в целом, а юридический режим этих объектов не соответствует действительному положению вещей.

Перспективным представляется, к примеру, построение института жилищной собственности по следующей модели. За лицами признается право в общей долевой собственности на земельный участок и здание на нем, а также некоторое исключительное право на пользование отдельным помещением в этом здании. Такой способ конструирования института жилищной собственности имеет свои преимущества. Так, если лицо решит осуществить перепланировку помещения, ему не нужно будет проводить отдельные согласования и вносить записи в реестр (ведь объект собственности должен соответствовать записи в реестре). Это происходит потому, что лицо имеет долю именно в праве (праве общей долевой собственности), которая не подвергается изменению (увеличению или уменьшению) при перепланировке помещения<sup>5</sup>. Это способствует экономии времени и средств для субъекта права.

---

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

<sup>2</sup> Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

<sup>3</sup> п. 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 30.06.2015. № 140.

<sup>4</sup> Проблемы гражданского права в судебной практике и законодательстве : сборник статей, посвященный юбилею профессора Василия Владимировича Витрянского / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2021. 420 с.

<sup>5</sup> Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. М. : М-Логос, 2017. 80 с.

Другим изъяном режима российской жилищной собственности является содержание права общей долевой собственности на общее имущество. Оно фактически сводится к обязанности по оплате расходов по содержанию такого имущества и не предоставляет управомоченному лицу ни одной из тех возможностей, которые обычно дает ему доля в праве общей собственности на вещь<sup>1</sup>. Такой режим общей долевой собственности не имеет способности к выделу доли<sup>2</sup> или к самостоятельному отчуждению доли в праве.

Следует заключить, что правовой режим зданий и помещений в нем носит достаточно специфический характер. Для его усовершенствования рациональным видится более глубокое изучение и осознание опыта зарубежных юрисдикций в этом вопросе, а в качестве руководящего направления для дальнейшего развития видится необходимость признания жилищной собственности в качестве особой формы собственности.

**Коробкова Н. М.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Нежилые помещения: проблемы гражданско-правового режима**

**Аннотация.** Развитие гражданского и жилищного законодательства РФ в части регулирования нежилых помещений как объектов гражданских прав влияет на изменение особенностей правоотношений, объектом которых выступают не предназначенные для проживания граждан помещения. Возможность субъекта гражданского и жилищного права совершать различные гражданско-правовые сделки с данными объектами недвижимости нуждаются в более детальной правовой регламентации.

**Ключевые слова:** нежилое помещение, недвижимость, объект гражданского оборота, пользование, бесхозяйные здания.

Статья 130 Гражданского кодекса Российской Федерации относит нежилые помещения наряду с жилыми помещениями к объектам недвижимости. Возможность перевода жилого помещения в нежилое и наоборот регламентирована рядом положений в Жилищном кодексе Российской Федерации<sup>3</sup>, однако нежилое помещение было объявлено законодателем имуществом недвижимым без обеспечения ему специального правового режима. До 2021 г. отсутствовала легальная дефиниция

<sup>1</sup> Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 42.

<sup>2</sup> Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. 893 с.

<sup>3</sup> См.: ст. 22 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Российская газета. 12.01.2005. № 1.

нежилого помещения в российском гражданском законодательстве. Федеральным законом от 21.12.2021 № 430-ФЗ<sup>1</sup> ГК РФ был дополнен новой статьей 141.4 («Помещения как недвижимые вещи»), согласно которой нежилым помещением является помещение, пригодное для целей, не связанных с проживанием в нем граждан. Известно, что помещения нежилые первоначально признавались составными частями жилых домов, что подтверждается, например, нормами ранее действовавших Закона РФ от 24.12.1992 «Об основах федеральной жилищной политики»<sup>2</sup>, утвержденных постановлением Правительства РФ от 18.02.1998 № 219 «Правил ведения единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним»<sup>3</sup>. Позиции подобной придерживались и некоторые ученые, например, А. С. Зинченко, С. Э. Корх, полагающие, что не являются нежилые помещения самостоятельным объектом гражданского оборота в силу их неразрывной связи с землей непосредственно через комплексные здания<sup>4</sup>. В Законе г. Москвы от 03.06.2009 № 17 появилось определение объектов нежилого фонда, относились к которым не только помещения нежилые в определенных зданиях, но и отдельные сооружения, строения, иные помещения нежилого назначения, в подзаконном акте было определено место нежилого помещения в многоквартирном доме, который должен быть указан в технической документации, но не включаться в состав общего имущества собственников жилых помещений соответствующего дома, невзирая на отдельные подключения к инженерным сетям. На уровне доктрины ряд ученых (В. В. Витрянский, В. В. Чубаров) также признавали самостоятельными объектами гражданских прав помещения нежилые. Отсутствие положений о возможности применения норм о жилых помещениях к нежилым приводило на практике к неблагоприятным последствиям — суды не всегда применяли по аналогии данные нормы. Например, в одном из рассмотренных дел суд пришел к выводу, что ООО «Ангарида», являющееся собственником нежилого помещения, расположенного в жилом здании, приобрести долю в праве собственности на общее имущество дома (на площадки лестничные, подвал и т. д.) по аналогии с собственниками помещений жилых не может<sup>5</sup>. Позднее в п. 41 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 разъясняется положение о применении норм законодательства, в частности, статей 249, 289 и 290 ГК РФ и 44–48 ЖК РФ к отношениям собственников помещений в нежилых зданиях,

<sup>1</sup> Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 27.12.2021. № 294.

<sup>2</sup> Закон РФ от 24.12.1992 № 4218–1 «Об основах федеральной жилищной политики» // Российская газета. 1993. № 15.

<sup>3</sup> Постановление Правительства РФ от 18.02.1998 № 219 «Об утверждении Правил ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним» // Российская газета. 1998. № 42.

<sup>4</sup> Зинченко А. С., Корх С. Э. Вопросы собственности: законодательство и практика // Хозяйство и право. 2000. № 6. С. 56.

<sup>5</sup> Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2002 по делу № 3673/02 // Вестник ВАС. 2002. № 12.

возникающим по поводу общего имущества в таком здании<sup>1</sup>. Между тем применение по аналогии правового режима жилых помещений к нежилым прослеживалось и в период пандемии COVID-19, когда установленный Правительством РФ<sup>2</sup> мораторий на погашение неустойки за просрочку оплаты коммунальных услуг собственниками жилых помещений применялся так же и к собственникам помещений, непригодных для проживания и находящихся в многоквартирных домах. Однако данная аналогия закона не всегда дает преимущество собственнику нежилого помещения. Так, в 2021 г. истец юридическое лицо, законный владелец нежилого помещения в здании, заключило договор теплоснабжения с третьим лицом, после аварии на теплотрассе третье лицо (теплоснабжающая организация) не возместила собственнику убытки за самостоятельное устранение последствий, а абонент не смог взыскать их по суду ввиду того, что спорную теплотрассу на учет в качестве бесхозяйной недвижимой вещи, не передали обслуживающей эксплуатирующей организации и не доказана ответственность ответчиков за спорный объект<sup>3</sup>. Если бы данная ситуация произошла с собственником жилого помещения многоквартирного дома, потребителю-абоненту возместили бы все убытки и не пришлось бы привлекать за собственные средства стороннюю организацию по обслуживанию тепловых сетей. Кроме того, возникают проблемы и с приобретением преимущественного права выкупа нежилого помещения по договору аренды: суд вправе признать право арендатора — субъекта малого, среднего предпринимательства — на приобретение имущества в собственность, если арендодатель действовал исключительно с целью воспрепятствовать реализации этого права<sup>4</sup>. Невзирая на то, что применение норм о жилых помещениях к нежилым, находящимся в жилых домах, допускалось в порядке аналогии, четкая регламентация правового режима жилых помещений в жилых и не имеющих собственника бесхозяйных зданиях отсутствовала вовсе.

Помимо этого, ст. 288 ГК РФ и ст. 17 ЖК РФ определен юридический статус жилых помещений, их назначение, а в отношении помещений жилых такое определение отсутствует. Как же можно использовать помещение общего назначения вне его предписанного назначения? Ответственность собственника за использование нежилого помещения не по целевому назначению (например, для проживания граждан) законом не предусмотрена, однако последствия могут наступить, если такие действия повлекут иные нарушения (например, несоблюдение

---

<sup>1</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 140.

<sup>2</sup> Постановление Правительства РФ от 02.04.2020 № 424 «Об особенностях предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» // СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. IV). Ст. 2281.

<sup>3</sup> Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.12.2021 № Ф05–25401/2021 по делу № А40–227833/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> Определение Верховного Суда РФ от 25.12.2018 по делу № 308-ЭС18–16134, А63–4736/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

ние санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации, ненадлежащему содержанию помещения, если был причинен ущерб третьим лицам).

В нежилом помещении, как правило, располагаются торговые точки, продуктовые лавки, офисы, размещаются производства, склады, машино-места. Существует еще одна особенность, связанная с использованием вышеуказанных помещений для размещения автомобилей: гражданским и жилищным законодательством РФ данное положение не предусмотрено, существуют специальные машино-места, а ст. 141.4 ГК РФ это не противоречит. Тогда собственник нежилого помещения имеет право использования нежилого помещения для парковки нескольких автомобилей без необходимости разделения на отдельные машино-места, в то время как для машино-мест принцип специализации диктует, что каждое машино-место имеет индивидуальное право собственности.

В силу отсутствия правового регулирования сделок с нежилыми помещениями, не имеющими особого целевого назначения, законодателем согласно законопроекту о вещном праве<sup>1</sup> были сделаны предложения по введению в ГК РФ ст. 298.4 об ограничении права собственника на использование помещения нежилого в части размещения в нем промышленного производства, однако статья данная не была введена в ГК РФ вместе с иными поправками, предложенными в выше указанном законопроекте.

Рассмотрим еще один вопрос, касающийся использования «заброшенных» нежилых зданий. Часто на практике решение о дальнейшей эксплуатации помещений многоквартирных домов, нежилых зданий в случае признания таких домов аварийными и подлежащими сносу или реконструкции долго не принимается органами исполнительной власти соответствующего субъекта, что приводит к негативным последствиям. Так, в связи с непринятием соответствующих мер по ограничению доступа и правильному содержанию производственных помещений, администрацию в силу незаконного бездействия суд обязал ограничить доступ в нежилые помещения<sup>2</sup>.

Таким образом, регламентация правового режима нежилых помещений, являющихся самостоятельным объектом гражданского оборота и имеющих собственное назначение, с 2021 г. отчасти уже обеспечивается новыми положениями ГК РФ: главами 6.1 ГК РФ и 17.1 ГК РФ<sup>3</sup>, ст. 141.4 ГК РФ. Однако данные изменения в гражданском законодательстве, на мой взгляд, недостаточны, так как по-прежнему не регламентирован на федеральном уровне правовой режим нежилых по-

---

<sup>1</sup> См.: ст. 298.4 проекта федерального закона № 47538–6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: [https://pravo.urcgroup.ru/netcat\\_files/47538-6.pdf](https://pravo.urcgroup.ru/netcat_files/47538-6.pdf) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Кассационное определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.10.2021 № 88а-25191/2021 по делу № 2а-7/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Федеральный закон от 21.12.2021 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2021. № 294.

мещений в зданиях нежилых и бесхозяйных, не учтены положения по использованию собственниками и иными титульными владельцами помещений нежилых с учетом их расположения и конструкции.

**Крикса А. К.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Проблемы закрепления цифровых прав как объекта гражданского права в контексте анализа ст. 141.1 ГК РФ**

**Аннотация.** В статье анализируются основные недостатки ст. 141.1 ГК РФ, которая является новой в гражданско-правовой доктрине. Также рассматривается одна из возможностей для их решения — преимущества и недостатки закрепления «цифровых прав» в качестве результатов интеллектуальной деятельности.

**Ключевые слова:** цифровые права, объекты гражданского права, цифровые объекты, результаты интеллектуальной деятельности.

В современном мире происходит огромное количество изменений, которые повсеместно оказывают влияние на нашу жизнь. Большинство таких изменений, так или иначе, связаны с внедрением цифровых технологий — одного из локомотивов сегодняшнего развития. Исключением не стала и наша страна, активно вступая в новую эпоху вместе с другими развитыми странами.

Прежде всего, это связано созданием условий для распространения технологий: организацией и финансированием образовательных IT-проектов в рамках программы «Приоритет-2030», созданием и развитием «цифрового рубля», постепенным формированием практики использования социальных сетей и переписок при формировании гражданско-правовых сделок и т. д. Более того, государство вынуждено создавать эти условия, ведь современный человек не представляет жизни без информационных технологий, внедряя их в собственный быт. К примеру, так сейчас происходит с «нейросетями», которые активно используются в дизайне, копирайтинге, кинематографе и др.

Ввиду этого, одним из наиболее важных вопросов является формирование основ для правового регулирования новообразованного рынка. Однако стоит сразу прояснить, что, к сожалению, цифровые сферы достаточно мобильны, изменяются и развиваются каждый день, поэтому законодательно урегулировать все вопросы на данный момент не представляется возможным. В то же время важно формировать фундамент законодательства — его понятийно-категориальный аппарат — при правильном подходе, к которому возможно будет упростить внедрение новелл в законодательство.

В 2019 г. были внесены изменения в Гражданский кодекс РФ, а именно в содержание статьи 128 и включение новых положений, закрепленных в ст. 141.1,

что, по сути, сформировало основу для легализации нового объекта гражданского права — «цифровых прав».

Согласно обновленной 128 статье, законодатель определил «цифровые права» как имущественные права, не имеющие конкретного выражения, то есть они могут быть как телесными, так и бестелесными. Статья 141.1 ГК РФ закрепила определение «цифровых прав» как «названных в таком качестве в законе обязательственных и иные прав, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам»<sup>1</sup>.

Главная проблема данной нормы заключается в ее противоречивости, ведь закон явно не предписывает, какие объекты гражданских прав должны относиться к цифровым, лишь определяя форму владения и распоряжения ими. Такого мнения придерживаются профессоры Ю. А. Борзенко и Е. С. Брылякова отмечая, что «законодатель в полной мере не отражает содержания цифровых прав»<sup>2</sup>. Более того, профессор Е. А. Суханов призывает осторожно относиться к данным новеллам законодательства и указывает на широкое определение цифровых прав.

Ввиду этого, на наш взгляд, норма нуждается в реформировании. Однако теория цифровых прав в гражданско-правовой доктрине в принципе является противоречивой, потому что некоторые исследователи вовсе не считают их самостоятельными объектам гражданского права, настаивая на том, что они являются лишь новой формой выражения закрепленных в законе прав. На наш взгляд, данная позиция является неверной, ввиду того, что данные цифровые объекты, по своему характеру являются нематериальными и воспринимаются человеком лишь посредством органов чувств, контактирующих с воспроизводящими средствами. Некорректно отождествлять образ, видимый потребителем, с «выполненной на определенном языке программирования системой информационных алгоритмов, которая при помощи специальных технических и технологических средств преобразуется в электрический сигнал, посредством которого происходит формирование чувственно воспринимаемых характеристик цифрового объекта»<sup>3</sup>.

В связи с этим справедливо высказывание М. С. Аль-Бахри, который определяет «цифровой объект как объект, состоящий из структурированной последовательности

<sup>1</sup> Статья 141.1 ГК РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Борзенко Ю. А., Брылякова, Е. С. «Цифровой» потенциал развития уголовно-исполнительной системы // V Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сборник тезисов выступлений и докладов участников V Международного пенитенциарного форума (приуроченного к проведению в 2021 г. в Российской Федерации Года науки и технологий): в 9 т. / Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний. Рязань, 2021. Т. 7:». С. 206–210.

<sup>3</sup> Ярышев С. Н. Цифровые методы записи и воспроизведения видеoinформации. СПб.: НИУ ИТМО 2012. С. 4–5.



бит, имеющий название, уникальный идентификатор и атрибуты, описывающие его свойства»<sup>1</sup>.

В связи с этим логичнее всего определять сущность цифровых объектов не только через его внешний образ. Как же охарактеризовать последовательность бит, которые сущностно и формируют цифровые объекты? На наш взгляд, для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к техническим наукам, разработавшим основные подходы к пониманию составляющих цифрового пространства. Их данные позволяют определить, что цифровые объекты следует понимать, как информацию.

Важно отметить, что информация практически всегда создается самим человеком в результате интеллектуальной деятельности человека, что, по сути, предопределяет и обосновывает ее правовую характеристику в качестве результата интеллектуального труда человека. Такого подхода придерживается и профессор В. Ю. Пучков, обосновывая сущность информации как совокупности «цифровых кодов, конституирующих чувственно воспринимаемые характеристики цифрового объекта, правомерно рассматривать в качестве результата интеллектуальной деятельности»<sup>2</sup>. По его мнению, у данного подхода есть и юридическое обоснование, ведь подобное понимание информации соответствует законодательному определению, сформулированному п. 1 ч. 1 Закона об информационных технологиях (сведения, сообщения, данные независимо от формы их представления). В таком контексте информацией является любой из результатов интеллектуальной деятельности, указанных в п. 1 ст. 1225 ГК РФ. Такой подход вытекает из самой сущности результата интеллектуальной деятельности как «индивидуально-определенной... информации, созданной в результате интеллектуального труда»<sup>3</sup>.

Используя этот подход, цифровые объекты целесообразно рассматривать в качестве результатов интеллектуальной деятельности, которые при этом соединяют в себе черты как программы ЭВМ, алгоритма, находящегося в базе данных и компьютерного кода, так и внешнего образа этого объекта. Если следовать этой логике, то визуальное воспроизведение цифрового объекта не является самостоятельным объектом гражданского права, в связи с чем должно восприниматься в качестве внешней формы, выражающей состояние кода.

Преимущество данного подхода в том, что экономическую ценность представляет лишь код (информация), поскольку именно она позволяет фактически владеть

---

<sup>1</sup> Аль-Бахри М. С., Киричек Р. В. Архитектура цифровых объектов как основы идентификации устройств Интернета вещей в сетях 5G/ИМТ-2020 // Интернет вещей и 5G (INTNITEN 2017): 3-я Международная научно-техническая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. А. Е. Кучерявого. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, 2017.

<sup>2</sup> Пучков В. О. Цивилистическая доктрина цифровой эпохи: методологические, теоретические и прикладные проблемы : монография / под ред. В. С. Белых. М. : Проспект, 2020.

<sup>3</sup> Новосельцев О. В. Интеллектуальная собственность в системе гражданского права: проблемы правопонимания // Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики : сборник научных трудов / под ред. В. Н. Лопатина. М. : Юрайт, 2008. Т. 1. С. 106.

цифровым объектом. Без ЭВМ всё еще представляется возможным так или иначе использовать цифровой объект, в свою же очередь без кода ЭВМ будет бесполезной. Верным является замечание профессора М. А. Рожковой: «С позиций теории гражданского права передача информации от одного лица к другому недопустима — возможен лишь переход имущественных прав на информацию»<sup>1</sup>.

В чем практическое преимущество концептуального восприятия «цифрового объекта» в качестве результата интеллектуальной деятельности человека? По мнению (профессор), оно «снимает теоретико-прикладные затруднения, связанные с гражданско-правовой (и в целом с юридической) квалификацией тех или иных действий с цифровыми объектами». К таким действиям, профессор Пучков относит неправомерное получение криптовалюты, которое возможно будет рассматривать в качестве нарушения исключительного права на код, который принадлежит другому лицу, а не в качестве присвоения криптовалюты как имущества.

Однако важно указать, что предлагаемого подхода есть и ряд недостатков. Явнее всего он прослеживается при анализе правоотношений между участниками онлайн-игр (к примеру, при купле-продаже внутриигрового виртуального имущества). Всё оттого, что данное правоотношение по своему характеру является относительным, ввиду участия в онлайн-игре посредством присоединения к пользовательскому соглашению после прохождения регистрации, что противоречит пониманию исключительного права как абсолютного. Более того, сама онлайн-игра как объект является сложной системой, совокупностью объектов, представляя собой сложный гражданско-правовой объект, разделить который на части не представляется возможным. На наш взгляд, данный недостаток возможно разрешить только посредством отделения игр, игрового имущества и прч. от цифровых объектов в целом, что, к сожалению, на данный момент не представляется возможным ввиду неопределенности статуса самих цифровых прав.

**криушина А. В.**

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя  
Курсант

### **Наследование аккаунтов в социальных сетях**

**Аннотация.** В статье рассматривается институт наследования аккаунтов в социальных сетях. Данный вопрос расширяет свою актуальность по мере внедрения в повседневную жизнь цифровых технологий. Потребность приобретения аккаунта в социальной сети обусловлена преимущественно коммерческими факторами и имеет дискуссионный характер в связи с прямой зависимостью аккаунта

---

<sup>1</sup> Рожкова М. А. Информация как объект гражданских прав // III Сибирские правовые чтения : сборник научных статей / отв. ред. В. И. Осейчук. Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2019. С. 105.

от личности его первоначального владельца, что, согласно 1112 ГК РФ, не позволяет включить его в наследственную массу. Трудности в отсутствии законодательной проработанности обуславливают обращение к нормам-принципам, необходимость применения которых находится в прямой зависимости от информационной нагрузки аккаунта, его экономических функций, а также наличия определенных обстоятельств, имеющих чрезвычайный характер.

**Ключевые слова:** аккаунт, социальные сети, наследование, личность пользователя, владелец аккаунта.

Известно, что в настоящее время ведение аккаунта в социальных сетях (далее — аккаунта) осуществляется не только с целью обмена информацией между пользователями или самовыражения лиц, но и для реализации коммерческой деятельности.

Для удобства определения сущности и назначения того или иного аккаунта, его материальной ценности как объекта наследования, представляется рациональным условное разделение А. В. Гапановичем аккаунтов на пользовательские и коммерческие<sup>1</sup>.

Коммерческие аккаунты представляют собой некие «площадки» для осуществления предпринимательской деятельности, в том числе проведения рекламных кампаний. Любая публикуемая информация может иметь вид как публичной оферты (например, в социальной сети ВКонтакте возможно создание раздела «Товары»), так и представлять собой иное предложение приобрести конкретный товар, заказать работу или услугу. У аккаунтов подобного рода отсутствует прямая связь с личностью пользователя.

Наиболее распространенной позицией относительно правового статуса аккаунта является признание его объектом, имеющим сугубо личный характер<sup>2</sup>, что, согласно ст. 1112 ГК РФ, исключает необходимость владения и пользования аккаунтом наследниками<sup>3</sup>. Так, Е. С. Гринь, анализируя зарубежный опыт, отмечает, что иностранные законодатели, осуществляя попытки в определении правового статуса аккаунта, приравнивали его использование к ведению личного дневника умершего в силу наличия в них сведений о его частной жизни<sup>4</sup>.

Практика не исключает наличие обстоятельств, при которых аккаунт умершего может содержать необходимую для иных лиц информацию личного содержания.

---

<sup>1</sup> Гапанович А. В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // Наследственное право. 2020. № 2. С. 40–43.

<sup>2</sup> Куемжиева Е. Г., Облогин Д. Д., Складчиков С. В. К вопросу о наследовании аккаунтов в социальных сетях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 119.

<sup>3</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>4</sup> Гринь Е. С. Наследование аккаунтов в социальных сетях: российский и зарубежный опыт // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2 (135). С. 132.

В 2015 г. Федеральный Верховный суд Германии рассмотрел спор между Facebook и родителями умершего подростка, желавшими получить доступ к его переписке с целью выяснить причину его смерти. Судом апелляционной инстанции ранее было отказано в разглашении подобной информации в связи с тем, что сообщения в социальной сети могли содержать личные данные как умершей, так и иных лиц, с которыми она осуществляла общение посредством переписки. Окончательное решение вынес Верховный суд, указав, что «аккаунт пользователя в соцсети передается наследникам владельца аккаунта»<sup>1</sup>. На рациональность данного решения можно сослаться по причине того, что предмет спора мог оказать прямое влияние на установление причины смерти и возникшую в связи с этим потенциальную необходимость в расследовании убийства. Кроме того, требовалось разрешение вопроса о возможной материальной компенсации машинисту поезда, под который упала умершая.

Тем не менее автор считает, что передача родителем умершей прав на ее аккаунт в порядке наследования является примером, когда суд ставит под сомнение неукоснительное соблюдение таких принципов гражданско-правового регулирования как законность, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, а также закрепленное в ст. 23 и 24 Конституции РФ право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную тайну, защиту чести и доброго имени, запрет сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица<sup>2</sup>. Данный пример зарубежного опыта свидетельствует о сложившемся конфликте норм-принципов и факторов объективной необходимости. Это обуславливает объективную необходимость в официальном закреплении права ознакомления с личными данными умершего лица через принадлежавшие ему аккаунты исключительно в ситуациях, требующих безотлагательного предоставления информации о данном лице, только законодательно установленному кругу субъектов в рамках уголовно-процессуальной деятельности.

В то же время неоспоримым является факт существования аккаунтов, имеющих скорее опосредованную связь с личностью умершего лица, которые использовались им преимущественно для самовыражения (написание статей, стихов, демонстрация выполненных картин и т. п.), что дает основания для приравнивания его к результату интеллектуальной деятельности. Статья 1283 ГК РФ признает возможным свободный переход исключительного права на произведение по наследству.

Р. А. Амбарцумов выделяет следующие категории аккаунтов, отождествляя их с соответствующими видами интеллектуальных ценностей:

— в качестве составного произведения — объединения нескольких произведений, представляющих собой по подбору или расположению материалов результат

<sup>1</sup> Верховный суд Германии разрешил передавать по наследству аккаунты в Facebook // pravo.ru [сайт]. 13 июля 2018. URL: <https://pravo.ru/news/204002/?ysclid=ln3nl3sno19858387568> (дата обращения: 21.09.2023).

<sup>2</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023).

творческого труда. Здесь предполагается исходить не из оригинальности самих материалов (видеозаписей, изображений, текста и т. п.), а из особенности их комбинирования и своеобразного представления в публичный доступ владельцем аккаунта.

— как сложный объект, когда произведения, являющиеся по своей природе самостоятельными объектами авторских прав, эксплуатируются владельцем аккаунта на основании соглашений, заключаемых таким лицом с обладателями исключительных прав (кинофильм, иное аудиовизуальное произведение). Закон не ограничивает последних в праве продолжения данных правоотношений с наследниками владельца аккаунта путем перезаключения или изменения условий договора.

— как база данных — систематизация материалов таким образом, чтобы при помощи ЭВМ возможность их найти и обработать была у любого имеющего соответствующие разрешения пользователя<sup>1</sup>.

Настоящее возрастание роли социальных сетей в бытовой, профессиональной и иных сферах обусловило тенденцию перехода ряда форм взаимодействия субъектов в цифровой формат. Учитывая особую востребованность применения в отношении потенциального наследника аккаунта норм, регулирующих наследование авторских прав, достаточно остро при разрешении вопроса наследования аккаунта стоит проблема соблюдения норм-принципов, определяющих исходные руководящие начала всех отношений гражданско-правового оборота. Данная необходимость, которая пересекается с отсутствием должной законодательной проработанности, требует не только конкретизации, но и постоянного обращения к положениям общей части гражданского законодательства. Так, принимая во внимание специфику двойного представления о содержании аккаунта в социальной сети, правоприменителю следует учитывать потенциальные риски нарушения закрепленных в ст. 1 ГК РФ принципов недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, беспрепятственного осуществления гражданских прав, и, как следствие, обеспечения восстановления нарушенных прав<sup>2</sup>, а также дискредитации иных устоявшихся начал. Автор разделяет позицию В. В. Мальцева, который указывает на то, что, провозглашая принципы, «законодатель тем самым возлагает на себя обязанность воплощать их в правовых нормах»<sup>3</sup>.

Таким образом, можно сделать вывод, что целесообразность применения норм, регулирующих наследование авторских прав, для разрешения вопроса о переходе аккаунта наследнику, находится в прямой зависимости от связи такового с личностью первоначального владельца. Об этом свидетельствуют положения ст. 1112 ГК РФ, устанавливающие недопустимость нахождения в наследственной массе объектов, неразрывно связанных с личностью наследодателя. Тем не менее ст. 1283 ГК РФ допускает переход исключительных прав на объекты авторской дея-

<sup>1</sup> Амбарцумов Р. А. Аккаунты социальных сетей как объекты наследственных правоотношений // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 134–135.

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>3</sup> Мальцев В. В. Принципы уголовного законодательства и общественно опасное поведение // Государство и право. 1997. № 2. С. 98–102.

тельности, а также ст. 1240 и п. 2 ст. 1259 ГК РФ не содержат ограничений и запретов наследования прав на обозначенные в них произведения, к которым, в силу их аналогичного фактического положения, может относиться не связанный напрямую с личностью умершего владельца аккаунт.

**Лебедь П. А.**  
ВШП ИГСУ РАНХиГС  
Студент

## **Защита голоса человека: сравнительное исследование права России и Китая**

**Аннотация.** В последнее время всё актуальнее становится проблема признания и использования голоса человека как личного неимущественного права физического лица. В статье приводится общий обзор текущего положения законодательного регулирования защиты голоса человека в России и Китае, а также анализ китайской судебной практики для возможного дальнейшего заимствования некоторых практических аспектов китайского гражданского права и правоприменения, связанных с защитой голоса человека.

**Ключевые слова:** защита голоса, личные неимущественные права, сравнительное право, гражданское право России, гражданское право Китая

Для обозначения проблематики данной статьи для начала необходимо определиться с ключевым ее понятием — понятием голоса. Согласно определению Музыкальной энциклопедии, голос — это «разнообразные звуки, образующиеся при помощи голосового аппарата и служащие для общения между живыми существами. У человека это общение осуществляется в основном посредством речи и пения»<sup>1</sup>. Высокую оценку получает голос как благо для лиц определенных профессий (артист оперы, диктор радио и телевидения, пародист, имитатор, врач-психотерапевт, экскурсовод и пр.). Кроме того, голос — одна из уникальных черт личности, а с юридической точки зрения он является объектом личных неимущественных прав физического лица и одной из форм биометрической аутентификации, позволяющей идентифицировать личность человека по совокупности своих уникальных характеристик<sup>2</sup>.

В современном российском законодательстве голос фигурирует в основном как «биометрический» показатель<sup>3</sup>. Так, согласно ст. 11 Федерального закона

<sup>1</sup> Музыкальная энциклопедия: [в 6 т.] / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М. : Советская энциклопедия; Советский композитор, 1973–1982.

<sup>2</sup> Брагина Е. К., Соколов С. С. Современные методы биометрической аутентификации: обзор, анализ и определение перспектив развития // Вестник АГТУ. 2016. № 61. С. 40–43.

<sup>3</sup> Например, см.: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», постановление Правительства РФ от 30.07.2018 № 772, распоряжение Правительства РФ от 30.06.2018 № 1322-р.

№ 152-ФЗ биометрическими персональными данными признаются сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность. В современном мире голос уже является примером таких сведений и применяется в ряде методов информационной защиты, требующих для разблокировки, к примеру, не просто ввести верный пароль, но произнести его голосом владельца аккаунта.

Несмотря на то что голос как объект личных неимущественных прав в России пока не охраняется, предполагаем, что суд может применить по аналогии нормы, защищающие изображение<sup>1</sup>, придя к выводу, что, например, запись голоса человека может быть обнародована и использована в дальнейшем только с его согласия либо, после его смерти, с согласия детей, пережившего супруга или родителей.

На фоне стремительного развития цифровых технологий и технологии искусственного интеллекта, создания компьютерных программ для синтеза голоса либо его изменения («автотюн»), появления технологии создания т. н. «дипфейков» (от англ. «deep learning», «глубокое изучение», и «fake», «подделка») и прочих факторов проблема признания голоса человека как отдельного объекта гражданских прав встает всё острее. Так, в январе 2023 г. Союз дикторов обратился к главе Комитета Государственной думы по информационной политике А. Е. Хинштейну с просьбой об установлении специального регулирования синтеза человеческого голоса и использований технологии искусственного интеллекта, так как использование подобных технологий влечет прямую угрозу существованию таких профессий, как, например, диктор или актер озвучивания (дубляжа)<sup>2</sup>.

На текущий момент во многих странах мира голос человека является объектом его нематериальных прав наравне с изображением (см. п. 6 ст. 2 ч. 1 Закона Израиля о защите частной жизни, п. 18 ст. 66 Конституции Эквадора, п. 7 ст. 2 Конституции Перу и ст. 15 ГК Перу, ст. 3344 (а) ГК Калифорнии, п. 2 ст. 1023 ГК КНР и др.)<sup>3</sup>. Отношение к подобному «приравниванию» права на голос к праву на изображение может быть спорной позицией. Так, М. Н. Малеина полагает аналогию закона неприменимой, несмотря на одинаковую цель нематериальных благ (об-

---

<sup>1</sup> Ст. 152.1 ч. 1 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».

<sup>2</sup> Лебедева В., Литвиненко Ю. У дикторов крадут голоса. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5785920> (дата обращения: 19.09.2023).

<sup>3</sup> Закон о защите частной жизни, 5741–1981. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/347462> (дата обращения: 19.09.2023) ; Конституция Республики Эквадор. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/584652> (дата обращения: 19.09.2023) ; Политическая Конституция Перу 1993. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/584179> (дата обращения: 19.09.2023) ; Гражданский кодекс. Законодательный указ № 295. URL: [https://www.limaeasy.com/index.php?option=com\\_jreviews&format=ajax&url=media/download&m=Lk66Y&1695584478641](https://www.limaeasy.com/index.php?option=com_jreviews&format=ajax&url=media/download&m=Lk66Y&1695584478641) (дата обращения: 19.09.2023) ; Гражданский кодекс Калифорнии. URL: <https://law.justia.com/codes/california/2022/code-civ/division-4/part-1/title-2/chapter-2/article-3/section-3344/> (дата обращения: 19.09.2023).

лика и голоса) — индивидуализацию гражданина<sup>1</sup>, в то время как А. Г. Матвеев и Е. Ю. Мартыанова, наоборот, считают аналогией очевидным инструментом защиты права на голос<sup>2</sup>.

Подобной позиции придерживается и китайский законодатель. Часть 2 статьи 1023 ГК КНР гласит: «К защите голоса физических лиц по аналогии применяются соответствующие положения о защите изображения»<sup>3</sup>. В то же время в дальнейшей китайской юридической практике защита голоса человека обрастает множеством нюансов, изначально не свойственных защите изображения. Например, в отношении голоса используется так называемый «критерий известности». Концепция этого критерия заключается в том, что необходимо по-разному подходить к защите голоса широко известных лиц (крупные политики и религиозные деятели, артисты, теле- и радио дикторы, крупные бизнесмены), лиц, известных в определенном кругу (ученые, преподаватели, местные политики) и «не-знаменитостей» (обывателей)<sup>4</sup>, так как неправомерное использование голоса широко известного лица может повлиять на мнение значительного процента населения, голоса лица, известного в определенном кругу — на широкую группу населения (коллеги ученого, студенты преподавателя и т. д.), а голоса «не-знаменитости» преимущественно на ближайшее окружение конкретного человека (семья, друзья, коллеги). Таким образом, если неправомерное использование голоса «не-знаменитости» чаще всего нарушает лишь личные неимущественные права конкретного лица, то неправомерное использование голоса широко известного лица может даже стать угрозой национальной безопасности<sup>5</sup>. Сходной позиции придерживаются и некоторые наши исследователи, например, об этом говорит А. С. Киселёв на примере использования дипфейков бывшего президента США Б. Обамы с осуждающей речью в сторону бывшего президента США Д. Трампа<sup>6</sup>.

Следует так же отметить, что теме дипфейков уделено внимание и в ГК КНР. Так, ст. 1019 запрещает «подделывание (изображения) с помощью использования средств информационных технологий». Согласно ч. 2 ст. 2023, то же относится и к подделыванию голоса. Данное положение было введено именно для предот-

---

<sup>1</sup> Малеина М. Н. Право человека на индивидуальный голос и его защита / Юрист. Москва. 2015. № 13. С. 17–22.

<sup>2</sup> Матвеев А. Г., Мартыанова Е. Ю. Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании // Ex Jure Пермь. 2023. № 3. С. 118–131.

<sup>3</sup> Гражданский кодекс Китайской Народной Республики // отв. ред. П. В. Трошинский. М. : Синосфера, 2020.

<sup>4</sup> Ван Шаоси. Правовая идентификация «знаменитостей» в рекламных объявлениях // Фалюй Шиюн (Правоприменение). 2017. № 17.

<sup>5</sup> Ван Шаоси. Толкование и применение защиты голоса в эпоху «Гражданского кодекса» // Фалюй Шиюн (Правоприменение). 2023. № 6.

<sup>6</sup> Киселёв А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2021. № 3.



вращения возможной угрозы национальной безопасности и общественным интересам, о чем прямо говорится в сводном докладе Конституционной и правовой комиссии ВСНП об изменениях в разделе «Личные неимущественные права» проекта Гражданского кодекса от 20.04.2019<sup>1</sup>.

Еще одним важным аспектом является способ обнаружения и/или использования записи голоса. Об этой проблеме в 2015 г. писала еще М. Н. Малеина<sup>2</sup>, а сейчас эта проблема внезапно стала одной из наиболее актуальных, после того, как в августе 2023 г. актриса озвучивания Алёна Андропова подала в суд на АО «Тинькофф Банк» за распространение на платной основе TTS-функции с ее голосом в системе Tinkoff VoiceKit без ее согласия, так как по заключенному между А. Андроновой и АО «Тинькофф Банк» в 2019 г. договору, голос актрисы должен был использоваться только для обучения голосового помощника колл-центра Тинькофф<sup>3</sup>.

В Китае способу дальнейшего использования записи изображения и голоса человека так же уделяется большое внимание. Например, в 2021 г. интернет-суд Пекина вынес решение по делу (2021) 京0491民初23000号, которое вызвало немалые споры в китайском юридическом сообществе. Согласно обстоятельствами дела, гражданин Хэ Гоуан заключил договоры об участии в рекламной кампании в качестве режиссера с компанией Beijing Sunshine Yinyi Technology Co., однако под давлением начальства сам стал участником более 30 коротких видео, записанных в рамках этой рекламной кампании. Позднее, данные видео были выложены в видеосервисе Douyin (TikTok) не только на официальном аккаунте указанной компании, но и на аккаунте «Чжэнь-нян» («Сестрица Чжэнь»), официальном аккаунте Shenzhen Sunshine Yinyi Technology Co. Хэ Гоуан подал иск в интернет-суд Пекина против обеих компаний с требованием компенсации ему морального вреда за незаконное использование его изображения и голоса в размере 25 000 юаней (~300 000 руб.) от каждой из компаний, так как с Шэньчжэньской компанией он вообще не заключал каких-либо соглашений, а Пекинской компании не давал согласия на использование своего образа (изображения) и голоса. Требования были частично удовлетворены<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> 全国人民代表大会宪法和法律委员会关于《民法典人格权编(草案)》修改情况的汇报 // URL: <https://pkulaw.com/protocol/8981d2f8dd57877201ca1e6cb622e277bdfb.html> (дата обращения: 19.09.2023).

<sup>2</sup> Малеина М. Н. Право человека на индивидуальный голос и его защита // Юрист. Москва. 2015. № 13. С. 17–22.

<sup>3</sup> Тинькофф украл голос нейросетью? Актриса дубляжа требует с компании 6 млн. рублей и вместе с другими актерами и дикторами добивается защиты от синтеза // URL: <https://www.ixbt.com/news/2023/08/31/tinkoff-ukral-golos-nejrosetju-aktrisa-dubljazha-trebuets-kompanii-6-mln-rublej-i-vmeste-s-drugimi-akterami-i.html> (дата обращения: 19.09.2023).

<sup>4</sup> 何国煌与深圳阳光印易科技有限公司等网络侵权责任纠纷一案民事判决书 // URL: <https://pkulaw.com/pfnl/95b2ca8d4055fce1b78930aca98f6fb2da7f5cba6d4dbe50bdfb.html> (дата обращения: 19.09.2023).

Как мы уже говорили, в российском законодательстве на текущий момент голос человека рассматривается практически исключительно как биометрический параметр, но не как объект неимущественных гражданских прав, что, на наш взгляд, является исправимым недостатком российского правового поля. Предполагаем, российский законодатель может воспользоваться опытом китайских коллег, и, уже видя конкретные варианты последствий принятия принципа защиты голоса по аналогии с защитой изображения в китайском законодательстве и правоприменении, добавить сходные положения в российское законодательство. Например, можно дополнить ст. 152.1 положением о регулировании отношений, связанных с защитой голоса, по аналогии; или добавить ст. 152.3, отдельно регулиющую данные отношения.

С каждым годом количество ситуаций, требующих гражданско-правового регулирования личного неимущественного права физического лица на голос, становится всё больше, а сами они становятся всё разнообразнее. Мы уверены, что российская гражданско-правовая наука будет идти в ногу со временем и отвечать всё новым запросам, которые перед ней ставит развитие современных технологий, и нам кажется, что мы можем рассматривать опыт Китая в отношении регулирования права человека на голос как одну из моделей развития нашего гражданского права.

**Михайлинский Г. О.**

Юридический институт Сибирского федерального университета  
Студент

### **Гараж как объект гражданских прав: проблемные вопросы правового регулирования**

**Аннотация.** В статье анализируется современное состояние законодательного регулирования правоотношений в сфере использования гаражей. Рассматриваются основные положения Закона о гаражных объединениях в контексте «гаражной амнистии».

**Ключевые слова:** гараж, недвижимое имущество, гаражная амнистия, государственная регистрация, гаражное объединение.

На протяжении длительного времени в Российской Федерации особую актуальность имеют вопросы, связанные с недвижимым имуществом и правами на него. Одним из наиболее проблемных объектов недвижимости с точки зрения правового регулирования связанных с ним правоотношений является гараж.

С 1 сентября 2021 г. в нашей стране действует Федеральный закон от 05.04.2021 № 79-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о гаражной амнистии). По данному закону граждане теперь могут в упрощенном порядке оформить в собственность гаражи и земельные

участки под ними. С «гаражной амнистией» связан ряд значимых вопросов регулирования оборота недвижимых вещей, связанных в основном с «системой кадастрового учета и регистрации прав на гаражи»<sup>1</sup>. Однако для более эффективной реализации указанных процедур представляется необходимым более подробное рассмотрение на законодательном уровне ряда вопросов теоретического и практического характера, касающихся правового регулирования связанных с гаражами отношений. В частности, это относится к статусу самих гаражей как недвижимости и правовому положению субъектов вещных прав на гаражи, их правомочий и порядка их защиты.

В законодательстве РФ сегодня отсутствует легальное определение гаража. Единственная официальная трактовка данного понятия содержится в СП 113.13330.2016 «Стоянка автомобилей. Актуализированная редакция СНиП 21–02–99», в котором определение гаража дается через указание на его функциональное предназначение — стоянка (хранение) транспортных средств<sup>2</sup>.

Данный пробел восполнен в Федеральном законе от 24.07.2023 № 338-ФЗ «О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о гаражных объединениях), вступление которого в силу запланировано с 1 октября 2023 г. Норма ч. 2 ст. 2 указанного закона закрепляет, что «под гаражом понимается нежилое здание, предназначенное исключительно для хранения транспортных средств. Гаражи могут иметь подвальные помещения и не более двух наземных этажей»<sup>3</sup>. Введя данное определение, законодатель устранил правовую неопределенность относительно возможности распространения «гаражной амнистии» на владельцев, использующих гаражи с иной целью, чем хранение транспортных средств (например, для хранения товаров или в качестве автосервисов).

Также одним из проблемных вопросов регулирования правоотношений, связанных с гаражной недвижимостью, долгое время оставались объем и содержание правомочий собственников гаражей. Ключевое значение Закона о гаражных объединениях заключается именно в регламентации правоотношений по осуществлению собственниками гаражей своих правомочий в отношении имущества в пределах территории гаражного назначения, находящегося в их общей собственности или в общем пользовании. Предусматривается, что общим имуществом могут управлять такие субъекты, как сами собственники гаражей, товарищество собственников недвижимости, управляющей организацией по договору управления общим

---

<sup>1</sup> Зазолина Е. В. Правовое регулирование проведения амнистии в России: проблемные аспекты реализации и возможные пути совершенствования // Вестник Поволжского института управления. 2021. № 6. С. 82.

<sup>2</sup> СП 113.13330.2016 «Стоянка автомобилей. Актуализированная редакция СНиП 21–02–99» СНиП 21–02–99: приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 07.11.2016 № 776/пр (в ред. от 10 дек. 2017 г.) // Информационный бюллетень о нормативной, методической и типовой проектной документации. 2017. № 3.

<sup>3</sup> О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2023 № 338-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.08.2023).

имуществом. Выбор того или иного способа зависит от решения общего собрания собственников гаражей.

Одним из интересных положений данного закона является также легальное закрепление особого вида товарищества собственников недвижимости, каковым, собственно, и является гаражное объединение. Указанное товарищество создается собственниками гаражей и машиномест на добровольных началах.

Таким образом, как отмечал парламентарий В. В. Полетаев, Закон о гаражных объединениях представляет собой заключительный этап регулирования вопросов в гаражной сфере<sup>1</sup>. Стоит согласиться с тем, что значительное число ранее неразрешенных вопросов, касающихся гаражной недвижимости, получили регламентацию в данном законе. Разумеется, определенные пробелы в предусмотренном регулировании наверняка вскроются в процессе правоприменения, что повлечет необходимость разъяснений Верховного Суда РФ и, возможно, внесения дополнительных изменений в законодательство.

**Орлов Г. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Имущественные права и валюта как объекты договора мены**

**Аннотация.** Сделки по обмену товарами достаточно редки для современного рынка, однако при кризисных условиях и нестабильной валюте, недостаточности свободных денежных средств у субъектов предпринимательства и граждан, высоких ставках кредитования, данные сделки получают широкое распространение.

**Ключевые слова:** гражданское право, договор мены, имущественные права, имущественные права, валюта.

По мнению К. Хоффман договор мены имеет ряд преимуществ по сравнению с купле-продажей. Субъекты данного договора не имеют обязанности оплачивать товар, поэтому нет необходимости копить и брать в долг денежные средства. Такой договор является «спасительным» во время кризисов в экономике. Субъекты предпринимательства используют договор мены при неплатежеспособности, излишков товаров и при отсутствии денежных средств для развития предпринимательской деятельности<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Одобрены комплексные решения по защите прав собственников гаражей в рамках «гаражной амнистии» // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/146857/> (дата обращения: 25.08.2023).

<sup>2</sup> Karen S. Hoffman, Shera D. Dalin. The art of barter: how to trade for almost anything. USA: Library of Congress Cataloging-in-Publication Data, 2010. P. 4.

Стоит признать, что регулирование договора мены неидеально. Нет регламентированного порядка заключения договора мены недвижимого имущества и его исполнения. Про возможность обмена имущественными правами также нет ничего в законе. Глава, посвященная договору мены, не изменялась с момента создания Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно статье 454 п. 4 Гражданского кодекса, правила о договоре купли-продажи применяются не только к вещам, но и к имущественным правам<sup>1</sup>. Отсюда возникает вопрос: может ли объектом мены быть имущественное право, например, обязательственные права? Например, мена одной вещи на право требования из договора займа или взаимный обмен обязательственными правами. В цивилистике данный вопрос остается открытым.

А. С. Яковлев считает, что такой договор возможно заключить, так как Гражданский кодекс РФ позволяет заключить любой договор (непоименованный), который будет регулироваться нормами о сходных правоотношениях, а именно нормами, регулирующими договор мены<sup>2</sup>. В. В. Витрянский говорит о том, что имущественные права не могут являться объектом договора мены<sup>3</sup>.

С точки зрения автора, имущественные права могут быть объектами договора мены. Такой вывод можно сделать, выделив признаки имущественного права, а именно возможность денежной оценки, возможность выступать объектом интереса субъектов гражданских правоотношений и возможность передачи имущественных прав, то есть их отчуждаемость.

Отсюда следует вывод о том, что объектом договора мены могут быть имущественные права. Во-первых, Гражданский кодекс не запрещает заключение таких договоров. Во-вторых, любое имущественное право возможно оценить в денежном эквиваленте, что соотносит такие права с понятием товар. В-третьих, имущественные права являются отчуждаемыми, что также соответствует понятию товар.

Для закрепления такой позиции, возможно привести зарубежный опыт по данному вопросу. Гражданский кодекс Латвийской Республики прямо закрепляет возможность заключения договора мены, объектом которого являются имущественные права<sup>4</sup>.

Однако следует сказать, что не все имущественные права могут быть объектом договора мены. Не могут передаваться права, которые тесно связаны с личностью кредитора, а именно права на взыскание алиментов, права на возмещение вреда

---

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.09.2023) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

<sup>2</sup> Яковлев А. С. Имущественные права как объекты гражданских правоотношений. Теория и практика. М. : Ось-89, 2005. С. 131–132.

<sup>3</sup> Брагинский М. И. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества // М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. 2-е изд. М. : Статут, 2011. С. 258–250.

<sup>4</sup> Гражданский кодекс Латвийской Республики / науч. ред. и предисл.: Н. Э. Лившиц, обзор. ст.: А. В. Свиб, пер. с латыш. под рук. И. Алфеевой. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2001. С. 683.

жизни или здоровью. Также не могут передаваться имущественные права без согласия должника, если личность кредитора важна для него, например, требование о выдаче кредита.

Главной проблемой признания имущественных прав объектом договора мены является то, что товар, переданный по договору, должен переходить в собственность. Отсюда следует вывод о том, что имущественные права, которые не приводят к возникновению собственности в отношении вещей, не могут быть объектами договора мены. Например, при передаче права требования к должнику по договору займа, денежные средства, которые уплатит должник, перейдут в собственность кредитора. Если не происходит «овеществления» имущественного права, то такое право по договору мены передано быть не может.

На основании всего вышесказанного, следует сделать вывод о том, что договор мены, объектом которого являются имущественные права, заключать можно. Данный договор будет считаться непоименованным и к нему должны применяться нормы о договоре мены и купле-продажи. Учитывая все ограничения такого договора, которые были описаны выше, можно сказать, что такой договор не противоречит законодательству и возможность заключения такого договора соответствует принципу свободы договора.

Множество споров среди цивилистов вызывает вопрос: может ли валюта быть объектом договора мены? На данный момент существует два основных подхода к данной проблеме. Одни ученые говорят о том, что такую сделку нужно считать договором мены, так как в данном случае деньги используются не как мера стоимости, а как вещь<sup>1</sup>. Отсюда можно сделать вывод, что обмен валютой является обменом товаров.

Другие ученые говорят, что единственной законной валютой платежа на территории Российской Федерации является рубль, из этого следует, что сделка, на основе которой происходит покупка валюты за рубли или продажа валюты за рубли, является договором купли-продажи. Вместе с тем обмен одной валюты на другую является договором мены, так как стороны совершают обмен имуществом, которое не является законным средством платежа<sup>2</sup>.

Интересное мнение было высказано профессором Т. В. Закупень, которая сказала, что обмен одной и той же валюты так же может выступать объектом договора мены, если валюта обменивается на различный номинал, то есть размен<sup>3</sup>.

На основании вышесказанного, можно выделить два правила, когда объектом договора мены является валюта:

- 1) Валюта обменивается на другую валюту.
- 2) Обмен одной и той же валюты, но с разным номиналом.

---

<sup>1</sup> Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. По испр. и доп. 8-му изд., 1902. Изд-е 3-е, испр. М. : Статут, 2003. С. 574.

<sup>2</sup> Грачева Е. Ю., Соколова Э. Д. Финансовое право : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юриспруденция, 2000. С. 251.

<sup>3</sup> Закупень Т. В. Договор обмена валюты с участием граждан // Законодательство. 2003. № 9. С. 43.

Рубль не может быть признан объектом договора мены, так как он является единственным законным средством платежа, следовательно, его невозможно признать товаром. Признание законного средства платежа товаром противоречит его природе.

На основе приведенных мнений ученых и анализе законодательства, можно сделать вывод о том, что объектом договора мены могут быть не только вещи.

Имущественные права являются объектом договора мены. Во-первых, Гражданский кодекс не запрещает заключение таких договоров. Во-вторых, любое имущественное право возможно оценить в денежном эквиваленте, что соотносит такие права с понятием товар. В-третьих, имущественные права являются отчуждаемыми, что также соответствует понятию товар.

Однако стоит учитывать и ограничения. Не могут передаваться права, которые тесно связаны с личностью кредитора, имущественные права без согласия должника, если личность кредитора важна, имущественные права, которые не приводят к возникновению собственности в отношении вещей.

Валюта является объектом гражданских прав, если валюта обменивается на другую валюту или осуществляется обмен одной и той же валюты, но с разным номиналом.

**Панков Д. С.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Проблемы правового регулирования цифровых прав как объектов гражданских прав**

**Аннотация.** В условиях активного развития цифровых и информационных технологий встает вопрос их правового регулирования. Современные цифровые платформы предполагают в действительности неограниченный массив возможностей, порождающих финансовые, обязательственные интеллектуальные и иные правоотношения между пользователями сети Интернет. Причем уникальность таких отношений в первую очередь связана с тем, что всемирная интернет-паутина настолько огромна и, можно сказать, безгранична, а ко всему прочему еще и в большинстве случаев не имеет привязки к какому-то конкретному региону или государству, в связи с этим возможность их правового урегулирования неоднозначна.

**Ключевые слова:** цифровые права, криптовалюта, цифровые финансовые активы, внутриигровая валюта, цифровые услуги, цифровой рубль.

Сущность такой категории как объекты гражданских прав заключается в установлении правового режима их регулирования, возможности или, наоборот, невозможности совершения сделок с ними и достижения посредством этих сделок

определенного результата. По мнению Л. Ю. Василевской, большинство пробелов возникает вследствие того, что любую вещь можно «перевести в цифру», но цифровой код вещи не сможет передать ее уникальные характеристики и особенности<sup>1</sup>. Безусловно, законодатель уже достаточно долгое время совершает определенные попытки хотя бы рамочно нормативно урегулировать те отношения в цифровой среде, которые на данный момент поддаются хоть малейшей возможности установить их правовой режим. Так, например, статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации относит цифровые права к имущественным правам, а статья 141.1 устанавливает их правовой статус<sup>2</sup>. Но даже здесь не все так просто. Обращаясь к тексту статьи 141.1, важно определить, что законодатель под цифровыми правами имеет в виду именно цифровые финансовые активы, это можно понять в том числе по ссылочному характеру диспозиции данной нормы, которая переводит внимание на Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>3</sup>. Из этого следует вывод: законодательство на сегодняшний день придерживается позиции обязательственной природы возникновения цифровых прав<sup>4</sup>.

Также согласно данному Федеральному закону криптовалюта приравнивается к категории цифровых валют и в этой связи признается имуществом и подлежит судебной защите лишь в том случае, если производилось своевременное информирование о факте обладания такой цифровой валютой и совершения с ней гражданско-правовых сделок или операций в порядке, установленном законодательством о налогах и сборах. Ранее же судебная практика в большинстве случаев складывалась в пользу того, что криптовалюта является денежным суррогатом со всеми вытекающими правовыми последствиями<sup>5</sup>. В свою очередь, Центральный банк Российской Федерации разрабатывает законопроект о запрете криптовалюты для неквалифицированных инвесторов и отграничении России от рынка цифровой валюты, а Министерство Финансов Российской Федерации, напротив, внесло 18 февраля 2022 г. в Правительство РФ законопроект, в котором криптовалюта и даже ее майнинг рассматриваются как возможный инструмент для инвестиций, но всё же запрещенный в качестве средства платежа. Верховный суд в этом спо-

---

<sup>1</sup> Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 113.

<sup>2</sup> Кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая // СЗ РФ. 1994. № 32. С. 3301.

<sup>3</sup> Федеральный закон от 31.07.2020 № 257-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

<sup>4</sup> Разуваев Н. В. Цифровая трансформация субъективных гражданских прав: проблемы и перспективы // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021;(1). С. 22.

<sup>5</sup> Решение Арбитражного суда города Москвы от 29.11.2019 по делу № А40–164942/19–27–1380 // СПС «КонсультантПлюс».



ре придерживается всё же нейтральной позиции и в своем определении по делу № 44-КГ20–17-К7 признает ее имуществом, если соблюдены все установленные законодательством о налогах и сборах правила<sup>1</sup>.

С цифровыми финансовыми активами все, так или иначе, понятно, по своей сути они представляют собой все те же ценные бумаги только в цифровом формате, а посему вопросов по правовому регулированию не возникает, все необходимое в законодательстве уже есть. Но как же быть со всеми остальными цифровыми правами: цифровыми услугами, внутрисервисными и внутриигровыми предметами и валютой и т. д.?

Касаемо внутрисервисных и внутриигровых валют, предметов, и иных объектов действующее законодательство так же ответов не дает, однако нам видится, что в данном случае такой необходимости не возникает. Это связано с тем, что игровая индустрия в зарубежных странах развивается уже очень долгое время, с конца XX в., а посему в этих странах законодательство уже давно предусматривает регулирование всех связанных с ней вопросов. Судьба всех объектов, существующих внутри цифрового сервиса или игры, целиком и полностью, определяется лицензионным и пользовательским соглашениями, которые в свою очередь, естественно, не должны противоречить закону. Таким образом, на практике, в большинстве случаев, такие цифровые объекты по соглашению принадлежат разработчикам или издателям, то есть лицензиару, но бывают и исключения. Российская судебная практика в большинстве случаев складывается именно по такому пути<sup>2</sup>, и исходит из норм о лицензионном договоре<sup>3</sup>. Судебная практика в большинстве случаев складывается именно по такому пути<sup>4</sup>. Тем не менее в случаях, когда по лицензионному соглашению внутриигровые и внутрисервисные цифровые объекты могут находиться в собственности игрока или пользователя в виртуальном мире, порождая цифровые права на них в реальном мире, возникают споры по поводу возможности распоряжения такими цифровыми правами, например, продажи за реальные деньги. Непонятно, также, должны ли подвергаться налогообложению приобретенные с такой продажи средства<sup>5</sup>.

Сложности в определении правового статуса цифровых услуг не возникает, цифровое право на цифровую услугу представляет собой традиционную модель: исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), оказываемые

<sup>1</sup> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.02.2021 № 44-КГ20–17-К7, 2–2886/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Апелляционные определения Московского городского суда от 20.05.2019 по делу № 33–21065/2019 и от 14.07.2015 № 33–24464 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

<sup>4</sup> Апелляционные определения Московского городского суда от 20.05.2019 по делу № 33–21065/2019 и № 33–24464 от 14.07.2015 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Аюшеева И. З. Цифровые объекты гражданских прав // Lex russica (Русский закон). 2021. 74(7). С. 36.

посредством сети Интернет, а заказчик обязуется оплатить эти услуги<sup>1</sup>. Их перечень почти никак не ограничен: информационные услуги, бухгалтерские услуги, образовательные, юридические, финансовые, консультационные и иные не запрещенные законом услуги. Остается лишь вопрос, который характерен для всех цифровых правоотношений: как защищать свои права, если стороны договора, воспользовавшись такой возможностью цифровой среды, остались анонимны? Также непонятно, как определять действие закона в пространстве, одно дело, если веб-страница или цифровой сервис принадлежит вполне конкретному физическому или юридическому лицу, имеющему место жительства или государственную регистрацию соответственно, и обязывает пользователей к авторизации в соответствии с действующим законодательством. Если же такая сторона ведет свою деятельность на территории другого государства, действующее законодательство которого противоречит положениям Российского законодательства в части, касающихся договора между сторонами, или, что еще хуже, такая сторона, опять же, осталась анонимной, и идентифицировать ее не представляется возможным?

Делая вывод из всего вышеизложенного, можно лишь констатировать тот факт, что работы предстоит действительно много, а количество новых областей цифровых прав и услуг, для которых правовое регулирование необходимо, будет расти в геометрической прогрессии. Новела в виде цифрового рубля представляется не только как новая платежная форма, но и как решение уже существующих проблем в сфере цифровых технологий: это и возможность государственного надзора за всеми цифровыми финансовыми операциями внутри Российской Федерации и устранение анонимности в той части, в которой она может нарушать права сторон правоотношений в цифровой среде, однако так ли это на самом деле, до конца не ясно<sup>2</sup>. Так же, как и не ясно, станут ли новые возможности государства, связанные с выпуском цифрового рубля механизмом излишнего контроля, имеющего обязательный характер для всех правоотношений, возникающих между гражданами Российской Федерации в рамках цифровой среды.

**Пильникова А. С.**

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя  
Курсант

### **Трансформация наследованного права в условиях цифровизации**

**Аннотация.** В статье рассматривается проблема наследования цифровых активов в условиях цифровизации современного общества. Обосновывается необхо-

---

<sup>1</sup> Овчинников А. И., Фатхи В. И. Цифровые права как объекты гражданских прав // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 108.

<sup>2</sup> Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4 (125). С. 63.

димось разработки единых стандартов и законодательства для регулирования этого процесса. Выделяются особенности цифровых активов, которые могут вызвать споры при наследовании. Автор указывает на сложности, возникающие при передаче цифровых активов по наследству, и обосновывает необходимость развития механизма их наследования. Предлагаются три возможных способа разрешения проблемы.

**Ключевые слова:** трансформация, наследственное право, цифровые активы, цифровизация.

В настоящее время не вызывают сомнений масштабы и значение цифровизации во всех сферах человеческой жизни. Искусственный интеллект, интернет вещи, квантовые вычисления, блокчейн, 5G-технологии — все то, что раньше лежало в области научной фантастики, сейчас стало неотъемлемой частью современного мира.

В условиях стремительной и масштабной цифровизации современного общества возникают спорные вопросы и неясности, требующие урегулирования и установления ясных правил и стандартов для процесса наследования цифровых активов. При этом необходимость наследственной передачи дорогих крипто-аккаунтов уже возникает, и отсутствие законодательного регулирования негативно сказывается на защите прав наследников. Для разработки эффективного механизма наследования цифровых объектов необходимо провести сравнительное исследование, моделирование и формальное толкование правовых норм, учитывая экономическую суть цифровых активов. Такой подход позволит определить особенности цифровых активов и разработать эффективные правовые нормы и процедуры.

Начнем с определения того, что представляет собой состав наследства. Под составом наследства подразумевают описание имущества и прав, которые переходят к наследникам после смерти лица, имевшего наследство. Это важная часть гражданского права, регулируемая пятым разделом Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно ст. 1112, и подчиняющаяся общим принципам гражданской теории.

Отечественная теория права в целом аналогична зарубежной. В обоих случаях, для того чтобы собственность наследодателя смогла стать объектом наследственного правопреемства, она должна отвечать следующим характеристикам:

- а) находиться в собственности наследодателя на момент его смерти;
- б) не иметь связи с личностью наследодателя;
- в) не относиться к перечню запрещенных к передаче в наследство прав и обязанностей.

Данная теория долгое время не подвергалась серьезной критике, однако с возникновением и большим распространением цифровых объектов, возникли определенные сомнения относительно ее актуальности. Это обусловлено тем, что: во-первых, их нельзя разделить на имущественную и неимущественную часть; во-вторых, в настоящее время отсутствуют специальные механизмы, регулирующие передачу цифровых объектов. В этой связи интересен пример из судебной практики,

который рассматривает А. В. Остроушко и указывает, что в решении Ряжского районного суда по делу дело 2–160/2017~М-129/2017 наглядно проиллюстрирована проблема передачи цифровых активов<sup>1</sup>. В данном случае суд отказал в удовлетворении требований о взыскании неустойки, возмещении морального вреда и штрафа в рамках закона о защите прав потребителей. Важным аспектом для принятия данного решения является утверждение, что нахождение криптовалют вне правового поля не предоставляет возможности реализации правовых механизмов для взыскания неустойки, возмещения морального вреда и штрафа, предусмотренных Законом РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей».

Таким образом, цифровые активы тесно вошли в жизнь современного человека и стали ее неотъемлемой частью, ввиду чего возникли реальные причины пересмотра объектов наследования.

Так, в 2019 г. в ГК РФ было внесено положение цифровых активах. Введение ст. 141.1 ГК РФ означает, что государство на законодательном уровне признает существование и важность цифровых прав в современном информационном обществе. Однако, несмотря на принятие такой нормы, ситуация в отношении наследования цифровых объектов, по-прежнему остается неясной. Это обусловлено двумя причинами:

1. Данное понятие, в статье 141.1, было раскрыто через другие термины, также требующие разъяснения, которые отсутствуют;

2. Гражданское законодательство так и не содержит разъяснений относительно механизма наследования цифровых объектов. Поясним данное замечание: действующее гражданское законодательство устанавливает возможность наследования цифровых объектов, но не прописывает как правильно их передавать. Единственное что установила ст. 141.1 ГК РФ — это то, что все вопросы, связанные с цифровыми объектами, регулируются положениями закона о валютном регулировании и валютном контроле. Так, мы понимаем, что ГК РФ подразумевает наличие механизма передачи цифровых объектов, но фактического описания такого механизма в нормах ГК РФ или в законе о валютном регулировании и валютном контроле нету.

Отсутствие законодательных норм в этой области создает неопределенность и риски для пользователей. Так, например, возникают вопросы о том, какой вид права владения возникает в отношении виртуальных активов, о правилах и условиях их продажи, а также о защите прав потребителей.

Вторая выделяемая проблема связана с защитой прав потребителей. В случае споров или неправомерных действий со стороны площадки или других игроков, пользователи могут столкнуться с трудностями в защите своих интересов. Например, в случае утраты доступа к цифровому активу или его кражи, пользователи могут оказаться без

<sup>1</sup> Остроушко А. В., Тимофеева И. Н. О необходимости совершенствования системы правового регулирования цифровых активов в Российской Федерации // Юридические исследования. 2021. № 4 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-sovershenstvovaniya-sistemy-pravovogo-regulirovaniya-tsifrovyyh-aktivov-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 29.09.2023).

защиты и возможности вернуть свои активы, а также отсутствие механизмов контроля и надзора за сделками с цифровыми активами создает риски мошенничества.

Таким образом, из-за сущностных особенностей цифровых активов, текущее законодательство не способно полностью решить вопросы их наследования.

Таким образом, можно подвести следующие итоги относительно цифровых активов:

- 1) цифровые активы отвечают признакам объектов, подлежащих наследованию;
- 2) стоимость цифровых активов в большинстве своем представляет размытое значение, а потому не должна являться решающим критерием при определении порядка наследования;
- 3) цифровые объекты характеризуются сложностью передачи по наследству;
- 4) цифровым активам присуща высокая степень защищенности от завладения ими посторонними лицами.

Исходя из этого можно предложить следующие способы разрешения проблем:

Во-первых, можно полностью запретить возможность наследования цифровых активов. В этом случае законодательство должно запретить наследование любых цифровых активов. Этот подход прост и избавляет от сложностей, связанных с цифровыми активами, однако является тупиковым направлением, что обусловлено несколькими причинами. Первая причина — это несправедливость, с которой столкнутся будущие наследники, так как абсолютный запрет на наследование цифровых активов лишит их шанса получить ценности, которые могут иметь огромное как экономическое, так и личное значение. Вторая причина связана с развитием современной реальности, где зависимость от цифровых активов, таких как криптовалюта, важные файлы и онлайн-аккаунты, растет с каждым днем. По сути, запрет на наследование цифровых активов фактически игнорирует эти факты и устанавливает юридический барьер в процессе реализации наследником своих прав.

Во-вторых, возможно создание отдельного нормативного правового акта, регламентирующего специальные вопросы наследования цифровых объектов. Оптимальной формой закрепления такого акта представляется Федеральный закон. Такой выбор обусловлен тем, что данный нормативный правовой акт имеет наивысший статус в правовой иерархии и обладает более высокой юридической силой, чем постановления Правительства или дополнения к закону отдельной главой. Данный способ позволит учесть уникальные характеристики объекта наследования, но также потребует разработки дополнительных законодательных институтов, что достаточно трудоемко и сложно.

В-третьих, разрешить включение в общую наследственную массу именно тех активов, которые реально возможно ввести в оборот. Этот вариант предполагает, что только те цифровые активы, которые можно перевести или продать (то есть дать им имущественную оценку), могут быть учтены в наследственной массе. Этот способ позволит избежать сложностей с активами, которые нельзя легко реализовать, однако все равно останутся нерешенными вопросы о доступе к социальным сетям и некоммерческим аккаунтам умершего.

Важным аспектом в урегулировании наследования цифровых активов в каждом из вариантов является сотрудничество между различными юрисдикциями и правовыми системами. Международные соглашения и стандарты могут помочь в установлении единых правил и процедур для передачи цифровых активов наследникам, независимо от того, где они находятся.

В заключение сто́ит отметить, что поскольку каждый из представленных вариантов не может полностью решить вопрос урегулирования механизма наследования цифровых объектов, наиболее правильным представляется комбинирование в разных пропорциях каждого из них. Крайне важно учитывать быстрое развитие технологий и изменения в сфере цифровых активов, чтобы законодательство и механизмы контроля оставались актуальными и эффективными. А как именно это сделать — это ключевой вопрос, который предстоит решить нашему законодателю в ближайшем будущем.

**Полянина М. Я.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Виртуальная собственность как новый объект гражданских прав: подходы к пониманию, проблемы правового регулирования**

**Аннотация.** В статье рассматривается новый для отрасли гражданского права институт виртуальной собственности, возникновение которого обусловлено развитием и широким распространением информационных, цифровых технологий. Целью статьи выступило исследование различных подходов к определению понятийного аппарата, специфики и проблем правового регулирования виртуальной собственности как объекта гражданских прав.

**Ключевые слова:** виртуальная собственность, объекты виртуальной собственности, виртуальное имущество, цифровые активы, виртуальная валюта.

В современном информационном обществе человеческая активность вышла далеко за пределы рамок непосредственного общения и жизнедеятельности в «офлайн-мире». В настоящий момент большинство взаимоотношений между людьми ведутся посредством сети «Интернет», где наблюдается не только установление личных контактов, но также и возникновение различного круга правоотношений, например, аренда, купля-продажа виртуального имущества и т. д. Таким образом, стремительное развитие мира информационных технологий, безусловно, способствует возникновению и развитию новых правовых институтов, в числе которых огромное значение постепенно приобретает виртуальная собственность<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Хисматуллин С. А. Понятие виртуальной собственности как нового объекта гражданского права // Наука в современном мире: приоритеты развития. 2018. Т. 2. № 1 (4). С. 75–76.

Благодаря развитию цифровых технологий и широкому распространению компьютерных игр термин «виртуальный» всё больше набирает свою популярность. Так, в современных реалиях совершенно не вызывают удивления такие выражения, как: «виртуальный мир», «виртуальная реальность», «виртуальная сеть» и т. п.

С. В. Орлов высказывает следующую точку зрения: «виртуальная компьютерная реальность не является духовным, идеальным явлением, а представляет собой искусственно созданную человеком форму материи. Она обладает основными признаками такой самостоятельной формы — своими субстратом и субстанцией, структурами пространства и времени, специфическим отношением с сознанием и взаимодействует с другими формами материи по объективным законам природы и общества»<sup>1</sup>

Виртуальные технологии всё чаще находят свое применение в реальном мире. В подтверждение данной позиции экономист и политолог М. Восканян указала на «виртуальный тимбилдинг». Так, подобные виртуальные мероприятия уже внедряются в крупные компании IT-отрасли<sup>2</sup>

В настоящее время существует проблема разработки понятийного аппарата правового института виртуальной собственности. Указанный термин носит скорее экономический, а не юридический характер, поскольку правовая природа виртуальных объектов до сих пор не определена.

Один из распространенных подходов к пониманию сущности виртуальной собственности относит ее к результатам интеллектуальной деятельности (к т. н. «лицензионным правоотношениям»). С моей точки зрения, указанный подход не затрагивает виртуальные объекты (например, виртуальную валюту) и может быть применим лишь по отношению к объектам, имеющим художественное выражение (результаты творчества художников в виртуальном мире).

Виртуальная собственность определенно имеет свою уникальную правовую природу хотя бы потому, что природа отношений, порождающих ее, достаточно уникальна. В соответствии с указанной позицией заслуживает внимание следующее определение: «виртуальная собственность — это информационно-цифровой объект, который находится на праве владения, пользования и распоряжения, приобретаемый и (или) отчуждаемый субъектом или группой субъектов путем использования телекоммуникационной инфраструктуры, высокоскоростной передачи и обработки больших данных»<sup>3</sup>

По мере развития взаимоотношений между разработчиками и пользователями нарастает необходимость правового определения статуса виртуальной собствен-

---

<sup>1</sup> Орлов С. В. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2016. № 1 (11). С. 25.

<sup>2</sup> Рахматулина Р. Ш. Цифровая форма объектов авторского права // *Право и цифровая экономика*. 2019. № 1. С. 35–38.

<sup>3</sup> Афанасьев Е. С. Виртуальная собственность как потенциальный институт в российском праве: понятие и правовая природа // *Вопросы российского и международного права*. 2022. Т. 12. № 6А. С. 142–149.

сти, о чем также свидетельствует судебная практика<sup>1</sup>. С юридической точки зрения виртуальная собственность представляет собой совокупность отношений по поводу прав владения, пользования и распоряжения объектами виртуальной собственности, среди которых прежде всего следует выделить: виртуальное имущество, домены, криптовалюту и др.

Объекты виртуальной собственности — это цифровые активы, которые могут быть приобретены, проданы, обменены или использованы в виртуальном мире. Прежде всего они представляют собой определенную строку программного кода, являющегося результатом интеллектуальной деятельности разработчика. Данная строка кода преобразовывается в различные виды цифровых товаров, доступных к покупке для любого зарегистрированного пользователя. К таким видам цифровых товаров как объектов виртуальной собственности следует отнести: виртуальные предметы в играх, криптовалюту, домены, аккаунты в социальных сетях и онлайн-играх, цифровые коллекции и другие цифровые активы.

Виртуальные предметы в играх являются одним из самых популярных типов объектов виртуальной собственности. Это могут быть виртуальные вещи, например: оружие, одежда, автомобили или недвижимость внутри игрового мира. Игроки могут покупать указанные предметы за стандартную виртуальную валюту, зарабатываемую в самой игре либо за особую виртуальную валюту, приобретаемую исключительно за реальные деньги. Виртуальная валюта служит способом улучшения своего игрового опыта, предметом торговли с другими игроками. В связи с этим представляется возможным рассматривать виртуальную собственность в том числе как категорию экономики в контексте товарно-денежных отношений<sup>2</sup>.

Нерешенной проблемой виртуальной собственности выступает ее признание и защита не только на законодательном уровне, но и в рамках отрасли гражданского права. Так, виртуальная собственность неразрывно связана с отраслью гражданского права, поскольку в рамках указанного правового института можно выделить: право собственности, право наследования, существование исключительных прав (в контексте виртуального имущества) и т. д.

Однако, ввиду того что на данном этапе развития правовых отношений виртуальная собственность представлена исключительно в цифровом пространстве, мы можем говорить о выделении специфических особенностей ее регулирования и защиты. Гражданское право было разработано для регулирования отношений собственности по отношению к материальным объектам: земле, недвижимости и др. Однако с появлением института виртуальной собственности представляется необходимым адаптировать современную российскую правовую систему для учета и защиты объектов виртуальной собственности, зачастую не имеющих материального выражения.

<sup>1</sup> Определение Московского городского суда от 06.10.2011 по делу № 4г/1–8422 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Французова М. С. Виртуальная собственность: понятие и проблемы виртуальной собственности // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. 2017. № 18–3. С. 36.



В качестве другой важной проблемы регулирования виртуальной собственности выступает «множественность владения». В отличие от материальных объектов, которые могут иметь только одного собственника, виртуальные объекты могут быть легко скопированы и переданы другим лицам. Это создает сложности в вопросах установления права собственности на виртуальные активы, их защиты от неправомерного использования.

Ключом к решению указанных проблем является разработка универсальных норм и правил, которые учитывали бы специфику отношений, складывающихся вокруг виртуальной собственности. Важным шагом в этом направлении является признание виртуальной собственности как объекта гражданских прав. Это позволит установить и законодательно урегулировать правовой режим виртуальной собственности, а также распределить права и обязанности ее владельцев, других пользователей.

Необходимо отметить и тот факт, что признание виртуальной собственности как объекта гражданских прав повлечет за собой определенный ряд сложностей. Во-первых, такой сложностью выступит необходимость разработки правовых механизмов регистрации и учета объектов виртуальной собственности, а во-вторых, обязательно возникнет вопрос об установлении специальной юридической ответственности за кражу или незаконное использование объектов виртуальной собственности.

Кроме того, при преодолении пробелов в правовом регулировании необходимо учитывать и международный аспект отношений, складывающихся по вопросам виртуальной собственности. Так, виртуальные активы могут находиться на серверах, расположенных на территории других государствах, в связи с чем их владельцами могут быть иностранцы. Всё это создает дополнительные сложности в определении юрисдикции и применимого права при разрешении споров, связанных с виртуальной собственностью.

Из всего вышесказанного следует сделать вывод о том, что правовое регулирование виртуальной собственности как объекта гражданских прав является неотъемлемой частью развития информационного общества. Так, признание и защита виртуальной собственности открывают новое направление в развитии отечественного законодательства, что требует ответственной разработки новых норм и правил, учета ее специфики и установления механизмов для регистрации и защиты виртуальных объектов. Такой подход позволит обеспечить правовую стабильность и защиту интересов владельцев виртуальной собственности в современном цифровом мире.

**Потаскаев В. В., Харитонов В. С.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

### **Персональные данные: вопросы гражданско-правовой квалификации**

**Аннотация.** В статье рассматривается проблема понятия персональных данных в различных НПА, статуса как объекта гражданских прав и интересов, а также сложности, с которыми сталкивается судебная практика.

**Ключевые слова:** персональные данные, гражданские права, обработка персональных данных, обороноспособность персональных данных.

Впервые понятие *персональных данных* (далее — ПДн, personal data), а также право на их защиту, были описаны в национальном законодательстве Германии в 1970 г. (Земля Гессен, закон «О защите персональных данных»)<sup>1</sup>. Затем аналогичные понятия стали присутствовать в законодательстве других стран: Швеция (1973 г.) и Франция (1978 г.)<sup>2, 3</sup>.

На сегодняшний день основой для обеспечения защиты ПДн послужили нормы не только Конституции РФ (далее — основной закон государства)<sup>4</sup>, федеральных законов<sup>5</sup>, Гражданского<sup>6</sup> и Трудового<sup>7</sup> кодекса, указов Президента<sup>8</sup>, постановлений<sup>9</sup>, в том числе пленумов<sup>10</sup> ВС РФ, но и международных актов<sup>11</sup>, которые склоняют

<sup>1</sup> Гудкова О. Ю. Особенности правового регулирования защиты персональных данных работника : дис. ... маг. М., 2016. С. 8.

<sup>2</sup> Loi No. 78–17 du 6 janvier 1978 relative à l'informatique, aux fichiers et aux libertés. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000886460>.

<sup>3</sup> Лушников М. В. Защита персональных данных работника: сравнительно-правовой комментарий гл. 14 ТК РФ // Управление персоналом. 2009. № 17. С. 21–25.

<sup>4</sup> См. ч. 1 ст. 23. Ст. 27, 51, 55, 57.

<sup>5</sup> См.: Федеральный закон от 19.12.2005 № 160-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных», от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной и гражданской службе Российской Федерации», от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> См.: ст. 150, 152–152.1, 307.

<sup>7</sup> См.: ст. 86, 88.

<sup>8</sup> См. Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера», Указ Президента РФ от 30.05.2005 № 609, которым утверждено «Положение о персональных данных государственного гражданского служащего РФ и ведении его персонального дела» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>9</sup> См.: постановление Правительства РФ от 15.09.2008 № 687 «Об утверждении Положения об особенностях обработки персональных данных, осуществляемой без использования средств автоматизации», постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>10</sup> См.: ПП ВС РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>11</sup> См.: Всеобщая декларация прав человека от 1948 г. Ст. 12, 19, 21 ; Конвенция «О защите прав человека и его свобод» от 1950 г. Ст. 8 и 10, а также протокол № 4 к Конвенции ; Конвенция «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» от 1981 г. Ст. 2–3, 5–6, 8 ; Закон «О защите личных данных» от 1980 г. ; Регламент Европейского парламента и Совета ЕС 2016/679 «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС» от 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

к общему понятию неприкосновенности личной жизни и конфиденциальности<sup>1</sup>. По нашему мнению, именно международные акты стали фундаментальным источником для реализации нынешнего Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», который, в свою очередь, стал основой для постановлений Правительства РФ.

Так, согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона № 152-ФЗ под *персональными данными* понимается любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (дата-субъекту ПДн). Персональные данные, в свою очередь, могут подразделяться на категории: общедоступные<sup>2</sup>, конфиденциальные<sup>3</sup>, биометрические<sup>4</sup> и специальные<sup>5</sup>, — ключевая роль которых — определить более точный правовой режим обработки, передачи и защиты данных, а также обеспечение баланса между правами и интересами субъектов данных и обязанностями обработчиков данных.

Персональные данные в настоящее время приобретают особое значение. Для граждан индивидуальные данные могут представлять собой неотъемлемую часть их личности, частной жизни и даже деловой репутации.

Что касается использования информации без согласия ее владельца, КС России дает пояснение: «только сам субъект имеет право определить, какие конкретно данные, относящиеся к его личной жизни, следует хранить в секрете. Поэтому сбор, хранение, использование и распространение такой конфиденциальной информации, которой никому не доверено, недопустимо без согласия этого субъекта, в соответствии с требованиями Конституции Российской Федерации»<sup>6</sup>. Следовательно, основной закон государства не предоставляет понятие «персональные данные», но устанавливает основные принципы их обработки.

Исходя из вышесказанного, возникает ряд вопросов, связанных с гражданско-правовой природой персональных данных в качестве объекта гражданских прав и интересов.

Закрýтый перечень объектов гражданских прав закреплен в ст. 128 ГК РФ. В целом можно все объекты разделить на две группы: имущественные объекты и неимущественные объекты. Известно, что имущественные объекты характеризуются возможностью оценки в денежном эквиваленте, способностью быть предметом оборота и возможностью передачи другим лицам. В свою очередь, неимущественные объекты, как нематериальные блага и интеллектуальная соб-

<sup>1</sup> Несмотря на то что Россия вышла из ЕС 15 марта 2022 г. решением Комитета министров, Конвенция 1981 г. не подверглась денонсации.

<sup>2</sup> См. п. 1 ст. 8 Федерального закона № 152-ФЗ.

<sup>3</sup> См.: ст. 2 Федерального закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите данных» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> См.: ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ.

<sup>5</sup> Там же, п. 1 ст. 10.

<sup>6</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О // СПС «КонсультантПлюс».

ственность, не имеют денежной оценки и не могут быть отчуждены без согласия правообладателя.

Таким образом, персональные данные не могут быть классифицированы как имущественные объекты, поскольку они не могут быть оценены в денежном эквиваленте, а также не могут быть переданы без согласия субъекта данных. Однако это не означает, что персональные данные не подпадают под понятие объектов гражданских прав. Мы считаем, что персональные данные могут быть включены в категорию неимущественных объектов, а именно нематериальных благ, соглашаясь с мнением Л. К. Остриковой, которая полагает, что ПДн не являются объектами гражданских прав, а представляют способ выражения личности субъекта права и его связей с окружающим миром и то, что подлежат они [ПДн] защите как материальное благо<sup>1</sup>. Несмотря на то что данные, хотя и лишены материальной формы, обладают значительной ценностью для физического лица, т. к. отражают его индивидуальность, социальный статус и личность.

В российском законодательстве отсутствует четкий перечень информации, квалифицируемой как персональные данные. Это приводит к сложностям в судебной практике при определении юридической природы таких данных. Одной из основных трудностей состоит в установлении конкретного списка данных, которые могут быть классифицированы как персональные. Существуют традиционное понятие персональных данных, такие как Ф. И. О., номер телефона, адрес проживания, дата рождения, место жительства, семейное положение, уровень доходов, имущественное положение и иные сведения, которые однозначно идентифицируют определенное физическое лицо<sup>2</sup>.

Большинство судов признают вышеперечисленные сведения персональными данными. Однако имеются и исключения, например, Свердловский областной суд отметил<sup>3</sup>, что размещение информации о задолженности за электроэнергию и коммунальные услуги с указанием соответствующих квартирных номеров не будет рассматриваться как нарушение, при условии, что не разглашается Ф. И. О. проживающего.

Следовательно, вопрос о том, какие данные могут быть квалифицированы как персональные, остается предметом спора и неоднозначности в судебной практике Российской Федерации.

Следующая проблема, с которой сталкиваются суды, связана с доказыванием факта нарушения прав на персональные данные. Рассматриваемый Закон обязывает оператора персональных данных доказать законность обработки персональ-

<sup>1</sup> Острикова Л. К. Современные проблемы квалификации персональных данных в контексте доктрины о нематериальных благах // Вестник Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 165–169.

<sup>2</sup> Добробаба М. Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определенности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 42–52.

<sup>3</sup> См.: апелляционное определение Свердловского областного суда от 19.09.2019 по делу № 33–15137/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

ных данных и факт получения согласия субъекта данных на обработку<sup>1</sup>. Однако в практике возникают затруднения с доказательством данных обстоятельств, особенно когда обработка персональных данных осуществляется в электронной форме. Так, возникает потребность в разработке специальных правил и методов доказывания факта получения согласия субъекта данных на обработку его персональных данных.

Таким образом, суды применяют различные критерии при определении категории информации, подпадающей под определение «персональных данных», что подвергает данную категорию правовой неопределенности. Для разрешения данной проблемы предлагается двойной подход. Во-первых, акцентируется необходимость продвижения и развития методов анонимизации персональных данных с целью исключения возможности идентификации физического лица с использованием предоставленной информации. Во-вторых, стоит подчеркнуть значимость установлений законодательно закрепленного (исчерпываемого) перечня конкретных данных, признаваемых персональными данными. В результате такого подхода граждане будут менее склонны обращаться в суд с требованиями о компенсации в случае утечки персональных данных, а юрисдикции смогут достичь консенсуса в вынесении судебных решений в данной сфере.

**Ситников К. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### Завещательный отказ и цифровые права

**Аннотация.** В статье исследуется применение института завещательного отказа к новым объектам гражданского права — цифровым правам. Автор предлагает дифференцированное регулирование модели завещательного отказа для утилитарных цифровых прав и для цифровых финансовых активов. Анализ эффективности защиты отказополучателя цифровых финансовых активов привел автора к выводу, что обязательственная модель завещательного отказа не предоставляет ему защиты и следует к некоторым видам цифровых финансовых активов применять модель завещательного отказа с вещным эффектом.

**Ключевые слова:** завещательный отказ, легатарий, утилитарные цифровые права, цифровые финансовые активы, вещный эффект.

Категория цифровых прав, закрепленная российским законодателем в ст. 128 ГК РФ и конкретизированная в ст. 141.1 ГК РФ, в качестве одного из имущественных прав, тем самым автоматически признана предметом завещательного отказа по

<sup>1</sup> Касимов В. В. Конституционно-правовые основы защиты персональных данных : дис. ... маг. юрид. наук : 40.04.01. Тольятти, 2017. 100 с.

смыслу п. 1 ст. 1137 ГК РФ. Возможность завещательного распоряжения в отношении цифровых объектов гражданского оборота нами не ставится под сомнение.

Следует разъяснить, что в римском праве основными являлись две модели завещательного отказа: *legatum per vindicationem* и *legatum per damnationem*<sup>1</sup>. По первой модели имущество, которым завещатель распорядился в пользу отказополучателя автоматически попадает в его имущественную массу, что позволяло ему истребовать данное имущество из наследственной массы вещным иском. Вторая модель порождала для обязанного наследника обязательство по передаче данного имущества отказополучателю, который защищал свое притязание личным иском<sup>2</sup>. Появление в позднем римском праве фидеикомиссов отодвинуло конструкцию legata с вещным эффектом на второй план, однако современные европейские правовые порядки, например, Франция, Италия, Польша (единственное исключение — Германия)<sup>3</sup> признают существование такого legata<sup>4</sup>. Действительно, незачем игнорировать волю завещателя, который захотел освободить легатария от ответственности, применив модель сингулярного правопреемства с вещным эффектом. Российский законодатель в п. 3 ст. 1137 ГК РФ диспозитивно закрепил *legatum per damnationem* в качестве общего правила — между обязанным наследником и отказополучателем возникают обязательственные правоотношения, если из их существа не следует иного. По нашему мнению, на некоторые виды цифровых прав разумно распространить именно вещный режим завещательного отказа.

Должно ли меняться существо правоотношений в случае завещательного отказа в отношении цифровых прав? Ответ на данный вопрос следует поставить в зависимости от вида цифровых прав. De lege lata российский правовой порядок в силу императивного указания п. 1 ст. 141.1 ГК РФ признает только прямо поименованные цифровые права: это утилитарные цифровые права (п. 1 ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и цифровые финансовые активы (п. 2 ст. 1 Федерального

---

<sup>1</sup> Дернбург Г. Пандекты. Т. 4 : Семейное и наследственное право / под ред. проф. А. С. Кривцова. СПб. : Издание юридического книжного склада «Право». 1911. С. 255–257.

<sup>2</sup> Подробнее см.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М. : Изд. бр. Башмаковых, 1911. С. 784–788 ; Вавин Н. Г. Завещательный отказ по русскому праву. М. : Изд. кн. маг. И. К. Голубева под фирмой «Правоведение». 1915. С. 40–42 ; Анненков К. Н. Система русского гражданского права. Т. 6 : Наследственное право. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. С. 134–139.

<sup>3</sup> Schmidt J. P. The Foreign *legatum per vindicationem* and its Effects in German Territory // *Rabel Journal of Comparative and International Private Law*. 2013. Vol. 77. No. 1. P. 12–16.

<sup>4</sup> О французском праве см.: Основы наследственного права России, Германии, Франции / под общ. ред. Е. Ю. Петрова. М. : Статут, 2015. 271 с. Об итальянском праве см. Patti F. P. Bar tolini F. Digital Inheritance and Post Mortem Data Protection: The Italian Reform // *Bocconi Legal Studies Research Paper*. No. 3397974. June 2019. О польском праве см. Турлуковски Я. Принятие и отказ от наследства, а также их последствия согласно польскому праву: избранные проблемы в связи с реформой наследственного права // *Наследственное право*. 2016. С. 44–48.

закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Закон о ЦФА)<sup>1</sup>.

Относительно утилитарных цифровых прав, коими могут быть требования о передаче вещей, о передаче исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности или прав использования результатов интеллектуальной деятельности, о выполнении работ или оказании услуг, цифровой валюты и цифрового рубля, модель *legatum per damnationem* полноценно обеспечивает защиту интересов легатария. Отметим, что ни российский законодатель, ни доктрина не ограничивают распорядительной власти по отношению к предмету отказа со стороны обязанного наследника<sup>2</sup>. Тем не менее при принятии завещательного отказа у отказополучателя возникает секундарное право потребовать исполнения обязательства в натуре (ст. 308.3 ГК РФ). Мыслим иск о понуждении к заключению договора (ст. 445 ГК РФ). При невозможности исполнения данного требования в связи с отсутствием имущества кредитор-легатарий вправе потребовать убытков с обязанного лица, размер которых вполне определим и докажем. Таким образом, впоследствии отказополучатель вправе будет требовать денежный эквивалент, что позволяет считать защиту его интереса при применении такой модели легата достаточной<sup>3</sup>.

При надлежащем исполнении должником обязательств по передаче утилитарных цифровых прав возникает переход прав к кредитору на основании закона. Так как в силу п. 2 ст. 387 ГК РФ к таким правоотношениям применяются правила о цессии, разумно задать следующий вопрос: уступается ли вместе с утилитарным цифровым правом право доступа к системе, в которой оно зарегистрировано? В отсутствие указаний российского права обратимся к иностранному опыту. Верным представляется решение итальянского законодателя, приравнявшего цифровое право и право доступа к системе, в которой данное цифровое право находится, по аналогии к режиму главной вещи и принадлежности<sup>4</sup>. Действительно, самостоятельная экономическая ценность у права доступа имеется, поэтому обладатель данного права вправе им самостоятельно распорядиться<sup>5</sup>. Но в том случае, когда предметом распорядительного акта является само цифровое право, право доступа должно следовать за ним, новая форма в таких обстоятельствах не должна видоизменять сущность объектов оборота. Отметим, что режим главной вещи и принад-

<sup>1</sup> Яценко Т. С. Наследственное право в цифровую эпоху: вызовы и тенденции развития // Наследственное право. 2020. № 2. С. 7.

<sup>2</sup> Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. Е. Ю. Петров. М. : М-Логос, 2018. С. 348.

<sup>3</sup> Аблятипова Н. А., Коробкова Е. В. Проблемы теории и практики института особых завещательных распоряжений наследодателя // Наследственное право. 2021. № 3. С. 37.

<sup>4</sup> Об этом см.: Patti F. P. Bartolini F. Op. cit. URL: [https://www.academia.edu/40699278/Digital\\_Inheritance\\_and\\_Post\\_Mortem\\_Data\\_Protection\\_The\\_Italian\\_Reform](https://www.academia.edu/40699278/Digital_Inheritance_and_Post_Mortem_Data_Protection_The_Italian_Reform) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>5</sup> Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М. : Статут, 2016. 345–348.

лежности разумно распространить на любые цифровые права, дифференциация здесь неуместна.

Куда более запутанная ситуация с цифровыми финансовыми активами. Под ними законодатель понимает цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, выпуск, учет и обращение которых возможны только в системе, действующей на основе распределенного реестра. Статья 12 Закона о ЦФА указывает, что эмитентом цифровых прав может быть только непубличное акционерное общество. Следовательно, при распоряжении активами со стороны обязанного наследника отказополучатель в силу правовой природы данных объектов гражданского оборота фактически лишается возможности восстановить свое право путем взыскания убытков с обязанного лица. Возникает несправедливая ситуация: неразумно вменять легатарии обязанность иметь доступ к реестру, в котором находятся данные активы, чтобы попытаться определить цену актива. Но в силу прямого указания закона на непубличность акционерных обществ определить рыночную цену иным способом представляется невозможным<sup>1</sup>. Конечно, кредитор может заявить об истребовании неправомερных доходов, но вдруг наследник совершил дарение и доходов, соответственно, никаких не получил? Да и размер данных доходов крайне сложно определить<sup>2</sup>.

При этом российскому праву известен «квазивиндикационный» иск, существующий в нашем правопорядке в силу п. 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 21.04.1998 № 33 «Обзор практики разрешения споров по сделкам, связанным с размещением и обращением акций». Однозначно указание о применении правил ст. 302 к требованию собственника имущества о возврате акций должно распространяться и на цифровые финансовые активы<sup>3</sup>. Учитывая изложенное, находим верным применить вещную модель завещательного отказа по отношению к указанным нами цифровым финансовым активам. Догматическим доводом в пользу такой модели будет факт того, что отказополучатель сразу становится «собственником». В силу этого он наделяется квазивиндикационным иском, и при том не создается догматического противоречия. С точки зрения политики права интерес добросовестного контрагента будет правилами ст. 302 ГК РФ, при этом в данном решении видится стимулирование оборота цифровых прав как новых объектов гражданского права в целом.

---

<sup>1</sup> Степанов Д. И. Модели удерживания участника в непубличной корпорации: блокирование на срок или бессрочно // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 12. С. 116–123.

<sup>2</sup> Каргальсков Д. С. Взыскание прибыли, полученной правонарушителем: голландский подход и одно определение Верховного Суда РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 1. С. 110–114.

<sup>3</sup> Об этом см.: Глазунов А. Ю. Исковая давность по косвенным искам участников и директоров хозяйственных обществ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 6. С. 153.



Таким образом, считаем разумным использовать исключение п. 3 ст. 1137 для цифровых финансовых активов, так как в классической обязательственной модели завещательного отказа чрезмерно нарушен баланс интересов сторон, легатарий фактически не защищен от правонарушений, но данную проблему разрешает модель вещная, в которой легатарий наделен вещным иском, а оборот защищается стандартами, установленными статьей 302 ГК РФ.

**Смешко М. С.**

Всероссийский государственный университет юстиции  
(РПА Минюста России)  
Студент

### **Проблематика правового регулирования предприятия как объекта гражданских прав**

**Аннотация.** Законодательное признание предприятия недвижимым имуществом влечет за собой особенности квалификации сделок, объектом которых оно выступает. В современных реалиях видится необходимость пересмотра подхода к сущности предприятия и комплекса элементов, входящих в его состав.

**Ключевые слова:** Объект гражданских прав, предприятие, недвижимость, предпринимательская деятельность, имущественный комплекс, сделка.

Существующее многообразие подходов к понятию и сущности предприятия как самостоятельного объекта гражданских прав приводит к сложностям в правоприменении положений о предприятии, закрепленных в Гражданском кодексе РФ.

Согласно действующему законодательству под предприятием как объектом прав понимается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. Предприятие в целом или его часть могут быть объектом договора купли-продажи, залога, аренды и других сделок, связанных с установлением, изменением и прекращением вещных прав. Важно отметить, что законодателем предприятие в целом как имущественный комплекс признается недвижимостью<sup>1</sup>.

Анализ судебной практики по делам, связанным с совершением сделок, объектом которых выступает предприятие, показывает, что законодательное признание предприятия недвижимым имуществом создает неопределенность в отнесении того или иного объекта (комплекса объектов) к категории предприятие. Рассмотрим указанную особенность более подробно.

Одной из самых популярных сделок, объектом которых выступает предприятие, можно назвать куплю-продажу.

---

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

Материалы судебных дел показывают, что договор купли-продажи предприятия нередко заключается в отношении объекта, который формально-юридически не соответствует законодательному определению предприятия. Соответственно, суды не могут применить к такому договору специальные положения о договоре купли-продажи предприятия, содержащие ряд гарантий для его сторон, а также кредиторов по обязательствам, входящим в состав предприятия<sup>1</sup>.

Показательным в рассматриваемом вопросе можно назвать дело, в котором спорным выступал договор купли-продажи интернет-магазина розничной торговли техники<sup>2</sup>. По указанному договору предприятие продается в следующем составе: интернет-магазин розничной торговли техники Apple и аксессуаров, расположенный по адресу [www.sotovik.spb.ru](http://www.sotovik.spb.ru) (около 115 наименований), рассматриваемый как имущественный комплекс, доменное имя [www.sotovik.spb.ru](http://www.sotovik.spb.ru), один телефонный номер, аппаратно-техническая часть в фирменном пункте выдачи товара, товарные остатки, именуемый в данном договоре «бизнес», принадлежащий продавцу на праве собственности.

Суд указал, что с учетом отсутствия в спорном договоре купли-продажи ссылки на наличие у продавца какого-либо недвижимого имущества, входящего в состав отчуждаемого бизнеса, в настоящем споре отсутствует имущество, подпадающее под признаки предприятия как имущественного комплекса. Соответственно, отсутствуют основания для применения норм, содержащихся в § 8 гл. 30 Гражданского кодекса РФ, регулирующих продажу предприятия. Аналогичный подход суда наблюдается и в других делах, связанных с совершением сделок с предприятием<sup>3</sup>.

Такой подход судов нельзя назвать противоречащим закону, ведь, как было отмечено ранее, гражданским законодательством предприятие в целом признается недвижимым имуществом. Однако подход законодателя к определению предприятия не соответствует идеям классического понимания рассматриваемого явления. В целях уяснения исторической сущности предприятия следует обратиться к трудам дореволюционных правоведов.

Так, Г. Ф. Шершеневич под торговым предприятием понимал «организованное на частных началах соединение личных и имущественных средств, направленных на извлечение прибыли путем планомерной хозяйственной деятельности»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

<sup>2</sup> Постановление Суда по интеллектуальным правам от 08.06.2015 № С01–439/2015 по делу № А56–22296/2014. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

<sup>3</sup> Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.08.2015 № Ф03–3516/2015 по делу № А73–15811/2014 ; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.01.2018 № 13АП-30540/2017 по делу № А21–6695/2017 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.08.2021 № Ф05–19887/2021 по делу № А40–183116/2020. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

<sup>4</sup> Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. Т. 1. Торговые детали. М. : Юрайт, 2016. С. 166.

П. П. Цитович определял предприятие через понятие торговли, под которой понималась «масса имущества, над которой и для которой непрерывно совершается деятельность торговца, собранную вместе как одно целое, имеющая своего хозяина и принадлежащая этому хозяину как его торговое предприятие»<sup>1</sup>.

Как мы видим, дореволюционные классики не отождествляли предприятие с недвижимостью, и даже не выделяли ее как обязательный элемент этого комплексного объекта права. Стоит отметить, что нынешнее законодательство также не содержит указания на обязательное наличие в составе предприятия недвижимого имущества. Однако закон всё же содержит указание на то, что предприятие в целом как имущественный комплекс признается недвижимостью, что создает правовую коллизию. Такой подход законодателя кажется непоследовательным, влекущим за собой ряд проблем в применении к тому или иному объекту нормы о предприятии.

Исторически предприятие действительно трудно было представить без наличия в его составе недвижимого имущества. Предприятие отождествлялось с промышленным либо торговым комплексом, который, в свою очередь, не мог существовать без производственных цепей, сложного оборудования, комплекса зданий и сооружений. Сегодня же указанная идея подвергается критике в связи с появлением значительного числа предприятий, в которых возможность извлечения прибыли не имеет прямой связи с наличием недвижимого имущества.

Например, маркетплейс, онлайн-школа, аутсорсинговые компании по сути своей являются предприятиями, однако формально не признаются таковыми, если не содержат в своем составе недвижимого имущества.

При совершении сделок с предприятием основной интерес приобретателя состоит не в вещах и правах как таковых, которые он получает в составе имущественного комплекса, а в возможности продолжения соответствующего вида деятельности, используя фактическое положение предприятия на рынке, его репутацию, наработанные клиентуру и деловые связи. Данный важнейший нематериальный элемент состава предприятия в западной юриспруденции получил название «клиентела», или «шансы предприятия» (*goodwill* (англ.), *clientele et achalandage* (фр.), *Chancen, Unternehmensmehrwert* (нем.), *avviamento* (итал.))<sup>2</sup>.

Анализ указанной проблемы наводит на мысли о том, что основополагающим критерием для признания имущественного комплекса предприятием должна выступать возможность извлечения прибыли от использования взаимосвязанного имущества, а также имущественных прав и обязанностей, используемых по общему назначению как единое целое в целях ведения предпринимательской деятельности. В целях повышения эффективности гражданского оборота в современных реалиях

---

<sup>1</sup> Цитович П. П. Учебник торгового права. Выпуск первый. СПб. : Изд. книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1891. С. 91.

<sup>2</sup> Грибанов А. В. Предприятие как имущественный комплекс (объект права) по праву России и Германии. М. : Инфотропик Медиа, 2010. С. 167.

видится необходимым пересмотреть подход законодателя к признанию предприятия недвижимым имуществом.

**Суворов А. М.**

Ростовский институт (филиал)  
Всероссийского государственного университета юстиции  
Студент

### **Перспективы правовой регламент статуса мощей святых как объектов гражданских прав**

**Аннотация.** В статье раскрывается понятие мощей святых и их значение для представителей православной религии. Уточняются секторы действия религии и духовности относительно мощей. Приводятся и конкретизируются явные недоработки законодательства на примере судебного решения. Уточняется необходимость предложенных законодательных нововведений в целях развития нравственной ориентированности российского законодательства. Предлагаются необходимые изменения в нормативно-правовой базе Российской Федерации с последующим выводом о совершенствовании правового статуса мощей святых

**Ключевые слова:** мощи святых, религия, духовность, законодательство, ритуал.

Мощи святых являются высокопочитаемыми в религиозных кругах святынями, которые представляют собой останки святых или предметы их обихода, с которыми они соприкасались в процессе жизнедеятельности. Религия основана на вере в существование Божественного и обращении к сверхъестественным силам (почитаемым верующими людьми святым) ввиду чего любой материальный объект, подтверждающий достоверность существования того или иного канонизированного святого, обладает высшей степенью почитания и сохранения как церковной реликвии.

С точки зрения Ушакова, духовность есть отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа<sup>1</sup>. В современном понимании духовность — это совокупность нравственных ценностей, которая реализуется в рамках моральных принципов и созидательной деятельности индивида во благо общества.

Духовность и религия имеют разные траектории действия. Там, где религия обеспечивает структуру и сообщество, духовность предлагает свободу исследований

---

<sup>1</sup> Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. URL: [https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117\\_Tolkovyy\\_slovar\\_russogo\\_yazyka\\_pod\\_red\\_\\_D\\_N\\_\\_Ushakova](https://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117_Tolkovyy_slovar_russogo_yazyka_pod_red__D_N__Ushakova) (дата обращения: 24.09.2023).

и объединение с Божественным и другими людьми таким образом, чтобы чувствовать себя подлинными и значимыми. Таким образом, духовность имеет более субъективное значение — понимание так называемых путей к достижению духовного идеала человека, когда религиозным течениям присущи обобщенные понятия, собственные духовные идеалы, предписывающие или запрещающие положения, которые обусловлены четкими правилами, религиозной литературой, летописями последователей определенного религиозного сообщества. Для многих верующих людей духовность может заключаться в сохранении и почитании мощей святых, которые, в соответствии с обычаями религии, обладают обожествленными свойствами и могут влиять на те или иные материальные процессы в ходе жизнедеятельности.

Рассмотрев духовную значимость мощей для всех последователей православного культа, считаем необходимым обратить внимание законодателя на уставленную законом возможность государства осуществлять принудительное изъятие в судебном порядке данных реликвий у религиозных объединений (согласно статье 128 Гражданского кодекса РФ)<sup>1</sup> и на полный запрет использования мощей святых из-за несоответствия целям использования (согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ)<sup>2</sup>. Положения данных нормативных актов допускают принудительное изъятие мощей святых у религиозных организаций и не содержат норм, допускающих использование частей трупов в религиозных целях.

Примером принудительного изъятия мощей святых является факт решений судов общей юрисдикции в 2013 г. об изъятии из незаконного владения Русской православной автономной церкви (РПАЦ) в пользу управления Госимущества по Владимирской области<sup>3</sup>. Фактически в отношении РПАЦ был применен виндикационный иск, противоречащий сущности мощей святых, которые не обладают статусом государственной или иной собственности ввиду отсутствия объективного понятия мощей в законодательстве.

Судья Конституционного Суда РФ (КС РФ) Г. А. Гаджиев касательно решения КС РФ по этому делу выразил следующее мнение: «Религиозные мощи — это не обычные объекты гражданских прав, поскольку они обладают двойственной правовой природой. Будучи частями тела людей, признаваемых каноническим правом святыми, они вряд ли вообще могут считаться объектом права собственности»<sup>4</sup>.

Вышеуказанные нормы права не позволяют в достаточной мере следовать многовековым традициям и обычаям православного мира, рациональное право-

<sup>1</sup> Гражданский кодекс: принят Государственной Думой 21 октября 1994 г.: послед. ред. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.09.2023).

<sup>2</sup> Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон № 323-ФЗ: принят Государственной Думой 1 ноября 2011 г. : одобрен Советом Федерации 9 ноября 2011 г. : послед. ред. // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Адвокатское бюро «Славянский правовой центр»: офиц. сайт. URL: <http://www.sclj.ru> (дата обращения: 25.09.2023).

<sup>4</sup> РИА Новости: офиц. сайт. URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 25.09.2023).

вое регулирование которых важно для сохранения преемственности в развитии Российского государства, сохранении культурного и религиозного наследия России. Согласно статье 67.1 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация... сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства...»<sup>1</sup>. Кроме того, недостаточная правовая регламентация вышеуказанных правовых норм ставит под сомнение правосубъектность в целом религиозного объединения и вследствие этого неопределенно воспринимается обществом.

Значимость указанных проблем законодательства заключается в риске появления в ближайшие 10–15 лет большого количества гражданских исков о несоответствии ст. 128 ГК РФ реальной сущности мощей святых и, следовательно, невозможности их эксгумации в религиозных целях. Необходимость законодательных новелл подтверждается и тем фактом, что в настоящее время последователями православной религии являются более половины населения Российской Федерации. Так, согласно данным опроса Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) последователями православной веры являются 68% россиян<sup>2</sup>. Также, исходя из данных официального опроса, 58% граждан допускают вмешательство церкви в общественные и государственные дела, что свидетельствует о доверии общества к религиозным образованиям. Ввиду данной концепции следует вывод о том, что традиции Русской православной церкви, действие которой имеет место в общественных делах, должны быть нормативно урегулированы не ограничивающими, а вспомогательными нормами права.

Исходя из анализа положений вышеуказанных нормативных правовых актов и статистических данных, считаем необходимым:

— Внести пункт в ст. 128 ГК РФ и сформулировать его следующим образом: «Мощи святых — это материальный объект гражданского права, представляющий собой особую реликвию, использующийся только в религиозных целях, обретаемый путем обнаружения или эксгумации, ограниченный в оборотоспособности, правом собственности на который может обладать только религиозная организация». Данное понятие позволит, не нарушая положения статьи 178 Уголовно-процессуального кодекса, извлекать труп или его части в религиозных целях с официального разрешения председателя Русской православной церкви. Очевидно, что для религиозных организаций обретение мощей — значимая часть культа, которая совершается не из корыстных или преступных мотивов<sup>3</sup>. Кроме того, религиозная организация явится единоличным собственником мощей. В свою очередь, в целях контроля в сфере сохранения культурного и исторического наследия России, стоит наделить соответ-

<sup>1</sup> Российская Федерация. Конституция. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: послед. ред. // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Всероссийский центр изучения общественного мнения: офиц. сайт. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 24.09.2023).

<sup>3</sup> Бобовникова Э. Ю. Мощи святых как объект права // СП. 2021. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moschi-svyatyh-kak-obekt-prava> (дата обращения: 25.09.2023).

ствующими полномочиями Министерство культуры, которое сможет осуществлять надзорную функцию за соблюдением церковью норм законодательства.

— В силу основы Конституционного строя Российской Федерации: «Россия — правовое государство» дополнить часть 1 статьи 68 Федерального закона № 323-ФЗ религиозной целью использования тела и частей тела умершего человека при отсутствии письменного отказа его или его близких родственников от ритуалов. Данное дополнение сделает абсолютно «прозрачной» с точки зрения права систему ритуалов, будет полностью соответствовать действиям, связанным с обретением и сохранением мощей святых и наделит полной правосубъектностью религиозные организации, что создаст положительные тенденции касательно доверия граждан к ритуальному процессу.

Данные законодательные поправки необходимы потому, что современное российское законодательство не содержит нормативных положений, регулирующих существо понятия «мощи». Также использование мощей не может быть урегулировано ст. 68 Федерального закона № 323-ФЗ в том виде, в котором она изложена в настоящее время. Следовательно, данные законодательные пробелы могут быть ликвидированы путем внесения в федеральный закон, предложенных выше изменений.

В заключение вышеизложенного вытекает вывод о том, что правовые ограничения ритуальных процессов воспрепятствуют деятельности священнослужителей, что не допускается в правовом светском государстве, а также не имеет логического смысла и эффективности в сфере защиты гражданских правоотношений, а следовательно, требуют корректировки путем введения в действие предложенных нами изменений.

**Хаматнурова А. М.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Можно ли сыграть во «Что? Где? Когда?»**

**Аннотация.** Автор рассматривает теорию и практику использования наименования и правил телевизионной игры в проведении турниров по интеллектуальным играм, выявляя проблемы неправомерного использования интеллектуальной собственности.

**Ключевые слова:** право интеллектуальной собственности, аудиовизуальное произведение, товарный знак, депонирование, интеллектуальные игры

Международная ассоциация интеллектуальных игр (далее — МАИИ) в 2021 г. выпустила рекомендации для тех организаторов турниров по интеллектуальным командным играм в формате ответов на вопросы, которые намерены соблюдать требования национального и международного права и при этом не нацелены на

заключение договоров с обществом с ограниченной ответственностью «Продюсерский центр «Игра-ТВ»<sup>1</sup>.

Попытки объяснить обывателю, что такое спортивные интеллектуальные игры (отсчитывающие свою историю с 1989 г.) часто заканчиваются словами «Спортивное «Что? Где? Когда?», что не совсем корректно с точки зрения права. Попробуем разобраться, почему МАИИ вынуждена выпускать специальные рекомендации и можете ли Вы сыграть в «Что? Где? Когда?» вне так называемого «теледомика».

«Права на использование произведения «ЧТО? ГДЕ? КОГДА?» защищены на основании гражданско-правового законодательства (Свидетельство РАО от 19.11.1996 № 1763) и являются объектом интеллектуальной собственности. Любое проведение данной игры без получения предварительного согласия (лицензии) неправомерно и преследуется по закону»<sup>2</sup> — заявлено на сайте телекомпании ООО «Телекомпания «Игра-ТВ».

РАО — это негосударственная некоммерческая организация, созданная авторами и иными правообладателями для осуществления управления авторскими правами на коллективной основе<sup>3</sup>. Согласно уставу РАО, предметом деятельности Организации является также оказание помощи правообладателям в реализации и защите их интеллектуальных прав на договорной основе, в том числе на основе полномочий, предоставляемых другими российскими и зарубежными организациями по управлению правами на коллективной основе, содействие правообладателям в передаче прав на использование результатов интеллектуальной деятельности, их регистрация и депонирование<sup>4</sup>.

Депонирование — процедура «закрепления» в реестре организации самого произведения, данных о дате его создания и авторе. Исследователи обращают внимание, что РАО не депонирует названия отдельно от произведений, а также слоганы, логотипы, «крылатые фразы», товарные знаки и компьютерные программы<sup>5</sup>. Свидетельство о депонировании формально не предоставляет никаких прав и гарантий, зачастую играя роль лишь средства доказывания при рассмотрении споров об авторстве и моменте возникновения соответствующих прав<sup>6</sup>. Интересно, что по запросу «Что? Где? Когда?» в реестре РАО можно найти музыкальные произведения, рекламу, юмористический монолог Максима Галкина, но не телепередачу.

---

<sup>1</sup> Рекомендация МАИИ для организаторов турниров. URL: <https://www.maii.li/docs/2021-05-27-rekomendacii-organizatoram-turnirov/> (дата обращения: 07.09.2023).

<sup>2</sup> Сайт ООО «Телекомпания «Игра-ТВ». URL: <https://chgk.tvigra.ru/> (дата обращения: 07.09.2023).

<sup>3</sup> Сайт РАО. URL: <https://rao.ru/> (дата обращения: 07.09.2023).

<sup>4</sup> Устав РАО. URL: [https://rao.ru/newdocs/Ustav\\_2020.pdf](https://rao.ru/newdocs/Ustav_2020.pdf) (дата обращения: 08.09.2023).

<sup>5</sup> Новоселова Л. А., Рузакова О. А. Значение и функции регистрации авторских прав в Российской Федерации и за рубежом // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 334–349. DOI: 10.17072/1995-4190-2017-37-334-349.

<sup>6</sup> Семенова А. В. Депонирование как средство защиты авторского права: проблемы и пути решения // Правовой журнал Президент. 2020. № 1. С. 9–14. EDN VZZFOY.



Что же такое «Что? Где? Когда?»? Во-первых, это аудиовизуальное произведение (большинству эти три вопроса говорят именно о телепередаче). А во-вторых, товарный знак (свидетельство о государственной регистрации Российской Федерации № 265600). В ходе исследования проверить подлинность данных о товарном знаке не удалось ввиду нехватки мощностей вычислительной техники автора для открытия файла с Открытым реестром товарных знаков и знаков обслуживания с сайта Роспатента<sup>1</sup>.

Произведение, чтобы быть задепонированным в РАО, должно быть выражено в объективной форме: это могут быть нотные записи на бумажных носителях, звуковые записи, видеозаписи, тексты произведений на бумажных носителях, партитуры танцев, эскизы, рисунки, фотографии и др.<sup>2</sup>. Аудиовизуальное произведение, согласно ГК РФ, — произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств. Аудиовизуальные произведения включают кинематографические произведения, а также все произведения, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим (теле- и видеofilмы и другие подобные произведения), независимо от способа их первоначальной или последующей фиксации<sup>3</sup>. При этом авторами аудиовизуального произведения признаются режиссер-постановщик, автор сценария, композитор, являющийся автором музыкального произведения (с текстом или без текста), специально созданного для этого аудиовизуального произведения, художник-постановщик анимационного фильма. Следовательно, аудиовизуальное произведение состоит из элементов постановки (грубо говоря, того, что создает картинку: реквизит, костюмы, декорации и т. д.), музыкальные композиции и сценарий.

То, что «Что? Где? Когда?» задепонировано как аудиовизуальное произведение, остается, видимо, только принять на веру, но предположим, что это действительно так. Однако даже в этом случае проведение игр по правилам, сходным с правилами телевизионной игры, не нарушает прав ООО «Телекомпания «Игра-ТВ», поскольку, согласно ст. 1270 ГК РФ, практическое применение положений, составляющих содержание произведения, в том числе положений, представляющих собой техническое, экономическое, организационное или иное решение, не является использованием произведения. Нарушением права будет именно использования товарного знака, символики, сходных декораций и т. д., что обычно и происходит.

Другое дело, что и правила командной викторины с раундами по минуте (этим термином в правилах, принятых МАИИ, названо существующее по историческим

<sup>1</sup> Открытый реестр товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации. URL: <https://rospatent.gov.ru/opendata/7730176088-tz> (дата обращения: 08.09.2023).

<sup>2</sup> Регистрация произведений РАО. URL: <https://rao.ru/registratsiya-proizvedenij/> (дата обращения: 08.09.2023).

<sup>3</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.05.2018) // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

причинам семейство игр с близкими правилами и разными названиями, самые известные из которых — «Спортивное «Что? Где? Когда?» и «60 секунд») <sup>1</sup> сильно отличаются от правил телеигры.

Ввиду необходимости соблюдения прав и сложностей в достижении договоренностей с телекомпанией, многие организаторы турниров называли проводимую ими дисциплину «Спортивное ЧГК». Другое дело, что ООО «Продюсерский центр «Игра-ТВ» и этот товарный знак успело зарегистрировать <sup>2</sup> в 2022 г. Интересно, что зарегистрированы именно товарные знаки «Что? Где? Когда?» и «Спортивное ЧГК». Так, правообладатель старается пресечь использование не только названия из трех вопросов, но и его аббревиатуры, что бы она ни значила в контексте использования.

Так, организаторам турниров остается только избегать названия из трех вопросов, используя такие как «Вопросы», «Основная дисциплина» и др.

Несмотря на всё это, мы и по сей день можем наблюдать множественное использование наименования «Что? Где? Когда?», но обычно оно применяется организаторами мероприятий и производителями товаров, не связанных с МАИИ и, возможно, не подозревающих о существовании движения интеллектуальных игр в принципе.

В некоторых ситуациях правообладатель пытается защитить свои права. Известен как минимум один случай направления им претензий к организаторам Студенческого чемпионата России по интеллектуальным играм в 2021 г. <sup>3</sup> О правомерности поведения участников спора говорить затруднительно, поскольку представлена точка зрения только одной из сторон, однако выборочность предъявления претензий создает впечатление незримого злоупотребления правом (возникает закономерный вопрос, почему одни лица могут использовать название из трех вопросов даже не запрашивая разрешения, а другие получают претензии в свой адрес), хотя им и не является.

Так, сыграть в «Что? Где? Когда?» (даже спортивное) без участия (или хотя бы разрешения) «Игры-ТВ» и не нарушить прав не получится. Несмотря на трудности, движение интеллектуальных игр продолжает развиваться, порождая специфические объекты интеллектуальной собственности — вопросы и ответы на них. В связи с тем, что значительное число вопросов попадают в открытые источники, они нередко используются недобросовестными организаторами различных мероприятий (чаще всего т. н. квизов) в коммерческих целях в нарушение, например, лицензии на

<sup>1</sup> Правила командных викторин с раундами по минуте. URL: <https://www.maii.li/p/rules> (дата обращения: 08.09.2023) ;

<sup>2</sup> Свидетельство о регистрации товарного знака «Спортивное ЧГК». URL: [https://new.fips.ru/registers-doc-view/fips\\_servlet?DB=RUTMAP&DocNumber=2020742208&TypeFile=html](https://new.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=RUTMAP&DocNumber=2020742208&TypeFile=html) (дата обращения: 07.09.2023).

<sup>3</sup> «СтудЧР и лицензия от «Игры-ТВ» (статья организационного комитета Студенческого чемпионата России по интеллектуальным играм). URL: <https://teletype.in/@studchr/igratv> (дата обращения: 09.09.2023).

использование вопросов<sup>1</sup>. Сама квалификация вопроса как объекта гражданского права, а также формулирование способов защиты прав на вопросы могут стать темой для отдельной публикации.

**Хорошавин М. Ю.**

Новосибирский государственный университет (НГУ)

Студент

### **К вопросу о включении криптовалюты в состав конкурсной массы должника при банкротстве**

**Аннотация.** При включении криптовалюты в состав конкурсной массы возникает ряд правовых проблем, связанных с ее розыском и возвращением. Из-за отсутствия контроля со стороны государства за информационными системами, содержащими криптовалюту, их анонимностью и конфиденциальностью арбитражному управляющему затруднительно вернуть указанное имущество в конкурсную массу.

**Ключевые слова:** криптовалюта, банкротство, объекты гражданских прав, конкурсная масса, арбитражный управляющий, должник, криптокошелек, цифровые активы.

Банкротство является одним из актуальных правовых институтов в российском гражданском праве. В судебно-арбитражной практике из года в год увеличивается число заявлений о признании должника банкротом. В силу неустойчивости гражданского оборота многие его субъекты не всегда могут исполнять свои обязательства, что влечет их финансовую несостоятельность. Кульминацией движения дел о банкротстве — является формирование конкурсной массы для последующей ее реализации и удовлетворения требований кредиторов.

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — Закон о банкротстве) называет конкурсной массой в ст. 131 все имущество несостоятельного должника, имеющееся у него на момент открытия процедуры конкурсного производства<sup>2</sup>. Однако в правоприменительной практике арбитражные управляющие часто сталкиваются с ситуацией, при которой должник имеет некоторое количество цифровых активов, в частности криптовалюту. В этой связи напрашивается вопрос — по смыслу ст. 131 Закона о банкротстве входят ли в конкурсную массу цифровые права? Судебная практика по этому поводу до 2020 г. осложнялась тем, что общих норм гражданского права было недостаточно для регулирования общественных

---

<sup>1</sup> Лицензия на использование вопросов из Базы Вопросов интернет-клуба «Что? Где? Когда?». URL: <https://db.chgk.info/copyright> (дата обращения: 09.09.2023).

<sup>2</sup> Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. № 3077. 02.11.2002.

отношений по вопросам оборота цифровых прав. Требовались специальные нормы для преодоления пробелов.

Учитывая сложившуюся ситуацию, в 2020 г. был принят Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты». На законодательном уровне введено понятие «цифровая валюта»<sup>1</sup>. В этом же законе, в ст. 19 были внесены поправки в Закон о банкротстве, согласно которым «цифровая валюта признается имуществом для целей настоящего Федерального закона». Исходя из этого, спор о возможности включения криптовалюты был решен — криптовалюта признается имуществом через призму Закона о банкротстве. Между тем в правоприменительной практике стали возникать правовые проблемы включения криптовалюты в конкурсную массу.

Первой проблемой является сложность розыска криптовалюты арбитражным управляющим. Как верно отмечает Т. П. Шишмарева «сложности включения криптовалюты в состав конкурсной массы должника обусловлены отсутствием контроля со стороны государства за информационной системой, в которой они созданы»<sup>2</sup>. При таких условиях возможность включения криптовалюты полностью зависит от воли должника, его согласия на передачу пароля от криптокошелька. Действия должника по сокрытию у него цифровой валюты снижают до нуля вероятность их обнаружения арбитражным управляющим. В связи с изложенным для включения криптовалюты в состав конкурсной массы должника необходимо либо предоставление сведений о криптовалюте самим должником, либо наличие доказательств у арбитражного управляющего, подтверждающих владение должником цифровой валютой. Тем не менее в судебной практике имеются немало прецедентов, где арбитражные управляющие находят доказательства приобретения должником криптовалюты. Выписки из банков с адресом криптобиржи очевидно свидетельствует о факте совершения должником банковских операций для приобретения криптовалюты.

Второй проблемой является отсутствие правовых механизмов принуждения должника к передаче пароля от криптокошелька арбитражному управляющему. Закон о банкротстве в ст. 20.3 предусматривает право арбитражного управляющего на запрос информации о должнике и о составе его имущества. Кроме того, в специальных нормах Закона о банкротстве, регламентирующих банкротство гражданина в ч. 9 ст. 213.9 предусмотрена обязанность гражданина предоставить любые сведения о своем имуществе по требованию арбитражного управляющего. Также не стоит забывать, что АПК РФ предусмотрена статьей 66 дающая возможность лицам

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 173. 06.08.2020.

<sup>2</sup> Шишмарева Т. П. Криптовалюта в составе конкурсной массы несостоятельного должника // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 7 (71). С. 40.

участвующим в деле, заявлять ходатайства об истребовании доказательств<sup>1</sup>. В связи с наличием данных норм, арбитражные суды часто выносят определения об истребовании доказательств с понуждением должника предоставить арбитражному управляющему доступ к криптокошельку<sup>2</sup>. Однако такие судебные акты не обладают эффективностью ввиду их неисполнимости. Частью 8 ст. 66 АПК РФ предусмотрена обязанность извещения суда о невозможности предоставлении доказательств. Должнику ничего не мешает известить суд, сообщив ложные сведения об отсутствии у него цифровых прав либо об утрате доступа к криптокошельку. Не лишним было бы законодательно закрепить юридическую ответственность должника, который не предоставляет доступ арбитражному управляющему к криптокошельку.

Несмотря на то что информационные системы, содержащие в себе цифровую валюту основаны на анонимности, конфиденциальности и неподконтрольны государству, существует возможность получения доступа к криптокошельку должника в случае отказа последнего передать доступ к нему добровольно. Поскольку оборот криптовалюты может осуществляться на специализированных криптобиржах (Binance, Kraken, Global, Huobi, Coinbase, Bitfinex, то в таких случаях доступ к криптокошельку помимо должника имеет и третье лицо — криптобиржа.

В судебной практике аналогично выносятся определения об истребовании доказательств в адрес криптобирж. На основании статьи 66 АПК РФ у арбитражного управляющего есть право истребовать доказательство. К примеру, Арбитражный суд Свердловской области в деле № А60–65764/2022 в определении обязал криптобиржу Binance предоставить сведения об аккаунте несостоятельного должника финансовому управляющему<sup>3</sup>. Однако и здесь возникает проблема исполнимости определений, обязывающих криптобиржу предоставить указанные сведения. Так как многие криптобиржи находятся внеправовой юрисдикции и даже не имеют своих представительств на территории России, то к ним отсутствует механизм принуждения к исполнению судебных актов. Арбитражному управляющему и конкурсным кредиторам остается надеяться на взаимность и добрую волю криптобирж. Вместе с тем в правоприменительной практике криптобиржи часто идут навстречу и сотрудничают с правоохранительными и судебными органами.

В качестве еще одного механизма поиска и возврата криптовалюты в состав конкурсной массы можно назвать оспаривание сделок несостоятельного должника. По мнению Д. А. Гаврина, «можно выделить такие основания для оспаривания сделки с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой, как отчуждение

<sup>1</sup> Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 02.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Российская газета. № 137. 27.07.2002.

<sup>2</sup> Определение Арбитражного суда Новосибирской области по делу № А45–27312/2022. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6e78198e-e9c7-4ccb-9c0f-142af6411594> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>3</sup> Определение Арбитражного суда Свердловской области по делу А60–65764/2022. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3f791521-a9d6-44ae-9947-4a54fde2fada> (дата обращения: 20.09.2023).

цифровых активов в ущерб кредиторам»<sup>1</sup>. Представляется, что с точки зрения Закона о банкротстве таким основанием является подозрительная сделка, в целях причинения вреда кредиторам. В банкротных делах такой механизм возврата имущества в конкурсную массу имеет место. Так, в деле № А50–6372/2018 Арбитражный суд признал недействительными цепочки сделок по приобретению монет OneCoin по основанию, установленным в ч. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Правовым последствием в данном деле являлась реституция, заключающаяся в возврате 6991,195882 монет OneCoin в конкурсную массу<sup>2</sup>. Но и здесь возникает проблема исполнения судебного акта, в случае если должник не предоставляет доступ к аккаунту содержащей криптовалюту.

В заключение стоит сказать, что криптовалюта включается в состав конкурсной массы наравне с другим имуществом. Но главным пробелом российского законодательства является отсутствие специальных норм, которые учитывают специфику цифровых активов, регулировали бы порядок ее возврата. Кроме того, необходим контроль со стороны государства за оборотом цифровой валюты.

**Чекурова Д. И.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Правовая природа энергии как объекта гражданских прав**

**Аннотация.** Вопрос о правовой природе и понятии энергии как объекта гражданских прав является дискуссионным. Однако выявление юридической сущности энергии представляется актуальным и не относится к категории проблем сугубо теоретических, поскольку способствует определению правового режима энергии и дальнейшему развитию законодательства в соответствующих областях.

**Ключевые слова:** энергия, объект гражданских прав, товар, имущественное право, вещь, концепция

Энергия не указана в Гражданском кодексе Российской Федерации в виде объекта гражданского права напрямую (ст. 128), однако договор энергоснабжения представляет из себя разновидность договора купли-продажи, что свидетельствует о применении законодателем в отношении энергии правовой конструкции, свойственной вещам. Несмотря на это, в юридической среде отсутствует единое мнение по поводу правовой природы энергии, развивается дискуссия о ее месте среди

<sup>1</sup> Гаврин Д. А. Цифровые финансовые активы и валюта в делах о несостоятельности (банкротстве) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 1. С. 79.

<sup>2</sup> Определение Арбитражного суда Пермского края по делу № А50–6372/2018. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6b6a58a0-9464-41c6-ad49-91430194d51c> (дата обращения: 20.09.2023).

объектов гражданских прав. В связи с этим выделяется множество подходов для решения данной проблемы; их можно свести к следующим.

Концепция овеществления энергии, основанная на буквальном толковании законодательства, наиболее распространена в исследовательской среде. В доктрине предлагают рассматривать энергию как определенную родовыми признаками, простую, делимую, движимую и потребляемую вещь<sup>1</sup>. Однако нельзя отрицать, что энергию затруднительно причислить к предметам материального мира. По этой причине заслуживает отдельного внимания идея о необходимости определять энергию как вещь бестелесную, которую не представляется возможным использовать в гражданском обороте в полной мере<sup>2</sup>. Однако квалификация энергии как вещи позволяет распространить на энергию режим права собственности, что с практической точки зрения едва ли можно назвать обоснованным.

Ряд исследователей, не согласных с отнесением энергии к вещам, квалифицирует ее качестве «иного имущества», функционального аналога вещи в рамках ст. 128 ГК РФ. Аргументируется это тем, что энергия является неким своеобразным свойством материи, способным производить специфическую работу, характеристики которого, однако, ограничивают в определенной мере его использование в гражданском обороте<sup>3</sup>.

Обязательственная теория отрицает принадлежность энергии к вещам или имущественным правам, а отношения, касающиеся энергии, относит к числу услуг. Обоснование данной концепции лежит в неосязаемости энергии, неотделимости ее от средств передачи, фактическом исчезновении при потреблении. Эта теория тем не менее не позволяет использовать энергию за пределами обязательств, в чем заключается один из ее главных недочетов<sup>4</sup>.

Принятие и развитие законодательства об электроэнергетике стало стимулом к развитию «товарной» концепции, согласно которой энергию следует относить к особым товарам, не являющимся вещами. Объектом собственности, согласно концепции, является результат труда, созданный или присвоенный по итогам производственной деятельности; такой результат имеет определенную ценность<sup>5</sup>. Так, товарами считаются многие блага, перечень которых невозможно свести лишь к материальным объектам. Данная концепция, в сущности, направлена на расширение содержания категории товаров с целью препятствования добавлению новых самостоятельных объектов гражданских прав в законодательство.

---

<sup>1</sup> Крассов Е. О. Система договорных связей в сфере организации снабжения электрической энергией : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 20.

<sup>2</sup> Жанэ А. Д. Электроэнергия как особого рода вещь // Журнал российского права. 2004. № 5. С. 18.

<sup>3</sup> Лукьянцева И. А. Правовая природа электроэнергии как объекта гражданских прав // Журнал российского права. 2008. № 3. С. 57.

<sup>4</sup> Городов О. А. О нетрадиционных объектах гражданских прав // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 104.

<sup>5</sup> Головкина Д. В. К вопросу о предмете договора энергоснабжения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 2. С. 51.

Ряд ученых вовсе отказывает энергии в обособленности правовой природы, поскольку объектами отношений следует признавать скорее технические приспособления, а не энергию саму по себе<sup>1</sup>.

Все вышеуказанные концепции важны для обнаружения истинной правовой сущности энергии как объекта гражданских прав. Однако представляется, что энергия обладает особым, специфичным правовым положением. В обоснование данного утверждения следует охарактеризовать энергию как таковую.

1. Энергия невидима, ее невозможно визуально обнаружить<sup>2</sup>.

2. Процессы производства, перемещения и потребления энергии являются неразрывными, при этом моменты ее производства и потребления практически совпадают во времени<sup>3</sup>.

3. Свойства энергии не позволяют накопить ее на складах или в ином хранилище, подобно иным товарам, что исключает, например, образование нереализованных остатков продукции<sup>4</sup>.

4. Передача и потребление энергии требуют использования технического оборудования и устройств, специальной инфраструктуры; при этом энергия неотделима от средств, с помощью которых она производится и передается<sup>5</sup>.

5. Исключен возврат энергии, в том числе, например, в порядке реституции или в рамках договорных отношений (договор хранения, имущественного найма и пр.), поскольку она потребляется при передаче потребителю<sup>6</sup>.

6. Энергию невозможно определить за счет индивидуальных признаков<sup>7</sup>.

7. Неоднозначно решается вопрос о приобретении энергии в собственность: к энергии применимы в полной мере лишь правомочия распоряжения и владения (что также является дискуссионным); в отношении энергии неприменимы иски, направленные на защиту права собственности и других вещных прав.

8. Энергия, не имея вещественной формы, характеризуется дискретностью и непостоянством.

---

<sup>1</sup> Гримм Д. Д. К учению об объектах прав // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 160.

<sup>2</sup> Могилевский Г. А. Энергия как объект гражданских прав: актуальные вопросы понятия и содержания // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 2–2 (77). С. 179.

<sup>3</sup> Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право // Договоры о передаче имущества. М. : Статут, 2000. С. 157.

<sup>4</sup> Михалев Д. Н. Правовая природа категории «Энергия», как разновидности объекта гражданских правоотношений // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2012. № 2 (14). С. 146.

<sup>5</sup> Шведкова О. В. Энергия как объект договорных отношений: к вопросу о понятии и правовой природе // Журнал российского права. 2016. № 7 (235). С. 55.

<sup>6</sup> Меренков С. Энергия как объект гражданских прав // Территория науки. 2014. № 2. С. 13.

<sup>7</sup> Тебенькова С. А. Электрическая энергия как объект гражданских прав // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 4. С. 187.



Неординарные свойства энергии подтверждают сложность рассматриваемого объекта, свидетельствуют о необходимости применения комплексного правового подхода для его характеристики. Как справедливо указал С. А. Свирков, других случаев, когда свойства объектов становились бы объектами гражданского оборота, не существует ни в теории, ни на практике<sup>1</sup> — в этом уникальность рассматриваемого правового явления.

И хотя в правовой среде существует тенденция на решение проблемы расширения списка объектов гражданских прав, применительно к энергии такой подход не представляется удачным. Специфика энергии может считаться основанием для выделения ее как объекта гражданских прав со специальным режимом обращения.

Энергия как объект гражданских прав должна быть отнесена к категории, формально близкой к вещам<sup>2</sup>. Однако ставить знак равенства между вещами в классическом их понимании и энергией нецелесообразно, поскольку энергию как вещь не представляется возможным использовать в ряде договорных конструкций, исключена вещно-правовая охрана энергии как вещи, сомнительна возможность отнесения энергии к объектам права собственности.

В отношении энергии как объекта гражданских прав возможно установление исключительно обязательственных, но не вещных прав; при этом энергия, как представляется, не может выступать самостоятельным объектом сделок. Оборота энергии должен осуществляться посредством закрепления имущественных прав на нее: в таком случае потребитель получает право требования для получения энергии, а энергоснабжающая организация — право требования оплаты использованной энергии.

Очевидно, что выделение энергии в форме отдельного объекта гражданских прав напрямую связано с необходимостью специализации правового режима энергии, а оформление ее оборота требует специфических правовых инструментов<sup>3</sup>, отличных от тех, что применяются в обороте иных ценностей: в связи с этим представляется обоснованным дальнейшее правовое регулирование в соответствующих областях.

**Шабаян В. С.**

Южный федеральный университет (ЮФУ)

Студент

### **Имя гражданина: условия и пределы использования**

**Аннотация.** Имя гражданина как способ индивидуализации гражданина в российской правовой доктрине всегда носило неимущественный характер. Тем

<sup>1</sup> Свирков С. А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии : монография. М., 2013. С. 72.

<sup>2</sup> Тебенькова С. А. Электрическая энергия как объект гражданских прав // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2013. № 4. С. 188.

<sup>3</sup> Белова Е. Б. Энергия как самостоятельный объект прав // Юрист. 2019. № 6. С. 41.

не менее современные ученые приходят к выводу, что возможна интеграция понятия имени гражданина в сферу имущественных правоотношений. В таком случае необходимо четко определить регулирование данного вопроса

**Ключевые слова:** имя, гражданин, имущественные и личные неимущественные правоотношения, псевдоним.

На протяжении долгого времени имя гражданина являлось неотчуждаемым от него и не передаваемым, так как было тесно связано прежде всего с личностью носителя. Некоторое время назад имя гражданина отражало его социальную принадлежность, положение в обществе, определяло, какими нравами и культурными ценностями будет обладать лицо. Однако в настоящее время подобный способ индивидуализации гражданина не имеет прежнюю ценность в аспекте культурной и этнической сфер, так как не определяет полностью его правовое положение.

Константное юридическое положение имени гражданина находится на стадии преобразования. Стоит отметить, что многие российские правоведы углубились в изучение вопроса материализации имени. Так, например, основным посылом такого ученого, как А. Е. Шерстобитов, является возможность отграничить неотчуждаемость имени гражданина от его возможности обладать свойством оборотоспособности<sup>1</sup>.

К примеру, гражданское законодательство позволяет передавать имя гражданина для дальнейшего использования в виде товарного знака. Здесь необходимо учитывать условие, которое закреплено в пп. 2 п. 9 ст. 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации<sup>2</sup>, где говорится о том, что в данном случае наследники должны дать согласие на использование имени наследодателя. Таким образом, наследник вправе самостоятельно распорядиться возможностью пользования именем наследодателя вне правопримественных отношений, так как подобные нематериальные блага не относятся к составу наследства, что указывается в абз. 3 ст. 1112 ГК РФ<sup>3</sup>.

Тем не менее такое согласие на дальнейшее использование имени не может носить самостоятельный характер. Если обратиться к прошлому примеру, то здесь видна взаимосвязь с наследственным правом, где есть определенное соглашение, позволяющее стать имени самостоятельным элементом, которым вправе распоряжаться уже другой его носитель (наследник).

В ином случае имя гражданина/ его псевдоним могут ввести в заблуждение третьих лиц при свободной и юридически не закрепленной передачи другому лицу. Согласно п. 4 ст. 19 ГК РФ, запрещено вводить «в заблуждение третьих лиц

<sup>1</sup> Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. 437 (автор главы — А. Е. Шерстобитов).

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Яценко Т. С. Имя физического лица как предмет сделки: от критики до признания в гражданском праве // Вестник права. 2022..

относительно тождества граждан». Соответственно, в случае нарушения данной нормы пострадавшая сторона вправе требовать компенсацию морального вреда.

На протяжении последних лет особую популярность набирают псевдонимы, которые используют лица в сети Интернет (никнеймы), они обезличивают того, кто использует данное имя. Но в таком случае необходимо быть осторожным, чтобы не допустить искажение имени и распространение порочащих честь, достоинство и деловую репутацию информации.

Также особый интерес в современном обществе направлен на имя гражданина ввиду того, что непосредственно его характерные черты могут способствовать улучшению предпринимательской деятельности в различных сферах общества в случае передачи его иным лицам, так как это вызывает доверие, интерес у посторонних людей<sup>1</sup>.

Несмотря на то что оборотоспособность имени как объекта нематериальных благ, крепко связанного с самой личностью, не традиционное явление для российского гражданского права, современные реалии твердят о том, что это необходимое преобразование в правовой системе.

Так, на данный момент в Российской Федерации регулируется использование имени личности в творческой деятельности. В подобном случае необходимо урегулировать пределы использования имени гражданина иным лицом, что закреплено в абз. 2 п. 4 ст. 19 ГК РФ.

Определенно, с моральной точки зрения достаточно сложно прийти к выводу, что коммодификация имени имеет место, однако это неизбежный процесс в период формализации многих отношений, регулирующихся гражданским правом в Российской Федерации.

Таким образом, современная правовая доктрина отходит от позиции невозможности отчуждения такого нематериального блага как имя гражданина и не исключает возможность его передачи третьим лицам, тем самым отделяя от первоначального носителя, однако в таком случае необходимо осуществлять данные права в соответствии с нормами гражданского права, чтобы не допустить полного слияния подобного способа индивидуализации гражданина с материальными благами.

**Шелунцова А. О.**

НИУ ВШЭ

Студент

### **Проблемы практической реализации принципа *superficies solo cedit* с конструкцией единого объекта в российском гражданском праве**

**Аннотация.** Исторически сложившееся отсутствие восприятия земли как частной собственности обусловило противоречивое соотношение принципа

---

<sup>1</sup> Гражданское право : учебник : в 4 т. Т. 1 : Общая часть // отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. С. 111–112.

superficies solo cedit с концепцией единого объекта, что повлекло элементы дискуссионности и нестабильности в настоящее время. В связи с этим представляется необходимым проанализировать категорию «недвижимости» в российском гражданском праве через призму правового статуса земельного участка и объектов недвижимости на нем, а также выяснить, как историческая ситуация повлияла на противоречивую практику судов.

**Ключевые слова:** объект гражданского права, недвижимость, земельный участок, право собственности, строение, вещь, superficies solo cedit, единый объект.

Система вещных прав в гражданском законодательстве Российской Федерации характеризуется сложным историческим становлением, из-за которого у людей сложилось слабое восприятие частной собственности, прежде всего на земельные ресурсы. Ситуация возникла ввиду национализации земли<sup>1</sup>, где понятие частной собственности подменяли «суррогатом» в виде права пользования земельным участком, который находился в государственной собственности<sup>2</sup>. Так, происходила тенденция отчуждения людей от земли как частной собственности.

Явление подкреплялось законодательным регулированием впоследствии: понятия вещного права как непосредственного господства управомоченного над телесными вещами<sup>3</sup> не существовало, а земля объявлялась «общим достоянием всего советского народа»<sup>4</sup> и находилась в исключительной собственности государства, то есть была изъята из оборота. Строение же, напротив, в обороте быть могло.

В этих условиях складывалась система вещных прав, которая обрела видимые очертания с принятием Гражданского кодекса Российской Федерации в 1994 г. Правоотношения, связанные с земельными участками, возродились с принятием Земельного кодекса Российской Федерации в 2001 г.

Понятие «недвижимости» берет истоки из Древнего Рима, где оно определялось преимущественно землей как главной вещью, а расположенные строения на ней были принадлежностями. Так, принадлежность следовала судьбе главной вещи посредством «приращения». Римский принцип superficies solo cedit («сделанное над поверхностью следует за поверхностью»<sup>5</sup>) берет истоки из Институций Гая<sup>6</sup>, где следует: построенное на поверхности принадлежит

<sup>1</sup> Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 г. Т. 1. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 18.

<sup>2</sup> Иванов А. А. Экономические основания вещных прав // Закон. 2015. № 12. С. 142.

<sup>3</sup> Dernburg. Pandekten. 7 Aufl. I. § 192 ; II. § 1.

<sup>4</sup> По своей сути то, что земля объявлялась «общенародным достоянием», не представляло особого правового режима земли. Согласно ст. 95 ГК РСФСР 1964 г., допускалось владение землей «только на правах пользования».

<sup>5</sup> Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М., 2008. С. 161.

<sup>6</sup> Gai Institutionum commentarii quattuor : пер. с лат., коммент. / под общ. ред. проф. Д. В. Дождева. М. : Статут, 2020. Ст. 73, кн. II.

(собственнику) земли. Логическая идея состоит в реализации правомочия пользования зданием для собственника строения, ведь в ином случае собственник земельного участка может это право ограничить<sup>1</sup>. Так, например, немецкое право использует сходный подход и соотносит понятие «недвижимости» с земельным участком, а строения на ней признает ее составными частями, что отражается в Гражданском уложении Германии<sup>2</sup>.

Принцип единства судьбы земельного участка и строений на нем закреплен в пп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ и является императивной нормой: «все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами».

Учитывая историческое прошлое, можно заметить отсутствие автоматического перехода права собственности на земельный участок. Под влиянием советского права и публичного интереса, в законодательстве закрепилось право пользования земельным участком при переходе права собственности на сооружение (п. 1 ст. 271 ГК РФ). Согласно п. 1 ст. 130 ГК РФ, недвижимыми вещами являются и земельные участки, и, например, здания на них, что в юридической литературе признается дуплицитетом недвижимых вещей<sup>3</sup>. Так, право собственности в указанной ситуации будет находиться у разных лиц.

Следовательно, российское право, в противовес римскому принципу и его реализации в немецком праве, определяет земельный участок и постройку на нем как самостоятельные объекты вещного права. Напротив, согласно абсолютному принципу единства судьбы, земельный участок — единственный объект недвижимости, а постройки — его составные части, следующие судьбе участка.

Здесь замечается отступление от классического принципа, по которому все, что построено на земельном участке, является его составной вещью. В этом отступлении видится дискуссионность и противоречивость, ведь постройка, как самостоятельный объект, не может существовать без земельного участка под ним.

Помимо этого, п. 3 ст. 552 ГК РФ устанавливает прямо противоположную Римскому праву мысль: «При продаже такой недвижимости покупатель приобретает право пользования соответствующим земельным участком на тех же условиях, что и продавец недвижимости», из чего выводится суждение о том, что земельный участок (как принадлежность) следует за строением (как главной вещью), что априори не соответствует сложившемуся правовому регулированию. Данная норма повлекла дисбаланс, вызывая недобросовестное поведение лиц по договору аренды, когда участок, передаваемый в право пользования

<sup>1</sup> Бевзенко Р. С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 2. С. 60–123. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-2-60-123. EDN NUKEIS. С. 62.

<sup>2</sup> Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 (ред. от 02.01.2002) (с изм. и доп. по 31.03.2013) // Е-Досье. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/> (дата обращения: 20.09.2023). П. 1, § 94.

<sup>3</sup> Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. § 15, 40, 124, 139, 158, 163. М. : М-Логос, 2017. 80 с. ISBN 978-5-9500177-2-8.

арендатору вместе с преимущественным правом его покупки (п. 3 ст. 35 ЗК РФ), сильно превышал тот размер, необходимый для эксплуатации постройки<sup>1</sup>. Вопрос регулирования размера решается на практике судьейским усмотрением, но остается открытым, так как вещное право на часть вещи (без границы объекта права) существовать не может<sup>2</sup>.

На сглаживание казуса и был направлен принцип единства судьбы, который, однако, слабо реализуется в отсутствие принципа «единого объекта», составляющего земельный участок и постройку на нем, поскольку допускается нарушение конструкции «главной вещи» и «принадлежности».

Отклонение от классического принципа замечается в области наследственного права: в п. 2 ст. 1181 ГК РФ отмечается, что при наследовании земельного участка по наследству переходят находящиеся в границах этого участка поверхностный (почвенный) слой, водные объекты, находящиеся на нем растения. Касательно зданий на земельных участках ВС РФ определил, что завещатель вправе сделать в отношении их отдельные распоряжения в силу того, что они выступают в качестве самостоятельных объектов гражданского оборота<sup>3</sup>, что может повлечь наличие различных собственников на здание и доли участка соответственно и ставит под вопрос волю завещателя<sup>4</sup>.

Несмотря на отсутствие полной реализации принципа, закрепленного в ст. 1 ЗК РФ, на практике отмечается применение *superficies solo cedit*: Президиум ВАС РФ отменил постановление окружного суда по отказу в предоставлении земельного участка и отметил, что земельный участок под сооружением (причалом) переходит в собственность собственника сооружения исходя из принципа единства судьбы земельных участков и связанных с ними объектов<sup>5</sup>. Так, можно отметить относительную реализацию римского принципа.

Концепция «единого объекта» нашла реализацию в немецком праве и показала свои положительные (вопрос о правовой квалификации строения до момента его регистрации) и отрицательные стороны (применение принципа к поэтажной

---

<sup>1</sup> Определение Верховного Суда РФ от 30.01.2017 № 305-КГ16–16409 по делу № А40–100700/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2023).

<sup>2</sup> Козырь О. М., Маковская А. А. «Единая судьба» земельного участка и расположенных на нем иных объектов недвижимого имущества (реальность и перспективы) // Вестник ВАС РФ. 2003. № 2. С. 95–114.

<sup>3</sup> П. 79 постановления Пленума от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> Бевзенко Р. С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 2. С. 60–123. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-2-60-123. EDN NUKEIS. С. 118.

<sup>5</sup> Бевзенко Р. С. Принцип единства судьбы прав на земельный участок и на строения на нем // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 2. С. 60–123. DOI: 10.24031/1992-2043-2020-20-2-60-123. EDN NUKEIS. С. 71 ; постановление Президиума ВАС РФ от 02.07.2013 № 1039/13.

собственности<sup>1</sup> и отсутствие возможности отдельно распоряжаться и землей, и постройками на ней).

В настоящее время концепция «единого объекта» в сочетании с принципом *superficies solo cedit* находит приветствие не только в проекте реформы ГК (законопроект № 47538–6), но и среди практикующих юристов, считающих концепцию необходимостью для нормального восприятия частной собственности на недвижимость (в частности, земельные участки) в государстве.

---

<sup>1</sup> Бевзенко Р. С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. М., 2017. 80 с.

# XVI. ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ СКВОЗНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ (НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ, БИОТЕХНОЛОГИЙ, ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА)

**Бабичева В. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

## **Искусственный интеллект: инструмент для творчества или новый субъект авторского права?**

**Аннотация.** Повсеместное внедрение нейросети порождает ряд вопросов, связанных в первую очередь с необходимостью правового регулирования ее работы. Особое внимание заслуживает правовой режим результатов деятельности, созданных с использованием систем искусственного интеллекта, определение правосубъектности нейросети. Цель статьи — проанализировать существующие концепции правосубъектности искусственного интеллекта и правового режима объектов, созданных с помощью нейросетей и сформулировать направление совершенствования законодательства России в части регулирования результатов деятельности нейросети.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, нейросеть, правосубъектность искусственного интеллекта, авторское право, объекты гражданских прав, информация, информационное право.

На сегодняшний день машинное творчество больше не является мифом. Сейчас с помощью нейросети любой желающий может создать новый объект, не имеющий аналогов и не уступающий результатам деятельности человека: текст, изображение, музыкальные произведения и др. Так, в 2016 г. японская ИИ-программа написала роман «День, когда компьютер написал роман» и даже вышла в финал Литературной премии имени Хоси Синъити, а «Портрет Эдмонда Белами», созданный полностью искусственным интеллектом, был продан на аукционе за 432 тыс. долл. Значит ли это, что теперь нейросеть является автором наравне с человеком или он — всего лишь инструмент творчества? Возможно ли правовое регулирование произведений искусственного интеллекта с помощью норм авторского права или необходим иной подход к их охране?

В первую очередь необходимо обратить внимание на принятые в России нормативные правовые акты, связанные с искусственным интеллектом, а именно, на Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., принятую Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»<sup>1</sup>, а также Кодекс этики искусственного интел-

---

<sup>1</sup> О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.



лекта, подготовленный в 2021 г. Министерством экономического развития РФ<sup>1</sup>. Анализ положений данных актов показывает, что они носят прикладной характер и не определяют в полной мере правовой режим объектов нейросети. Следовательно, возникает необходимость в создании системы правового регулирования отношений в области искусственного интеллекта и создаваемых им объектов.

В правовой доктрине и мировой практике встречаются разные подходы к характеристике искусственного интеллекта:

1) искусственный интеллект признается самостоятельным субъектом авторского права<sup>2</sup>;

2) искусственный интеллект определяется как средство, используемое в творческой деятельности<sup>3</sup>;

3) неохраноспособность результатов деятельности искусственного интеллекта<sup>4</sup>.

Какой из существующих подходов является более приближенным к законодательству России? Согласно статье 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации автором результата интеллектуальной деятельности является исключительно физическое лицо, творческим трудом которого создан такой результат<sup>5</sup>. Вызывает сомнение наличие у нейросети таких признаков творчества, как самостоятельность, свобода воли, индивидуальный характер, новизна<sup>6</sup>. Следовательно, сама нейросеть авторскими правами на это произведение не обладает, а является инструментом, который использует лицо для создания объекта. Более того, в наделии нейросети правосубъектностью отсутствует практическая польза, поскольку программа не обладает интересом в защите своих прав и желанием быть признанным автором.

Стоит отметить, что главную роль в функционировании нейросети играет разработчик: он определяет его функционал, структуру, назначение. Представляется целесообразным наделить авторскими правами именно разработчика, однако данный подход имеет ряд недостатков. Во-первых, не очевиден творческий вклад разработчика искусственного интеллекта в генерацию объектов, поскольку в про-

<sup>1</sup> Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения: 02.09.2023).

<sup>2</sup> Nevejans N. Université d'Artois, Centre de Recherche en Droit Ethique et Procédures European Civil Law Rules in Robotics. 2016. 34 p. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL\\_STU\(2016\)571379\\_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU(2016)571379_EN.pdf) (дата обращения: 29.08.2023).

<sup>3</sup> Copyright Act 1968 No. 63, 1968 // Australian Government. Federal Register of Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2017C00180> (дата обращения: 28.08.2023).

<sup>4</sup> Compendium of U. S. Copyright Office Practices, § 313.2 (December 22, 2014) // URL: <https://copyright.gov/comp3/chap300/ch300-copyrightable-authorship.pdf> (дата обращения: 28.08.2023).

<sup>5</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

<sup>6</sup> Александрова Т. А. Правовые возможности охраны программы для ЭВМ, созданной программой для ЭВМ // Вестник Академии интеллектуальной собственности. Копирайт. № 3. 2019. Доступ из СПС «Гарант».

изведении напрямую не отражается его личность. Во-вторых, у разработчика может отсутствовать интерес в обладании авторским правом на объект, созданный нейросетью.

Более перспективной по сравнению с концепцией автора-разработчика является наделение авторским правом пользователя нейросети, который вносит запрос в программу и с ее помощью генерирует желаемый объект. В данном случае более четко прослеживается творческий характер в деятельности пользователя, а сама нейросеть используется лицом в качестве инструмента. Однако можно ли назвать формулирование запроса творчеством? Существуют опасения, что распространение произведений пользователей нейросети приведет к снижению коммерческой ценности произведений, созданных физическими лицами ввиду доступности и дешевизны создания первых.

Анализ показывает, что объекты, генерируемые нейросетью, отличаются от результатов интеллектуальной деятельности по ряду признаков: минимальное участие человека в создании объектов, неочевидный характер творческого труда, доминирующая роль в создании объектов алгоритма нейросети — программы для ЭВМ. Следовательно, рассматривать данные продукты в качестве объектов авторского права неверно, а право интеллектуальной собственности — не единственный возможный вариант правовой защиты.

Рассмотрим возможность регулирования правосубъектности искусственного интеллекта и созданных им объектов с точки зрения информационного права.

Процесс эксплуатации искусственного интеллекта раскрывает его существенные черты, сходные со свойствами информационной системы — «совокупности содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств» (п. 3 ст. 2 Закона об информации)<sup>1</sup>. Информацией могут являться данные в двоичном формате, поскольку действующее законодательство определяет информацию как данные вне зависимости от формы их предоставления (п. 1 ст. 2 Закона об информации). Иными словами, объекты, сгенерированные нейросетью, являются информацией, созданной на основе обработки запроса пользователя. Следовательно, к технологиям искусственного интеллекта могут по аналогии применяться нормы информационного права.

Данная концепция учитывает роль автоматизированных процессов обработки запроса при создании объектов, что избавляет от необходимости поиска творческого начала в деятельности искусственного интеллекта, определения его правосубъектности как автора. Концепция также решает вопрос об определении владельца продукта искусственного интеллекта. На основе пункта 5 ст. 2 Закона об информации обладателем информации является лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам.

---

<sup>1</sup> Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СЗ РФ. № 31 (ч. 1). 2006. Ст. 3448.

Исходя из этого первоначальным обладателем генерируемого объекта должен быть пользователь, вносящий запрос в систему нейросети, а оператором данной информационной системы — как разработчик, так и пользователь.

Стоит отметить, что обладатель прав на информацию не приобретает исключительного права из-за отсутствия творческого характера труда, однако приобретает абсолютное право на информацию, отличное от исключительного. Предполагается, что это абсолютное право может быть защищено на основании статьи 1064 ГК РФ<sup>1</sup>, определяющей общие основания ответственности за причинение вреда. В силу прямого указания в п. 1 ст. 5 Закона информация может являться объектом гражданских правоотношений. Поэтому обладатель информации обладает правом на ее предоставление другому лицу, в том числе на основании договора, что важно для гражданского оборота объектов, генерируемых нейросетью.

Стоит отметить, что данная концепция благоприятна для авторов произведений, не использующих технологии искусственного интеллекта. Ценность объектов, создаваемых авторами, не пропадет, поскольку правовые режимы информации и результатов интеллектуальной деятельности различны и не будут входить в противоречие друг с другом. У участников гражданского оборота будет возможность на приобретение сгенерированного объекта у обладателя информации в соответствии с законодательством об информации или приобретение права использования или исключительного права на результат интеллектуальной деятельности в соответствии с законодательством об интеллектуальной собственности.

Таким образом, целесообразно применять нормы информационного права в процессе правового регулирования общественных отношений с объектами, сгенерированными нейросетями, а не нормы авторского права. Распространение на объекты, генерируемые нейросетью, правового режима информации потенциально отвечает интересам как разработчиков и владельцев нейронной сети в части владения и использования данных продуктов, так и государства в вопросе внесения минимальных изменений в законодательство.

**Даниленко Н. И.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
студент

### **Проблема правосубъектности «ребенка-спасителя» при применении вспомогательных репродуктивных технологий человека (ВРТ)**

**Аннотация.** Когда ребенок смертельно болен, его родители предпримут все возможные меры для его лечения. Такой шаг, как зачатие эмбриона и потенци-

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

альная возможность сделать его донором биологического материала, может быть единственным успешным вариантом лечения. Возникает множество вопросов, связанных с потенциально реализуемым вариантом лечения, но главное — этика подобного решения. Поднимается проблема достоинства самого эмбриона. Важна ли его дальнейшая жизнь после рождения? Чьи интересы будут превалировать после его зачатия? Оправдывает ли цель средства? И как регулируется этическая сторона биологических отношений эмбриона и родителей?

**Ключевые слова:** правосубъектность, эмбрион, вспомогательные репродуктивные технологии, преимплантационное генетическое тестирование, принцип сохранения человеческой жизни, принцип уважения человеческой жизни.

Развитие вспомогательных репродуктивных технологий, а также геномных технологий, применяемых в качестве современных методов лечения болезней, открывает широкие перспективы в области правового регулирования и множество проблем. Одна из них — это проблема правосубъектности так называемого «ребенка-спасителя».

Концепция использования братьев и сестер-спасителей с применением преимплантационного генетического тестирования в сочетании с типированием человеческого лейкоцитарного антигена (HLA) является спорной и вызывает широкие расхождения в юридических сообществах в разных странах мира.

Ребенка, зачатого с помощью этой процедуры, называют «братом-спасителем», поскольку он потенциально может выступать в качестве совместимого донора для больного брата или сестры, которому необходима трансплантация гемопоэтических стволовых клеток.

Трансплантация гемопоэтических стволовых клеток является единственным, и пожалуй, самым эффективным методом лечения детей, страдающих заболеваниями, поражающими их кроветворную и иммунную системы, такими заболеваниями как бета-талассемия и серповидно-клеточная анемия<sup>1</sup>.

Для того чтобы уменьшить иммунное отторжение на поступившие белки извне, необходимо провести обследование на генетическую совместимость типов человеческих лейкоцитарных антигенов с ранее рожденным ребенком.

Костный мозг, стволовые клетки и иные ткани впоследствии можно использовать как средство оказания медицинской помощи больному ребенку. Более того, проведенные исследования показывают, что при такой трансплантации появляется большая вероятность избежать осложнений в случаях с участием именно родных

---

<sup>1</sup> Angelucci, Emanuele, Susanne Matthes-Martin, Donatella Baronciani, Françoise Bernaudin, Sonia Bonanomi, Maria Domenica Cappellini, Jean-Hugues. Dalle, et al. 2014. Hematopoietic stem cell transplantation in thalassemia major and sickle cell disease: indications and management recommendations from an international expert panel. *Haematologica* 99 (5): 811–820. 10.3324/haematol.2013.099747. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4008115/>.

братьев и сестер в отличие от неродственных доноров<sup>1</sup>. Такая процедура повышает шанс «выживаемости» и способствует более стойкому иммунному ответу. Это подтверждается мировым опытом, согласно которому более 90% пациентов выживают после трансплантации стволовых клеток, а безрецидивная адаптация составляет около 80%<sup>2</sup>.

Для подобных манипуляций в ходе экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) генетику необходимо убедиться в отсутствии у эмбриона генетических заболеваний и иных хромосомных нарушений. Данное исследование проводят с помощью преимплантационного генетического тестирования (ПГТ), используемого с типированием лейкоцитарного антигена, что позволяет родителям выбрать эмбрион, который свободен от серьезных заболеваний и является идентичным HLA-типом больному ребенку.

На применение такой технологии общество реагирует неоднозначно. Например, во Франции данная медицинская процедура позволяет парам, у которых уже есть ребенок с неизлечимым генетическим заболеванием, выбрать здоровый эмбрион, который в дальнейшем при совместимости может служить донором пуповинной крови<sup>3</sup>.

Также в подп. d, п. 1, ст. 3 из Списка 2 Закона Великобритании «Об оплодотворении и эмбриологии человека», принятом в 2008 г., сказано, что ПГТ запрещено за исключением случая, «когда лицо являясь кровным родственником созданного эмбриона, страдает серьезным заболеванием, лечение которого возможно с помощью стволовых клеток, пуповинной крови, костного мозга или другой ткани родившегося ребенка, если будет установлена совместимость с тканью родного эмбриона»<sup>4</sup>.

Что касается Австрийского Федерального закона «О геномной инженерии» от 12.07.1994, то его нормы «не распространяются на методы, не связанные с геномной инженерией, в частности на 1. Экстракорпоральное оплодотворение...»<sup>5</sup>. Однако

<sup>1</sup> Shenfield F., Guido Pennings, J. Cohen, P. Devroey, B. Tarlatzis, and ESHRE Task Force on Ethics and Law. 2005. Taskforce 9: the application of preimplantation genetic diagnosis for human leukocyte antigen typing of embryos. *Human Reproduction* 20 (4):845–847. 10.1093/humrep/deh734. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15705626/>.

<sup>2</sup> Emanuele Angelucci, Susanne Matthes-Martin, Donatella Baronciani. Hematopoietic stem cell transplantation in thalassemia major and sickle cell disease: indications and management recommendations from an international expert panel. Vol. 99 No. 5 (2014): May, 2014. URL: <https://doi.org/10.3324/haematol.2013.099747> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>3</sup> Loi No. 2011–814 du 7 juillet 2011 relative à la bioéthique. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000024323102> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>4</sup> Human Fertilisation and Embryology Act 2008, Schedule 2, S. 1ZA, ss. 1 and 1ZB. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/22/contents> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>5</sup> Bundesgesetz: Gentechnikgesetz — GTG und Änderung des Produkthaftungsgesetzes No. 510/1994 (Austria). URL: [https://rdb.manz.at/document/ris.c.BGBL\\_OS\\_19940712\\_0\\_510](https://rdb.manz.at/document/ris.c.BGBL_OS_19940712_0_510) (дата обращения: 20.09.2023).

Бюллетень от 24.02.2015 с внесенными поправками к закону позволяет исследовать и обрабатывать клетки только в той степени, в которой это необходимо в соответствии с уровнем медицинской науки и возможностью обеспечения беременности или проведения преимплантационного тестирования в соответствии с разделом 2а вышеупомянутого закона<sup>1</sup>.

До недавнего времени Италия запрещала практику преимплантационного генетического тестирования и существенно ограничивала проведение процедуры ЭКО<sup>2</sup>. Однако Конституционный суд Италии<sup>3</sup> и впоследствии Европейский Суд по правам человека<sup>4</sup> признали эту норму неконституционной, поскольку такие ограничения ущемляли права супружеских пар на медицинскую помощь, в частности доступ к скринингу эмбрионов и прерывание беременности по терапевтическим показаниям.

Зачастую на фоне проведения подобных исследований возникает вопрос: соотносится ли это с интересами самого ребенка? Многие европейские законы провозглашают недопущение дискриминации в отношении «детей-спасителей» по генетическим характеристикам, которые будущие родители хотели бы видеть в ребенке. Например, ст. 24 Конвенции ООН «О правах ребенка» признает право ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения и средствами лечения болезней<sup>5</sup>, то есть интересы пациента и реализация права на жизнь уже существующего лица должны быть учтены, но не должны превалять, так как недопустимо расценивать ребенка-донора как товар, зачатый лишь в качестве «набора запчастей»<sup>6</sup>.

На примере одного из споров решающий вклад внес Апелляционный суд США, указав, что ПГТ не причиняет вред ребенку-спасителю, а наоборот дает возможность помочь своему брату, соответственно, такая цель этически обоснована. Это подтвердил и Верховный суд Иллинойса, указав, что, если ребенок-донор извле-

---

<sup>1</sup> § 9 FMedG, idF BGBl I 35/2015. URL: <https://rdb.manz.at/document/ris.n.NOR40168496?source=726462233230323330393233237269732e632e4247424c5f4f535f31393934303731325f305f35313023534c2334303431343233313335> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Norme in materia di Procreazione Medicalmente Assistita [Medically Assisted Reproduction Law]. Racc. Uff., Presidential Decree, Feb. 19, 2004, Feb. 24, 2004, No. 4 (Italy).

<sup>3</sup> Giuseppe Benaglio & Luca Gianaroli, The Italian Constitutional Court modifies Italian legislation on assisted reproduction technology, 20 *reprod. Biomed. Online* 398, 399 (2010). URL: [https://www.rbmojournal.com/article/S1472-6483\(09\)00280-6/pdf](https://www.rbmojournal.com/article/S1472-6483(09)00280-6/pdf) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>4</sup> *Costa and Pavan v. Italy*, App. 54270/2010, ECHR, 2012. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-6452> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>5</sup> Конвенция ООН о правах ребенка от 20.11.1989 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> Adams, Karen E. 2003. Ethical considerations of applications of preimplantation genetic diagnosis in the United States. *Medicine and Law* 22 (3):489–494. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/14626882> (дата обращения: 20.09.2023).

кает какую-то психологическую пользу (но не от донорства, а ради помощи брату), процедура отвечает интересам ребенка<sup>1</sup>.

Один из принципов Канта гласит о том, что к человеку никогда не следует относиться как к средству для достижения цели, запрещая относиться к человеку сугубо как к инструменту<sup>2</sup>. Однако Кант рассматривал, что к человеку относились бы как к средству для достижения цели, при условии, что к нему в это время относятся как к цели. Брат или сестра-спаситель не становится инструментом до тех пор, пока родители ценят и любят его ради него самого.

В ходе анализа российское законодательство можно обнаружить следующее: нормы для регулирования преимплантационного генетического тестирования достаточно дифференцированы и частичны. Например, в п. 1 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2022) устанавливается, что применение вспомогательных репродуктивных технологий при раннем развитии эмбрионов осуществляются с использованием тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства<sup>3</sup>. Приказ Минздрава № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий» уточняет показания для применения программы ЭКО и предусматривает микроманипуляцию «вспомогательный хетчинг» (рассечение блестящей оболочки blastocysts), проводимую с целью получения материала для проведения ПГТ<sup>4</sup>. Действующие нормы в полной мере не регулируют процедуру донорства при ПГТ, поскольку освещают лишь медицинскую сторону. Однако принятие отдельного Федерального закона для регулирования правоотношений и ответственности при применении ПГТ стало бы определенным новшеством в российском законодательстве.

Проблема «братьев и сестер — спасителей» вызывает неоднозначную реакцию общества, отечественного или зарубежного и влечет за собой споры, касающиеся этической и биологической сторон вопроса. Необходимо обеспечить безопасность и уважение достоинства еще не рожденного ребенка в действительной необходимости применения ПГТ и полного отсутствия целей извлечения материальной выгоды.

<sup>1</sup> J Hunter, Consent for the legally incompetent organ donor. Application of a best-interests test. *J Leg Med*, 12(4):535–557, 1 Dec 1991 ; Childress, The gift of life: ethical problems and policies in obtaining and distributing organs for transplantation. *Prim Care*, 13(2):379–394, 1 Jun 1986 ; Am I my brother's keeper? Caplan AL. *Suffolk Univ Law Rev*. 1993 Winter; 27(4):1195–208.

<sup>2</sup> Wood AW. *Kant's ethical thought*. New York : Cambridge University Press; 1999.

<sup>3</sup> Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» 19.10.2020 № 60457. СПС «КонсультантПлюс».

**Дыгданова Е. И.**Северо- Западный институт (филиал)  
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
Студент**Проблема определения правосубъектности лиц использующих нейрохакинг**

**Аннотация.** Актуальность исследуемого вопроса вызвана правовыми проблемами объединения био- и техносистем, что подтверждается развитием такого направления в юриспруденции как нейроправо, которое изучает влияние нейросистем на правовой статус человека. Изучение правового статуса человека как биологической системы с интеграцией в ее структуру искусственной технологической системы, позволит более точно определить правовой статус таких лиц. Так, кибернетический организм явно имеет преимущество перед биологическим организмом, и данный факт нарушает баланс исходных начал, который определяет сущность гражданского права — равенство всех участников гражданских правоотношений.

**Ключевые слова:** нейрохакинг, нейротехнологии, правосубъектность, правоспособность, дееспособность.

В настоящий период, на основе систем искусственного интеллекта проводятся исследования в сфере нейротехнологий, которые фактически объединяют биологические системы человека с технологическими системами. Использование инвазивных технологических систем (инвазивные нейрокомпьютерные интерфейсы — ИНИ) и нейрохакинг оказывают влияние на содержание правосубъектности.

Следует обратиться к общепринятому пониманию правосубъектности физического лица, которая означает способность человека быть субъектом права. Двумя составляющими элементами правосубъективности являются гражданская дееспособность и правоспособность. Согласно пункту 1 статьи 17 Гражданского кодекса РФ правоспособность гражданина представляет собой способность иметь гражданские права и нести обязанности.

В современной России тема нейротехнологий стремительно набирает популярность, много ученые рассматривают влияние этих технологий через философский и медицинский критерий. Так, Е. В. Введенская определяет нейрохакинг как одну из форм биохакинга, которая направлена на вмешательство в структуру или функцию нейронов для восстановления или улучшения работы мозга и центральной нервной системы<sup>1</sup>.

Важным последствием расширения содержания правоспособности субъекта с ИНИ является социальное неравенство, которое представляет собой рассло-

---

<sup>1</sup> Елена В. В. Психофармакологический аспект нейрохакинга: медико-философские проблемы // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihofarmakologicheskij-aspekt-neyrohakinga-mediko-filosofskie-problemy> (дата обращения: 21.09.2023).



ние общества на тех, кто может позволить себе нейрохакинг и тех, кто не может. Данное расслоение способствует развитию социальной напряженности. «Сегодня здоровье является не столько биологическим императивом, продиктованным необходимостью выживания, сколько социальным императивом, продиктованным борьбой за «статус»<sup>1</sup>.

Применение нейрохакинга ведет к существенному расширению информационных и когнитивных возможностей субъекта, данный факт требует определенного ограничения правоспособности таких субъектов, в целях соблюдения равенства участников регулируемых гражданским правом отношений (ст. 1 ГК РФ).

Второй составляющей правосубъектности, на которую влияют нейротехнологии, является дееспособность субъекта. Рассматривать данный аспект следует с двух сторон. Во-первых, влияние нейрохакинга на лиц ограниченных или лишенных дееспособности, во-вторых, влияние нейрохакинга на лиц являющихся полностью дееспособными.

Так, п. 1 ст. 21 ГК РФ определяет дееспособность, как способность своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Дееспособность ограничивается судом в случаях предусмотренных пунктом 1 ст. 22, пп. 1, 2 ст. 30 ГК РФ, а также пп. 18, 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25<sup>2</sup>. Кроме того, п. 1 ст. 29 ГК РФ предусматривает признание гражданина недееспособным, если он вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими. «Лица, страдающие психическими расстройствами» является родовым собирательным понятием всех лиц, нуждающихся в психиатрической компетенции. В указанную категорию входят психически больные лица с пограничными нервно-психическими расстройствами и пациенты с так называемыми психосоматическими заболеваниями<sup>3</sup>. Лишение или ограничение дееспособности лица имеет прямое влияние на способность субъекта принимать решения в различных правоотношениях. Как отмечают в своей работе О. А. Серова «в гражданском праве механизм принятия решений определяется через категорию «воля». Факт наличия воли субъекта является одним из элементов оценки действительности совершенного юридического действия — сделки. В зависимости от тяжести заболевания воля субъекта как элемент механизма принятия решения может либо утрачиваться, либо подвергаться значительным изменениям»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Культурная революция; Республика 2006. С. 269.

<sup>2</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Бахмутов А. В. Развитие подходов к определению категории «недееспособность» в российском гражданском праве // Научные ведомости. 2008. № 14. (54). С. 155–159.

<sup>4</sup> Серова О. А. Ограничение дееспособности (вменяемости) лиц, страдающих психическими расстройствами: отсутствие системности норм в российском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2016. Т. 158. кн. 2. 436–442.

Следуя из вышесказанного, можно выделить, что ограниченная дееспособность или недееспособность представляет собой инвалидность ментального состояния человека. Нейрохакинг предполагает восстановление ментального состояния по аналогии с восстановлением физического состояния<sup>1</sup> (лечение травм с использованием биотехнологий, биопротезирование и т. д.)

В отличие от людей нуждающихся в нейротехнологиях вследствие болезни, использование нейрохакинга здоровыми дееспособными лицами создает предпосылки формирования «специальной дееспособности». Данная категория лиц не восстанавливает свою дееспособность, а улучшает имеющиеся «стандартные» функции мозга. Следовательно такое использование нейрохакинга должно строго контролироваться, а статус данных лиц должен быть известен другим сторонам правоотношений.

Но такие ограничения могут быть расценены как ограничение прав и свобод человека. На данный момент, с учетом развития нейротехнологий, многие специалисты в этой сфере выступают с инициативой закрепления нейроправ человека. Например, инициативой US BRAIN Initiative и Morningside Group было внесение во Всеобщую декларацию прав человека набора нейроправ. Которые включают в себя: свободу воли, равный доступ к средствам расширения возможностей мозга, ментальную приватность и т. д.

Рассматривая данную проблему правосубъектности лиц, использующих ИНИ, следует сделать следующий вывод. Необходимо совершенствование национального законодательства с целью государственного контроля и быстрого реагирования на расширение правосубъектности дееспособных лиц использующих нейрохакинг. Следует внести определенные ограничения и установить дополнительные меры ответственности для данных лиц за нарушение закона с использованием ИНИ (например, запрет на использование нейротехнологий на определенный срок или пожизненно).

**Зайчук Е. А.**

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя  
Курсант

## **Практическое гражданско-правовое регулирование использования дронов**

**Аннотация.** Российская Федерация является одним из самых больших государств в мире, с достаточно длинной историей и большим населением. На территории России ежедневно совершается огромное количество нарушений, с использованием беспилотных летательных аппаратов, компьютерной техни-

---

<sup>1</sup> Патракова А. П. Тенденции и риски нейрохакинга: философско-антропологический анализ // Вестник ПХГА. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-riski-neyrohakinga-filosofsko-antropologicheskii-analiz> (дата обращения: 23.09.2023).

ки и мобильных устройств, что негативно сказывается на отношении граждан к властям и сотрудникам правоохранительных органов. Люди, использовавшие беспилотные летательные аппараты, взламывают банковские структуры, демобилизуют работу предприятий. Лица, не имеющие знаний в нормативном регулировании, становятся жертвами преступников. Сотрудники МВД России принимают все необходимые меры по снижению уровня преступности, занимаясь расследованием и предотвращением возможных преступлений.

**Ключевые слова:** беспилотники, гражданская ответственность, право, риск, правонарушение.

С 19 марта 2022 г. действует закон о том, что необходимо ставить на учет, приобретенный дрон, даже те, которые входят в категорию массой до 150 г. Но кроме поставки на учет, требуется проходить процедуру регистрации, что позволит получать разрешение на пользование им. Если человек приобрел еще давно дрон, то также ему будет нужно пройти регистрацию, а за неисполнение действует мера воздействия, как штраф.

При регистрации дронов важна максимальная взлетная масса. Это специальный параметр, который может не соответствовать реальному весу машины. Массовая информация должна сверяться с документами.

До сентября 2019 г. регистрировать должны были только тяжелые дроны массой более 30 кг. Как правило, это специальные устройства — например, для армии. Большинство дронов, используемых для съемок, не были зарегистрированы в правительстве.

И уже после сентября реализовалась обязанность регистрировать даже легкие дроны от 250 г., которые ранее регистрации не подлежали. Теперь государство хочет знать, кому принадлежат почти все летательные аппараты.

Дрон необходимо зарегистрировать в течение 10 рабочих дней с момента покупки. Владельцы, которые приобрели квадрокоптер после 19 марта 2022 г., должны уложиться в эти сроки. Если квадрокоптер весом от 150 до 250 г. был приобретен до 19 марта, то на его учет дается один месяц с момента вступления в силу правил.

Порядок использования воздушного пространства Российской Федерации, в том числе и беспилотными воздушными судами, установлен Федеральными правилами использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 11.03.2010 № 138<sup>1</sup>.

В соответствии с пунктом 40 названных правил при необходимости использования воздушного пространства запретных зон и ограниченных полетов пользователи воздушного пространства (граждане — владельцы БАС) обязаны получить разрешение лиц, в интересах которых эти зоны установлены. Почтовые адреса, телефоны,

---

<sup>1</sup> Постановление Правительства РФ от 11.03.2010 № 138 «Об утверждении правил использования воздушного пространства Российской Федерации» // Российская газета. № 77. 13.04.2010.

радиочастоты авиационной зоны лиц, уполномоченных на выдачу таких лицензий, публикуются на официальном сайте Росавиации в сети Интернет.

Для выполнения полетов над Москвой необходимо получить разрешение Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции города Москвы в порядке, установленном постановлением Правительства Москвы от 09.07.2014 № 391-ПП «Об использовании воздушного пространства над Москвой».

С началом военных действий власти некоторых регионов ввели запреты на полеты дронов. Например, в Волгоградской области запрет действует с 28 декабря 2022 г. до особого распоряжения, а в Калужской области запрет действует с 23 декабря 2022 г. также до особого распоряжения.

Зачастую люди используют БПЛА в целях фотосъемки. Рассмотрим основные правила. В первую очередь нужно понимать, что любая аэрофотосъемка — это ответственность. А чтобы их проводить на законных основаниях, владелец должен получить сертификат эксплуатанта — документ, выдаваемый территориальным подразделением Минтранса. Этот документ действителен в течение трех лет, затем его необходимо продлевать.

Сертификат будет выдан только тогда, когда дрон зарегистрирован и имеет все разрешительные документы — если они необходимы. Время обработки составляет 10 дней для первоначальной регистрации и пять дней для продления. Плата за выпуск не взимается.

Один из страхов владельца беспилотника по неосторожности зафиксировать какой-нибудь охраняемый объект и потом стать фигурантом уголовного дела за разглашение государственной тайны. Но так не бывает.

Государство имеет полное право защищать свои интересы и засекречивать информацию, разглашение которой может нанести ущерб безопасности РФ. Например, секретная организация или военный космодром<sup>1</sup>.

Обычный владелец дрона не может и не должен знать адреса всех космопортов и секретных организаций. Поэтому по умолчанию предполагается, что если он получил разрешение на полет над определенной территорией по определенному маршруту, то ничего секретного и стрелять можно без проблем.

Но если вы используете беспилотник для умышленного сбора информации для передачи иностранному государству или его представителям с целью использования против безопасности Российской Федерации, это считается государственной изменой. Однако информация не обязательно должна быть секретной. За это они могут быть привлечены к уголовной ответственности по статье 275 УК РФ. За это можно лишиться свободы на срок от 12 до 20 лет. Об этом мы подробно рассказывали в статье «Какие действия могут считаться государственной изменой».

<sup>1</sup> Постановление Правительства РФ от 01.07.2016 № 617 (ред. от 21.09.2019) «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий) Министерства финансов Российской Федерации, подведомственных ему организаций и организаций, относящихся к сфере деятельности Министерства финансов Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)» // СПС «КонсультантПлюс».

**Законова Е. К., Маслов М. И.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Студенты

### **Проблематика возникновения гражданской правосубъектности у искусственного интеллекта**

**Аннотация.** Статья посвящена проблематике возникновения гражданской правосубъектности у искусственного интеллекта в быстро развивающемся мире. Авторами рассмотрено определение искусственного интеллекта, его техническое состояние и оценена перспектива его развития в правовой сфере. Был произведен анализ доктринальных концепций правосубъектности с точки зрения применимости их к потенциально возможному надделению искусственного интеллекта правосубъектностью, а также рассмотрены практические вопросы данной проблематики.

**Ключевые слова:** правосубъектность, искусственный интеллект, меновая теория, теория социальной функции, теория фикции.

Стремительное развитие научно-технического прогресса способствует широкому внедрению искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы общественной жизни. В связи с этим на сегодняшний день встает вопрос об установлении его правового статуса, поскольку как у законодателя, так и в доктрине отсутствует точное и единое представление о положении ИИ в товарообороте.

Для построения наиболее полной картины исследуемого вопроса необходимо обратиться к определению гражданской правосубъектности, которая означает социально-правовую возможность субъекта быть участником гражданских правоотношений<sup>1</sup>. Она состоит из таких элементов, как правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Именно этими составляющими правосубъектности делается попытка надделить ИИ, который понимается как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма, и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека<sup>2</sup>. Тем не менее, несмотря на столь большой прорыв ИИ, необходимо учитывать, что он не может быть аналогом человеческого интеллекта как по характеру функционирования, так и по организации. Для подтверждения вышесказанного можно привести пример мысленного эксперимента, предложенного Д. Серлом — «Китайская комната»<sup>3</sup>. Его идея заключается в том,

<sup>1</sup> Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019.

<sup>2</sup> Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Серль Дж. Р. Сознание, мозг и программы // Аналитическая философия: Становление и развитие: Антология / Общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнов. М., 1998.

что, если лицу, закрытому в комнате, сообщить, когда и как использовать китайские иероглифы при получении вопроса на китайском языке, такое лицо будет способно давать ответы, которые будут восприниматься другим лицом, как разумные. Однако участник эксперимента не понимает ни смысла вопросов, ни данных им ответов. Следовательно, видно, что вполне возможна такая организация обработки информации, при которой механическое использование заданных правил и действий позволит получать довольно хорошо обоснованные ответы, но «слабый искусственный интеллект» не контролирует процесса обработки информации и не нацелен на сознательное восприятие задачи, на что способен человеческий интеллект, являющийся «сильным интеллект».

Далее рассмотрены доктринальные концепции, на основе анализа которых можно будет понять возможность приобретения правосубъектности ИИ. Так, «теория фикции», разработанная немецким правоведом Ф. Савиньи, представляет юридическое лицо как искусственный субъект, который создается посредством фикции для условного наделения его субъективными правами и обязанностями, которые принадлежат, входящим в него, физическим лицам<sup>1</sup>. Поэтому многие правоведы приравнивают систему ИИ к аналогичной фикции. Однако необходимо отметить, что ИИ не обладает конструктивными признаками, которые имеет юридическое лицо, например, наличие обособленного имущества, способность нести самостоятельную имущественную ответственность. Кроме того, отличительным фактором является наличие автономности у ИИ, что не характерно для юридического лица, имеющего ее фиктивно. Следовательно, можно сделать вывод, что применение сходного с юридическим лицом правового регулирования правосубъектности ИИ маловероятно.

Не менее привлекательным является рассмотрение возникновения правосубъектности ИИ с точки зрения меновой концепции и концепции социальных функций.

Так, по мнению Е. Б. Пашуканиса, одного из наиболее видных последователей «меновой теории», правосубъектность по своей сути состоит из тех или иных имущественных прав, а субъект права является «вознесенным в небеса абстрактным товаровладельцем»<sup>2</sup>. При этом основой воли субъекта является желание «отчуждать, приобретая, и приобретать, отчуждая»<sup>3</sup>.

В связи с этим основываясь на данной концепции возникает вопрос того, как ИИ будет совершать сделки и иным образом участвовать в правоотношениях. Немаловажным является и то, каким имуществом будет отвечать ИИ по своим обязательствам. Например, ИИ управляет автомобилем, с участием которого происходит ДТП. Сможет ли ИИ возместить вред, причиненный личности и/или имуществу?

---

<sup>1</sup> Нестеров А. В. Возможны ли правоотношения и юридические взаимодействия между людьми и роботами?. М. : Препринт, 2016.

<sup>2</sup> Пашуканис Е. Б. Общая теория права и марксизм // 3-е изд. М. : Изд-во Ком. Акад, 1929.

<sup>3</sup> Там же.

По мнению А. Г. Гойхбарга, сподвижника «теории социальной функции», правоспособность, как основное слагаемое правосубъектности, не возникает по какому-либо естественному признаку, а является статусом, которым человек наделяется государством, для осуществления определенной социально-хозяйственной функции<sup>1</sup>. С этой точки зрения на первый взгляд, ИИ вполне можно наделить правосубъектностью для выполнения определенных задач. Однако данный подход сам по себе является крайне спорным и в настоящий момент скорее отвергается наукой. Помимо этого, не снимаются иные вопросы, возникающие при прогнозировании ситуации, в которой ИИ будет обладать правосубъектностью.

Говоря про наделение кого-либо правосубъектностью, нельзя забывать о реальном положении вещей. Доктринальный подход, несомненно, важен при рассмотрении подобного вопроса, однако различные теоретические конструкции не должны затмевать объективной картины, в которой наделение ИИ правосубъектностью, тем более при его дальнейшем развитии, будет означать непосредственные экономические потери для других субъектов. Например, если ИИ будет признан автором программы, то им не будет признан оператор и/или создатель самого ИИ, которые в конечном счете потеряют деньги. С экономической точки зрения в данной ситуации нет сторон, которые бы выиграли от наделения ИИ правосубъектностью, в связи с чем сложно говорить о продвижениях и лоббировании данного вопроса на законодательном уровне как в России, так и за рубежом. Таким образом, речь идет о том, что существующая правовая политика и ее акторы не получают выгоды от наделения ИИ правосубъектностью, в связи с чем практическая реализация данной идеи в настоящее время не представляется возможной.

Подтверждая вышесказанную мысль, можно привести показательный исторический пример обретения правосубъектности. Речь идет о темнокожих рабах в США. Н. А. Крашенинникова указывает на то, что данная часть населения вообще не обладала правосубъектностью до гражданской войны XIX в., одной из основных причин которой был вопрос рабства. Оно было невыгодно крупным промышленникам Севера, а также мешало созданию единого экономического пространства, что являлось неприемлемым для определенной части политической элиты<sup>2</sup>. Так, именно данные силы стали тем тараном, который продвигал практическое наделение правосубъектностью темнокожих рабов.

Таким образом, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день обретение правосубъектности ИИ представляется скорее невозможным. Этому препятствует как существующая доктринальная база, так и ситуация «на земле», то есть в объективной политико-экономической действительности.

<sup>1</sup> Гойхбарг А. Г. Хозяйственное право РСФСР // Т. 1 : Гражданский кодекс. М.-Пг. 1923.

<sup>2</sup> История государства и права зарубежных стран : учебник : в 2 т. Т. 2 / Л. М. Гудошников, О. А. Жидков, Н. А. Крашенинникова [и др.] ; отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М. : Норма, 2010.

### Сравнительно-правовой анализ правового регулирования искусственного интеллекта на примере ChatGPT в различных правовых порядках

**Аннотация.** Современный этап развития общества характеризуется высоким темпом цифровизации, который обеспечивает постоянный технический прогресс во всех сферах жизни человечества. Одним из важнейших направлений изучения для науки является искусственный интеллект. В 2022 г., по данным Стэнфордского университета, объем частных вложений в искусственный интеллект составил \$91,9 млрд. Из них: \$6,1 млрд. вложено в сферу медицины и здравоохранения и более \$5 млрд. в образование<sup>1</sup>. Однако многие эксперты отмечают наличие проблем, связанных с развитием искусственного интеллекта. Одна из них — это отсутствие качественного правового регулирования данной области в подавляющем большинстве государств<sup>2</sup>. В рамках данного эссе рассматривается правовое регулирование одного из главных «представителей» искусственного интеллекта — ChatGPT 4. В последнее время именно с его именем связывают бурный рост этой области исследований. Известны случаи, когда использование ChatGPT сталкивается с противодействием государственных структур при отсутствии должного нормативно-правового регламентирования этого института. В связи с этим как в России, так и за рубежом, перед законодателем остро стоит проблема признания правосубъектности и введения правил использования искусственного интеллекта, в частности, ChatGPT 4<sup>3</sup>. Следовательно, важно изучить и провести сравнительный анализ правового регулирования генеративных языковых моделей на примере ChatGPT в различных правовых порядках, выявить тенденции и подходы к его регулированию.

**Ключевые слова:** ChatGPT, искусственный интеллект, чат-бот, сравнительно-правовой анализ, программа.

В первую очередь требуется осветить некоторые технические вопросы изучаемой проблемы. ChatGPT (на английском Generative Pre-trained Transformer) — это про-

---

<sup>1</sup> Artificial Intelligence Index Report 2023 / Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence // URL: Stanford Institute for Human-Centered Artificial Intelligence (дата обращения: 15.09.2023).

<sup>2</sup> Сысоев П. В., Филатов Е. М. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? // Вестник ТГУ. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chatgpt-v-issledovatel'skoy-rabote-studentov-zapreschat-ili-obuchat> (дата обращения: 15.09.2023).

<sup>3</sup> Л. Ставцева, К. Соколов. РГУ предложил ограничить доступ к написавшему диплом чат-боту ChatGPT // РБК Life, 31 августа 2023, 16:25 // URL: [https://www.rbc.ru/technology\\_and\\_media/01/02/2023/63da66c19a7947f79e7c2d54](https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/02/2023/63da66c19a7947f79e7c2d54) (дата обращения: 15.09.2023).



грамма (чат-бот), созданная компанией OpenAI и способная обрабатывать текстовые запросы и предоставлять информацию, ответы на вопросы, выполнять задачи по обработке текста, анализировать изображения. В открытом письме Илон Маск и более тысячи экспертов призвали ограничить развитие системы ChatGPT, так как ее неконтролируемое и необдуманное развитие несет угрозу всему человечеству<sup>1</sup>. Напротив, ученые Стэнфордского и Калифорнийского университетов отрицают риски и опасения, высказываемые в отношении ChatGPT. По их мнению, искусственный интеллект переоценен, он не способен навредить своему создателю<sup>2</sup>. Однако отсутствие единой оценки значения и влияния ChatGPT, в свою очередь, отражается и на его правовом статусе в различных государствах. Можно выделить несколько подходов в международной практике по регулированию генеративных языковых моделей, а именно ChatGPT. Среди них: запретительный, ограниченно дозволяющий и ситуативный.

Первый из них применяется теми законодателями, чья цель — ограничить использование ChatGPT в интересах общественной безопасности и граждан, чьи права могут быть нарушены неконтролируемым развитием и поведением нейросети. В качестве примера можно привести Италию. 30 марта 2023 г. национальное управление по защите персональных данных выпустил распоряжение, согласно которому использование ChatGPT временно ограничено из-за несоблюдения правил конфиденциальности<sup>3</sup>. Данное решение было аргументировано утечкой данных итальянских пользователей ChatGPT. За десять дней до этого ChatGPT был обвинен в отсутствии инструмента проверки возраста своих пользователей, в то время как в Италии использование технологий искусственного интеллекта разрешается только с 13 лет.

Второй делегирует решение этой проблемы отдельным организациям, которые сами вправе устанавливать ограничения по использованию чат-бота. Например, при негативном влиянии на образовательный процесс, университеты и школы могут запретить своим студентам и сотрудникам использовать ChatGPT в учебных целях. Однако общегосударственная блокировка при данном подходе отсутствует. В качестве примера можно привести Францию, где в настоящее время отсутствуют нормативные правовые акты, запрещающие использование ChatGPT, однако государственные университеты, в том числе Sciences Po, запретили использование данного сервиса своим студентам с целью предотвращения плагиата и мошенничества<sup>4</sup>. Санкции, накладываемые за применение искусственного ин-

<sup>1</sup> Ковальчук рассказал о последствиях развития систем типа ChatGPT // ТАСС Наука, 29 марта 2023, 15:57. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/17398623> (дата обращения: 19.09.2023).

<sup>2</sup> Дмитрий Писаренко. Поглупел, общаясь с людьми? Эксперты оценили деградацию чат-бота ChatGPT // Аргументы и Факты 24.07.2023 16:24. URL: [https://aif.ru/society/v\\_yaponii\\_nashli\\_ostrov\\_kotoryy\\_zapreshcheno\\_poseshchat\\_zhenshchinam](https://aif.ru/society/v_yaponii_nashli_ostrov_kotoryy_zapreshcheno_poseshchat_zhenshchinam) (дата обращения: 19.09.2023).

<sup>3</sup> Собрание законодательства Италии, 2023. Решение № 9870847. URL: <https://www.gpdp.it/web/guest/home/docweb/-/docweb-display/docweb/9870847> (дата обращения: 19.09.2023).

<sup>4</sup> Sciences PO «Academic rules and regulations». URL: <https://www.sciencespo.fr/students/sites/sciencespo.fr.students/files/reglement-scolaire-sciencespo-en.pdf> (дата обращения: 22.09.2023).

теллекта, будут доходить до исключения не только из учебного заведения, но и из системы французского высшего образования в целом. Соответственно, отсутствие общегосударственного запрета на использование ChatGPT не мешает ограничению его применения в отдельных сферах жизни общества.

Наконец, имеется третий подход, который характеризуется отсутствием общеправовой политики в отношении всех нейросетей. Это может быть связано как с непопулярностью нейросети в конкретном правовом порядке, которая является следствием односторонних действий компании по уходу с рынка. Пример этому — Россия. Несмотря на то что данный продукт компании OpenAI появился и обрел популярность на постсоветском пространстве значительно позже, чем в других странах, всё чаще звучат разговоры о необходимости установления правовой определенности использования этой нейросети как для граждан, так и для бизнеса и государственных структур. Некоторые государственные университеты требуют полностью запретить использование бота в образовательных учреждениях, однако до сих пор нет ни одного нормативного правового акта, четко определяющего место ChatGPT в правовой системе Российской Федерации. Впрочем, издание таких актов может и не потребоваться, — инициативу в данном случае проявила корпорация OpenAI. Весной 2022 г. она ограничила доступ к чат-боту пользователям из Беларуси и России. Теперь его использование на официальном уровне стало невозможным, а простым пользователям, чтобы получить доступ к ChatGPT, приходится использовать технологию VPN, которая изменяет IP-адрес пользователя.

Здесь имеет смысл вспомнить о принципе взаимности, который уже применялся российскими властями в похожей ситуации. Речь идет об инциденте с веб-сайтом Chess.com, который 15 апреля 2022 г. по своей инициативе перестал отображать российские и белорусские флаги — на смену им пришли серые прямоугольники, а через десять дней после этого он был заблокирован Роскомнадзором по запросу Генеральной прокуратуры за «дискриминацию российских шахматистов и запрет государственной символики»<sup>1</sup>. Возможно, нечто подобное случится и с чат-ботом компании OpenAI — прецедент уже имеется.

В заключение хотелось бы упомянуть судью Апелляционного суда США Ричарда Познера о том, что отсутствие качественного правового регулирования всегда негативно влияет на деловой оборот<sup>2</sup>. И дело не только в неопределенности, которую испытывают потребители — гораздо важнее страх перед негативными санкциями, которые могут быть наложены государством. Именно это и подтверждает история с ChatGPT. Для общественного прогресса важны не только новые технологии, но и качественные, проработанные правила по их использованию. На при-

<sup>1</sup> Роскомнадзор Единый Реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено // URL: <https://eais.rkn.gov.ru> (дата обращения: 22.09.2023).

<sup>2</sup> Posner R. A. *Economic analysis of law*. Aspen Publishing, 2014.

мере некоторых государств становится заметно, с какими большими трудностями сталкивается законодатель при разработке нормативных правовых актов, связанных с цифровыми технологиями. Проблема не только в отсутствии необходимой компетенции и квалификации — гораздо важнее отсутствие международного опыта и практики, на которую можно было бы опереться. России, как и многим другим развитым странам, приходится выступать первопроходцем в этой сфере. И успех предпринимаемых действий зависит в том числе и от научного сообщества, исследования и разработки которого могут существенно облегчить жизнь законодателям, предоставив ему экспертную оценку предметов, нуждающихся в правовой регламентации.

**Карпушкина М. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Правовое регулирование биопринтинга в РФ**

**Аннотация.** 3D-биопринтинг наиболее быстро развивающаяся биотехнология, получившая широкое распространение. Тем не менее в настоящее время правовой статус трехмерной биопечати остается неопределенным, также не разрешена проблема определения статуса биопринтных продуктов.

**Ключевые слова:** аддитивные технологии, биотехнологии, биопринтинг, трехмерная биопечать, биопечатные органы, биопринтный продукт.

Аддитивные технологии в XXI в. получили широкое распространение в различных сферах. Они используются для создания инженерных конструкций и механизмов в авиастроении, машиностроении, судостроении и нефтегазе. Сравнительно недавно, в 2003 г., запатентован новый вид аддитивной технологии — 3D-биопринтинг. На данный момент это одна из самых перспективных технологий для выращивания и производства тканей и в перспективе — человеческих органов. Технология 3D-биопринтинга позволяет создавать трехмерную модель человеческого органа на клеточной основе. Однако на данный момент возникает огромное количество дискуссий ввиду отсутствия правового регулирования в законодательстве Российской Федерации. Также остается неразрешенной проблема определения места биопринтных органов и тканей человека в системе объектов гражданских прав.

Известно, что законодательством РФ о трансплантации ограничивается оборотоспособность человеческих органов и тканей. Так, в ст. 1 Закона РФ от 22.12.1992 № 4180–1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» предусмотрено, что органы и ткани человека не могут быть предметом купли-продажи. Купля-продажа органов и тканей человека влечет за собой уголовную ответственность в соответ-

ствии с законодательством Российской Федерации<sup>1</sup>. Однако биопечатные органы и ткани не могут быть отнесены к органам и тканям человека ввиду их отличий от естественных органов человека. Биопринтные органы формируются и создаются искусственно вне тела человека по определенной технологии.

Процесс создания биопечатного органа состоит из трех этапов. Первый этап — создание модели органа. На данном этапе происходит моделирование будущего органа, культивирование клеточного материала и подбор материала под тип трехмерной биопечати. Структуру цифровых трехмерных моделей можно точно воссоздать с использованием проектирования в системе программирования (САПР) или в CAD-формате (Computer Aided Design), после чего трехмерная модель может быть сохранена в STL (Stereolithography) или AMF-форматах (Action Message Format). STL — первый разработанный формат для 3D-принтеров, однако у него есть некоторые ограничения по функциональности, поэтому на смену ему был создан AMF-формат. Первый этап является крайне важным в рамках биопринтинга, поскольку исправить ошибки, допущенные при моделировании органа — невозможно.

Второй этап — непосредственная 3D-биопечать. На данном этапе происходит создание конструкции, которая впоследствии станет целостным органом. Происходит это путем послойного нанесения на подложку биоматериалов и живых клеток. Современные медицинские достижения в сфере трехмерной печати человеческих органов и тканей позволяют использовать стволовые клетки, источником которых служит костный мозг донора или даже самого реципиента. В качестве биоматериала используются гидрогели благодаря своим уникальным свойствам. Они, как правило, исполняют роль подложки и обладают жесткой сетчатой структурой. Однако данный этап не является последним.

На третьем этапе пост-обработки полученные конструкции взаимодействуют друг с другом и приобретают признаки изначально спроектированной биологической модели. Созданный биопечатный продукт представляет собой синтез человеческого биоматериала и биосовместимых веществ, однако оба компонента созданы человеком, а не просто выделены из естественной среды, а потому и сами биопринтные органы или ткани не являются «оригинальными» частями тела человека, соответственно на них не распространяются ограничения, предусмотренные законодательством о трансплантации.

В соответствии со ст. 129 ГК РФ свободно обращаемыми вещами являются те, которые могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства<sup>2</sup>. До момента имплантации в тело человека биопринтные органы могут быть квалифицированы в качестве вещи, свободной в обороте, в то время как органы и ткани, изымаемые из тела

---

<sup>1</sup> Закон РФ от 22.12.1992 № 4180–1 (ред. от 01.05.2022) «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

человека, являются вещами, ограниченными в обороте. Однако даже в случае признания биопечатных органов вещью, свободной в обороте, не исключается необходимость соблюдения специальных требований как, например, получение лицензии на осуществление медицинской деятельности, поскольку одна из сторон сделки по отчуждению биопечатного органа будет субъектом, имеющим право на производство биопечатного продукта.

Несмотря на все вышесказанное, с момента имплантации биопечатного органа в тело человека, он становится его функциональной частью, соответственно происходит его юридическая гибель как вещи и теряется способность свободно отчуждаться.

Таким образом, технология трехмерной биопечати является крайне перспективной и требующей специального правового регулирования. Уже в ближайшем будущем благодаря 3D-биопринтингу можно будет устранить ряд проблем, связанных с трансплантацией органов и тканей человека. Вместе с тем с точки зрения объекта гражданского права биопечатный продукт возникает в качестве индивидуально-определенной вещи и существует в таком юридическом статусе вплоть до момента пересадки в организм человека, где становится уже личным неимущественным правом конкретного пациента.

**Крылов Ф. В.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Автоматизация и искусственный интеллект: вызовы и перспективы для правовой системы и гражданской правосубъектности**

**Аннотация.** В современном мире автоматизация и искусственный интеллект переписывают правила игры в правовой системе. Эта статья исследует их влияние, вызовы и перспективы, а также обсуждает, как сохранить баланс между эффективностью и защитой гражданских прав.

**Ключевые слова:** автоматизация, искусственный интеллект, правовая система, гражданская правосубъектность, безопасность данных, обжалование решений, этика, нормативные акты, регулирование.

В современном мире, пронизанном технологическими новшествами, автоматизация и искусственный интеллект стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Они проникают во все сферы общества, включая правовую систему. Это внедрение технологий несет в себе как невероятные возможности, так и серьезные вызовы для правовых институтов и гражданской правосубъектности. В данной статье мы рассмотрим эти вызовы и перспективы, которые возникают перед правовой системой и гражданами в свете автоматизации и искусственного интеллекта.

Автоматизация в правовой системе сегодня представляет собой множество технологий и инструментов, которые значительно улучшают процессы юридической работы. Одним из ярких примеров является использование алгоритмов машинного обучения для анализа юридических документов. Это позволяет эффективно выявлять ключевые точки в контрактах, анализировать тексты законодательства и выявлять законопроекты, которые могут иметь влияние на конкретный случай.

Более того, автоматизация также находит применение в судебных процессах<sup>1</sup>. Системы управления судебными делами и электронные порталы позволяют сторонам в суде и адвокатам эффективно обмениваться информацией и подавать документы онлайн. Это ускоряет процесс судебных разбирательств и делает его более доступным для граждан.

Однако, несмотря на преимущества, автоматизация также вызывает вопросы о безопасности данных и конфиденциальности. Как обеспечить, чтобы данные клиентов и чувствительная информация не попали в ненадежные руки? Какие меры защиты необходимо внедрить для предотвращения утечек данных? Эти вопросы остаются открытыми и от их решения будет зависеть будущее правовой системы.

Искусственный интеллект (ИИ) играет существенную роль в современной правовой системе, и его влияние можно рассмотреть с разных точек зрения<sup>2</sup>, среди которых можно выделить:

1. улучшение точности и скорости решений. ИИ позволяет анализировать большие объемы юридических данных, таких как судебные решения и законодательные акты, в кратчайшие сроки. Это способствует более точному и быстрому принятию решений в судах и юридических органах;

2. прогнозирование исходов. Системы машинного обучения могут анализировать исторические данные и предсказывать исходы дел. Это может быть полезным для юристов и судей, позволяя им принимать обоснованные решения на основе аналогий с предыдущими случаями;

3. человеческий контроль. Внедрение ИИ также вызывает вопросы о человеческом контроле. Как гарантировать, что алгоритмы ИИ не нарушают законы и юридические стандарты? Это важно, чтобы избежать неправомерных решений и соблюсти принцип правопорядка;

4. прозрачность решений ИИ. Для обеспечения доверия граждан к ИИ необходимо обеспечить прозрачность процесса принятия решений. Это может быть достигнуто через разработку алгоритмов, которые можно объяснить, и механизмов проверки, которые позволяют детально рассмотреть, как ИИ пришел к определенному решению;

---

<sup>1</sup> Соколова А. А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 350–355.

<sup>2</sup> Matthew U. Scherer. Artificial Intelligence and the Legal System / Matthew U. Scherer // Harvard Journal of Law & Technology. 2020. № 34 (2). P. 358–373.

5. этические и правовые аспекты. Использование ИИ в правовой системе поднимает этические вопросы, связанные с автоматизацией и соблюдением прав граждан. Необходимо разработать законодательство, регулирующее применение ИИ, и учесть этические нормы.

Внедрение ИИ в правовую систему обещает множество преимуществ, но требует внимания к вопросам контроля, прозрачности и соблюдения законов и этики. Эффективное использование ИИ в юриспруденции будет зависеть от баланса между автоматизацией процессов и защитой прав и интересов всех граждан.

С развитием автоматизации и искусственного интеллекта (ИИ) граждане сталкиваются с новыми и уникальными аспектами своей правосубъектности, которые влияют на их отношения с правовой системой и государством. Одним из основных изменений является предоставление личных данных для обработки алгоритмами и автоматизированными системами. Этот процесс, хотя и обеспечивает новые уровни удобства и эффективности, также возбуждает важные вопросы и требует тщательного рассмотрения.

Гражданская правосубъектность включает в себя не только права, но и обязанности. Граждане имеют право на защиту своей личной информации и контроль над ней. В этом контексте становится важным учесть, какие данные собираются, как они используются и с какой целью. Это означает, что граждане должны иметь доступ к информации о том, какие алгоритмы и ИИ обрабатывают их данные и какие выводы из этой обработки могут быть сделаны.

Однако гарантировать безопасность и защиту данных граждан в мире ИИ становится сложной задачей. Это включает в себя не только защиту данных от несанкционированного доступа, но и обеспечение их целостности и конфиденциальности. Необходимо разрабатывать и внедрять современные методы шифрования и технические средства защиты данных, чтобы гарантировать, что информация граждан не будет утрачена или скомпрометирована<sup>1</sup>.

Важной частью обеспечения гражданской правосубъектности в эпоху ИИ является создание механизмов обжалования решений, принимаемых автоматизированными системами. При использовании ИИ в принятии юридически значимых решений возникает возможность ошибок и несправедливых решений. Граждане должны иметь возможность обжаловать такие решения и получать справедливость. Это подразумевает разработку прозрачных и доступных процедур обжалования, которые гарантируют, что граждане могут представлять свои интересы и получать объяснения относительно решений, касающихся их прав и обязанностей.

Следовательно, в эпоху ИИ важно создать баланс между удобством и эффективностью, которые предоставляют технологии, и защитой прав и интересов граждан. Это требует совместных усилий государства, юристов, технических экспертов и общества в целом, чтобы разработать современные и адаптивные нормы

---

<sup>1</sup> Solove D. J. Privacy Self-Management and the Consent Dilemma // Harvard Law Review. 2013. № 126 (7). P. 1880–1903.

и стандарты, способные обеспечить гражданскую правосубъектность в новой реальности ИИ.

Таким образом, можно сказать, что автоматизация и искусственный интеллект стали незаменимыми инструментами в современной правовой системе, открывая новые горизонты для улучшения доступности, эффективности и справедливости правосудия. Однако с этими возможностями приходят и ответственность, этика и необходимость разработки четких правовых норм для регулирования их применения. Гражданская правосубъектность требует учета и защиты в эпоху автоматизации и ИИ. Только с учетом этих аспектов мы сможем достичь более совершенной и справедливой правовой системы для будущего.

**Куприянова Ю. И.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Подходы к определению гражданско-правового статуса искусственного интеллекта**

**Аннотация.** На современном этапе развития общества — «нейротехнологической революции» происходит активное внедрение искусственного интеллекта во множество сфер общественной жизни, что вызывает потребность в определении концепций правосубъектности роботов.

**Ключевые слова:** электронное лицо, искусственный интеллект, робот, правосубъектность, субъект права, правовое регулирование.

В связи с экспонентным развитием технологий искусственного интеллекта, расширением автономности роботов и наделением их довольно большим функционалом встает практический вопрос об определении уровня правосубъектности юнитов искусственного интеллекта.

Постепенно в некоторых областях общественной жизни роботы начинают превосходить человека, но несмотря на высокий потенциал использования искусственного интеллекта, с правовой точки зрения его изучение признается недостаточным. В настоящее время состояние законодательства Российской Федерации в области определения правового искусственного интеллекта нельзя назвать удовлетворительным. Впервые в российской законодательстве понятие искусственного интеллекта появилось только осенью 2019 г. в Указе Президента «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»<sup>1</sup>. Следующим шагом в удовлетворении потребности по легитимизации признания юридической личности электронного лица стали постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 17503 о создании

---

<sup>1</sup> Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.



экспериментальных правовых режимов для более качественного внедрения новых технологий<sup>1</sup> и Федеральный закон № 123-ФЗ о проведении эксперимента о создании специального правового режима<sup>2</sup>. В настоящее время можно выделить два возможных пути дальнейшего развития нормативно-правового регулирования правосубъектности искусственного интеллекта:

1. Создание общей новой категории правосубъектности, учитывающую одновременно особенности различных видов роботов.

2. Создание отдельной правовой конструкции для электронных лиц, которая качественно будет отличаться от уже имеющихся теорико-правовых моделей.

Большую дискуссию в науке вызывает вопрос о возможной мере юридической ответственности, применяемой к роботу. Так, сторонник признания робота исключительно объектом права приводят аргумент об ответственности разработчика за действия юнита ИИ, как источника повышенной опасности<sup>3</sup> и отсутствия у последнего важных человеческих качеств: эмоций, души, наличия желаний и интересов. Однако с началом нейротехнологической революции роботы получили не только внешние характеристики, делающие их похожими на людей, но и стали обладать способностью к самообучению, эмоциональному интеллекту, мышлению<sup>3</sup>. Исходя из этого можно сделать вывод, что проблема стоит не столько в том, признавать ли искусственный интеллект субъектом права, сколько в выборе модели такого признания.

Большинство ученых придерживается мнения о наделении роботов правосубъектностью и даже выделяют особую категорию — «электронное лицо». Поскольку данный институт является сравнительно новым для российской науки в правовой доктрине для отражения его специфического характера вводится понятие «электронного лица»<sup>4</sup>, что вызывает необходимость понять, вписывается ли такое лицо в указанную классификацию либо же будет представлять собой новый вид субъектов права.

В настоящее время подавляющая часть исследователей данной проблемы пытается вывести правовой статус роботов из уже хорошо известных науке правовых режимов на основании общих признаков, аналогии. Таким образом, можно выделить 5 основных концепций правового статуса искусственного интеллекта:

---

<sup>1</sup> Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статью 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // Российская газета. 28.04.2020. № 92.

<sup>3</sup> Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41.

<sup>4</sup> Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)), 31.05.2016. Committee on Legal Affairs. European Parliament; Rapporteur: Mady Delvaux. 22 p.

робот — физическое лицо (человек); робот — юридическое лицо; робот — вещь, источник повышенной опасности; робот — животное; робот — раб. Концепции имеют разный уровень научной обоснованности и число сторонников.

Концепции «робот — человек» и «робот — раб» сто́ит рассматривать с точки конституционно-правового аспекта, при котором различным будет уровень прав свободного человека и, например, древнеримского раба<sup>1</sup>. С одной стороны, применение рабских законов к искусственному интеллекту является негуманным по отношению к роботу, как к разумному существу, из чего следует, что регулирование деятельности робота возможно только на паритетных началах, то есть при обеспечении прав и обязанностей равных современному человеку. С другой стороны, данная теория не применима к реальной жизни, что отлично показывает пример с роботом Софией, созданной гонконгской компанией. Она с легкостью получила гражданство Саудовской Аравии, не соблюдая главный закон Королевства: кафиры не могут быть гражданами Саудовской Аравии. В то время как тысячи мусульман не могут сделать этого годами. Логичным образом появляется противоречие между естественной природой человека и созданной искусственно «машиной».

Концепция «робот — юридическое лицо» основывается на такой юридической фикции, как квазисубъектность юридического лица<sup>2</sup>, данная концепция уже находит свое отражения в гражданско-правовых отношениях с участием искусственного интеллекта. Также с точки зрения применения признаков юридического лица, указанных в статье 48 ГК РФ<sup>3</sup>, на интеллектуальные системы отсутствуют какие-либо сложности, так робот может быть истцом и ответчиком в суде, приобретать гражданские права. Однако появляется риск ухода обладателя юнита от гражданской ответственности, разрушение устоев делового оборота, и главное разрыв взаимосвязи воли и правосубъектности<sup>4</sup>. Среди цивилистов активно используется концепция «робот — животное» поскольку основана на уже известных правовых режимах. Животные рассматриваются, как объект права, однако с особым запретом на причинение боли и страданий. Данная категория выделена на основании автономности действий и применима только для гражданского права. При этом животное может быть признано источником повышенной опасности<sup>5</sup>,

---

<sup>1</sup> Kakoudaki D. *Anatomy of a Robot: Literature, Cinema, and the Cultural Work of Artificial Intelligence* / D. Kakoudaki. New Brunswick: Rutgers University Press, 2014. 272 P. 22. Turkle S. *Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other* / S. Turkle. New York : Basic Books, 2011. 386 p.

<sup>2</sup> Winkler A. *We the Corporations: How American Business Won Their Civil Rights* / A. Winkler. New York : Liverlight Publ., 2018. 472 p.

<sup>3</sup> ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> Габов А. В., Хаванова И. А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215–233. DOI: 10.17223/15617793/435/28.

<sup>5</sup> Пшонко О. Н. Классификация животных как источников повышенной опасности // Молодой ученый. 2011. № 11 (34). Т. 2. С. 27–30. URL: <https://moluch.ru/archive/34/3925/> (дата обращения: 30.08.2023).

откуда вытекает концепция «робот — вещь/ источник повышенной опасности», что в полной мере соответствует ожиданием общества в части высокотехнологических механизмов. При этом не исключена аксиологическая проблема и не учтена возможность принимать самостоятельные решения искусственным интеллектом.

Подводя итог вышесказанному, сто́ит отметить, что ни одна из перечисленных концепций в полной мере не позволяет раскрыть статус правосубъектности искусственного интеллекта. Поэтому, чтобы избежать коллизий и пробелов в праве, сто́ит ввести на законодательном уровне понятие «электронного лица», обладающего определенным уровнем правосубъектности, учитывающим возможности робота. На данном этапе для решения проблемы определения правосубъектности искусственного интеллекта стоит вопрос о создании принципиально нового института ответственности без наличия вины, чтобы защитить разработчика или оператора юнита от ответственности за действия робота, при этом предполагается обязать предупреждать оппонента, что с ним взаимодействует робот и предусмотреть обязательное страхование для пользователя. Следующим важным шагом в нормативно-правовом регулировании деятельности юнита ИИ будет введение единых стандартов поведения на основании трех постулатов Азимова. Всё это приводит к потребности создать институт, вобравший в себя, как черты присущие уже устоявшимся правовым категориям, так и новые нормы, регулирующие права и обязанности, ответственность искусственного интеллекта.

Безусловно, создать новый институт будет проще, чем вводить новый элемент уже в устоявшийся механизм, однако и это вызовет множество дискуссий и потребует глубочайшего анализа нормативной базы.

**Лихотников Г. М.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

## **Проблемы правосубъектности и ответственности искусственного интеллекта**

**Аннотация.** В статье анализируются основные доктринальные подходы к вопросу правосубъектности искусственного интеллекта. Также определяются основные правовое начала, которые могут способствовать развитию данной сферы и лучшие пути решения пробелов в праве.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, субъект права, правосубъектность, электронное лицо, квазисубъектность, объект права, субъект права.

Активное развитие искусственно интеллекта и резкий скачек доступности подобных технологий привели к росту популярности использования результатов деятельности различных систем. Многие крупные компании используют нейросети для генерации изображений, рекламы, создания текстов и множества других задач. Даже рядовые пользователи сети могут бесплатно или за небольшую сумму

обратиться к различным программам для генерации художественного или иного контента. В связи с этим очень остро встает вопрос об правовом аспекте получаемого результата «сгенерированного» искусственным интеллектом. Неоднозначность данного вопроса распадается на множество дискуссионных вопросов: правосубъектность искусственного интеллекта, правовое положение создателей по отношению к работам искусственного интеллекта и правовое регулирование авторства таких работ. Однако из-за очень быстрого развития этой сферы технологий и из-за сложности возникающих при решении неоднозначностей вопросов отечественное законодательство пока еще не полностью готово к урегулированию данных отношений.

В данной научной работе используя различные источники исследования, такие как отечественные и зарубежные научные труды, кейсы из судебной практики будет проведен анализ подходов к урегулированию основных вопросов данной сферы отношений.

Для определения правового статуса искусственного интеллекта в первую очередь необходимо обратиться к определению оно. Стоит отметить, что российское законодательство уже достаточно успешно сформулировало определение в пп. 2, ч. 1 ст. 2, Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ<sup>1</sup>. Законодатель определяет искусственный интеллект, как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека». Определение создано по принципу перечисления атрибутивных признаков искусственного интеллекта, однако даже такое определение не позволяет дать однозначный ответ на правовой статус таких систем.

Для решения данного вопроса обратимся к доктринальным позициям ученых для того, чтобы определить является ли искусственный интеллект объектом или субъектом права. Однако сразу же можно обнаружить, что позиции ученых по данному вопросу различны и могут приводить к противоположным выводам. Таким образом, можно выделить несколько основных подходов

Первый подход «эксклюзивный». Он утверждает об отсутствии у искусственного интеллекта отдельных «человеческих» качеств, которые являются неотъемлемыми для признания его субъектом права и наделением его правосубъектности. Так, например, к. ю. н. Р. И. Дремлюга и О. А. Дремлюга в своей статье<sup>2</sup> подчеркивали, что логика противников правосубъектности искусственного интеллекта строится на отсутствии у них субъективных качеств — самостоятельной воли, желаний, интере-

<sup>1</sup> Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Дремлюга Р. И., Дремлюга О. А. Искусственный интеллект — субъект права: аргументы за и против // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 120–125.

сов и др. А некое которое можно трактовать как проявление этих качеств является лишь имитация подобных чувств. Данный подход имеет слишком неоднозначную аргументационную позицию, поскольку апеллирует более к морально этическим аспектам, что подтверждается небольшой популярностью данного подхода. Однако сильной стороной данного подхода является простота определения правовой и иной ответственности за действия искусственного интеллекта, поскольку данная концепция подчеркивает ответственность настоящих субъектов правоотношений — создателей и разработчиков системы. Так, например, А. В. Незнамов и В. Б. Наумов утверждают<sup>1</sup>, что раз любой искусственный интеллект является объектом робототехники, то любую ответственность и правовые последствия связанные с деятельностью системы будет нести автор, создатель или владелец данной системы.

Однако развитие технологий позволяет системам приобретать все большее количество возможностей и способностей, что не позволяет придерживаться данной теории на долгосрочной перспективе.

Значит следуют начать разработку с тех основополагающих принципов, которые будут отвечать не только текущим задачам законодательства, но и создадут фундамент для эффективного развития данной сферы правоотношений и в будущем.

Для этого обратимся к альтернативным подходам к регуляции правового статуса искусственного интеллекта, которые склоняются наделению его, в той или иной степени, правосубъектности. Однако даже среди сторонников этой концепции есть разные подходы, требуемые анализа.

Сторонники первой концепции предлагают наделить искусственный интеллект квазисубъектностью сродни правовому положению юридических лиц в гражданском праве. Однако данная идея подвергается критике со стороны того, что, во-первых, позволяет создателям уходить от ответственности за действия квазисубъектов, а во-вторых, практической невозможности применения многих прав и обязанностей свойственных юридическому лицу к искусственному интеллекту. Таким образом, данная система нарушит сложившийся деловой оборот, а также откроет значительно широкое поле для злоупотребления правом со стороны разработчиков и создателей систем.

Ряд ученых, в том числе О. А. Ястребов, предлагают<sup>2</sup> отнести искусственный интеллект к особому виду субъектов гражданского права — «электронному лицу», еще не созданному институту права со своей правовой спецификой. Изучая данную идею можно отметить, несмотря на сложность инкрустирования данного института в уже сложившиеся правоотношения, данная идея выглядит наиболее удачной по ряду причин.

Во-первых, обособление искусственного интеллекта в отдельный субъект позволяет создать институт, наиболее всеохватывающе подходящий к решению данного

<sup>1</sup> Незнамов А. В., Наумов В. Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69–89.

<sup>2</sup> Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

вопроса, поскольку позволяет регулировать правовое положение всех субъектов отношений с учетом специфики использования данных систем. Во-вторых, создание такого лица позволит создать тот искомый правовой фундамент, для успешного регулирования правового положения искусственного интеллекта, как и в настоящее время, так и в будущем. Поскольку правовое положение отдельного вида субъекта гражданского права сможет более гибко и своевременно коррелироваться с быстрым развитием данной сферы, в отличие от попыток приравнять искусственный интеллект к физическим или юридическим лицам.

В-третьих, данная конструкция позволит более точно определить правовое положение создателей, владельцев и других лиц, непосредственно связанных с появлением и существованием системы как по отношению к самому электронному лицу, так и к результатам их деятельности. Последнее является краеугольным камнем и важной задачей законодателя, поскольку необходимо такую систему, в которой были, с одной стороны, были защищены права третьих лиц, с которыми взаимодействует искусственный интеллект (базы данных, авторский стиль, производимый по запросу результат и др.), а с другой стороны, избежать возможной «излишней» ответственности разработчиков за непрогнозируемые действия системы, что создаст благоприятное положение для стимулирования развития данной стратегически важной для экономики, общества и политики сферы.

Таким образом, развитие сферы искусственного интеллекта требует от законодателя принципиального нового и отличного подхода к регуляции правоотношений, связанных с ним. Это связано со спецификой подобных систем и стремительным изменением их возможностей, позволяющим им на данный момент не только обходить человеческие возможности, но и успешно имитировать ранее эксклюзивные возможности личностей — волю, интересы, желания. И для того, чтобы в дальнейшем подобные системы смогли успешно развиваться, но при этом не нарушали права других лиц, законодателю необходимо комплексно подойти к их правовому положению, в том числе закрепить за ними особый правовой статус, который способствует нормализации и регулированию правоотношении между искусственным интеллектом, результатами их деятельности, потребителями, создателями и другими лицами.

**Набиуллин Р. В.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Правосубъектность искусственного интеллекта: опрометчивость или необходимость**

**Аннотация.** В связи с развитием искусственного интеллекта (ИИ), становится все актуальнее вопрос о его правовом статусе и возможности наделения правосубъектностью. Автором выделяются определенные критерии развития

ИИ, достижение которых необходимо для обоснованности введения данной меры. Рассматриваются основные доктринальные концепции признания ИИ субъектом права, а также практический опыт их реализации в законодательстве зарубежных стран.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, правосубъектность, электронное лицо, концепции правосубъектности ИИ.

В настоящее время общество находится на этапе глубокой трансформации, которая прежде всего связана со сменой технологического уклада. Появляются новые высокотехнологичные машины, возрастает скорость и качество обучения программ, а вместе с тем и способность искусственного интеллекта заменять человеческий труд во многих сферах деятельности. Так, возможности искусственного интеллекта (далее — ИИ) привлекают в первую очередь предпринимателей. Объемы ежегодных инвестиций в данную сферу, учитывая, что в подобные проекты инвестируют в том числе и государства, растут. К 2030 г. по прогнозам, содержащимся в Резолюции Европарламента от 03.05.2022 «Об искусственном интеллекте в цифровую эпоху», они превысят 11 трлн. евро<sup>1</sup>.

Однако наравне с безграничными перспективами возникает множество сложностей, поскольку искусственный интеллект порой ведет себя непредсказуемо. Например, во время виртуальных испытаний, организованных американскими военными, беспилотник под управлением искусственного интеллекта неожиданно принял решение уничтожить своего оператора, чтобы тот не мешал его усилиям по выполнению поставленной задачи. Сообщается, что беспилотник должен был уничтожать системы противоздушной обороны противника, однако оператор временами приказывал не наносить удар. В итоге искусственный интеллект решил атаковать любого, кто попытается ему помешать<sup>2</sup>. К сожалению, подобные случаи не являются редкостью. Аналогичного мнения придерживается и американский бизнесмен Илон Маск, подписавший открытое обращение, в котором авторы призвали приостановить разработку искусственного интеллекта до момента создания должного правового регулирования разработки и деятельности современных технологий, так как последние представляют серьезную опасность для общества<sup>3</sup>.

В связи с вышеназванными обстоятельствами одним из всё чаще поднимаемых является вопрос о наделении искусственного интеллекта правосубъектностью.

<sup>1</sup> European Parliament Resolution of 3 May 2022 on Artificial Intelligence in a Digital Age (2020/2266(INI)). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52022IP0140> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> US air force denies running simulation in which AI drone 'killed' operator. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/jun/01/us-military-drone-ai-killed-operator-simulated-test> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>3</sup> Маск заявил об угрозе гибели человечества от искусственного интеллекта. URL: <https://ria.ru/20230418/mask-1865963604.html> (дата обращения: 20.09.2023).

Анализируя данную проблематику, для начала обратимся к теоретическим концепциям. В доктрине выделяют три вида искусственного интеллекта: слабый, сильный и сверхинтеллект. На настоящем этапе развития технологий существует только слабый искусственный интеллект. Этот вид предназначен для выполнения конкретной задачи или их небольшого числа. Он не обладает чувствами и сознанием. Сильный ИИ будет обладать возможностями практически того же уровня, что и возможности человеческого интеллекта. Следующий вид — сверхинтеллект. Данный вид будет превосходить по своим возможностям человеческий интеллект, обладать чувствами и сознанием, однако его создание лишь прогнозируется. Дискуссия о наделении ИИ статусом субъекта права ведется лишь в отношении сверхинтеллекта (остальные виды, на наш взгляд, являются вспомогательными инструментами и не могут претендовать на правосубъектность), поскольку для введения подобных мер необходимы следующие критерии<sup>1</sup>:

1) самообучаемость ИИ. Только при условии обладания данным качеством ИИ может самостоятельно улучшать свои алгоритмы и повышать свою эффективность в выполнении задач;

2) способность к принятию решений в сложных ситуациях;

3) уровень автономности ИИ. Например, если ИИ будет иметь возможность самостоятельно принимать решения, то это может привести к тому, что ответственность за его действия будет сложно определить. Поэтому необходимо установить правовые нормы, которые будут учитывать степень его автономности и способности к принятию решений;

4) степень влияния ИИ на общественные отношения. Использование ИИ может иметь серьезные последствия для общества и требует соответствующего правового регулирования.

Существует три основных концепции правосубъектности искусственного интеллекта. Наиболее радикальной из них является концепция «индивидуальной правосубъектности искусственного интеллекта». Сторонниками данного подхода выдвинута идея «полной инклюзивности», предполагающая наделение ИИ-систем правовым статусом, аналогичным человеческому, с признанием за ними собственных интересов. Как отмечает профессор А. В. Нечкин, логика данного подхода заключается в том, что сущностное отличие человека от всех остальных живых существ состоит как раз в его особом высокоразвитом интеллекте<sup>2</sup>. Признание прав за ИИ представляется следующим этапом развития правовой системы, постепенно расширившей юридическое признание на ранее подвергавшихся дискриминации людей, а теперь открывающей доступ и нечеловеческим существам.

<sup>1</sup> Забайкин Ю. В. Правосубъектность искусственного интеллекта / Ю. В. Забайкин, Д. А. Лунькин // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 1–2–1. С. 215–221.

<sup>2</sup> Нечкин А. В. (2020). Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее // Lex russica. 8(165). 78–85.



Следующая концепция — концепция «коллективных лиц». Применительно к искусственным интеллектуальным системам она имеет значительную поддержку среди сторонников возможности признания подобной правосубъектности. Названная концепция не предполагает реального наделения ИИ-систем правосубъектностью физического лица, а является лишь расширением действия существующего института юридических лиц, предлагая создание новой категории юридических лиц — кибернетических «электронных организмов»<sup>1</sup>.

Третья концепция «градиентной правосубъектности искусственного интеллекта» предусматривает придание ИИ-системам особого правового статуса и включение в правопрядок «электронных лиц» как абсолютно новой категории субъектов права, а также наделение ИИ-систем правоспособностью и дееспособностью в рамках гражданско-правовых отношений через создание категории «электронных агентов». Под «градиентом» исследователь из Левенского университета Д. М. Мокану, подразумевает ограниченную или частичную правоспособность и дееспособность ИИ с оговоркой, что речь идет не просто о включении или невключении каких-либо прав и обязанностей в правовой статус, но о формировании их набора с минимально допустимым порогом, а также о признании такой правосубъектности только для определенных целей<sup>2</sup>.

Теперь обратимся к попыткам реализации вышеназванных концепций на практике. Отечественным законодателем еще не поставлен вопрос о наделении ИИ правосубъектностью, однако в странах ЕС деятельность в данном направлении ведется достаточно давно. Так, Резолюция Европарламента № 2015/2103 о нормах гражданского права о робототехнике<sup>3</sup> указывает на возможность наделения некоторых роботов особым статусом электронных лиц, предусматривая такую возможность только в долгосрочной перспективе и только для наиболее продвинутых автономных роботов, способных самостоятельно взаимодействовать с третьими лицами и принимать автономные решения. Но уже в 2019 г. в отчете «Ответственность за ИИ и другие цифровые технологии»<sup>4</sup> эксперты подчеркнули, что нет необходимости признавать особый правовой статус автономных систем и цифровых девайсов. Также в принятой осенью 2020 г. Европарламентом Резолюции об этических принципах в сфере искусственного интеллекта, робототехники

<sup>1</sup> Мусина К. С. (2023). Идентификация правосубъектности искусственного интеллекта: кроссциональный анализ законодательств зарубежных стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки», 27(1). С. 135–147.

<sup>2</sup> Mocanu D. M. (2021). Gradient Legal Personhood for AI Systems — Painting Continental Legal Shapes Made to Fit Analytical Molds. *Frontiers in Robotics and AI*, 8, Art. 788179.

<sup>3</sup> Резолюция 2015/2013(INL) Нормы гражданского права о робототехнике и Хартия робототехники. URL: <https://robotrends.ru/pub/1725/normy-grazhdanskogo-prava-o-robototehnikе-i-hartiya-robototehnikе> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>4</sup> Liability for Artificial Intelligence and other emerging digital technologies. URL: [https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014\\_2019/plmrep/COMMITTEES/JURI/DV/2020/01–09/AI-report\\_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/plmrep/COMMITTEES/JURI/DV/2020/01–09/AI-report_EN.pdf) (дата обращения: 20.09.2023).

и связанных с ними технологий<sup>1</sup> четко указывается, что системы ИИ не могут обладать ни правосубъектностью, ни человеческим сознанием<sup>2</sup>. Они являются помощниками человека и вспомогательным инструментом в его руках.

Подводя итог, сто́ит отметить, что по мнению автора, среди представленных концепций нет совершенной. Однако наиболее перспективным представляется вариант градации правосубъектности искусственного интеллекта в зависимости от его вида. Очевидно, что в настоящее время не существует «сверхсильного» искусственного интеллекта, который бы соответствовал всем вышеназванным критериям, в связи с чем говорить о полной правосубъектности искусственного интеллекта нецелесообразно. А преждевременная реализация данной меры может повлечь опасные последствия для стабильности и безопасности общества. Поэтому можно признать, что технологии ИИ остаются объектом права, что представляется правильным с учетом единственно очевидного на данный момент их восприятия в качестве инструмента в руках человека, что подтверждается в том числе и на законодательном уровне.

**Намяк Е. И.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Нейропротез «ELVIS»: вопросы правосубъектности законодательного регулирования**

**Аннотация.** Развитие нанотехнологий в современном мире порождает достаточное количество приспособлений, которые признаны облегчить жизнь людям. В число таких нанотехнологий входят нейропротезы с использованием технологий искусственного интеллекта. В 2024 г. в России планируется вживление первого в истории деятельности государства «бионического глаза». Как будет влиять появление новой нейротехнологии для слепых людей на правосубъектность гражданина?

**Ключевые слова:** нейротехнологии, правосубъектность, бионический глаз, ELVIS, нейропротезы.

В связи с эволюцией использования искусственного интеллекта в повседневной жизни человека, вопросы гражданской правосубъектности в условиях применения

<sup>1</sup> European Parliament resolution of 20 October 2020 with recommendations to the Commission on a framework of ethical aspects of artificial intelligence, robotics and related technologies (2020/2012(INL)). URL: [https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0275\\_EN.html](https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0275_EN.html) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Papakonstantinou V., Hert Ph D. Refusing to award legal personality to AI: Why the European Parliament got it wrong. URL: <https://europeanlawblog.eu/2020/11/25/refusing-to-award-legal-personality-to-ai-why-the-european-parliament-got-it-wrong/> (дата обращения: 20.09.2023).

сквозных технологий, остро встают в «повестке дня» и в перспективе могут ощутимо повлиять на изменения в гражданском законодательстве. Одно из самых популярных направлений использования нейротехнологий и искусственного интеллекта — это создание нейропротезов, которые, в свою очередь, вживляются в организм человека могут сказаться на его правосубъектности. Одно из самых последних изобретений — это «бионический глаз».

«Бионический глаз», или как он более известен, визуальный протез — это экспериментальное визуальное устройство с использованием, которое предназначено для восстановления зрения тем, кто страдает частичной или полной слепотой. Наиболее известный нейропротез, который был разработан американской компанией Second Sight — Argus II — по сей день является самым технически проработанным бионическим глазом. На сегодняшний день данный нейропротез установлен более 300 раз по всему миру, однако в Российской Федерации существует лишь два кейса использования Argus II, в которых обоим пациентам была имплантирована киберсетчатка.

Опыт зарубежных специалистов, единичные случаи практики по установке бионического глаза, а также стремление создать технологию, которая позволила бы большому количеству людей снова обрести возможность видеть, обусловило необходимость создания в России своей нейротехнологии.

В России в 2024 г. запускают первую в государстве линию нейроимплантов «ELVIS», которые способны влиять на органы чувств человека, и в перспективе смогут решить проблему полной утраты зрения. Однако как сильно его появление повлияет на вопросы правосубъектности гражданина?

Для того чтобы определить, будет ли меняться дееспособность как один из элементов правосубъектности гражданина, страдающего слепотой, при установке «ELVIS», необходимо установить дееспособность слепого человека в отсутствие данного импланта.

Анализ постановления Правительства РФ от 05.04.2022 № 588<sup>1</sup>, позволяет установить, что человеку, у которого диагностирована полная слепота на оба глаза при неэффективности проводимого лечения, присваивают статус инвалидности, при этом не устанавливая срок для переосвидетельствования. Из данного пункта следует вывод, что инвалидом признают лишь при совокупности нескольких условий: первое — это полная слепота на оба глаза, второе — это неэффективность проводимого лечения по восстановлению зрения. Однако критерий «эффективности», а также срок, в течение которого проводится лечение слепого человека, не установлен в законодательстве. Наличие же полной слепоты, которая позволяет установить так называемую «инвалидность по зрению», всё еще не означает отсут-

---

<sup>1</sup> Постановление Правительства РФ от 05.04.2022 № 588 (ред. от 24.01.2023) «О признании лица инвалидом» (вместе с Правилами признания лица инвалидом) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2023) // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_413991/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_413991/).

ствии у лица дееспособности, ведь, согласно положениям ст. 21 ГК РФ, гражданское законодательство презюмирует дееспособность гражданина. При этом критерий недееспособности гражданина — это отсутствие у него возможности понимать значение своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства. В данном случае, использование нейропротеза ELVIS, который подразумевает под собой вживление чипа в мозг человека, может стать повлиять на дееспособность гражданина только в том случае, если мы допускаем, что использование данной киберфизической системы может каким-то образом повлиять на волю человека или же изменить отношение лица к своим действиям.

Для того чтобы понять, насколько ELVIS может повлиять на отношение лица к своим действиям, необходимо понять, будет ли имплант, находящийся в организме человека, передавать данные в одностороннем порядке (то есть чип только лишь считывает данные из внешнего мира) или же движение данных и взаимодействие с чипом будет происходить в двустороннем порядке. Согласно официальным данным, которые предоставляет АНО «Лаборатория «Сенсор-Тех», устройство будет иметь три блока системы: имплант, который устанавливается в головной мозг (в зрительную кору, зону, отвечающую за зрение) и стимулирует его малыми токами., обруч с камерами, который считывает изображение в реальном мире и микрокомпьютер, который анализирует изображение и передает данные на имплант. Таким образом, ELVIS V, скорее всего, будет работать по первому пути развития, то есть имплант будет считывать изображение из внешнего мира, и, в таком случае, маловероятно произойдут существенные влияния на волю лица и способность его осознавать свои действия, а значит, и дееспособность ограничиваться не будет. Ведь в данном случае вопрос о том, что нейроимплант полностью может заменить волю лица, тем самым повливав на его способность осознавать и понимать значение своих действий, является спорным. Для того чтобы нейропротезы могли влиять на дееспособность слепых людей, необходимо, чтобы имплантируемая система обладала практически абсолютной автономностью, чего в настоящее время научных и технический прогресс еще не достигли.

Статья 17 ГК РФ гласит: Способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами». Однако иногда граждане всё же неравны в своей гражданской правоспособности и ограничиваются в ней. Так, к примеру, происходит с кейсом приобретения водительского удостоверения. Так, если рассматривать положения постановления Правительства РФ от 29.12.2014 № 1604 «О перечнях медицинских противопоказаний, медицинских показаний и медицинских ограничений к управлению транспортным средством»<sup>1</sup>, то законодатель указывает слепоту обоих глаз к основанию для лишения лица возможности управлять транспортным средством, что, по своей сути,

---

<sup>1</sup> Постановление Правительства РФ от 29.12.2014 № 1604 «О перечнях медицинских противопоказаний, медицинских показаний и медицинских ограничений к управлению транспортным средством» (с изм. и доп.) // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70836098/>.

является прямым ограничением правоспособности слепого гражданина. В связи с этим встает логичный вопрос, насколько новая нейротехнология сможет повлиять на данную ситуацию, а также сможет ли человек с нейроимплантом, который восстанавливает зрение, в перспективе получить водительское удостоверение.

Согласно п. 197.1 приказа МВД России от 20.02.2021 № 80, основаниями для отказа в выдаче российского национального или международного водительского удостоверения является отсутствие у лица медицинского заключения об отсутствии противопоказаний к управлению транспортным средством. Однако в перспективе, если же у гражданина, которому вживили новый нейроимплант ELVIS, появляется способность видеть настолько, чтобы отличать отдельные предметы окружающей обстановки, то, в теории, медицинское заключение, в котором будет отражен данный факт, вполне может стать основанием для снятия запрета на получение слепым человеком водительского удостоверения, что значительно расширит правоспособность слепого гражданина по сравнению с нынешним положением. Однако в таком случае мы сталкиваемся с тем, что правительственные акты, в которых содержится перечень противопоказаний к получению водительского удостоверения, необходимо будет дорабатывать и изменять, дополняя его положениями о лицах, которые осуществляют свою жизнедеятельность с помощью «бионического глаза». Однако постановления Правительства РФ — не единственные нормативные правовые акты, которые, вполне вероятно, подвергнутся изменению в связи с внедрением в повседневную жизнь «ELVIS». Так, довольно интересным представляется вопрос о влиянии нейпроимплантированной системы на такой элемент правосубъектности гражданина как сделкоспособность. Так, к примеру, слепой человек, у которого в мозг вживлен имплант, может быть приравнен законодателем к более слабой стороне договора, в связи с наличием у него в организме киберфизической системы. Однако данный вопрос снова отсылает нас к необходимости определения, насколько автономно лицо, в котором находится нейроимплант, в совершении своих действий. В данном случае, если, к примеру, слепой человек с нейроимплантом, автономно формирует и выражает волю, которая необходима для признания сделки действительной, то необходимость признания стороны «более слабой» отпадает. В данном случае, изменения могут потребоваться в ст. 177 ГК РФ, или же, создание нового положения в Гражданском кодексе, согласно которому сделку, совершенную лицом с нейроимплантом, можно будет признать недействительной, в случае, если нейротехнология каким-то образом повлияла на формирование воли. В таком случае, к примеру, если вживленный нейроимплант в мозг сможет влиять на способность лица понимать значение своих действий или руководить им, лицо вполне себе может быть ограничено в способности совершать сделки, для чего и потребуются соответствующие новеллы в гражданском законодательстве.

Таким образом, на данном этапе развития нейротехнологии ELVIS, которая направлена на то, чтобы восстановить слепым людям зрение, в перспективе, не должна сильно повлиять на правосубъектность слепого гражданина, так как основные элементы правосубъектности, при вживлении нейроимпланта, остаются неизменными. Изменение статуса лица с вживленным нейроимплантом возможно

только в том случае, если он заменит мыслительные процессы или будет способен влиять на формирование воли лица. Если же этого не происходит, статус лица значительно не меняется. Вопросы же исследования статуса лица будут возможны тогда, когда «ELVIS» будет распространено в широкие массы и, большую часть, будет посвящены отдельным элементам правосубъектности гражданина.

**Олейник Г. О.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Наследственная правосубъектность постмортальных детей**

**Аннотация.** Статья посвящена неопределенности правового статуса постмортальных детей в наследственных правоотношениях по действующему российскому законодательству. Рассмотрен круг основных проблем и варианты их решения.

**Ключевые слова:** постмортальная репродукция, вспомогательные репродуктивные технологии, криоконсервация, наследственные права.

Медицинские технологии стремительно развиваются, создавая не только новые возможности, но и «белые пятна» в правовом регулировании. Одним из таких «пятен», получившим особое внимание в доктрине, является неопределенный правовой статус детей, родившихся в результате посмертной (постмортальной) репродукции. Споры вызывает, в том числе вопрос о возможности выступления таких детей в качестве наследников. Положительное решение вопроса может породить опасность появления лежачего наследства и бесконечного наследственного преемства<sup>1</sup>, что требует решения этой проблемы на законодательном уровне с учетом интересов всех сторон: детей, родителей, государства.

Постмортальная (посмертная) репродукция представляет собой частный случай использования вспомогательных репродуктивных технологий (далее — ВРТ), направленных на лечение бесплодия. Ее суть сводится к тому, что в результате применения этих технологий весь процесс репродукции, включающий зачатие (либо перенос эмбриона, созданного при жизни родителя/родителей) и рождение ребенка, происходит после смерти одного или обоих родителей<sup>2</sup>.

Посмертная репродукция может иметь под собой самые разные основания. Примером может быть зачатие и рождение ребенка женщиной с использованием биоматериала ее мужа, который погиб во время военного конфликта, но заблаговременно предоставил на хранение свои половые гаметы и дал согласие на их использо-

---

<sup>1</sup> Алейникова В. В. Постмортальные дети в семейном и наследственном праве: «быть или не быть, вот в чем вопрос...» // Закон. 2023. № 4. С. 137–157.

<sup>2</sup> Филимонов А. А. Основные правовые проблемы постмортальной репродукции в Российской Федерации // Гражданское право. 2023. № 4. С. 39–41.

вание в случае смерти<sup>1</sup>. Другой пример — рождение ребенка одинокой женщиной с использованием половых клеток, предоставленных анонимным донором.

Право на посмертную репродукцию прямо не предусмотрено российским законодательством, хотя связанные с ней процедуры ВРТ имеют свою нормативную основу, а возникающие при применении ВРТ проблемы находятся в поле зрения судебной практики. Так, Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»<sup>2</sup> рассматриваются различные виды ВРТ, которые применяются медицинскими клиниками при постмортальной репродукции: это, в частности, искусственное оплодотворение (*in vitro* — «в пробирке»), криоконсервация тканей репродуктивных органов, половых гамет или эмбрионов (причем как лиц, намеренных завести ребенка, так и анонимных доноров), суррогатное материнство. Существует приказ Минздрава России<sup>3</sup>, регулирующий порядок использования ВРТ и постановление Пленума Верховного Суда<sup>4</sup>, в котором даются разъяснения об установлении происхождения детей в спорах, связанных с применением ВРТ.

Однако в отсутствие прямого законодательного регулирования положение ребенка, родившегося при постмортальной репродукции, является довольно уязвимым. Рассмотрим основные проблемы, связанные с наследственной правосубъектностью такого ребенка.

Согласно п. 1 ст. 1116 Гражданского кодекса Российской Федерации, к наследованию могут призываться две группы граждан: 1) находящиеся в живых в момент открытия наследства; 2) зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Названные положения закона не предусматривают право на наследство для ребенка, который был зачат уже после смерти наследодателя. Главная причина — ограниченный срок для принятия наследства (6 месяцев — ст. 1154 ГК РФ). Отсюда можно вывести первую проблему, которая подлежит решению — отсутствие сроков для осуществления постмортальной репродукции, что влечет за собой появление трудноразрешимых казусов.

Как видим, нормы о наследовании защищают права детей, которые по крайней мере зачаты при жизни наследодателя, т. е. потенциальных субъектов права на наследство. В случае с применением ВРТ возникает ряд вопросов. Что следует считать зачатием? Будет ли считаться зачатием, например, экстракорпоральное

---

<sup>1</sup> Kindregan Ch. P. Jr. Dead soldiers and their posthumously conceived children // *Journal of Contemporary Health Law and Policy*. 2015. Vol. 31. № 1. P. 81.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // СПС «КонсультантПлюс».

оплодотворение и последующая заморозка эмбриона?<sup>1</sup> Всё это можно объединить в рамках второй проблемы: неопределенность в вопросе о том, с каким моментом в процессе репродукции следует связывать защиту потенциального наследника.

В качестве третьей проблемы можно выделить трудности, связанные с установлением происхождения ребенка. И наконец, четвертая — возможность недобросовестного использования биоматериалов, в том числе против воли генетических родителей (доноров).

Кратко рассмотрим каждую из этих проблем в отдельности с учетом возможных решений, предлагаемых в науке.

1. В этой связи в доктрине предлагается установить ограниченный срок хранения половых гамет, тканей репродуктивных органов или эмбрионов, в течение которого может быть осуществлено зачатие или перенос эмбриона в организм матери (биологической/суррогатной)<sup>2</sup>. Существует также мнение, согласно которому процесс экстракорпорального оплодотворения и криоконсервация эмбриона должны происходить при жизни одного из владельцев используемого биоматериала. Тем самым предлагается исключить постмортальную репродукцию, за исключением созданного при жизни эмбриона, ведь создание такого эмбриона предполагает определенную осознанность действий<sup>3</sup>. Первый вариант видится более подходящим, так как он обеспечивает больше возможностей для реализации права на продолжение рода, кроме того, установление условия о согласии донора должно само по себе говорить о полной осознанности действий и намерении лица завести ребенка.

2. Согласно судебно-медицинскому определению, процесс зачатия включает в себя оплодотворение яйцеклетки и имплантацию плодного яйца, т.е. начало его развития в организме матери как нового организма<sup>4</sup>. В контексте использования ВРТ возникает вопрос, на какой стадии этого процесса следует констатировать момент зачатия, который имеет значение для наследственного права<sup>5</sup>. Некоторые ученые предлагают определить и конкретизировать этот момент в ст. 1116 ГК РФ, другие считают правильным вовсе исключить из этой статьи формулировку «зачатые при жизни наследодателя». Первая позиция видится более состоятельной, так как позволяет установить четкие критерии, которые были бы важным инструментом в разрешении конкретных казусов.

3. Применение ВРТ и постмортальная репродукция обуславливают сложности в установлении происхождения ребенка, что также имеет определяющее значение для наследственных правоотношений. Не углубляясь в целый ряд этих сложностей,

---

<sup>1</sup> Шиббаева Е. Н. Возможность выступать наследником в условиях развития вспомогательных репродуктивных технологий // Современный юрист. 2019. № 4. С. 59–65.

<sup>2</sup> Пешков Б. С., Трофименко А. А. Правовые аспекты постмортальной репродукции // Право и современные технологии в медицине : монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : РФ-Пресс, 2019. С. 208.

<sup>3</sup> Шиббаева Е. Н. Указ. соч.

<sup>4</sup> Большой медицинский словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/medic2/17736> (дата обращения: 26.09.2023).

<sup>5</sup> Алейникова В. В. Указ. соч.



рассмотренных в науке, можно лишь коротко отметить, что для разрешения спорных случаев многими учеными предлагается введение в закон требования о наличии прижизненного письменного согласия лица на посмертную репродукцию, а именно: а) на использование его биоматериала для рождения ребенка; б) на то, чтобы считаться его родителем<sup>1</sup>. Такое согласие стало бы одним из определяющих доказательств в определении родственных и наследственных связей. Наряду с этим, встречаются и предложения предоставить наследодателю право указать в завещании ребенка, который может родиться в результате постмортальной репродукции, а то и эмбриона. Но, как справедливо отмечает В. В. Алейникова, этот вариант не позволяет в полной мере решить проблему, а также не учитывает институт наследования по закону<sup>2</sup>.

4. Одним из неблагоприятных исходов постмортальной репродукции служит возможность недобросовестного использования половых гамет. Так, например, рождение ребенка может быть использовано матерью умершего супруга с целью увеличения своей доли в наследстве. Подобными опасениями объясняется ранее упомянутая точка зрения о том, что постмортальную репродукцию нужно запретить, допуская лишь посмертный перенос эмбриона. Однако представляется, что в этой ситуации главное — наличие письменного согласия генетического отца.

На наш взгляд, решение упомянутых проблем в совокупности позволит в дальнейшем конкретизировать и дополнить нормы о наследовании, расширив перечень лиц, которые могут призываться к наследованию после смерти наследодателя, и закрепив статус постмортальных детей как потенциальных наследников.

В заключение следует отметить, что юридические проблемы, связанные с постмортальной репродукцией, многоаспектны и потому требуют комплексного решения, которое позволило бы соблюсти баланс интересов всех участников имущественного оборота и, в частности, наследственных правоотношений.

**Позднякова М. Д., Щедрин Г. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

### **Признание за искусственным интеллектом источника повышенной опасности: реалии и перспективы**

**Аннотация.** Современная эпоха принесла человечеству множество достижений науки и техники. В связи с этим появилась необходимость правового регулирования новых явлений и изобретений. Одним из таких направлений является искусственный интеллект, правовой режим которого вызывает множество дискуссий в различных отраслях права.

<sup>1</sup> Мишина Е. Установление происхождения постмортальных детей // Цивилистика. 2022. Т. 1. № 3. С. 213–227.

<sup>2</sup> Алейникова В. В. Указ. соч.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, источник повышенной опасности, деликтные обязательства, ответственность.

Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Так, Пленум Верховного Суда РФ раскрывает понятие термина источника повышенной опасности. Согласно п. 18 постановления под источником повышенной опасности следует признавать «любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека...»<sup>1</sup>.

Возникают соответствующие вопросы: возможно ли признание за искусственным интеллектом (далее — ИИ) деятельности источника повышенной опасности? Кто и каким образом будет привлекаться к ответственности в условиях такого признания?

Сперва стоит дать легальное определение искусственному интеллекту, отражающее практическую основу данной технологии. В Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека»<sup>2</sup>.

В настоящее время искусственный интеллект является объектом множества дискуссий. Одна из них касается его правосубъектности. Таким образом, высказываются следующие точки зрения:

Первая точка зрения основывается на признании правосубъектности искусственного интеллекта<sup>3</sup>. Ее сторонники предлагают создать некую конструкцию электронного лица, которая будет обладать признаками юридической фикции. В таком случае искусственный интеллект будет нести ответственность самостоятельно, в том числе и деликтную ответственность, в основе которой лежит принцип полного возмещение вреда, «источник покрытия которого при признании правосубъектности ИИ будет найти затруднительно»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. 05.02.2010. № 24.

<sup>2</sup> Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

<sup>3</sup> Морхат П. М. Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта. Гражданско-правовое исследование. М. : Юнити-Дана, 2018. С. 420.

<sup>4</sup> Романова И. Н. Проблемы юридической ответственности за вред, причиненный при использовании технологий искусственного интеллекта. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-yuridicheskoy-otvetstvennosti-za-vred-prichinenny-pri-ispolzovanii-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 20.09.2023).

Вторая точка зрения основывается на признании искусственного интеллекта объектом прав. В силу этого нельзя говорить об искусственном интеллекте как о субъекте уголовной, административной или гражданской ответственности<sup>1</sup>. Следовательно, ответственность за вред, причиненный ИИ будет лежать или на эксплуатирующем его лице, или на разработчике программного кода. Согласно ст. 1079 ГК РФ обязанность возмещения вреда возлагается на субъект, владеющий источником повышенной опасности в качестве собственника или на ином другом законном основании<sup>2</sup>.

Говоря о той же уголовной ответственности, следует упомянуть об эмоционально-волевой составляющей состава преступления. Искусственный интеллект не наделен возможностью осознавать значение своих действий, руководить ими в силу наличие встроенной роботизированной программы.

С момента начала применения искусственного интеллекта в качестве технологии, заменяющей человека, стали возникать споры, связанные с причинением вреда имуществу, жизни и здоровью человека. Хорошим примером, отображающем факт причинения вреда, является использование ИИ в технологиях автопилота в автомобилях Tesla американской одноименной компании. Производитель технологии предупреждает, что она должна быть использована под пристальным наблюдением со стороны водителя, хотя сама по себе обеспечивает автономность эксплуатации техники. Именно так в 2020 г. жительница Лос-Анджелеса Джастин Су подала в суд иск с требованием возмещения вреда, причиненного возможной ошибкой в работе автопилота, вырвавшего машину на обочину городской дороги, вследствие чего сработала подушка безопасности. В ходе процесса решение было вынесено в пользу компании Тесла, в связи с тем, что водитель автомобиля не осуществляла контроль за транспортным средством в момент вождения<sup>3</sup>.

В законодательстве Российской Федерации презюмируется обязанность возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, при условии, что не будет доказано, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 указывает, что под источником повышенной опасности стоит понимать деятельность, создающую повышенную опасность вреда. Кроме критерия «деятельность» Верховный суд позволяет распознать источник повышенной опасности через призму объекта материального мира, обладающего «вредоносными» свойствами<sup>4</sup>. Таким

---

<sup>1</sup> Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 536.

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

<sup>3</sup> Focus: Tesla braces for its first trial involving Autopilot fatality. URL: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/tesla-braces-its-first-trial-involving-autopilot-fatality-2023-08-28/> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>4</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Российская газета. 05.02.2010. № 24.

образом, источник повышенной опасности может быть признан через следующие критерии: «деятельность», «действие» и «вредоносность». Обозначив необходимые для идентификации источника повышенной опасности критерии, необходимо выяснить подходит ли ИИ под указанные требования. Категории «деятельности» и «действия», создающих опасность причинения вреда, подтверждаются технически сложным устройством самой технологии ИИ, а также автономностью выбора стратегии выполнения поставленной задачи. Критерий «вредоносности» раскрывается через сферы, в которых может быть использована технология ИИ. Именно так эксплуатация искусственного интеллекта в медицине при определении диагноза или же в беспилотном управлении транспортным средством предполагает возможность причинения вреда окружающим субъектам. Таким образом, можно прийти к выводу о возможности признания искусственным интеллектом источником повышенной опасности.

Однако при признании искусственного интеллекта источником повышенной опасности возникает неопределенность в вопросе о субъекте, который будет нести ответственность за вред, причиненный при использовании ИИ и в тех случаях, когда такой вред возникает в силу, например, его отклонения от заданных алгоритмов. Высказывается возможность внедрения обязательного страхования гражданской ответственности при использовании искусственного интеллекта. Однако данная мысль вызывает множество вопросов, касающихся сущности возможности практической реализации самого института страхования в условиях страхования риска ошибки ИИ, а также при определении страховых рисков (его вероятности и случайности). Именно так уже сейчас Брукингский институт, изучающий проблематику внедрения ИИ в повседневную жизнь человека, выработал примерный перечень страховых рисков при причинении вреда от ИИ. Например, производственный риск подозревает техническую ошибку разработчика технологии; риск безопасности включает в себя возможность кибератаки и нарушение конфиденциальности личных данных пользователя, риск злонамеренности<sup>1</sup>.

Подводя итоги проделанной работы, можно сделать вывод, что искусственный интеллект может быть приравнен к источнику повышенной опасности. В связи с действием нормы ГК возникает вопрос о природе деликтных отношений при признании ИИ источником повышенной опасности. Одним из способов решения правовой коллизии может быть перераспределение ответственности через идентификацию причины причинения вреда. То есть если причинение вреда произошло исключительно в связи с технической ошибкой технологии ИИ, то ответственность будет нести производитель ИИ. Однако если причинение вреда произошло в условиях нарушения правил эксплуатации самой технологии или же при условии умысла ее оператора, то в таком случае ответственность за нанесенный вред будет нести, использующий ее в своих целях субъект. Законодателю необходимо тщательно

---

<sup>1</sup> How insurance can mitigate AI risks. URL: <https://www.brookings.edu/articles/how-insurance-can-mitigate-ai-risks/> (дата обращения: 20.09.2023).

урегулировать этот момент или предусмотреть отдельную главу про причинение вреда искусственным интеллектом, так как он всё больше и больше внедряется в жизнь общества.

**Русецкая Е. И.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Вопрос деликтоспособности в сфере развития систем искусственного интеллекта**

**Аннотация.** На сегодняшний день искусственный интеллект заменяет во многом человеческую работу, выступая объектом правоотношений. Именно по этой причине не мало конфликтов связано с участием систем искусственного интеллекта, следовательно, необходима достаточная правовая база для их разрешения, а также для определения круга лиц, которые будут нести юридическую ответственность. В работе анализируются различные позиции ученых-юристов по этому вопросу, а также излагается личное мнение автора.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, деликтоспособность, правосубъектность, юридическая ответственность, электронное лицо.

С развитием сквозных технологий всё больше происходит внедрение роботов в нашу жизнь, они выполняют большую часть работы. Эти «умные» машины созданы, чтобы сделать человеческую жизнь более комфортной и менее энергозатратной, чтобы освободить человеческие «руки» от сложных и трудоемких процессов. Однако стоит помнить, что искусственный интеллект (далее — ИИ) имеет свои недостатки, может некорректно функционировать и подвергаться техническим сбоям, которые, в свою очередь, сказываются на жизнедеятельности человека. На данный момент известно немало случаев, где причиной конфликта является объект ИИ. Например, недавно завершился судебный процесс, в котором истцом являлась жительница США Жюстин Су (Justine Hsu), а ответчиком — Американская компания «Tesla». Из фактических обстоятельств дела следует, что во время движения электромобиля Model S в режиме автопилота система совершила неожиданный маневр, и машина врезалась в бордюр, в результате чего сработала подушка безопасности и повредила девушке лицевой нерв, сломала челюсть, выбила зубы<sup>1</sup>. Данный случай стал поводом для дискуссий, о том, кто будет признан ответственным: девушка, компания или же вообще сам объект ИИ. Тем не менее присяжное жюри пришло к выводу, что в ДТП не было обнаружено ошибки в программном обеспечении (ПО). Кроме того, было принято решение, что вины компании в данном случае нет, поэтому искивые

---

<sup>1</sup> Justine HSU vs Tesla, INC. UniCourt // URL: <https://unicourt.com/case/ca-la23-justine-hsu-vs-tesla-inc-541298> (дата обращения: 19.09.2023).

требования были отклонены. Таким образом, выделяется довольно обширная категория лиц, которые могут быть участниками юридической ответственности в сфере технологического развития систем ИИ.

Рассмотрение вопроса о предоставлении технологиям ИИ деликтоспособности вызвал продолжительную дискуссию среди различных ученых и правоведов. Например, Г. А. Гаджиев и Е. А. Войниканис в своей научно-исследовательской работе<sup>1</sup> предполагают, что в будущем такой исход, как наделение роботов правоспособностью, вполне реален, приводя в пример резолюцию Европейского парламента о гражданско-правовых нормах, касающихся робототехники от 16.02.2017<sup>2</sup>. Несмотря на то что в документе делается акцент на преимущество человеческой ответственности за последствия, некоторые же положения свидетельствуют о присвоении системам ИИ статуса «электронного лица», которое в долгосрочной перспективе станет полноправным субъектом права и будет полностью нести бремя юридической ответственности.

Более того, советский и российский юрист-правовед П. П. Баранов также высказывается о введении в российское законодательство такого понятия как «электронное лицо» наряду юридическими и физическими лицами<sup>3</sup>.

Единомышленником является и Дж. Балкин, профессор Йельской школы права, который разделяет мнение, что отсутствие признания роботов как субъектов права может привести к проблеме определения надлежащего субъекта ответственности, поскольку круг лиц, которые имеют непосредственное отношение к используемому объекту ИИ, довольно широк. К ним относится и разработчик технологий этого ИИ, и его владелец, а в некоторых случаях — и другие третьи лица<sup>4</sup>.

Совершенно противоположную точку зрения в своей работе «Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом» высказывает Н. Н. Апостолова. «Человек должен отвечать за свои деяния и их последствия по своим юридическим правилам, а в отношении искусственного интеллекта должны быть предусмотрены другие специальные меры воздействия в случае самостоятельного осуществления им действий, нарушающих закрепленные в законе цели, принципы и правила»<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> Гаджиев Г. А., Войниканис Е. А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 24–48.

<sup>2</sup> Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16.02.2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). EP reference number: P8\_TA (2017)005.

<sup>3</sup> Баранов П. П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1. С. 39–45.

<sup>4</sup> Balkin J. B. The Path of Robotics Law [Путь развития правового регулирования роботов] // California Law Review. 2015. Vol. 6. P. 45–60.

<sup>5</sup> Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112–119.

В силу того, что деликтоспособность неразрывно связана с понятием правоспособности, что в своей совокупности представляет правосубъектность, то неправильно говорить о наделении лица исключительно деликтоспособностью. Если же обособленно рассматривать деликтоспособность ИИ, то сомнения и дискуссии по этому поводу уместны, однако вопрос о наделении робота правоспособностью вызывает более острую реакцию. Таким образом, если мы присваиваем системе ИИ деликтоспособность, то и автоматически наделяем его правоспособностью, а это, в свою очередь, право на целостность, свободу слова, неприкосновенность, интеллектуальные права и т. д. Здесь уже стирается грань между человеком и роботом, живым и неживым, искусственный интеллект отождествляется с естественным (человеческим).

Но опять же встает вопрос, кто именно должен нести ответственность? Человек, который создал/разработал этот ИИ или же лицо, которое использует его в своих целях и имеет на него вещные права? На сегодняшний день не существует ясного и единого ответа на этот вопрос, и решения могут отличаться в разных юрисдикциях.

Здесь можно рассмотреть несколько вариантов исхода подобных случаев. Во-первых, систему ИИ можно считать источником повышенной опасности, поскольку из п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 следует, что таким источником признается объект, осуществляющий деятельность, которая создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля со стороны человека<sup>1</sup>. Соответственно, к владельцу такого объекта могут быть применены положения п. 3 ст. 1079 ГК РФ, где говорится, что владельцы «солидарно несут ответственность за вред, причиненный в результате взаимодействия этих источников»<sup>2</sup>.

Во-вторых, субъектом юридической ответственности в результате причинения вреда технологиями ИИ может выступать лицо, прямо связанное с разработкой этой системы или осуществляющее ее ПО<sup>3</sup>.

В-третьих, деликтоспособными в сфере действия систем ИИ могут являться лица, взломавшие ее путем внесения изменений деструктивного характера в ее функционирование с целями, противоречащими общественному порядку<sup>4</sup>.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, автор придерживается следующей позиции. Несмотря на способность ИИ рассуждать, планировать, прогнозировать, анализировать и т. д., довольно примитивно утверждать о наличии у него сознания

<sup>1</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС «КонсультантПлюс». URL: [https://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_96790/](https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/) (дата обращения: 19.09.2023).

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. Ст. 1079.

<sup>3</sup> Апостолова Н. Н. Ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 1. С. 112–119.

<sup>4</sup> Там же. С. 113.

аналогичного человеческому. Следовательно, ИИ не может быть субъектом права, обладать правосубъектностью. Такой возможностью должны быть наделены только люди, поскольку системы ИИ хотя и могут обладать высоким уровнем автономности, но являются производными, всё еще ограниченными в своих действиях и зависящими от ПО, которое осуществляет непосредственно человек. ИИ не способен на моральное или этическое рассуждения, что не позволяет реализовать одну из основных целей юридической ответственности — перевоспитание нарушителей закона. Все эти факторы в совокупности делает систему ИИ ограниченной и нерасположенной к статусу субъекта права.

Однако по причине того, что и круг лиц, которые в теории могут нести ответственность за правонарушение, связанное с участием систем ИИ, достаточно широк, автор придерживается теории, что таким субъектом должен являться владелец автономной системы. В силу того, что владелец извлекает пользу из источника повышенной опасности, то на нем лежит и бремя ответственности за этот объект. Разработчики ИИ не могут в полной мере исключить риск нарушения программы и выхода из системы, т. к. дальнейший контроль осуществляется уже самим владельцем. Важно отметить, что и убытки создателей базы ИИ вырастут в несколько раз, если каждый сбой автономной системы будет считаться их недоработкой.

**Свечникова Е. В.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

## **Проблема наделяния юнитов искусственного интеллекта правосубъектностью**

**Аннотация.** Стремительное развитие технологий делает необходимым их правовое осмысление и оформление. В работе приведены некоторые модели ответственности, на которых может быть построена правосубъектность искусственного интеллекта, а также произведен обзор некоторых спорных и нерешенных вопросов, сопряженных с ними.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, правосубъектность искусственного интеллекта, робототехника.

В свете стремительного развития нейротехнологий, робототехники, биотехнологий и технологий искусственного интеллекта, которые непрерывно совершенствуются, мы сталкиваемся с необходимостью адаптации законодательства к новым реалиям. Однако это требует регламентации возможности юнитов искусственного интеллекта нести ответственность за его действия, а значит, и связанный с ним вопрос правосубъектности.

Чтобы перейти к определению статуса искусственного интеллекта логичным кажется определить понятие «искусственный интеллект». Данный термин является сложным и неоднозначным, поэтому каждый исследователь использует по-



нятие так, как считает нужным, единой дефиниции на сегодняшний день не сложилось. На основе источников возможно выделить два подхода к пониманию феномена «искусственный интеллект».

Первый подход подразумевает понимание искусственного интеллекта как способность имитации мыслительных процессов человека с помощью технических средств. Второй подход, нашедший отражение в работах американских ученых Рассела и Норвига, отечественного судьи П. М. Морхата, рассматривает искусственный интеллект как техническую систему близкую к компьютерно-аппаратной программе<sup>1</sup>.

Несмотря на существование двух подходов, можно сделать вывод, что они фактически не являются кардинально разными. Более того, понятия являются собирательными, включают в себя разнообразные явления, объединенные цифровой сферой.

Разнообразные юниты искусственного интеллекта ежедневно выполняют юридически значимые действия, например, боты способны поддерживать простейшие диалоги и проводят транзакции. Это способствует консолидации мнения о том, что релевантным будет признать за цифровым участником роль в осуществлении прав и исполнении обязанностей. Но предложения специалистов по поводу наделения юнитов искусственного интеллекта правами и обязанностями вызывают оживленные дискуссии. Противники видят в этой правосубъектности покушение на антропоморфизм, отмечают у цифровых участников отсутствие воли и сознания, что может, по их мнению, порождать ряд негативных явлений.

Исследователями предложено несколько моделей ответственности за деяния юнитов искусственного интеллекта в зависимости от степени самостоятельности волеизъявления. В настоящее время используется четыре основных типа искусственного интеллекта:

- первые не имеют памяти и запрограммированы на решение конкретных задач и не имеют памяти;
- вторые представляют собой системы с ограниченной памятью, основанной на прошлом опыте, однако не обрабатываемой в библиотеке информации;
- третьи способны распознавать эмоции и намерения человека, обладают социальным интеллектом;
- четвертые обладают правосознанием, способны формировать представление о себе и имитируют человеческий мозг<sup>2</sup>.

Такой подход к определению деликтоспособности позволит добиться гибкости правового регулирования, может выступать справедливым мериллом, хотя он потребует экспертного мнения коллег, занятых программированием.

<sup>1</sup> Торлов Л. О. О правосубъектности искусственного интеллекта // Право и управление. 2023. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravosubektnosti-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 24.09.2023).

<sup>2</sup> Вавилин Е. В. Искусственный интеллект как участник гражданских отношений: трансформация права. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-uchastnik-grazhdanskih-otnosheniy-transformatsiya-prava> (дата обращения: 23.09.2023).

Существует концепция, рассматривающая правосубъектность «цифровых существ» в четырех подходах:

- исключительная правосубъектность человеческих существ, которые могут быть единственными субъектами в правоотношениях;
- минимальная инклюзивность юнита без наделения его самостоятельной правосубъектностью
- умеренная инклюзивность, заключающаяся в возможной автономности, без самостоятельной правосубъектности;
- полная инклюзивность юнита искусственного интеллекта, наделенным правами человека и собственными интересами<sup>1</sup>.

Данная модель не требует никаких пояснений в пунктах, где искусственный интеллект является привычным и инструментом, и всегда есть человек, который должен нести юридическую ответственность за действия юнита.

Модель умеренной инклюзивности ставит вопрос об определении ответственности третьих лиц за действия автономных юнитов искусственного интеллекта. В большинстве случаев обоснованно и разумно привлекать разработчиков и создателей, до той степени, пока искусственный интеллект не начинает действовать путем, который невозможно предсказать. В ситуации, когда бремя ответственности полностью ляжет на производителей, в благоприятном положении откажутся потребители, которые могут быть недостаточно заинтересованы в соблюдении мер предосторожности. Кроме того, роботы способны учиться на собственном опыте и принимать квазинезависимые решения, что еще сильнее усложняет подсчет доли ответственности пользователей и разработчиков.

Модель полной правосубъектности юнита искусственного интеллекта является крайне дискуссионной. Многие исследователи считают такие идеи бесполезными, сводящимися к стремлению безосновательно уподобить юниты человеку. Такая потенциальная правосубъектность более похожа на желание уйти от ответственности, оставить ее на «электронном существе», которое не наделено чувствами и эмоциями. Речь также может идти об отсутствии субъективной стороны правонарушения, поскольку искусственный интеллект нельзя напугать ни сроками и жесткостью потенциального наказания. Кроме того, подлежит исследованию проблема взлома юнита злоумышленниками для достижения неправомερных целей. Однако доработка этой модели кажется довольно перспективной с точки зрения упрощения правового регулирования и его понимания<sup>2</sup>.

Для доработки любой из моделей важно понимать, что юнит искусственного интеллекта не обладает широтой человеческого знания, которые касаются не

<sup>1</sup> Морхат П. М. Правосубъектность юнита искусственного интеллекта: некоторые гражданско-правовые подходы // Вестник КГУ. 2018. № 3.

<sup>2</sup> Морхат П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд: Научная монография / РОО «Институт государственно-конфессиональных отношений и права». М. : Буки Веди, 2017. 257 с.

только узко профессиональных знаний. Необходимо разрабатывать этические императивы для разработчиков и производителей.

Важно признать, что на данном этапе и в дальнейшем никакие ссылки на независимость искусственного интеллекта нельзя освободить от ответственности владельцев, операторов и разработчиков за нарушение прав, совершенное с помощью такого агента. Степень ответственности лиц может быть распределена пропорционально реальному уровню участия в производстве и «воспитании» юнита.

Многие авторы рассматривают возможность сертификации юнитов, прошедших процедуру государственной регистрации. Это позволит обеспечить прогнозируемое волеизъявление у юнитов, что обеспечит безопасность их деятельности. Самых пользователей придется обучать работе с искусственным интеллектом, в будущем даже выдавать нечто похожее на водительское удостоверение.

Множество средств страхования и правовых регламентов могут сильно удорожить и затормозить развитие искусственного интеллекта. Предлагается создание «песочницы» — особой зоны с гибким нормативно-правовым регулированием. Специальное регулирование поможет управлять существующими рисками, одновременно создавая базу для законодательства, но без серьезного вмешательства в деятельность разработчиков<sup>1</sup>.

**Соловей И. С.**

Тюменский государственный университет  
Студент

### **Авторские права на произведения, созданные с использованием ChatGPT**

**Аннотация.** В статье рассмотрены проблемы определения авторских прав на произведения, созданные с помощью ChatGPT. Автором сделан вывод о необходимости совершенствования гражданского законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

**Ключевые слова:** авторское право, искусственный интеллект, ChatGPT, нейросети, антиплагиат, нейротекст.

Технологии не стоят на месте. Каждый день создаются новые более мощные компьютеры и нейросети активно входят в нашу жизнь. Недалеко то время, когда нейросети станут субъектами гражданских правоотношений, прежде всего авторского права.

Авторское право является одной из молодых отраслей права. Однако его зачатки были видны еще в Средние века в тот период, когда авторам требовались так называемые «привилегии», выдаваемые монархом. Время идет,

<sup>1</sup> Баракина Е. Ю. Регуляторные площадки в области правового регулирования применения искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6 (127).

и сейчас авторам не нужно просить у президентов или губернаторов некоего разрешения, чтобы написать то или иное произведение. Считаем, что авторское право движется в правильном направлении в сторону защиты авторов. Поскольку написать литературный труд требует больших умственных усилий со стороны человека, а если говорить про научные труды, то зачастую там нужны еще и определенные навыки, но что требуется точно, так это время. Однако технологии не стоят на месте, и уже сейчас, чтобы написать условный реферат или доклад студенту не нужно тратить несколько часов или дней, чтобы найти нужную информацию и надлежащим образом ее оформить. Однако возникают вопросы относительно приложенных усилий студентом в процессе создания научного произведения и может ли он считаться автором произведения, которое было создано с помощью нейросети.

На данный момент существует множество сервисов по написанию текста. И самым популярным из них можно считать ChatGP T. ChatGPT представляет собой чат-бота, который способен участвовать в беседе, чьи ответы невозможно отличить от ответа настоящего человека. Для этого необходимо просто ввести свой запрос боту, а он напишет развернутый ответ. Более того, он может давать ответы на основе предыдущих запросов. Его обучаемость и простота в использовании обеспечили ему большую популярность.

Студенты активно используют ChatGPT в своей учебной и научной деятельности. Конечно, это отличный сервис для студентов, который помогает им экономить время на написание той же научной статьи. Однако это создает трудности у преподавателей и членов ученых советов в оценке работы студентов, поскольку система Антиплагиат пока не может отличить текст, написанный человеком, от текста, написанного нейросетью.

Закон никаким образом не запрещает студенту использовать нейросети при написании выпускных квалификационных работ или научных статей. Но таким образом мы сталкиваемся с тем, что студентом никаким образом не участвовал в написании текста, не прилагал своего творческого труда к этой работе. Иными словами, мы не можем признать студента автором произведения с точки зрения закона, поскольку отсутствует признак автора произведения, а именно в соответствии со статьей 1257 ГК РФ автором произведения может считаться гражданин, творческим трудом которого оно создано<sup>1</sup>.

На практике же нейросеть не может полностью написать текст научной работы, поскольку зачастую дает лишь поверхностную информацию из открытых источников, не углубляясь в тему. В этом случае студент может брать только за основу некоторые тезисы, высказанные нейросетью, и писать работу сам, редактируя текст. Тем самым можно сказать, что студент и ChatGPT в равной степени участвовали в процессе создания и совместным творческим трудом создали произведение. Иными слова-

---

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

ми, в таком случае можно считать студента и ChatGPT соавторами, в соответствии со статьей 1258 ГК РФ<sup>1</sup>.

В этих двух случаях возникает проблема со статусом ChatGPT. Речь идет о его признании в качестве субъекта гражданско-правовых отношений.

На сегодняшний день можно заключить следующее, что нейросети активно развиваются и способны быстро обучаться. Однако они всё равно являются результатом интеллектуальной деятельности человека и не способны существовать сами по себе, не могут сами реализовывать свои права, нести обязанности и подвергаться мерам ответственности. На наш взгляд, нейросеть, в частности чат-бот ChatGPT, стоит рассматривать исключительно в качестве инструмента, с помощью которого, человек может создавать научные произведения. Но стоит отметить, что не нужно отрицать возможность признания нейросетей в качестве субъектов гражданских правоотношений в будущем.

Исключив вариант с признанием ChatGPT в качестве автора или соавтора произведения, можно сосредоточиться над решением проблемы авторских прав на произведения, написанные с помощью ChatGPT. Что же делать преподавателям и членам государственных экзаменационных комиссий чтобы как-то отличать авторский текст студента от текста, сгенерированного ChatGPT?

Как уже было сказано, законодательно студент не ограничен в использовании нейросетей при написании выпускной квалификационной работы или научной статьи. Но используя ChatGPT он не применяет свой творческий труд в процессе написания произведения, тем самым формально его нельзя признать его автором произведения. По закону у любого произведения есть автор, и мы не можем признать нейросеть в качестве автора или соавтора произведения. Таким образом, у нас получается такая ситуация, что у произведения нет автора.

Чтобы не допустить такую ситуацию, предлагаем следующее: руководствуясь принципом добросовестности, предусмотренным пунктом 3 статьи 1 ГК РФ<sup>2</sup>, гражданин, использовавший в процессе создания литературного или научного произведения нейросеть, способную генерировать уникальный текст, обязан пометать такое произведение как произведение, содержащее нейротекст.

Под понятием «нейротекст» следует понимать уникальный текст произведений науки, литературы или искусства, сгенерированный с помощью нейросети или чат-бота, который невозможно распознать с помощью системы «Антиплагиат». Важно отметить, что такую пометку необходимо делать только в рамках отношений, возникающих из отношений, регулируемых авторским правом.

Сегодня идет активное развитие нейросетей, целью которых является облегчение жизни людей. На наш взгляд, нет ничего плохого в их использовании, однако

---

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

в вопросах авторского права следует придерживаться той точки зрения, что автором произведения может быть только человек и создает его своим творческим трудом. Для отграничения действительно авторских произведений от произведений, написанных с помощью ChatGPT, и для облегчения оценки работ студентов преподавателями и членами государственных экзаменационных комиссий предлагаем следующее:

1. Закрепить в части 4 Гражданского кодекса РФ понятие «нейротекста» в следующей редакции: «Нейротекст — это уникальный текст произведений науки, литературы или искусства, сгенерированный с помощью нейросети или чат-бота, который невозможно распознать с помощью системы Антиплагиат»

2. Дополнить часть 4 Гражданского кодекса РФ статьей 1257.1 «Права и обязанности автора, использующего нейросети в процессе создания произведения», где будет закреплено право авторов произведений использовать в процессе его создания нейросети или чат-боты, а также обязанность делать отметку в своем произведении о том, что оно содержит нейротекст.

В завершении хочется привести текст, созданный нейросетью: «Авторское право и технологии — это два важных столпа, на которых строится современное информационное общество. Оно берет начало в инновациях и вдохновении, но обязательно соблюдает законы и уважает интеллектуальную собственность»<sup>1</sup>.

**Станислав П. Д.**  
ЮФУ  
Студент

### Особый статус и защита прав крионируемого лица

**Аннотация.** В статье рассмотрено такое право человека, как право на избрание метода погребения. Права крионированных людей не гарантированы. Автором сделан вывод о необходимости выделения «постмортальных» прав, вычленение подобной правовой категории позволит закрепить ее в ГК, сделав дополнительную гарантию соблюдения прав крионируемых.

**Ключевые слова:** крионируемое лицо, право на избрание метода погребения, криоконсервированные люди, крионирование.

В нашей жизни смерть — печальное, частое, закономерно наступающее явление. Все люди рано или поздно умрут и все имеют право распорядиться своим телом как хотят, т. е. право на избрание метода погребения. Такая возможность предоставлялась людям с момента возникновения человечества, а со временем приняла новые формы.

Одной из таких форм является крионирование. Данный процесс представляет собой покрытие специальными смесями пациента и последующее нахождение в капсу-

---

<sup>1</sup> Тест создан при помощи ChatGPT.

ле с постоянно поддерживаемой низкой температурой. Так останавливается процесс разложения и клетки организма сохраняются живыми. Искусственная заморозка людей появилась в XX в. благодаря Джеймсу Бедфорду, ставшему первым крионизированным человеком. Заморозить свое тело можно и сейчас, обратившись в такие компании как: Alcur, Sinogene Biotechnology, КристоРус и др<sup>1</sup>. Однако, несмотря на наличие шанса заморозить себя после смерти, людям не всегда удается это сделать, поскольку их правовое положение законодательно не урегулировано и вопрос о правосубъектности не решен. Права крионируемых лиц часто ущемляются, или же вовсе не соблюдаются.

Так, в 2002 г. после смерти известного американского бейсболиста Теда Уильямса его дочь попыталась нарушить права отца на волеизъявление о достойном отношении к его телу, подав иск к компании Alcur с которой у Уильямса был подписан договор о заморозки. Дочь настаивала на кремации отца, но проиграла дело, поскольку суд посчитал договор более весомым доказательством. Другой случай произошел с клиентом компании КристоРус — Владимиром Воронкиным, в 2012, чья супруга забрала тело из морга для перевозки и последующей кремации в ГУП «Ритуал». КристоРус обратился в суд, чтобы оспорить действия ГУП, но им было отказано в принятии искового заявления со ссылкой на невозможность разрешения судом споров между хозяйствующими субъектами<sup>2</sup>. Еще одно нарушение прав крионируемого лица было допущено в 2019 в штате Кентукки, где была найдена мертвая девушка — Даниэль Мишель Бейкер, имевшая соглашение с Oregon Cryonics об извлечении и сохранении мозга, а также договор дарения анатомических частей. Вопреки этому, семья девушки настаивала на ее кремации, которая и была проведена, спустя три дня после обнаружения тела, по распоряжению coronera<sup>3</sup>. Во избежание подобных правовых ущемлений необходимо помимо договоров о крионизации иметь завещание, или же завещательное возложение, в котором будет сказано о желании завещателя быть замороженным.

Следующим аспектом нарушения прав крионируемых можно считать отсутствие ответственности криокомпаний за ненадлежащее выполнение договорных обязанностей и неустановленность субъекта, отстаивающего права пациента. Об отсутствии ответственности некоторые компании, например, КристоРус, говорят открыто, а именно то, что: «...не гарантирует оживление и успешное сохранение криопациента... не несет ответственности за криоконсервацию криопациента в местах, отличных от помещений, используемых компанией... снимает с себя всякую ответственность за задержку в исполнении или неисполнение обязательств, вызванных обстоятельствами непреодолимой силы...». Такое положение свидетельствует о мало изученности процесса криоконсервации и существенном риске при обращении в КристоРус. Однако,

<sup>1</sup> Эртель Л. А., Ефимкова К. С. Крионика: организационно-правовые и этические аспекты // Федеральный научно-практический журнал. 2019. № 2. С. 30–36.

<sup>2</sup> Михайлова А. Заморозь меня после смерти: правовые аспекты крионики. URL: <https://pravo.ru/story/220936/> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>3</sup> Istvan Z. We need better laws to protect the rights of future frozen cryonicists. URL: <https://qz.com/1555363/cryogenics-is-facing-legal-trouble-with-body-preservation> (дата обращения: 20.09.2023).

даже несмотря на такую изначально сложную ситуацию, каждый может решить спор в суде, руководствуясь нормами об ответственности за невыполнение обязательств. Тут появляется вторая вышеобозначенная проблема — отсутствие представителя крионируемого. Решить ее можно разными путями: представлять интересы лица может ближайший родственник, что в таком случае вынудит крионируемого довериться судьбе, т. к. у него может быть родственник весьма дальний и не стремящийся защищать его интересы; представителя может выбрать сам крионируемый и тогда обязанность представлять лицо будет профессиональным долгом контрагента; возможно из-за комотического состояния крионированного лица будет разумнее представлять его интересы с позиции, аналогичной доверительному управлению.

Таким образом, беря во внимание вышеизложенное, можно говорить о том, что права крионированных людей не гарантированы. Такая ситуация требует не только повышенного внимания со стороны юристов для эффективного осуществления профессиональной деятельности, но и принятия дополнительных обеспечительных мер законодателем. Например, можно выделить права криоконсервированных людей в отдельную категорию, поскольку они являются особыми субъектами, правосубъектность которых продолжается и после смерти. Всю совокупность прав умершего лица следует обозначить как «постмортемные», т. е. права остающиеся после смерти, и охраняемые государством. Вычленение подобной правовой категории позволит закрепить ее в ГК, сделав дополнительную гарантию соблюдения прав крионируемых.

**Тищенко А. Б.**

РГУП

Студент

### **Влияние на правосубъектность загрузки сознания**

**Аннотация.** В середине XX столетия многими учеными поднимался вопрос не только пересадки мозга, но и сам процесс перенесения сознания. Возможно ли перенести сознание одного человека в мозг другого, в том числе на компьютерном носителе. В статье приведен анализ возможных решений проблем, связанных с определением возникновения и прекращения правосубъектности такого «нового» человека, а также вопрос его ответственности.

**Ключевые слова:** загрузка сознания, правосубъектность, копирование данных мозга, клонирование, дееспособность.

Исследование мозга — одно из важных направлений развития современной науки. В середине XX в. стали появляться статьи о возможности перенести данные мозга из одного человека в другого. Первоначальным этапом такой операции является перенос данных на электронный носитель<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Станислав Лем. Диалоги. М. : АСТ, Транзиткнига, 2005. С. 66–69.



Копирование мозга или загрузка сознания на данный момент не производилась на человеке. Однако ведутся разработки технологий по осуществлению данных действий<sup>1</sup>. Под загрузкой сознания понимается перенос данных мозга одного человека в мозг другого или на технический носитель (в том числе в специально созданное механическое тело). При этом стоит отличать человека с новым сознанием от понятия «клон», так как последний представляет собой также самостоятельного субъекта, но с отличным сознанием.

Перейдем к вопросу правосубъектности в рамках гражданского права. Она включает в себя правоспособность и дееспособность. В соответствии со ст. 17 ГК РФ<sup>2</sup>, правоспособность принадлежит всем гражданам. Соответственно, человеку с иным сознанием такая правоспособность также принадлежит. По общему правилу правосубъектность возникает с момента рождения и прекращается моментом смерти.

Возникает вопрос, продолжает ли данное лицо существовать впоследствии как субъект или возникает новый? В соответствии с п. 2 ст. 17 ГК РФ правоспособность возникает у человека с момента его рождения. Однако рождения при переносе данных мозга не происходит. На данный вопрос логично ответить, что субъект продолжает существовать, так как сознание человека не является его мозгом<sup>3</sup>. Но на момент, пока будет происходить подключение сознания к электронному носителю, а этот процесс на первоначальных этапах будет занимать годы<sup>4</sup>, будет ли человек оставаться субъектом права? Логично применить по аналогии положения о правоспособности и дееспособности человека в коме. Правоспособность и дееспособность лица должно определяться уровнем сознания<sup>5</sup>.

Также возникает вопрос, что происходит с телом и мозгом «первоначального человека». После проведения операции остается тело одного человека, а также его мозг. На данный момент не понятно, что будет происходить с мозгом, после выгрузки данных с него на электронный носитель. Если будет зарегистрирована смерть мозга, то есть полное и необратимое прекращение всех его функций, то новый субъект права не возникает, а будет отмирание его отдельных органов, фактически как будто человек потерял руку или ногу — это не влияет на его правосубъектность. В таком случае нужно отделять мозг человека как сознание от мозга как орган. Однако что будет происходить, если мозг человека продолжит функционировать.

Будет ли считаться тело «первоначального» человека новым субъектом? Полагаю, что да, по аналогии с человеком, потерявшим память, так как человек, в любом случае, он является живым.

<sup>1</sup> В Samsung придумали способ копировать человеческий мозг. URL: <https://lenta.ru/brief/2021/09/29/ai/> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

<sup>3</sup> Baars Bernard J. In the Theater of Consciousness. New York, NY: Oxford University Press, 1997.

<sup>4</sup> Станислав Лем. Диалоги. М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. С. 66–69.

<sup>5</sup> Воронцова И. В., Долотина Р. Р., Сулейманова А. Ш. Материальные и процессуальные аспекты правового регулирования состояния дееспособности лица при оценке его сознания и элементов психики // Вестник гражданского процесса. 2022. № 6. С. 43–64.

В соответствии со ст. 29 ГК РФ, признать недееспособным можно только гражданина, который не понимает значение своими действиями или руководить ими вследствие психического расстройства. Однако стоит расширить применение данной статьи и на случаи, когда такая неспособность была спровоцирована не только психическим расстройством, как это предлагается в уголовном праве<sup>1</sup> или при решении о признании недееспособным человека в состоянии комы<sup>2</sup>.

Соответственно, после окончания операции и последующего восстановления человека, возможно признание его ограниченно дееспособным или недееспособным.

Еще одним важным вопросом является ответственность за действия такого гражданина в момент, когда он является недееспособным: возлагается она на его родственников или на медицинскую организацию? В случае, если гражданин находится в медицинской организации, то ответственность в любом случае за его действия будет нести она, в соответствии со ст. 1076 ГК РФ.

На данный законодатель существенно затрудняет развитие науки. Так, Федеральным законом от 20.05.2002 № 54-ФЗ<sup>3</sup> установлен запрет на клонирование человека до вступления в силу закона, которым клонирование человека будет урегулировано. То есть опыты на людях ставить запрещено. Клонирование также запрещено ООН, в части противоречащей человеческому достоинству и сохранению жизни человека<sup>4</sup>. Полагаем, что на данный момент в России с развитием технологий будет запрещено копирование данных мозга.

На основании изложенного сделаем вывод, что правосубъектность человека зависит в первую очередь от мозга. Соответственно, при копировании сознания правосубъектность сохраняется за таким мозгом, а не за телом конкретного человека.

**Усова Д. Е.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Проблемы гражданско-правовой ответственности за причинение вреда третьим лицам лицом, использующим интерфейс мозг-компьютер**

**Аннотация.** В силу активного развития современных технологий и отсутствия нормативного регулирования сферы их использования возникают проблемы в распределении ответственности между лицом, использующим такие техно-

---

<sup>1</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // Российская газета. 2011. № 84.

<sup>2</sup> Определение Московского городского суда от 20.12.2013 № 4г/7–12437/13 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» (с изм.) // Российская газета. 2002. № 90.

<sup>4</sup> Файзуллина А. И. Правовые аспекты клонирования в Российской Федерации. URL: <https://school-science.ru/5/9/35544> (дата обращения: 20.09.2023).

логии, производителем и продавцом при причинении вреда, опосредованного использованием нейроинтерфейса, третьим лицам.

**Ключевые слова:** цифровые технологии, нейротехнологии, интерфейс мозг-компьютер, нейропротез, нейронная сеть, гражданско-правовая ответственность, источник повышенной опасности.

Интерфейс мозг-компьютер (*далее — ИМК*) — это система, использующая информацию об активности мозга для управления внешними устройствами «без участия нервов и мышц»<sup>1</sup>. Принцип работы такого механизма заключается в создании связи между определенными участками мозга и внешними техническими устройствами, которые способны компенсировать или улучшить сенсорные или моторные функции человека<sup>2</sup>. Вся деятельность человека обусловлена созданием нейронных связей (синапсов), информация по которым передается с помощью химических реакций и электрического тока, который записывается датчиками и декодируется специальным образом. Полученная команда направляется в соответствующий компьютер, который ее выполняет. Примеры ИМК: нейропротезы, интерфейсы для бесконтактного управления компьютера, инвалидные коляски, управляемые с помощью ИМК, нейростимуляторы активности мозга (используемые, в частности, для лечения таких заболеваний, как болезнь Паркинсона или Альцгеймера).

Томас Оксли, разработчик и специалист по нейроинвазивным технологиям, в 2018 г. опубликовал исследование, в котором говорилось о создании интерфейса мозг-компьютер *Stentrode*, который позволит людям, страдающим тяжелыми моторными заболеваниями, пользоваться компьютером, общаться в социальных сетях, осуществлять покупки в интернет-магазинах с помощью мысли, то есть декодированных электрических сигналов мозга<sup>3</sup>. Уже в 2022 г. была проведена операция по имплантации такого ИМК человеку, страдающему от тяжелого паралича. В 2023 г. группа инженеров из Китая предложила свой ИМК — *SpiralE*, который устанавливается неинвазивным методом<sup>4</sup>. Автор считает, что широкое распространение нейроинтерфейса мозг-компьютер в скором времени станет неизбежным, в связи с чем необходимо рассмотреть проблемы гражданско-правовой ответственности при причинении вреда объектом, управляемым мозгом человека, третьим лицам.

ИМК становится во всех случаях функционально и в некоторых физически неотделимым от тела человека, следовательно, возникает проблема определения субъекта определенного действия: действие осуществляется лицом, направляющим

<sup>1</sup> Атанов М. С., Иваницкий Г. А., Иваницкий А. М. Когнитивный интерфейс мозг-компьютер и перспективы его практического использования // Физиология человека. 2016. № 3. С. 5–11.

<sup>2</sup> Левицкая О. С., Лебедев М. А. Интерфейс мозг — компьютер: будущее в настоящем // Вестник РГМУ. 2016. № 2. С. 4–16.

<sup>3</sup> A digital spinal cord that streams your thoughts // Ted Talks. URL: [https://www.ted.com/talks/thomas\\_oxley\\_a\\_digital\\_spinal\\_cord\\_that\\_streams\\_your\\_thoughts](https://www.ted.com/talks/thomas_oxley_a_digital_spinal_cord_that_streams_your_thoughts) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>4</sup> Zhouheng Wang et al. Conformal in-ear bioelectronics for visual and auditory brain-computer interfaces // Nature Communications. 2023. № 4213.

сигнал ИМК, или ИМК, который осуществляет действие во внешнем мире. Лицо может быть освобождено от ответственности в силу того, что во внешнем мире его действия выполняются ИМК, который не является частью тела человека, но в то же время возложение ответственности на сам интерфейс не представляется возможным в силу того, что такое устройство не может являться субъектом права. Таким образом, лицо, которому был причинен вред, возникший в силу использования ИМК, является полностью незащищенным с точки зрения гражданского права.

Существует несколько вариантов регулирования отношений при причинении вреда лицом, использующим ИМК, третьим лицам. Первый подход заключается в освобождении от ответственности такое лицо, причинившее вред. Данная позиция заключается в том, что само лицо, которое использует указанный интерфейс, самостоятельно не совершает действие, причиняющее вред. Например, лицо с помощью ИМК управляет инвалидной коляской, которая из-за ошибки в декодировании электрического сигнала толкает другое лицо, в результате чего его здоровью причиняется вред. В таком случае, лицо, управляющее ИМК, является непосредственной частью причинной связи, так как именно оно осуществляет управление, и без сигнала такого лица механизм бы не пришел в действие. В то же время лицо не давало сигнал на причинение вреда другому лицу, таким образом, отсутствует такой элемент гражданско-правовой ответственности как вина. Поэтому на лицо, использующее ИМК нельзя возложить ответственность, следовательно, ответственность должна быть возложена на производителя, действия которого не имеют причинно-следственной связи с причиненными убытками. Следовательно, ответственность не может быть возложена ни на одно лицо, а права потерпевшего не защищаются.

Более того, чтобы доказать отсутствие умысла лица, использующего ИМК, на противоправное поведение, необходимо вести учет всей активности головного мозга, что может являться нарушением права на человеческое достоинство и неприкосновенность частной жизни лица.

По мнению автора, подход об освобождении лица, использующего ИМК, приведет к запрещению таких технологий, так как внедрение новых технологий, создающих дополнительные риски, обоснованно только в случае, если существует лицо, принимающее на себя ответственность за возникшие риски<sup>1</sup>.

Другой вариант регулирования предполагает установление полной ответственности лица, использующего ИМК, за причиненный третьим лицам вред. Таким образом, вне зависимости от вне зависимости от источника причинения вреда, компенсация последнего будет осуществляться за счет лица, управляющего ИМК<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Gatt L, Caggiano IA, Gaeta MC, Mollo AA BCI devices and their legal compliance: A prototype tool for its evaluation and measurement // European Journal of Privacy Law & Technologies. 2022. № 1. С. 301–314.

<sup>2</sup> Bublitz C., Wolkenstein A., Jox R. J. & Friedrich O. Legal liabilities of BCI-users: Responsibility gaps at the intersection of mind and machine? // International Journal of Law and Psychiatry. 2019. № 65. С. 101–339.

Использование ИМК восстанавливает или улучшает определенные (сенсорные, моторные) функции человека, что возлагает на него соответствующие риски, так как устройство интерфейса не подлежит полному контролю со стороны человека<sup>1</sup>. В связи с этим автор предлагает следующую концепцию ответственности за вред, причиненный лицом, использующим ИМК. Признание ИМК источником повышенной опасности позволяет возложить ответственность на причинителя вреда при отсутствии вины, что является основным условием при использовании таких интерфейсов, так как указанный подход максимально защищает права пострадавших.

Кроме того, такая концепция позволит также защитить права лица, использующего ИМК. Так, положения статьи 1079 ГК РФ об основаниях освобождения или уменьшения ответственности, в частности форс-мажор и умысел потерпевшего применяются к данным отношениям.

Таким образом, по общему правилу ответственность возложена на лицо, использующее ИМК. В силу затруднительности определения причины возникновения противоправного поведения: нарушение работы устройства или желание (мысль) лица, использующего такое устройство, возложение ответственности на производителя или продавца, по мнению автора, затруднит защиту прав потерпевшего и может привести к злоупотреблениям со стороны причинителя вреда, поэтому ответственность на производителя или продавца ИМК по общему правилу не возлагается.

Тем не менее лицу, использующему ИМК, предоставляется право предъявления регрессного требования к производителю такого ИМК, если лицо сможет доказать наличие ошибки в устройстве, которое привело к причинению вреда третьему лицу. Также на лицо, использующее ИМК, возлагается ответственность за бездействие по предотвращению вреда, возникшего в результате деятельности ИМК. Например, лицо, использующее нейропротез руки, осознает, что возникла ошибка и нейропротез не до конца подчиняется его воле, и в то же время не отключает его. В таком случае при причинении вреда лицо будет нести ответственность по общему правилу, но право на предъявление регрессного требования к производителю утрачивается в силу недобросовестного использования устройства.

В целях защиты прав лиц, использующих ИМК, автор предлагает разработать специальную форму ознакомления с положениями об ответственности при приобретении ИМК. Таким образом, на продавца будет возложена обязанность по ознакомлению лица с соответствующими положениями. Подтверждение ознакомления будет фиксироваться в форме подписанного покупателем документа. В таком случае, если продавец не проинформировал покупателя, полная ответственность за причинение вреда третьим лицам возлагается на продавца. Также во избежание передачи ИМК по общему правилу ответственность за причиненный вред, в случае наличия подписанного документа, несет лицо, подписавшее документ, а не лицо, фактически использующее его.

---

<sup>1</sup> Согласно пункту 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

В заключение, использование нейротехнологий получает широкое распространение, тем не менее в законодательстве не установлено положений относительно использования таких устройств, что может привести к злоупотреблениям, правовым коллизиям и нарушению прав лиц, использующих ИМК, а также третьих лиц.

**Усова Н. Н.**  
НИУ ВШЭ  
Студент

### **Правосубъектность эмбрионов in vitro в Российской Федерации de lege lata и de lege ferenda**

**Аннотация.** В статье представлен анализ правового статуса эмбрионов in vitro. На основе подходов разных ученых исследуется природа такого свойства как правосубъектность, а также влияние на него современных технологий. Особое внимание уделяется вопросу о возможности признания правосубъектности за эмбрионами in vitro.

**Ключевые слова:** эмбрион in vitro, медицинские технологии правосубъектность, юридическая личность.

Гражданская правосубъектность, включающая в себя правоспособность и дееспособность гражданина, признается в качестве неотчуждаемого блага во всех существующих правовых системах. Еще до недавнего времени вопрос о правосубъектности эмбрионов человека не был столь актуальным, однако развитие биомедицинских технологий привело к возможности создания эмбрионов вне организма женщины и их дальнейшего хранения и использования в различных целях. Это породило необходимость выработки особого подхода к правосубъектности эмбрионов in vitro.

На сегодняшний день российское законодательство содержит лишь несколько статей, которые в незначительной степени регламентируют статус эмбрионов в целом, без учета особенностей, присущих эмбрионам in vitro. В соответствии со ст. 2 Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека», эмбрион — это зародыш человека на стадии развития до восьми недель<sup>1</sup>. А в соответствии со ст. 2 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» эмбрион наравне с яйцеклеткой и спермой относится к репродуктивным тканям человека<sup>2</sup>. Однако ни одна из статей не дает определенного ответа на вопрос о правовом статусе эмбриона.

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // СЗ РФ. 2002. № 21. С. 1917.

<sup>2</sup> Закон РФ от 22.12.1992 № 4180–1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Российская газета. 1993. № 4.

В разных странах данный вопрос решен по-разному. Так, в Италии человеческий эмбрион признается полноценным субъектом права, требующим обращения, достойного человека<sup>1</sup>. Законодательство штата Теннесси США предусматривает, что эмбрион не является объектом права собственности, а человеческая жизнь начинается с момента зачатия. В штате Калифорния США эмбрион рассматривается не в качестве субъекта или имущества, а в качестве *suī generis*, особой категории, не похожей на другие правовые явления.

Гражданский кодекс Российской Федерации определяет, что правоспособность граждан возникает в момент рождения, а дееспособность формируется постепенно, по мере достижения определенного возраста<sup>2</sup>. Исходя из этого, эмбрионы не обладают ни одним из элементов правосубъектности. Они не рассматриваются в полной мере ни как субъекты права, ни как субъекты правоотношений.

Возникает вопрос, эмбрионы не обладают правосубъектностью ввиду объективной невозможности рассматривать их в качестве самостоятельных субъектов права и участников правоотношений, или ввиду нежелания законодателя наделять их соответствующим статусом.

Д. Д. Гримм отмечал, что способность быть субъектом права и субъектом правоотношений определяется не сущностью лица, а законом или обычаем. Согласно этому подходу, в качестве юридической личности могут рассматриваться разные субъекты, перечень которых расширяется и сужается по воле законодателя. Ю. С. Гамбаров, напротив, полагал, что субъектам права присуща естественная возможность по участию в правоотношениях. Ни законы, ни обычаи не могут выступать в качестве источников юридической личности и наделять кого и что угодно ее качествами<sup>3</sup>.

На мой взгляд, стоит признать, что правосубъектность — это социально-правовое свойство, которое определяется нормами права, но при этом так или иначе связано с особенностями лица, позволяющими рассматривать его в качестве юридической личности. Задача законодателя заключается в том, чтобы наделять этим свойством именно тех, кто ввиду присущих ему особенностей, нуждается в полноценной правовой защите.

Что касается эмбрионов, то именно эмбрионы *in vitro* обладают такими особенностями, которые позволяют рассматривать их в качестве потенциальных субъектов права и участников общественных отношений. В отличие от эмбрионов *in vivo*, которые фактически являются неотделимой частью вынашивающей их женщины, эмбрионы *in vitro* существуют самостоятельно вплоть до момента их имплантации.

Эмбрионы *in vivo* трудно использовать в промышленных целях, подвергать медицинским манипуляциям. Причиняемый им вред практически всегда связан

<sup>1</sup> Белова Д. А. Правовая природа эмбриона *in vitro* // *Lex russica*. 2019. № 6 (151). С. 122–130.

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1 от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. С. 3301.

<sup>3</sup> Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. М. : Статут, 1997. Ч. I. С. 91–117.

с вредом для женщины, которая их вынашивает, и на этом основании безоговорочно подлежит возмещению. Рассмотрение их в качестве полноценных субъектов права затруднительно, поскольку их судьба напрямую связана с судьбой их матери, они лишены всякой самостоятельности. А признание за ними естественных прав, в некоторых случаях, вступает в противоречие с естественными правами женщины, в утробе которой они находятся.

Что же касается эмбрионов *in vitro*, то до момента имплантации их судьба не связана с судьбой их матери. Они могут подвергаться криоконсервации, переходить от одних лиц другим и, в отсутствие запретов, без особых затруднений быть предметом исследований и экспериментов. Кроме того, достижения в области биомедицинских технологий позволяют создавать эмбрионов *in vitro* практически в неограниченном количестве, что увеличивает риск использования их в целях, не соответствующих нормам морали и этики.

Законом предусмотрены определенные запреты в отношении осуществления деятельности с эмбрионами. Так, не допускается создание эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов, а также использование эмбриона человека в промышленных целях. Однако биомедицинские технологии продолжают активно развиваться, что создает риск осуществления с эмбрионами *in vitro* деятельности, которая ввиду своей новизны может быть прямо не запрещена законом, но при этом не соответствовать этическим нормам.

Установления ограничений и запретов в отношении деятельности с эмбрионами *in vitro* недостаточно. Ввиду особенностей их создания и последующего хранения такие эмбрионы могут получить полноценную правовую защиту только в случае признания за ними правосубъектности в ограниченном объеме.

Оптимальным видится не признание правоспособности за всеми людьми с момента зачатия, а признание частичной правоспособности за эмбрионами *in vitro*. Именно данный вид эмбрионов стоит наделять только такими правами, которые необходимы им для полноценного и безопасного существования в качестве зародыша человека. Это позволит исключить негуманные и неэтичные действия по отношению к ним даже в отсутствие прямого законодательного запрета на их совершение.

Безусловно, невозможно говорить о самостоятельном осуществлении эмбрионами *in vitro* принадлежащих им прав и об их участии в правоотношениях. Однако от имени эмбрионов осуществлять права и обеспечивать их защиту могут биологические родители, в том объеме, в котором это необходимо.

Таким образом, в условиях активного развития медицинских технологий перед законодателем стоит важная задача — однозначно определить правовой статус эмбрионов *in vitro* и наделять их необходимым объемом прав. При этом стоит обеспечить баланс между правами эмбрионов и правами их биологических родителей.



### Проблемы наделения искусственного интеллекта гражданской правосубъектностью

**Аннотация.** В представленной статье исследуются проблемы, которые возникают при наделении искусственного интеллекта (ИИ) гражданской правосубъектностью. Автор статьи рассматривает вопросы, связанные с правовым режимом ИИ. Результаты исследования позволяют взвесить плюсы и минусы наделения искусственного интеллекта гражданской правосубъектностью и предлагают рекомендации по совершенствованию действий законодательства, обеспечивающие достижение баланса между развитием ИИ и охраной интересов субъектов гражданского права.

**Ключевые слова:** гражданская правосубъектность, искусственный интеллект, сквозные технологии, субъект права, объект права

Сквозные технологии, такие как искусственный интеллект, биометрия и прочее, всё больше внедряются в нашу жизнь. Эти технологии с течением времени проникли во многие сферы нашей жизни — право, медицина, финансы. В наше время искусственный интеллект доступен практически каждому, у кого есть Интернет. Он способен давать ответы на заданные вопросы, придумывать рассказы, составлять речи, бизнес-планы и многое другое. Данные технологии представляют собой мощный инновационный инструмент. Однако вместе с развитием этих инструментов появляются и новые, в частности, правовые проблемы. Некоторые из них основываются на одном и том же вопросе — можно ли наделить искусственный интеллект гражданской правосубъектностью. Ответ на этот вопрос позволит осветить множество вопросов, из него вытекающих, например, кто является правообладателем результатов интеллектуальной деятельности, созданных в результате работы ИИ; кто является субъектом деликтной ответственности при причинении вреда объектом, управляемым ИИ; определять ИИ как субъект или объект права; как регулировать его деятельность, и многое другое.

Первая проблема, которая возникает на пути поиска ответа на поставленный вопрос, это дефиниция искусственного интеллекта, а также его признаки. Ответ на этот вопрос послужит отправной точкой в наделении ИИ гражданской правосубъектностью, или же наоборот, станет конечным пунктом в изучении данного вопроса, а искусственному интеллекту так и не присвоят статус субъекта. Ряд ученых-правоведов и законодателей попытались дать ИИ характеристики, и, изучив доктрину, можно выделить наиболее общие признаки, которыми наделен ИИ. В статье автор будет рассматривать именно юридически значимые черты, так как главный интерес представляет правовая сторона проблемы.

Первый многозначительный признак — это наличие у ИИ воли<sup>1</sup>, которая формируется на основании приобретаемого опыта. Воля является неотъемлемой частью правосубъектности по ряду причин.

Во-первых, в соответствии с законом, гражданская правосубъектность включает в себя два элемента: правоспособность и дееспособность. Дееспособность, в свою очередь, подразумевает, что лицо способно своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их<sup>2</sup>. Из этого следует, что, обладая правосубъектностью, лицо имеет волю. Воля является неотъемлемым базисом для осуществления гражданских прав и свобод, так как лицо способно реализовывать их лишь путем проявления своей воли. Ее наличие является основой для заключения правовых сделок и соглашений.

Также лицо несет ответственность за те действия, которые оно совершает на основе собственной воли, так как без возможности свободного выбора и самостоятельного принятия решений оно не может нести юридическую ответственность.

Однако воля должна быть персонифицированной, она должна вырабатываться не на основе заложенных алгоритмов, а базироваться на собственных эмоциях, чувствах, желаниях, истинная природа которых способна показывать себя лишь при наличии у субъекта сознания, психики. Как показывают исследования, ИИ не обладает сознанием, по крайней мере таким, которым наделен по своей природе человек<sup>3</sup>.

Второй признак вытекает из вышесказанного и звучит следующим образом: отсутствие у ИИ сознания и самосознания, даже несмотря на то, что некоторые ученые признают, что у искусственного интеллекта, как было сказано выше, есть воля. Искусственный интеллект всё равно выступает лишь комплексом технологических решений, позволяющим имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека<sup>4</sup>. Иными словами, это программа, обрабатывающая информацию и выполняющая задачи в соответствии с заложенными в нее алгоритмами.

---

<sup>1</sup> Ладенков Н. Е. Модели наделяния искусственного интеллекта правосубъектностью // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2021. С. 15.

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Аблеев С. Р. Моделирование сознания и искусственный интеллект: пределы возможностей // Вестник экономической безопасности. 2015. № 3. С. 61.

<sup>4</sup> Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О персональных данных» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

Третьим признаком является способность ИИ совершать действия, которые могут иметь юридическое значение. В качестве помощника юристы могут использовать ИИ, так как он способен предоставлять аналитическую поддержку, рекомендации на основе обработки данных и алгоритмов, предоставлять прогнозы по исходам юридических дел или помогать в определении стратегий ведения юридических процессов, а соответственно, и самостоятельно оказывать юридическую помощь, самостоятельно принимать те или иные решения. Например, в гражданском судопроизводстве Бразилии есть практика использования ИИ в вынесении решений по накопившимся в суде жалобам<sup>1</sup>.

Четвертый признак напрямую связан с деликтоспособностью ИИ: в соответствии с имеющейся нормативно-правовой базой, ИИ не может нести ответственность за причиненный им вред. В Резолюции Европарламента<sup>2</sup> от 16.02.2017, в которой приводились рекомендации для Европейской комиссии касательно норм гражданского права о робототехнике, говорилось, что ответственность должно нести то лицо, которое было способно минимизировать риски и последствия, но не сделало этого. Минусом данной позиции является ее нейтральность, слишком абстрактный и неконкретизированный характер, так как круг лиц, которые участвуют в деятельности искусственного интеллекта, чересчур широк.

Условно, вред уже причинен. Кто понесет за это ответственность? На этот вопрос существует несколько вариантов ответа: лицо, которое занималось программной разработкой ИИ; лицо, которое его фактически использовало в качестве инструмента; сама система или иные третьи лица. По мнению автора, исход один — на данный момент искусственный интеллект неспособен нести юридическую, в том числе гражданскую, ответственность, так как целью гражданской ответственности является восстановление нарушенных прав. К ней привлекаются как физические, так и юридические лица, а также публично-правовые образования, которые, в отличие от искусственного интеллекта, способны возместить убытки с помощью своих финансов, предоставить имущество в качестве отступного и пр.

Поскольку носители искусственного интеллекта способны нанести вред человеку, а предотвратить это сложно, так как ИИ всё время трансформируется и не всегда является предсказуемым, хотя его и можно ограничить в каких-либо действиях, приведенный признак является фактором, препятствующим наделению ИИ гражданской правосубъектностью.

Итак, какие-то признаки ИИ склоняют ученых-правоведов на сторону «За» в вопросе наделения искусственного интеллекта гражданской правосубъектностью, а какие-то наоборот, вызывают огромные сомнения. По мнению автора, наиболее разумным решением может послужить создание отдельного института в граж-

---

<sup>1</sup> Купчина Е. В. Применение технологии искусственного интеллекта в системе гражданского судопроизводства США // Legal Concept. 2021. № 4.

<sup>2</sup> Нормы гражданского права о робототехнике и Хартия робототехники № 16.02.2017 // СПС «КонсультантПлюс».

данском законодательстве, целиком и полностью посвященного регулированию действий искусственного интеллекта, так как куда безопаснее будет создать новую, обособленную, но при этом связанную с основной системой, нежели внедрять новые положения и перекраивать уже устоявшееся устройство субъектов права, по крайней мере до тех пор, пока искусственный интеллект подконтролен человеку и развивается благодаря человеческому воздействию на него.

## XVII. ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

**Афанасьева В. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Интеллектуальная собственность, создаваемая в рамках хранения, исследования и использования биологических коллекций**

**Аннотация.** В России биобанкинг довольно новое явление. Биобанки стали создаваться относительно недавно, но уже сейчас появляется всё больше вопросов об определении их правового режима и правового режима коллекций биологических образцов. В том числе вопросы о правовом регулировании объектов интеллектуальных прав, создаваемых в рамках хранения, исследования и использования таких коллекций.

**Ключевые слова:** биологические коллекции, биобанкирование, биобанки, интеллектуальная собственность, селекционные достижения, ноу-хау (секрет производства), базы данных, программы для ЭВМ.

Трудно переоценить или недооценить значение биологических коллекций для науки. История создания биологических коллекций уходит корнями еще в XVIII в., когда только начала применяться фиксация биологических материалов. В зарубежной практике биобанкинг развивается уже более тридцати лет, в то время как в России биобанки стали создаваться относительно недавно. Их развитие происходит при отсутствии законодательной базы и единых стандартов проведения процедур сбора, обработки и хранения биологических образцов.

Легальное закрепление понятий «биобанк» и «биобанкинг» отсутствует в российском законодательстве. Ранее под «биобанком» понимали большие коллекции биологических образцов, собираемых для исследовательских целей. Сейчас биобанк определяется как «структура, создаваемая с целью долгосрочного ответственного хранения биологических образцов и ассоциированных с ними данных для их дальнейшего использования в научных и клинических исследованиях»<sup>1</sup>

Закрепление понятия «биологическая коллекция» также отсутствует в российском законодательстве. Доктрина определяет биологическую коллекцию как «научную коллекцию, которая образована совокупностью (фондом) зоологических, ботанических, микробиологических, генетических, иных биологических объектов и может быть использована в научной, научно-технической, инновационной, научно-

---

<sup>1</sup> Долудин Ю. В., Борисова А. Л., Покровская М. С., Стефанюк О. В., Сивакова О. В., Боцова С. А., Мешков А. Н., Метельская В. А., Драпкина О. М. Современные передовые практики и рекомендации по биобанкированию. Клиническая лабораторная диагностика. 2019. 64 (12). С. 769–776.

просветительской или образовательной деятельности, в том числе с целью сохранения биологического разнообразия и использования биологических ресурсов»<sup>1</sup>.

В рамках хранения, исследования и использования биологических коллекций могут создаваться объекты интеллектуальных прав (интеллектуальная собственность). Правовое регулирование таких объектов регулируется частью четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации.

В числе основных объектов можно выделить *селекционные достижения*. Это результаты творческой деятельности в области создания биологически новых объектов с определенными свойствами<sup>2</sup>. Например, селекционными достижениями могут являться сорта растений и породы животных, зарегистрированные в Государственном реестре охраняемых селекционных достижений<sup>3</sup>. Автором селекционного достижения признается селекционер — гражданин, творческим трудом которого создано, выведено или выявлено селекционное достижение. Ему принадлежат исключительное право на селекционное достижение и право авторства.

Однако на территории Российской Федерации признается исключительное право на селекционное достижение, только удостоверенное патентом<sup>4</sup>, который выдается уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. Заполняется заявка на получение патента по установленной форме<sup>5</sup>.

Использоваться селекционное достижение может в форме продажи и иных способов введения в гражданский оборот. Распоряжение исключительным правом на селекционное достижение возможно несколькими способами: заключением договора об отчуждении исключительного права на селекционное достижение, заключением лицензионного договора о предоставлении права использования селекционного достижения, в том числе открытого лицензионного договора (открытой лицензии), предоставляющей любому лицу права использования селекционного достижения.

Селекционное достижение может быть создано, выведено или выявлено в рамках выполнения трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя и тогда будет признано служебным селекционным достижением.

Право авторства на служебное селекционное достижение принадлежит работнику (автору), а исключительное *право на служебное селекционное достижение*

---

<sup>1</sup> Казанцев М. Ф. Правовое регулирование в сфере биологических коллекций: система, состояние, развитие // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук 2018. Т. 18. Вып. 1. С. 94–143.

<sup>2</sup> Селекционное достижение // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Селекционное\\_достижение](https://ru.wikipedia.org/wiki/Селекционное_достижение) (дата обращения: 27.09.2023).

<sup>3</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29 июня 2023 г.) // Парламентская газета. № 214–215. 21.12.2006. Ст. 1412.

<sup>4</sup> См. там же. Ст. 1415.

<sup>5</sup> Приказ Минсельхоза России от 29.10.2021 № 734 // Электронно-правовая система «КонсультантПлюс».

и **право на получение патента** — работодателю, если трудовым или гражданско-правовым договором не предусмотрено иное.

Еще одним объектом интеллектуальных прав, создаваемым в рамках хранения, исследования и использования коллекций, может быть **ноу-хау (секрет производства)**. Секретом производства (ноу-хау) признаются сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и др.) о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере и о способах осуществления профессиональной деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность вследствие неизвестности их третьим лицам (статья 1465 ГК РФ).

Создание ноу-хау возможно при проведении клинических (лабораторных) исследований. Обладателю секрета производства принадлежит исключительное право на него, однако стоит отметить, что лицо, которое добросовестно стало обладателем знаний, содержащих секрет производства, приобретает самостоятельное исключительное право на данный объект.

Исключительное право на секрет производства действует до тех пор, пока сохраняется конфиденциальность сведений, содержащих данный объект<sup>1</sup>. До тех пор пока правообладатель не сочтет целесообразным раскрыть секрет производства.

В целях защиты ноу-хау (секрета производства) в организациях обязательно должен быть введен режим коммерческой тайны, регулирующийся Федеральным законом от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О коммерческой тайне». В организации обязательно должна быть оформлена следующая документация:

- положение о коммерческой тайне;
- приказ о введении в организации режима коммерческой тайны;
- перечень или журнал учета лиц, имеющих доступ к конфиденциальной информации.

Взаимодействие держателей биологических коллекций с компаниями, желающими получить права на разработки (ноу-хау), происходит с помощью заключения двух видов договоров: договора отчуждения исключительного права на секрет производства или лицензионного договора о предоставлении права использования секрета производства.

В рамках хранения, исследования и использования биологических коллекций создаются такие объекты интеллектуальных прав как **базы данных и программы для ЭВМ**.

Под базой данных, как объектом интеллектуальной собственности, определяют объективную форму представления и организации совокупности данных, систематизированных таким образом, чтобы эти данные могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ. Программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования

<sup>1</sup> Кархалев Д. Н., Качур Н. Ф. Секрет производства в гражданском обороте // Хозяйство и право. 2022. № 1. С. 119–128.

ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата (статья 1261 ГК РФ).

Базы данных и программы для ЭВМ не требуют обязательной регистрации, поскольку являются объектами авторского и смежных (в отношении баз данных) прав, правовая охрана которых начинается осуществляться с момента создания таких объектов. Базы данных и программы для ЭВМ могут быть зарегистрированы по желанию автора (правообладателя)<sup>1</sup>.

Переход исключительного права на зарегистрированную программу для ЭВМ или базу данных к другому лицу по договору или без договора подлежит государственной регистрации в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности.

Таким образом, при хранении, исследовании и использовании биологических коллекций, могут создаваться различные объекты интеллектуальных прав. В зависимости от вида созданного объекта будет определяться его правовое регулирование: подлежит ли объект регистрации, какие права есть у авторов (правообладателей) на данный объект и каким образом возможно распорядиться исключительным правом на созданный объект.

**Бараева Д. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Искусственный интеллект в праве интеллектуальной собственности**

**Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы правовой природы и регулирования искусственного интеллекта, охраноспособности результатов его деятельности, а также субъектов прав на результаты, созданные искусственным интеллектом.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, ИИ, право интеллектуальной собственности, охрана результатов интеллектуальной деятельности, распределение прав на произведения.

Технологии искусственного интеллекта развиваются очень быстрыми темпами. Победа работы, созданной технологиями искусственного интеллекта на конкурсе фотографии Sony World Photography Awards 2023<sup>2</sup>, написание и защита дипломной

---

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29 июня 2023 г.) // Парламентская газета. № 214–215. 21.12.2006.

<sup>2</sup> Работа искусственного интеллекта выиграла престижную премию в области фотографии // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/04/18/rabota-iskusstvennogo-intellekta-vyigrala-prestizhnuu-premiu-v-oblasti-fotografii.html> (дата обращения: 29.04.2023).



работы, созданной с помощью чат-бота ChatGPT с искусственным интеллектом<sup>1</sup> и другие события недавнего времени, которые ранее способен был сделать лишь человек, указывают на то, что существенные преобразования жизни общества неизбежны. Правовая система не является исключением. По мере того, как системы ИИ становятся всё более совершенными и распространенными, возникает множество юридических вопросов. Какой правовой режим у подобных объектов? Кто будет нести ответственность за действия искусственного интеллекта? Каков круг субъектов, которым могут принадлежать исключительные права на объекты, созданные ИИ? Со стремительным развитием технологий ИИ законодательству необходимо идти в ногу со временем и разрабатывать новые рамки для решения возникающих проблем.

Для того чтобы предпринимать попытки по решению вопросов, вызванных искусственным интеллектом, необходимо определить, что он из себя представляет. В настоящее время отсутствует общепринятое определение искусственного интеллекта. Тот факт, что ИИ — это многогранное и сложное явление, а сфера применения данных технологий обширна, делает понятие ИИ еще более размытым. Л. С. Болотова рассматривает искусственный интеллект как систему, которая может имитировать интеллект человека, а именно — получать, обрабатывать, хранить информацию, а также выполнять над такими данными различные действия<sup>2</sup>. Элейн Рич и Кевин Кнайт рассматривают искусственный интеллект в качестве науки о том, как «научить компьютеры делать то, в чем люди в настоящее время их превосходят»<sup>3</sup>. По мнению автора, искусственный интеллект — это развивающаяся технология, которая способна обрабатывать и передавать информацию, автономно работать и самообучаться на основании полученных данных, созданная с целью воспроизведения навыков, присущих человеку. Многообразие позиций и взглядов лишь подчеркивает необходимость в определении понятия ИИ — только комплексное представление о данном явлении поможет решить возникающие вопросы.

Имеются сложности и в правовом регулировании искусственного интеллекта. Значимость и потребность в данном явлении непрерывно растет, поэтому необходимо иметь правовую базу, соответствующую особенностям и тенденциям развития не только на национальном, но и на международном уровне. В настоящий момент специализированный акт, регулирующий общественные отношения, связанные с искусственным интеллектом, отсутствует. Тем не менее существуют документы как в России, так и за рубежом, затрагивающие данные отношения и позволяющие регулировать деятельность, связанную с искусственным интеллектом, которые, безусловно, оказывают влияние на формирование права, но не регулируют данные отношения всеобъемлюще. Создание единого, универсального документа, содержащего в себе общие положения о регулировании искусственного интеллекта, еще предстоит.

<sup>1</sup> Московский студент написал диплом с помощью нейросети // Москва 24. URL: <https://www.m24.ru/news/obrazovanie/01022023/546627> (дата обращения: 29.04.2023).

<sup>2</sup> Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии основанные на знаниях : учебник. М., 2012. С. 31.

<sup>3</sup> Рич Э., Найт К. Искусственный интеллект. 2-е изд. Нью-Йорк : МакГроу-Хилл, 1991.

В праве интеллектуальной собственности также имеется множество вопросов, вызванных ИИ, ответы на которые необходимо найти. Один из них — охраноспособность результатов, созданных ИИ. С одной стороны — авторские, исключительные и смежные права разработчиков искусственного интеллекта на программное обеспечение, алгоритмы и т. д. С другой — права на результаты, созданные искусственным интеллектом. Говоря об охране первых прав следует отметить, что они охраняются авторским и патентным правом. Изобретения, полезные модели и промышленные образцы можно запатентовать. Программы для ЭВМ, базы данных охраняются авторским правом. Данные элементы ИИ могут быть депонированы в Роспатенте. Вопрос охраны прав на результаты, созданные искусственным интеллектом является спорным, поскольку неочевидна сущность такого произведения. Существует несколько подходов к определению правовой охраны таких результатов.

— Согласно первому подходу данные объекты необходимо охранять как авторские произведения. Однако в Гражданском кодексе РФ закреплено, что автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат<sup>1</sup>. То есть ключевым критерием авторства является «творчество». Исследователи отмечают, что творчество является сознательной и созидательной деятельностью, на которую способен только человек<sup>2</sup>. Верховный Суд РФ в своем постановлении указал, что отсутствие творческого вклада человека при использовании технических средств (в том числе систем ИИ) предопределяет отсутствие у деятельности и у итогового произведения творческого характера<sup>3</sup>. Таким образом, в настоящее время по российскому законодательству «творчество» присуще лишь человеку, поэтому говорить о результатах деятельности искусственного интеллекта, как о творчестве и, соответственно, о признании ее авторско-правовой охраны в настоящий момент является затруднительным.

— Второй подход предусматривает, что «творчество» искусственного интеллекта относится к объектам смежных прав. В отличие от авторских прав, значительная часть объектов смежных прав имеет техническую, а не творческую природу. И чаще всего такие объекты охраняются с целью защиты интересов лиц, внесших финансовый, технический или организационный вклад в их создание<sup>4</sup>. Данный подход теоретически возможен в реализации путем дополнения статьи 1304 Гражданского кодекса РФ новым объектом смежных прав и определения круга субъектов.

---

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. № 289. Ст. 1228, 1347.

<sup>2</sup> Иоффе О. С. Основы авторского права. Авторское, изобретательское право, право на открытие : учеб. пособие. М. : Знание, 1969. С. 46.

<sup>3</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 23.04.2019 № 10 // Российская газета. 2019. № 96.

<sup>4</sup> Гринь Е. С., Королева А. Г. Правовая природа объектов, создаваемых с помощью технологий искусственного интеллекта // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 5. С. 15–19.

— Еще один подход закрепляет, что результаты деятельности искусственного интеллекта вовсе не нуждаются в правовой охране. Однако данный подход получил наименьшее распространение, поскольку в таком случае у создателей и пользователей искусственного интеллекта не будет стимула для дальнейшей разработки и развития данных технологий.

Распределение интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности также является одной из самых дискуссионных проблем искусственного интеллекта. Рассматриваются различные концепции формирования круга субъектов.

1) Разработчик искусственного интеллекта будет обладать правами на объекты, созданные программой. С одной стороны, данный подход имеет преимущества, поскольку творческий вклад создателя в разработку искусственного интеллекта очевиден, а также именно разработчик контролирует функционирование ИИ. Но с другой стороны, именно пользователь оказывает влияние на конечный результат.

2) Правообладателем произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта, будет пользователь, благодаря которому эти произведения смогли реализоваться. Этот подход также является спорным, т. к. в разных программах пользователь играет разные роли — где-то для достижения результата необходимы минимальные действия, а где-то необходимо редактировать алгоритм и прилагать существенные усилия. Данный подход имеет смысл рассматривать для того, чтобы наделить пользователя правом использования полученных результатов, поскольку существенного вклада в технологию ИИ он не вносит.

3) Правообладателем результатов деятельности будет сам искусственный интеллект. Однако в настоящее время искусственный интеллект не обладает правосубъектностью. Кроме того, деятельность искусственного интеллекта не будет признана «творческой», признание авторства за искусственным интеллектом не представляется возможным. Для реализации данного подхода необходимо соответствующее правовое регулирование, которое позволяет отнести искусственный интеллект к субъекту права. Следовательно, нельзя признать искусственный интеллект на базе компьютерного аппарата полноценным автором произведения в условиях существующего российского законодательства.

Существуют и другие подходы. Например, признание результатов деятельности искусственного интеллекта общественным достоянием, соавторство ИИ и человека и т. д. Однако они получили меньшее распространение, поскольку упомянутые подходы не охватывают всех особенностей использования ИИ. У каждого из подходов есть как свои преимущества, так и недостатки, в связи с этим ни один из них в полной мере не решает проблему.

В результате можно сделать вывод о том, что имеется множество нерешенных вопросов. Отсутствие комплексного правового регулирования искусственного интеллекта, отсутствие определенности в правовой природе ИИ, необходимость в защите информации, обрабатываемой ИИ, охрана результатов интеллектуальной деятельности ИИ, распределение прав на произведения, созданные ИИ и другие проблемы еще предстоит решить. В этой связи данная тема продолжает актив-

но исследоваться учеными. Правовые вопросы искусственного интеллекта также остаются одним из важнейших направлений развития не только российского, но и мирового законодательства.

**Барсукова З. О.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Проблемы параллельного импорта в России**

**Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы действия параллельного импорта на территории Российской Федерации в условиях введенных санкций, вопросы правового регулирования исчерпания исключительных прав, обозначаются возможные способы решения упомянутых проблем.

**Ключевые слова:** параллельный импорт, правообладатель, принципы исчерпания прав, контрафактная продукция.

Легализация параллельного импорта в России в 2022 г. не только поспособствовала широким дискуссиям в сфере права интеллектуальной собственности, но и породила определенные сложности в реализации такого механизма.

Автор определяет параллельный импорт как ввоз на территорию государства товара иностранного производства под законно маркированным товарным знаком без разрешения правообладателя РИД или СИ<sup>1</sup>.

Параллельный импорт тесно связан с концепцией исчерпания исключительных прав. По мнению Э. П. Гаврилова, принцип исчерпания исключительного права состоит в том, что при введении товара в гражданский оборот, исключительное право на объект, выраженный в этом товаре, считается реализованным, «исчерпанным», то есть прекращается<sup>2</sup>. Вопрос запрета или легализации параллельного импорта, а также вопрос нарушения экспортером исключительных прав зависят от установленного в законодательстве государства режима исчерпания прав на результаты интеллектуальной деятельности. Так, в доктрине выделяют следующие концепции исчерпания исключительных прав: национальный, региональный и международный.

Согласно национальному принципу исключительное право считается исчерпанным при введении товара в гражданский оборот внутри страны. При этом параллельный импорт остается под запретом, так как ввоз и вывоз товара на территорию иностранных государств может осуществляться только с согласия правообладателя. При закреплении регионального принципа предусматривается исчерпание исклю-

<sup>1</sup> Мотылькова А. В. Проблемы и перспективы параллельного импорта в России и за ее пределами. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-parallelnogo-importa-v-rossii-i-za-ee-predelami> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Гаврилов Э. П. Принцип исчерпания исключительного права и его толкование в постановлении Конституционного суда // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2018.

чительного права в рамках таможенной территории нескольких государств. Применение международного режима означает исчерпание права правообладателя в отношении дальнейшего контроля перемещения товара на товарных рынках при первом же его введении в гражданский оборот на территории любого государства. В свою очередь, именно этот принцип легализует параллельный импорт.

Статья 6 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15.04.1994 (ТРИПС)<sup>1</sup> устанавливает право стран-участников пользоваться свободой признания той или иной концепции исчерпания исключительного права.

Национальный режим в России закреплён, например, в отношении товарных знаков в ст. 1487 ГК РФ, в отношении объектов патентного права — в ст. 1359 ГК РФ. Вместе с тем действует Соглашение от 09.12.2010 «О единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности»<sup>2</sup> стран — участниц Таможенного союза, которое устанавливает региональный режим исчерпания прав. К тому же, 22 марта 2022 г. было принято постановление Правительства № 506<sup>3</sup>, уполномочивающее Министерство промышленности и торговли РФ утвердить перечень товаров, в отношении которых не применяются положения п. 6 ст. 1359 и статьи 1487 ГК РФ при условии введения указанных товаров в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями, а также с их согласия. В данном случае вводится международный режим исчерпания прав в отношении некоторых групп товаров. Следовательно, в настоящий момент действуют параллельно три принципа, что может вызвать неоднозначное понимание режима исчерпания права и возможные правовые коллизии.

Необходимо отметить, что в Конституционный суд в постановлении КС РФ № 8-П<sup>4</sup> приходит к выводу «о применении национального принципа во взаимодействии с региональным». Впрочем, такое утверждение, по мнению автора, не вполне обоснованно с учетом отсутствия в названном судебном акте разъяснений о том,

---

<sup>1</sup> Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15.04.1994 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902340087> (дата обращения: 19.09.2023).

<sup>2</sup> Соглашение от 09.12.2010 «О единых принципах регулирования в сфере охраны и защиты прав интеллектуальной собственности» // Законы, кодексы и нормативные правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/o-edinykh-printsipakh-regulirovaniya-v-sfere-okhrany/> (дата обращения: 19.09.2023).

<sup>3</sup> Постановление Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // СПС «КонсультантПлюс».

каким образом данные режимы исчерпания прав могут применяться параллельно. Национальный принцип предполагает исчерпания прав только на территории РФ, а не на территории всех стран — участников ЕАЭС. Именно поэтому закрепленный национальный режим в ГК идет вразрез с Положениями Договора о ЕАЭС, закрепляющие региональный принцип исчерпания прав на товарный знак.

В связи с политической ситуацией в стране и введенными санкциями против России предлагается закрепить в Гражданском кодексе РФ основным региональный принцип исчерпания прав, а также предусмотреть в виде исключения возможность Минпромторга определять перечень товаров, по отношению к которым применение параллельного импорта не будет нарушением исключительных прав иностранных правообладателей. Необходимо привести гражданское законодательство в соответствии с Договором Таможенного Союза, так как согласно статье 15 Конституции РФ, «если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»<sup>1</sup>. Так, участники Таможенного союза — Казахстан и Беларусь, закрепили региональный принцип исчерпания прав.

Первой проблемой, связанной с параллельным импортом, является рост контрафактной продукции. Легализация параллельного импорта осложнила ситуацию с выявлением на таможне контрафактного товара. Пункт 1 статьи 1515 ГК РФ определяет в качестве контрафактных «товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение»<sup>2</sup>. Ранее контрафактные товары выявляли с помощью ТРОИС — электронного реестра объектов интеллектуальной собственности ФТС. При условии обнаружения «подозрительных товаров» таможенная служба информировала производителя о необходимости регистрации товара в ТРОИС. В случае отказа в будущем такой товар не проверялся. Однако если товар был маркирован и внесен в ТРОИС, то импортер был обязан предъявить разрешение правообладателя на его ввоз. На данный момент оно не требуется, соответственно, таможенная служба не должна уведомлять правообладателя о ввозе контрафактного товара в Россию<sup>3</sup>. По итогу правообладатели не узнают о произошедшем и не защитят свои права.

Несмотря на это, руководитель ФТС Владимир Булавин утверждает, «что кроме ТРОИС, у таможенных органов есть и другие способы его (*контрафактного товара — прим. автора*) выявления, в том числе система управления рисками. Для этого будут использоваться автоматические выборки из реестра участников ВЭД компаний с разным статусом. Система управления рисками включает множество признаков для определения контрафактных товаров, что используется для дополнительного

<sup>1</sup> Статья 15 Конституции РФ // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Пункт 1 статьи 1515 ГК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Отчет о научно-исследовательской работе «Влияние ограничения параллельного импорта на товарные рынки Российской Федерации». URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dobd/intelsobs/Documents/Итоговый%20Отчет%20ФОНДА%20ЦСР.pdf> (дата обращения: 19.09.2023).

контроля. По-прежнему действует досмотр, есть возможность отправить образцы подозрительной продукции на экспертизу»<sup>1</sup>.

Следующая проблема параллельного импорта заключается в запрете правообладателей и их дистрибьюторов на продажу их товаров в Россию. Несмотря на частичную легализацию параллельного импорта в России иностранные производители товаров все равно не позволяют посредникам перепродавать товары в Россию, а также намеренно вводят ограничительные меры по отношению к российским пользователям. Так, BMW и Audi вслед за Mercedes-Benz отключили российских дилеров от программного обеспечения. Теперь владельцам машин недоступна история техобслуживания и обновление элементов машины<sup>2</sup>. Тем самым правообладатели всячески препятствуют и ввозу продукции через параллельный импорт, и их использованию в России, поскольку считают, что их интеллектуальные права нарушаются путем ввоза товаров без их согласия. Автор предполагает, что проблему с отключением российских дилеров от программного обеспечения можно решить путем прямого обращения к производителю таких программ, в частности к компаниям в Китае, у которых есть доступ к базам данных и Mercedes-Benz, и BMW, и других автопроизводителей.

Итак, резюмируя проведенный анализ, сто́ит отметить проблемы законодательного регулирования параллельного импорта. Одновременно действуют национальный, региональный, международный принципы исчерпания прав, отсутствует приведение законодательства в соответствии с международным договором. Также выделяются следующие проблемы действия параллельного импорта в России: 1) сложности с выявлением таможенными органами контрафактной продукции; 2) введенные ограничения некоторыми иностранными производителями в отношении пользования их товарами.

**Булгакова Е. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

## **Проблема защиты кулинарных рецептов как объектов авторского права**

**Аннотация.** В статье предлагаются варианты по определению места кулинарного рецепта в системе объектов авторских прав. Автором выделены основные признаки и особенности кулинарного рецепта. Также сделан вывод, что само

<sup>1</sup> Параллельный импорт и контрафакт: как доказать подлинность товара // Параллельный импорт и контрафакт: как доказать подлинность товара?. Retail.ru. URL: <https://www.retail.ru/articles/parallelnyy-import-i-kontrafakt-kak-dokazat-podlinnost-tovara/> (дата обращения: 19.09.2023).

<sup>2</sup> BMW и Audi отключили российских дилеров от программного обеспечения // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/21/08/2023/64e285489a7947d271d12af1> (дата обращения: 19.09.2023).

содержание рецепта не будут выступать в качестве объекта авторского права, однако описание кулинарных рецептов, изложенное в кулинарных книгах, является объектом авторского права. Однако описанный способ защиты обладает наименьшей эффективностью.

В статье проведен анализ особенностей, которые могут усовершенствовать законодательную базу и содействовать развитию технологического процесса в указанной сфере.

**Ключевые слова:** кулинарный рецепт, авторское право, литературное произведение, объект авторского права, защита авторских прав.

С каждым годом популярность кулинарной индустрии возрастает, и всё чаще возникают споры, касающиеся авторства рецептуры, активно формируется судебная практика. Рецепт блюда может ассоциироваться с конкретным человеком, стать визитной карточкой ресторана или целой страны. Но возможно ли защитить его с точки зрения авторского права?

Защита кулинарных рецептов важна, так как в ресторанной индустрии создается множество разнообразных рецептов. Кулинарным рецептам необходимо придавать определенную правовую форму для того, чтобы автор мог обезопасить себя от рисков, связанных с использованием их другими лицами без его согласия. Кулинарные рецепты на рынке могут быть важным конкурентным преимуществом, поэтому обозначенная тема так актуальна.

Следует начать рассмотрение вопроса с объяснения сущности рассматриваемого понятия. Кулинарное изделие представляет собой состав блюда, способ его приготовления и форму, выраженную вовне.

В статье 1225 ГК РФ приведен перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. В соответствии с п. 33 постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой ГК РФ» данный перечень является исчерпывающим<sup>1</sup>. Кулинарный рецепт прямо не предусмотрен в качестве охраняемого объекта интеллектуальной собственности. Также само содержание рецепта или же технологическая карта не будут выступать в качестве объекта авторского права, так как пункт 5 ст. 1259 ГК РФ прямо закрепляет, что «авторские права не распространяются на идеи, концепции, принципы, методы...»<sup>2</sup>.

Однако можно сделать вывод о том, что описание рецептов, изложенное в кулинарных книгах, является объектом авторского права, так как выражено в объективной форме и является результатом творческого труда.

Отдельно стоит обратить внимание на действие авторского права непосредственно в области создания дизайна блюда. Авторская подача или определен-

<sup>1</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2006 № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» // Российская газета. № 137. 28.06.2006.

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.



ное оформление блюда может подлежать правовой охране. В качестве судебной практики, доказывающей возможность признания авторского права на дизайн, представляется возможным рассмотреть постановление 9 ААС от 08.09.2009 № 09АП-13024/2009 по делу № А40-7200/09-110-86. В указанном деле рассматривался вопрос, касающийся дизайна торта, признанного объектом авторского права. Признавая внешний вид торта охраноспособным объектом, суд исходит из того, что разработка дизайна торта потребовала особых навыков, при этом авторы творчески использовали сочетание сложившихся в отрасли кондитерских приемов, а оригинальность проявилась в расположении отдельных элементов украшения кондитерских изделий и построении на их основе единой композиции<sup>1</sup>.

Как уже отмечалось, авторское право актуально в том случае, когда речь идет непосредственно об определенной форме рецепта или же о его представлении в качестве литературного произведения. Основным критерием в указанном случае является творческий труд автора. В качестве творческого труда представляется оригинальное название блюда, художественное описание процесса, оформление подачи. В подобной ситуации есть возможность удостоверить авторство на рецепт, прибегнув к депонированию. Основной сложностью является то, что рецепт можно свободно использовать для приготовления блюд, причем только лишь конкретная его творческая форма находится под охраной авторского права. Тем самым на практике есть возможность использовать один и тот же рецепт в разных авторских переработках его формы.

Необходимо обратить внимание на то, что ни в одном национальном законодательстве кулинарным рецептам так и не была представлена соответствующая правовая защита, как отдельным объектам интеллектуальной собственности.

В результате открытым остается вопрос, каким образом рассматривать внедрение авторского права. В юридическом сообществе высказывались идеи на основании различной судебной практики, позволяющие разрешить правовые проблемы, но к единому мнению прийти так и не удалось.

Также стоит обратить внимание на вопрос авторства на кулинарные рецепты. Многочисленная актуальная судебная практика США говорит, что у рецепта не может быть автора, аналогичной позиции придерживаются отечественные суды. Для аргументации этой позиции рассматривается, что рецепт представлен в виде идеи или же факта, а значит, на него не распространяется авторское право. Однако при рассмотрении практической стороны вопроса нередко возникают сложности при разделении идеи и выражения. Нередко сравнивается рецепт и запись музыкального произведения в виде нот, при этом подобная запись не признается фактом, а считается объектом интеллектуальной собственности.

При этом в дальнейшем появились прецеденты, при которых кулинарный рецепт был признан объектом авторского права. Однако для этого он должен быть

---

<sup>1</sup> Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.09.2009 № 09АП-13024/2009 по делу № А40-7200/09-110-86 // СПС «Гарант» (дата обращения: 01.03.2023).

представлен в форме творческого произведения, а именно в конкретном авторском объяснении. Кулинарный рецепт должен сопровождаться существенным литературным или же изобразительным выражением, в таком случае он будет считаться объектом авторского права.

Однако в подобной ситуации необходимо учитывать, что сам рецепт не будет защищен, речь идет только лишь о его выражении и оформлении. В том случае, если сам рецепт повторить в ином выражении, нарушения с точки зрения законодательства не будет.

В результате можно сделать вывод о том, что кулинарный рецепт может быть защищен в виде определенного изображения. Однако на практике это означает, что сама последовательность действий и конкретные ингредиенты представлены в виде составного элемента не защищаются авторским правом и могут быть использованы в любом другом произведении. В разнообразных сборниках представлено несколько рецептов, которые могут быть представлены последовательностью действий без художественного выражения. Однако на практике кулинарная книга считается художественным произведением и защищается в рамках авторского права.

На наш взгляд, в настоящий момент высокая кухня является именно той сферой в индустрии, которая нуждается в соответствующем регулировании. Необходимо обеспечивать баланс, который будет включать запрета на плагиат. Стоит учитывать, что проникновение авторского права в кулинарию с помощью поддержания баланса поможет стимулировать развитие этой области. Для этого предлагается рассматривать в качестве единицы произведения не сам рецепт, а блюдо, которое может быть его выражением. Стоит утвердить подобную точку зрения законодательно для того, чтобы обеспечить единообразное понимание и применение законодательства в области авторского права в кулинарии. В связи с ростом спроса на высокую кухню и ее большую популярность необходимо рассмотреть возможность внесения изменений не только с точки зрения отечественного, но и с точки зрения зарубежного законодательства.

Преимуществом является отсутствие обязательной государственной регистрации, а также простой способ фиксации факта создания произведения путем депонирования или удостоверением у нотариуса времени предъявления произведения, что может стать одним из доказательств, подтверждающих факт авторства в случае спора.

Недостатком данного подхода признается, что авторское право охраняет исключительно форму произведения, но не его содержание, в связи с чем кулинарный рецепт подлежит правовой охране только в части формы его изложения — как литературное произведение. В связи с этим описание кулинарных рецептов, изложенное в кулинарных книгах, является объектом авторского права, так как выражено в объективной форме и является результатом творческого труда. Однако описанный способ защиты обладает наименьшей эффективностью.

Оптимальным совершенствованием в данной области и решением основных проблем будет признание рецептов именно как объектов авторского права, но при этом следует соблюдать баланс, чтобы не допустить ограничения использова-

ния продуктов или же их сочетания, а именно проработать компромисс, который касается непосредственно возможности использования рецептов, но при этом возможности представлять некоторые из них именно как объекты авторского права с соответствующей защитой.

**Вой дат В. А., Тиванов А. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

### **Правовые проблемы создания производных музыкальных произведений**

**Аннотация.** Создание производных музыкальных произведений является новой вехой в праве интеллектуальной собственности, что порождает определенное количество трудностей по регулированию этой области правоотношений, а именно: процедура получения согласия на переработку, необходимость в разграничении видов переработок и как следствие отсутствие единообразия судебной практики.

**Ключевые слова:** производное произведение, правообладатель, согласие на переработку, виды переработок, аранжировка.

Стремительное развитие музыкальной индустрии привело к появлению множества исполнителей, создающих свои произведения в домашних студиях — творчество стало доступнее. В этой связи особенно актуальными представляются вопросы правового регулирования отношений по поводу результатов такого вида творчества.

Новым популярным витком развития музыки стала переработка популярных и широко узнаваемых мелодий, слов и песен: пп. 1 п. 2 ст. 1259 ГК РФ позволяет авторам создавать производные произведения на основе уже существующих оригиналов. Так, зачастую переработанные мелодии становятся популярнее оригиналов. Для распространения своей работы автору производного произведения достаточно разместить публикацию в сети Интернет. Такие возможности представляют особый интерес для рассмотрения их в плоскости закона.

В этой связи следует обратить внимание на пп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ: данная норма одновременно содержит примерный перечень видов переработки и устанавливает запрет на переработку произведения без согласия правообладателя. Оба положения сегодня вызывают проблемы и нуждаются в исследовании.

Подпункт 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ среди видов переработок музыкальных произведений называет аранжировку. Судебная практика по данной категории дел не отличается единообразием. Так, в деле экс-солиста дуэта «Чай вдвоем» Стаса Костюшкина против певицы Монеточки<sup>1</sup> экспертиза пришла к неоднозначному

<sup>1</sup> Правила жизни. URL: <https://esquire.ru/relaxation/312543-ekspertiza-priznala-pesnyu-monetochki-mama-ya-ne-ziguyu-plagiatom-treka-stasa-kostyushkina-zhenshchina-ya-ne-tancuyu/> (дата обращения: 20.09.2023).

выводу: песня Монеточки «Мама, я не зигую» была названа плагиатом песни Костюшкина «Женщина, я не танцую» при заимствовании 25% интонационного материала и 32,99% от общего произведения. Истец, в свою очередь, заявлял, что песня певицы является плагиатом<sup>1</sup>, а ответчик настаивал на том, что произведение является пародией. Как бы то ни было, представляется очевидным вопрос: можно ли при таком процентном соотношении считать песню заимствованной? И какой процент заимствования можно считать достаточным для отграничения плагиата от пародии?

Определенный ряд авторов, на наш взгляд, справедливо отмечают некоторую «сухость», с которой суды подходят к урегулированию подобных конфликтов — речь идет о применении судами принципа презумпции переработки произведения, если вид произведения поименован в законе. Так, В. Н. Глонина и А. И. Довгалюк в своей статье отмечают следующее «...суду достаточно установить, что, то или иное произведение является обработкой, экранизацией, адаптацией и т. д., и только на этом основании решить, что переработка имела место. Суду при этом не нужно применять какие-либо дополнительные критерии или устанавливать существенные признаки переработки».

Кроме того, законодатель применяет единый подход к каждому виду произведений искусства. Существующий на сегодня подход к определению переработанных произведений сводится лишь к установлению сходства между такими объектами «...в большинстве случаев достаточно установить сходство между оригинальным и производным произведениями и на этом основании сделать вывод о переработке»<sup>2</sup> — такой вывод станет для суда решающим.

Музыкальной практике известно множество вариантов переработки оригинального произведения; к самым популярным из них можно отнести: ремикс, ремейк, кавер, мэшап, аранжировка<sup>3</sup> и т. д., тогда как законодатель в ГК РФ назы-

<sup>1</sup> Известно, что плагиат в рамках действующего законодательства об интеллектуальных правах является собирательным понятием и представляет совокупность нарушений ряда личных неимущественных, а также исключительных прав.

<sup>2</sup> Закон.ру. URL: [https://zakon.ru/blog/2019/1/17/pererabotka\\_proizvedeniya\\_vs\\_parallelnoe\\_tvorchestvo\\_ponyatie\\_kriterii\\_razgranicheniya](https://zakon.ru/blog/2019/1/17/pererabotka_proizvedeniya_vs_parallelnoe_tvorchestvo_ponyatie_kriterii_razgranicheniya) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>3</sup> Ремикс — remix от англ. — новая обработка созданного ранее музыкального произведения (обычно песни), сделанная самим автором или исполнителем, соединение разных мелодий; Ремейк — remake от англ. — считается разновидностью ремикса, представляет собой запись и пере выпуск уже существующего музыкального трека, только с добавлением или изменением каких-либо его составляющих; Кавер — cover от англ. «покрыть» — новое исполнение существующей песни кем-то другим, кроме изначального исполнителя; Мэшап — mashup от англ. «смешивать композиции» — неоригинальное музыкальное произведение, состоящее, как правило, из двух исходных произведений, записанное в студийных условиях путем наложения любой партии одного исходного произведения на похожую партию другого; Аранжировка — arranger от англ. «приводить в порядок, устраивать» — модификация, адаптация, изменение нотного текста музыкального произведения для исполнения его иным, чем в оригинале, составом инструментов.

вает только аранжировку. Считаем, что такой подход неточно отражает действительность. В судебной практике всё чаще встречаются разбирательства по вопросу обработки или заимствования оригинального произведения. Зачастую споры возникают по поводу каверов, технически отличающихся от поименованных в законе аранжировок, поэтому для наиболее полного и правильного рассмотрения дела данные понятия сто́ит разграничивать.

Так, известным делом, связанным с исполнением кавера, стало разбирательство ОАО «Первого канала» и ООО «Музыкальное право» об исполнении песни Виктора Цоя «Кукушка» участником шоу «Голос»<sup>1</sup>. По итогам рассмотрения суды пришли к выводу: необходимо четко разделять, когда музыкальное произведение является объектом переработки и когда музыкальное произведение публично исполняется либо сообщается в эфир или по кабелю в составе аудиовизуального произведения и авторы сохраняют право на получение вознаграждения за такое использование (п. 3 ст. 1263 ГК РФ), в том числе через РАО.

Ключевым критерием разграничения вышеописанных разновидностей переработок, на наш взгляд, служит творческая составляющая автора переработки. Например, достаточно внести незначительные изменения в структуру песни чтобы получился ремикс, тогда как кавер является «новым прочтением» ранее исполненной композиции с инструментальными и некоторыми другими изменениями<sup>2</sup>.

Ярким подтверждением данному положению служит тенденция заимствования узнаваемого отрывка из популярного произведения с целью создания на его основе нового произведения. Так, сэмпл<sup>3</sup> из трека Transgender группы Crystal Castles можно услышать у других известных авторов практически без переработок: например, его заимствовали Bones в треке Graveyardguard, Lil Peep в треке Deathwish и др. Очевидно, что это является прямым нарушением авторских прав.

Следует отметить, что в музыкальной индустрии зарубежных стран существует практика по преодолению конфликтных ситуаций, возникающих при заимствовании сэмплов или переработке произведений. В частности, за заимствование чужих сэмплов The Prodigy платили правообладателям роялти, а в тех случаях, когда договориться не удавалось — использование исключалось<sup>4</sup>.

Представляется, что для соблюдения баланса прав и интересов авторов производного и оригинального произведений, подход к отношениям, связанным с производными произведениями, должен быть усложнен, а именно: суду следует разграничивать виды переработки, поскольку автор переработки может как заимствовать различные элементы произведения, так и перерабатывать оригинал разными способами. Таким образом, размер санкции должен зависеть от творческого вклада автора.

<sup>1</sup> Решение от 17.06.2019 по делу № А40–14248/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Сто́ит отметить, что и ремиксы бывают структурно сложными произведениями, однако их сущность, так или иначе, сводится к обработке произведения.

<sup>3</sup> Англ. sample — «образец» — относительно небольшой оцифрованный звуковой фрагмент.

<sup>4</sup> Backstage Secrets. URL: <https://backstage-secrets.com/ru/blog/legal-sampling.html> (дата обращения: 20.09.2023).

Положение законодательства о порядке получения соглашения у автора оригинального произведения также представляется неоднозначным — это не всегда возможно в силу объективных причин: зарубежные авторы популярных песен вероятно не станут соглашаться на переработку своих произведений неизвестными авторами. Кроме того, на сегодняшний день отсутствует четкий регламентированный порядок получения разрешения.

К примеру, представляется неочевидным, как неизвестному автору переработки, чье произведение вдруг стало популярным, защитить свою работу в случае возникновения конфликта с автором оригинала. У авторов производных произведений отсутствуют действенные механизмы защиты своих прав в суде ввиду неоднозначной правоприменительной практики и подходов к установлению «степени» заимствования.

Из проведенного исследования видно, что отношения, связанные с производными произведениями, куда глубже и сложнее, чем его формальное выражение в законодательстве. Наличие большого количества дискуссионных вопросов в этой сфере показывает необходимость дальнейшего развития правоприменительной практики, а также доктрины по рассматриваемым аспектам.

**Гайдукова В. А.**

МГУ имени М. В. Ломоносова

Студент

### **Принудительное лицензирование в области патентного права: проблемные аспекты и перспективы регулирования**

**Аннотация.** В статье рассматриваются проблемные аспекты принудительного лицензирования в области патентного права в Российской Федерации. Выявляется необходимость дальнейшего урегулирования проблемных вопросов в рамках принудительного лицензирования в области патентного права, в частности вопрос определения условий установившейся практики, вопрос выявления сущности понятия «использование», вопрос ответственности и ряд иных дискуссионных положений.

**Ключевые слова:** принудительное лицензирование, результаты интеллектуальной деятельности, патентное право, легальная монополия.

Регулирование принудительного лицензирования во многом исходит из международных соглашений. В частности, в ст. 5 Парижской конвенции по охране промышленной собственности указывается, что страны могут принимать законодательные меры, предусматривающие выдачу принудительных лицензий, для предотвращения злоупотреблений. В случае недостаточности данного механизма для предотвращения злоупотреблений применяется лишение патента. Важным является то, что Конвенция охватывает как активные действия правообладателя,

в результате осуществления которых он получает несправедливые выгоды, так и отказ в предоставлении лицензии в форме бездействия. В статье 31 Соглашения ТРИПС указывается на выдачу разрешения на использование на основании индивидуальных характеристик предмета. Несмотря на отсутствие четкого указания на выдачу принудительной лицензии (Соглашение устанавливает правила не для принудительного лицензирования — compulsory licensing, а для иного использования без согласия правообладателя — other use without authorization of the right holder), из смысла статьи следует, что под разрешением как раз-таки и понимается принудительное лицензирование при закреплении необходимых гарантий для патентообладателя (справедливое возмещение, возможность судебного пересмотра и др.). Дополнение Соглашения ТРИПС в 2005 г. статьей 31 bis ввело понятие принудительного лицензирования, предусмотрев исключения в отношении процедур принудительного лицензирования фармацевтических патентов для развивающихся и наименее развитых стран.

В Гражданском кодексе Российской Федерации присутствует несколько норм, связанных с реализацией механизма принудительного лицензирования. В статье 1239 ГК РФ раскрывается понятие принудительной лицензии посредством судебного рассмотрения, причем указывается на установление таких случаев именно данным Кодексом (т. е. на ст. 1362 и 1423 ГК РФ). В статье 1362 ГК РФ говорится о предоставлении патента на основании решения суда, в котором определяются условия договора, если сам патент не используется либо недостаточно используется правообладателем, что влечет за собой недостаточное предложение на рынке и при этом правообладатель отказывается от заключения договора. В данном случае необходимость использования механизма принудительного лицензирования объясняется тем, что патентообладатель может не использовать или недостаточно использовать патент на протяжении продолжительного времени (на изобретение, промышленный образец — 4 года; на полезную модель — 3 года). При этом такое неиспользование отражается на рынке, то есть неиспользование патента патентообладателем приводит к дефициту на рынке. Также данный механизм раскрывается в случае наличия зависимых патентов, когда второй патентообладатель может доказать, что его патент представляет собой важное техническое достижение, имеет существенные экономические преимущества перед первым патентом. В таких случаях при обращении в суд с иском к патентообладателю о предоставлении простой лицензии на использование патента на территории Российской Федерации суд может принять решение о предоставлении лицензии, при этом указав в своем решении на необходимые для заключения договора (лицензионного соглашения) условия. Важно, что условия предоставления такой лицензии должны изначально приводиться в исковом заявлении, иначе несоблюдение данного требования повлечет оставление искового заявления без движения согласно п. 43 постановления Пленума ВС РФ № 10<sup>1</sup>. Тем

---

<sup>1</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

самым данная статья включает в себя два состава: 1) неиспользование, недостаточное использование патента в определенный период при отказе от заключения лицензионного договора; 2) невозможность использования зависимого патента, тем самым второй правообладатель не может распоряжаться своим исключительным правом при наличии первоначального патента. В статье 1423 ГК РФ также говорится о принудительном лицензировании на основании решения суда, но оно уже связано с селекционными достижениями, не используемыми в течение 3 лет и при этом правообладатель отказывается в заключение договора на производство и реализацию семян, племенного материала.

В рамках принудительного лицензирования посредством судебного решения интересен вопрос определения условий установившейся практики. Исходя из чего она должна определяться? Например, может ли патентообладатель в случае направления оферты исключительно с существенными условиями предложить обсудить роялти? Следует ли расценивать такое поведение патентообладателя как отказ от оферты? Хотя с формальной стороны такое положение дел не является отказом, тем не менее дается ли заинтересованному лицу возможность обосновать свою заинтересованность через суд уже в этот момент? Такое положение дел кажется не совсем верным исходя из того факта, что акцепт подразумевает окончание переговоров, тем не менее на настоящий момент практика не дает четкого ответа на данные вопросы.

Еще одной проблемой в данных статьях является отсутствие уточнения понятия использования. Как обосновать недостаточное использование? Некоторые страны (например, Индия) не включают в данное понятие ввоз (импорт). В нашем случае, исходя из отсутствия оговорок в законе, под использованием все-таки следует понимать и импорт, и реализацию продукции, и производство на территории страны, т.е. совокупность действий по введению товара в оборот либо по подготовке введения товара в гражданский оборот.

Заслуживающим внимание вопросом является вопрос ответственности. При нарушении условий лицензирования, что именно нарушается — судебный акт или договор? Например, лицензиат не заплатил роялти или же патентообладатель не предоставил материалы, необходимые для использования запатентованного объекта. Все-таки в данном случае следует исходить из того, что основные условия лицензирования устанавливаются судом. Похожая ситуация наблюдается при включении мирового соглашения в резолютивную часть решения, при этом нарушение условий ведет к уплате штрафа суду. В случае с нарушением условий принудительного лицензирования в первую очередь должно обогащаться государство, т.е. речь идет об уплате астрента. О возможности применения договорной ответственности в данной ситуации сложно говорить исходя из того, что договор предполагает волеизъявление сторон, тогда как в данном случае формирование данного волеизъявления происходит под принудительной силой, т.е. через суд происходит процесс формирования лицензии. Тем самым в данном случае какие-либо взыскания в пользу «потерпевшего» (например, убытки) можно рассматривать как ненадлежащий способ защиты.



Еще одним камнем преткновения в понимании механизма принудительного лицензирования становится положение п. 2 ст. 1362 ГК РФ, где закрепляются такие понятия, как «важное техническое достижение» и «существенные экономические преимущества». Можно ли в таком случае говорить, что речь, по сути, идет о surrogate standard essential patents?<sup>1</sup> Даже судебная практика не дает определенных критериев для описания данных положений<sup>2</sup>. В основном суды используют экспертизы, но привлеченным патентным поверенным сложно установить данные критерии. С одной стороны, можно было бы сказать, что важное техническое достижение — тот объект, который зарегистрирован Роспатентом. Что касается существенных экономических преимуществ, то можно было бы отталкиваться от дешевизны. Например, дженерики дешевле оригинальных лекарств. Тем не менее такое положение дел представляется неверным. Неправильно отталкиваться от того факта, что объект регистрируется Роспатентом, так как данный орган основывается на критериях охраноспособности, рассматривает соответствие объекта данным условиям. Среди них нет такого критерия как важное техническое достижение или же существенные экономические преимущества. Патентные поверенные могут указать, что, например, патент является зависимым, но определение важности технического достижения и существенных экономических преимуществ без созданных судебной практикой определенных критериев не представляется правильным выходом<sup>3</sup>. Более справедливым усматривается ситуация, когда данный вопрос будет разрешаться судом с учетом принципа состязательности на основании предоставленных сторонами доказательств, не подменяя понятия «важное техническое достижение» и «существенные экономические преимущества» категорией общественного интереса, как это наблюдалось в делах по искам отечественной компании Натива<sup>4</sup> (т. е. не исходя исключительно из той позиции, что препарат может способствовать улучшению здоровья населения, продлению жизни и тем самым социально значимо, а учитывая сравнительный анализ данного препарата с присутствующими на рынке).

<sup>1</sup> Ворожевич А. С. Пределы осуществления исключительных прав на стандартно-необходимые патентоохраняемые объекты и программное обеспечение. Условия FRAND // Журнал Суда по интеллектуальным правам. № 20. июнь 2018. С. 11–26.

<sup>2</sup> Новоселова Л., Павлова Е., Сергеев А., Гаврилов Э., Близначев И., Калятин В., Семенов А., Ворожевич А., Гуляева Н., Орешин Е., Ермолина Д., Грачев Д. Обобщение судебной практики в области интеллектуальной собственности // Закон. 2019. № 6. С. 19–35.

<sup>3</sup> Ворожевич А. С. Принудительное лицензирование в пользу правообладателей зависимых фармацевтических изобретений // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2021. Право 1. С. 73–98.

<sup>4</sup> См.: решение Арбитражного суда города Москвы от 08.06.2018 по делу № А40–71471/17; постановление Суда по интеллектуальным правам от 27.12.2018 № С01–1064/2018 по делу № А40–71471/2017; решение Арбитражного суда г. Москвы от 25.01.2019 по делу № А40–166505/17–17–15–1481; постановление Суда по интеллектуальным правам от 29.10.2019 № С01–906/2019 по делу № А40–166505/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, принудительное лицензирование — основной инструмент, который позволяет сбалансировать публичные и частные интересы и исправить злоупотребления интеллектуальными правами, то есть не допустить ситуации превышения рыночной власти при обладании определенным активом, что в целом создает риски для функционирования системы.

**Гришин С. А.**

Казанский филиал РГУП

Студент

### **Муралы как объекты интеллектуальной собственности**

**Аннотация.** На сегодняшний день сложно представить современный город без уличного искусства, создаваемого как публичными образованиями, предпринимателями различных отраслей, так и рядовыми гражданами. Одним из направлений современного уличного искусства является мурал. В представленной работе рассматриваются вопросы правовой природы мурала, содержание прав автора мурала и вопросы правовой защиты.

**Ключевые слова:** мурал, произведение живописи, авторское право, интеллектуальная собственность.

Мурал (и в целом уличное искусство) как объект интеллектуальных прав в российской юридической науке достаточно мало изучен, и авторы такого искусства редко обращаются за защитой своего результата творческой деятельности, что, однако, не говорит о некоей особенности российского правового регулирования. Прецедентное право в Европе аналогично скудно и лишь прецеденты американской правовой системы обогащают мировую юридическую практику в этом направлении. Так, одним из важных процессов признания мурала в качестве объекта интеллектуальной собственности является американский прецедент, когда суд присяжных по гражданским делам постановил, что Джерри Волкофф, застройщик, владевший жилым комплексом, нарушил закон, побелив десятки муралов. Хотя адвокаты г-на Волкоффа утверждали, что здания принадлежат ему и он вправе распоряжаться с ними так, как ему заблагорассудится, присяжные установили, что он нарушил Закон о правах визуальных художников или V.A.R.A., который направлен на защиты публичного искусства «признанного статуса», созданного на чьей-то чужой собственности<sup>1</sup>.

В аб. 7 п. 1 ст. 1259 Гражданский кодекс РФ<sup>2</sup>, указано, что произведение живописи является объектом авторского права. Возникает закономерный вопрос, что

<sup>1</sup> Статья New York Times. Graffiti Artists Awarded \$6.7 Million for Destroyed 5Pointz Murals. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/12/nyregion/5pointz-graffiti-judgment.html> (дата обращения: 18.09.2023).

<sup>2</sup> Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.

с точки зрения легального понимания является произведением живописи? В российской правовой системе действует Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 57424–2017 «Экспертиза произведений искусства. Живопись и графика. Общие требования»<sup>1</sup>, определяющий живопись как вид изобразительного искусства, произведения которого созданы преимущественно с помощью плотных пластичных красителей, наносящих на материальную основу плоскостного типа. Более подробно определение произведения искусства как объекта интеллектуальных прав раскрывается в ГОСТ 34888-2022 Интеллектуальная собственность. Термины и определения<sup>2</sup>, где под произведением искусства понимается охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, полученные в ходе самостоятельного творческого труда физического лица (группы лиц) в сфере искусства. Таким образом, на основании приведенных нормативных актов, произведение живописи можно определить как результат интеллектуальной деятельности, созданного с помощью определенных красителей, наносящих на материальную основу в ходе самостоятельного творческого труда физического лица (группы лиц).

Мурал отвечает главным требованиям института авторского права, а именно:

— творческий характер деятельности.

— отражение творческого характера деятельности в объективной форме. Подобное требование отражено в п. 3 (устанавливающая объективную форму) и п. 5 (исключение из защиты авторского права идеи, концепции, принципы, методы, процессы, системы, способы, решения технических, организационных или иных задач, открытия, факты, языки программирования, геологическую информацию о недрах) ст. 1259 ГК РФ. Исходя из определения живописи, которое было дано выше, следует понимать наличие материального носителя как обязательное условие.

Муралы, созданный с помощью определенных художественных средства на поверхности сооружений, зданий и на иных поверхностях, имеющий под собой определенный художественный, декоративный или иной творческий смысл, можно признать произведением живописи с точки зрения существующего правового понимания, следовательно, автору мурала должна быть предоставлена защита институтом авторского права.

Однако представим ситуацию, если мурал был нарисован без согласия собственника, следует ли автору предоставить правовую охрану? Если проводить параллель с регулированием объектов вещного права (например, самовольной постройки), то ответ отрицательный. В то же время, если учесть, что авторское право существует объективно и имеет идеальную природу, в силу общих положений п. 1 ст. 1227 ГК РФ, которые прямо указывает на отсутствие зависимости от материального носителя интеллектуальных прав, то здесь ответ не будет однозначен.

<sup>1</sup> Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 57424–2017 «Экспертиза произведений искусства. Живопись и графика. Общие требования» // СПС «Гарант» (дата обращения: 17.09.2023).

<sup>2</sup> ГОСТ 34888-2022 Интеллектуальная собственность. Термины и определения // СПС «Гарант».

Несомненно, лицо, действующее неправомерно, должно претерпеть определенные неблагоприятные последствия, однако если отсутствует покушения на нематериальное право (т. е. произведение не является плагиатом или производным произведением), то принцип *ex turpi causa non oritur actio* в данном случае неприменим. Видится более корректным применение принципа *lex semper intendit quod convenit rationi*. Именно в таком контексте и прослеживается идеальная форма объекта РИД, напрямую независящая от иных вещных прав.

Следовательно, мы можем говорить о возможности защите прав автора мурала с помощью института авторского права. Важно уточнить объем содержания прав, которые приобретает автор в соответствии с российским гражданским законодательством. Изначально общий объем содержания прав автора РИД включает в себя: исключительное право, лично-неимущественные и иные права.

Исключительное право является имущественным правом, суть которого заключается в возможности правообладателя распоряжаться юридической судьбой этого права, предполагающее коммерциализировать результат творческого труда различными способами, не запрещенными законом (например, путем отчуждения, обременения)<sup>1</sup>. Согласно ст. 1270 ГК РФ автору произведения или иному правообладателю, принадлежит исключительное право использовать произведение в любой форме и любым не противоречащим закону способом (как с целью извлечения прибыли, так и без таковой). Подобное право отражает возможность с коммерческой целью только автору или правообладателю реализовать РИД и получить имущественную выгоду. Каким способом автор мурала может реализовать данное право?

После того, как мурал был зафиксирован на материальном носителе, создатель произведения пользуется исключительным правом на изготовление и распространение копий, публичную демонстрацию произведения и создание производных произведений (последующих охраняемых авторским правом творений, основанных на оригинальном произведении). В качестве примера возможного нарушения авторского права автора уличного искусства, можно привести интересный случай из американской судебной практики, так Джозеф Тирни, известный уличный художник подал иск, направленный против известного дизайнера элитного итальянского бренда одежды из-за платья, которое поп-певица Кэти Пэри надела на Met Gala в Метрополитен-музее в мае 2016 г.<sup>2</sup> Если вернуться в российскую судебную практику, то мы можем провести параллель между любым другим произведением изобразительного искусства и муралом. Так, например, Суд по интеллектуальным правам, увидел нарушение

<sup>1</sup> Исключительное право в гражданском обороте : учеб. пособие (Моргунова Е. А., Фролова Н. М.). М. : Норма : Инфра-М, 2021. 496 с.

<sup>2</sup> Статья The Hollywood Reporter «Katy Perry's Met Gala Dress Said to Violate Graffiti Artist's Intellectual Property». URL: <https://www.hollywoodreporter.com/business/business-news/katy-perrys-met-gala-dress-813328/> (дата обращения: 20.09.2023).

исключительного права Alpha Group Co., Ltd. на изображение персонажа «Mira» (робот) при реализации товара — термонаклейки с изображением указанного персонажа<sup>1</sup>.

Важно отметить, что, автор мурала обладает ограниченным кругом авторских прав. Ограниченность содержания авторского права у автора мурала не зависит от правомерности действия автора. Подобная позиция связана с общими положениями ГК РФ, предусматривающие фактически приоритет права собственности (вещное право) над правом интеллектуальной собственности. Как известно собственнику принадлежит триада правомочий: владение, пользование и распоряжение своим имуществом. Поскольку мурал наносится на сооружение, принадлежащее иному лицу, он вправе распоряжаться судьбой этого сооружения любым, не противоречащем закону, способом. Например, закрасить мурал, снести сооружение, что говорит о приоритете материального над идеальным. Здесь хотелось бы отметить, что подобное положение противоречит российским духовно-нравственным ценностям. В пункте 91 Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»<sup>2</sup> одной из ценностью признается приоритет духовного над материальным.

Предлагается одним из способов защиты объективной формы автору мурала зафиксировать свою творческую деятельность на отдельном материальном носителе (например, применение технологии non-fungible token (NFT). В то же время видится спорным, что положение существующего гражданского законодательства лишает автора права на защиту материального носителя от уничтожения. Поскольку право на неприкосновенность произведения предоставляет автору защиту от искажения его произведения (т. е. мурал нельзя как-то изменить собственнику материального носителя без согласия автора), но не от уничтожения самого произведения.

Таким образом, мурал является объектом авторского права, поскольку соответствуют требованиям Гражданского кодекса РФ, но в то же время автор мурала обладает ограниченным содержанием своих авторских прав ввиду приоритета имущественных прав над интеллектуальными, однако автор не лишается личных неимущественных прав (например, право на имя, авторство и т. д.) и обладает исключительным право на использование мурала в коммерческой деятельности. Подобный вывод приводит к возможности автору мурала прибегнуть к способам защиты, предусмотренных как общими положениями ст. 12 ГК РФ, так и специальным способами предусмотренные статьей 1251 ГК РФ.

---

<sup>1</sup> Постановление Суда по интеллектуальным правам от 17.07.2023 № С01–1196/2023 по делу № А56–93389/2022 // СПС «Гарант».

<sup>2</sup> Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

## Особенности правовой природы произведений изобразительного искусства, изначально созданных в цифровой форме

**Аннотация.** В статье рассматриваются некоторые особенности правовой природы произведений изобразительного искусства, изначально созданных в цифровой форме, приводятся примеры таких произведений. Автор отмечает, что такие произведения необходимо отличать от цифровых аналогов, которые являются продуктом оцифровки. Автор выделил некоторые проблемы авторского права, возникающие в цифровом пространстве.

**Ключевые слова:** цифровое искусство, цифровое пространство, произведения изобразительного искусства, авторские права

В современном цифровом веке произведения изобразительного искусства, созданные с применением цифровых технологий, стали неотъемлемой частью культурного ландшафта.

Эти произведения, будучи изначально реализованы в цифровой форме, обладают особенностями правовой природы, которые необходимо учитывать при оценке авторских прав и механизмов их защиты. Актуальность данной темы подтверждается тем, что на сегодняшний день в мире имеет широкое распространение негативной практики нарушения авторских прав произведений изобразительного искусства в цифровом пространстве.

С одной стороны, цифровизация дала мощный толчок для распространения искусства, однако, с другой стороны, происходит пренебрежение результатом интеллектуальной и творческой деятельности.

Для ее предотвращения и необходимо установить стандарты и правила, которые будут определять объекты цифрового искусства (диджитал арт) как полноценные объекты авторских прав с соответствующим уровнем их охраны.

Произведения изобразительного искусства являются результатом художественного творчества, в рамках которого создаются зрительно воспринимаемые художественные формы. В качестве примеров произведений изобразительного искусства в Гражданском кодексе Российской Федерации<sup>1</sup> приводятся произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы и комиксы.

Для начала необходимо разобрать что из себя представляют произведения изобразительного искусства, изначально созданные в цифровой форме. Отечественное законодательство на сегодняшний день не содержит легальных дефиниций понятий

---

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

«цифровая форма», «цифровое произведение изобразительного искусства» и т. д. Однако уже имеются доктринальные разработки по данной теме.

Стоит сразу оговориться о том, что использование технологий и оборудования при оцифровке произведений не является признаком «цифровых произведений» и не позволяет выделить их в отдельный вид объектов авторского права. Это объясняется тем, что переводение произведения в цифровую форму не является переработкой и появлением нового производного произведения (пп. 2 п. 1 ст. 1228 ГК РФ).

Сегодня к произведениям изобразительного искусства, изначально созданных в цифровой форме, можно отнести «мультимедийный продукт» или «мультимедийное произведение». Как отмечают некоторые исследователи, под мультимедийным продуктом следует понимать выраженный в электронной «цифровой» форме объект авторских прав, который включает несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, в том числе и произведения изобразительного искусства<sup>1</sup>. Такие мультимедийные продукты обычно функционируют с помощью компьютерных устройств. Мультимедийными продуктами могут быть признаны компьютерные игры, виртуальные музеи, библиотеки, интернет-сайты и т. д.

Особенностью произведений изобразительного искусства, изначально созданных в цифровой форме, является то, что такие объекты существуют именно в цифровой действительности, но никак не в материальной. А форма выражения: объекты цифрового искусства не зависят от материальных носителей и даже при такой фиксации (распечатка и помещение на продукцию) будут признаваться цифровыми — применение исчерпания права в отношении них невозможно, то есть понятия оригинал и копия не применимы к ним. Также к особенностям стоит отнести то, что такие объекты в основном имеют сложную структуру: наличие нескольких объединенных результатов интеллектуальной деятельности.

На наш взгляд, такие объекты будут считаться в том случае охраняемыми, если они будут созданы не только посредством компьютерных технологий и производным от них, но и с обязательным участием творческой деятельности со стороны человека. У каждой платформы типа Midjourney есть условия использования. Например, при бесплатной подписке на Midjourney пользователь вправе изменять и распространять — с указанием источника, типа лицензии и ссылки на нее — сгенерированное нейросетью изображение. Использовать нарисованную искусственным интеллектом картину в коммерческих целях при этом не разрешается. А если есть платная подписка, пользователь вправе использовать изображение и в коммерческих целях. Таким образом, исходя из условий лицензии пользователь не приобретает авторских прав на сгенерированный результат. В случае если в связи с этим результатом возникнет спор, нет уверенности, какое решение примет российский суд. Есть вероятность, что произведение и вовсе будет признано творением без автора, объектом общественного достояния.

---

<sup>1</sup> См.: Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт. М., 2013.

Произведения, созданные в цифровой форме, подпадают под действие авторского права непосредственно с момента их создания. Автор, будучи создателем цифрового произведения, автоматически обладает исключительными правами на его использование, в том числе воспроизведение, распространение, публичное исполнение и т. д.

В среде цифровых технологий важно иметь возможность однозначно определить авторство произведения. Для этого применяются технические средства, такие как цифровые подписи и метаданные. Они позволяют установить, кто именно является автором произведения и принадлежит ли автору право на него.

Цифровые технологии предоставляют удобные инструменты для лицензирования произведений. Автор может самостоятельно устанавливать условия использования своего произведения, разрешая или запрещая его модификацию, коммерческое использование и т. д. Это регулируется с помощью различных видов лицензий, таких как Creative Commons.

Цифровые произведения легко могут быть скопированы и распространены в сети. Для предотвращения несанкционированного копирования применяются технические средства защиты авторских прав, такие как DRM (Digital Rights Management).

Цифровая среда позволяет авторам быстро и просто распространять свои произведения через Интернет и социальные сети. Это представляет собой огромную возможность для продвижения и популяризации произведения, но требует особой внимательности к защите авторских прав.

Цифровая среда также поднимает важный вопрос о признании авторства и защите произведения от искажений и несанкционированных изменений. Это важно как для самого автора, так и для поддержания целостности и ценности произведения.

В современном мире цифровые технологии стали неотъемлемой частью творческого процесса в изобразительном искусстве. Управление авторскими правами в цифровой среде требует внимательного освоения соответствующих технических средств и правовых аспектов. Это позволяет художникам, дизайнерам и другим творческим личностям полноценно реализовывать свой потенциал в новых условиях цифровой эры.

Цифровые произведения также подвержены риску кражи и взлома. Несанкционированный доступ к цифровым файлам может привести к их утрате или изменению. Поэтому обеспечение кибербезопасности становится важным аспектом правовой защиты цифровых произведений.

Цифровые произведения легко могут быть использованы в различных контекстах и на разных платформах. Одно произведение может служить основой для создания других произведений, таких как музыкальные композиции, анимации или дизайн. Это открывает новые возможности для творческой деятельности и развития культурного наследия.

С учетом глобальной природы Интернета и цифровых коммуникаций, правовая защита цифровых произведений сталкивается с международными аспектами.



Многие произведения могут быть доступными для аудитории в разных странах, что поднимает вопрос о международном соблюдении авторских прав.

Сроки действия авторских прав на цифровые произведения могут различаться в зависимости от страны. В некоторых местах авторские права действуют в течение жизни автора и 70 лет после смерти, в других — меньший срок. Это важный аспект для авторов и правообладателей при управлении своими произведениями.

Цифровые технологии изменили способы создания, распространения и использования произведений изобразительного искусства. Они предоставляют множество возможностей, но также создают новые вызовы с точки зрения правовой защиты. Авторы и правообладатели должны быть осведомлены о своих правах и использовать доступные технические средства для защиты своих произведений в цифровой среде. В то же время законодатели и международные организации должны продолжать обновлять законодательство, чтобы адаптироваться к быстро меняющейся цифровой реальности и обеспечивать справедливое вознаграждение и признание для художников и творческих личностей.

**Дзюба И. Ю.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Авторско-правовая охрана IT-решений в России: абрис проблемы**

**Аннотация.** В статье подчеркивается важность обеспечения качественной правовой охраны IT-решений, предлагается их возможная квалификация с точки зрения существующих объектов интеллектуальных прав. Автором делается вывод о невозможности обеспечения эффективной правовой охраны IT-решения только лишь с помощью института авторского права ввиду особенностей сущности указанного объекта, которые обусловлены, во-первых, важностью не столько исходного кода, сколько алгоритма компьютерной программы IT-решения, и во-вторых — подверженностью исходного кода трудновывяляемым модификациям.

**Ключевые слова:** IT-решение, компьютерная программа, исходный код, алгоритм, авторско-правовая охрана, модификация, декомпиляция, обфускация, рефакторинг.

Одной из ключевых повесток для российского государства является достижение технологического лидерства и обеспечение технологического суверенитета страны. Приверженность этим устремлениям получает нормативно-правовое закрепление в документах стратегического планирования. В их числе и недавно утвержденная Правительством РФ Концепция технологического развития на период до 2030 г.<sup>1</sup>

---

<sup>1</sup> Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года (вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 года)» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

Концепция определила вызовы, принципы и цели технологического развития, установив в качестве основного его направления развитие высокотехнологичных отраслей экономики России.

Сфокусировавшись на решении этих задач, государство стало активно предпринимать попытки по стимулированию инновационно-изобретательской деятельности, особенно в сфере ИТ (информационных технологий). Об этом свидетельствуют различные преференции и льготы, предоставляемые субъектам, осуществляющим научно-техническое творчество и коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности (РИД). Для этих целей вводятся специальные налоговые режимы (яркий пример — «налоговый маневр в ИТ-отрасли»), моратории на проверки, особые статусы компаний (например, статус аккредитованной ИТ-компании), поддерживаются и финансируются проекты по созданию центров трансфера технологий, научно-технологических центров, а также инновационных кластеров (например, Московский инновационный кластер) и соответствующих экосистем (например, управляемая Российским центром оборота прав на результаты творческой деятельности общественно-сетевая платформа РЦИС.РФ).

Вместе с тем описанная положительная динамика сопровождается рядом фундаментальных проблем, наличие которых существенно препятствует достижению в полной мере поставленных целей. К числу таковых следует отнести сложившуюся в России систему правовой охраны РИД, представляющих собой ИТ-решения. Так, консервативность правового регулирования и отсутствие единообразной последовательной практики со стороны патентного ведомства создают угрозы для предоставления ИТ-разработкам надлежащей правовой охраны. Это, в свою очередь, непосредственно влияет на степень их коммерческой ценности и инвестиционной привлекательности, а как следствие — на уровень технологического развития страны.

В связи с этим представляется целесообразным более детально рассмотреть сложившуюся систему правовой охраны ИТ-решений в России. Данный анализ должен позволить выявить проблемы в этой сфере и тем самым обратить внимание юридического сообщества на важность их решения. Для этого предлагается в первую очередь ознакомиться с самим объектом.

Прежде всего следует сказать, что ИТ-решение, в сущности, представляет собой компьютерно реализуемое решение, функциональность которого обеспечивается компьютерной программой (программой для ЭВМ) или их совокупностью — программным обеспечением. В структурно-содержательном плане ИТ-решение представлено, как правило, сразу несколькими компонентами. Так, в нем можно выделить (1) исходный код, (2) объектный код, (3) базы данных, (4) алгоритм, (5) интерфейс. Также ИТ-решение может представлять собой (6) программно-аппаратный комплекс.

Как видим, рассматриваемый объект имеет комплексную природу, в связи с чем ему требуется и соответствующая правовая охрана. В настоящее время это обеспечивается с помощью нескольких институтов права интеллектуальной собственности. Квалификация представленных выше элементов в качестве предумо-

тренных российским законодательством объектов интеллектуальных прав может выглядеть следующим образом: где (1), (2) — объекты авторского права, (3) — объект авторского права или смежных прав, (4) — объект патентного права — изобретение (способ), (5) — объект авторского и (или) патентного права (изобретение или промышленный образец) и, наконец, (6) — объект патентного права (изобретение или полезная модель).

В то же время зачастую возникают сложности с обеспечением надежности и полноты правовой охраны IT-решений, особенно в случае их охраны с помощью института авторского права. Не менее проблематичным является и вопрос патентования таких разработок. Однако поскольку его рассмотрение требует самостоятельного и более глубокого анализа, вниманию предлагается исследование только проблем авторско-правовой охраны IT-решений.

Говоря о проблемах авторско-правовой охраны IT-решений, важно заметить, что любое IT-решение приобретает ценность благодаря реализуемому им функционалу, предписанному компьютерной программой. В свою очередь, последняя основывается на программном коде (исходном и объектном). Он задает формально-логическую последовательность действий для выполнения их аппаратным (компьютерным) устройством. Именно эта последовательность (алгоритм) и отвечает за получение определенного результата.

Тем не менее существующая между программным кодом и алгоритмом корреляция весьма условна. Это объясняется тем, что один и тот же алгоритм может быть выражен в виде различных программных кодов, более того — на различных языках программирования. В этом плане соотношение программного кода и алгоритма условно может быть выражено в таких философских понятиях, как «форма» и «содержание» соответственно. Для права данный аспект, как будет показано далее, приобретает принципиальное значение, поскольку становится квалифицирующим в вопросах охраны IT-объекта в качества объекта интеллектуальных прав.

Сегодня программа для ЭВМ в России, как и в большинстве стран мира, охраняется именно как литературное произведение (ст. 1259, 1261 ГК РФ). Такой подход вытекает и из положений международных конвенций. Концептуально это означает, что охрана предоставляется именно форме программы, т. е. объективно выраженной на том или ином языке программирования конкретной записи данных и команд, а не ее содержанию, т. е. принципам работы, или алгоритму.

Несмотря на всю понятность логики, которая положена в основу этого подхода и которая состоит фактически в охране текста, она с учетом обозначенной ранее взаимосвязи программного кода с реализуемым им алгоритмом и, как следствие, ввиду высокой значимости последнего оказывается недостаточно подходящей для целей надежной охраны IT-решения. Основная причина — возможность создать с применением, например, инструментов реверс-инжиниринга и декомпиляции тот же алгоритм, но работающий при этом на базе другого кода. Уязвимым зачастую оказывается также и сам код как таковой, который может быть подвержен различ-

ным изменениям, не всегда позволяющим однозначно установить факт нарушения права на переработку.

Наиболее примечательными в свете первой проблемы примерами можно считать случаи генерирования в целях создания аналогичной по функционалу программы совершенно нового исходного кода, не меняющего вместе с тем основные принципы работы, т. е. реализующего тот же алгоритм, что и оригинальная версия. При этом чем понятнее и проще написан оригинальный (первоначальный) исходный код, тем проще в отношении такой программы провести подобные манипуляции. Поскольку перед программистами в процессе разработки программы в качестве одной из задач в ряде случаев ставится проведение рефакторинга, т. е. действий по изменению внутренней структуры программы, не затрагивающих ее внешнего поведения и имеющих целью облегчить понимание ее работы, вероятность такого «неидентичного копирования»<sup>1</sup> существенно возрастает.

Как и в приведенном случае, доказать производный характер программы, т. е. переработку (модификацию) оригинальной программы, крайне трудно также и в случаях, когда в основе производной программы лежит тот же исходный код, но подвергшийся изменениям путем его намеренного запутывания — обфускации. Вообще обфускация служит в первую очередь средством, препятствующим взлому и декомпиляции программы, ее изучению и иным операциям с ней. Однако аналогичным образом этот метод может быть применен и для неправомерных целей. Так, вполне простой и понятный оригинальный код оригинальной компьютерной программы, изученный сторонним программистом посредством, например, реинжиниринга, может превратиться вследствие его намеренного запутывания в свою противоположность, но уже в составе де-юре нового объекта. Очевидно, в подобных условиях степень защищенности прав автора-разработчика или иного обладателя исключительного права также значительно снижается, что вновь подтверждает тезис о недостаточной эффективности механизма авторско-правовой охраны.

Таким образом, даже на примере этих двух случаев модификации можно заключить, что использование института авторского права в целях обеспечения правовой охраны IT-решения не является исчерпывающей и абсолютно надежной мерой. В первую очередь это объясняется ценностью именно алгоритма программы, наделяющего IT-решение определенным функционалом, но не охраняющегося при этом авторским правом. В отличие от него, программный код, реализующий данный алгоритм, подлежит авторско-правовой охране, однако его свойство существенно изменяться, а также трудность установления подобных преобразований делают такую охрану фактически нежизнеспособной. Всё это свидетельствует о важности применения иных средств, в числе которых патентование алгоритмов в качестве изобретений.

---

<sup>1</sup> Михайлов С. В. Презумпция творческого характера (оригинальности) объектов авторских прав // Lex russica. 2021. С. 22–25.

**Проблемные вопросы в области правовой охраны фирменных наименований**

**Аннотация.** Фирменное наименование является важным элементом эффективности ведения бизнеса, маркетинга, а также помогает компании выделиться на рынке и создать узнаваемость у потребителей. Однако на практике всё чаще возникают случаи нарушения исключительных прав на фирменные наименования, поэтому правовая охрана фирменных наименований является необходимой и актуальной для защиты интересов компаний и сохранения их репутации.

**Ключевые слова:** правовая охрана, фирменные наименования, товарный знак, судебная практика, регистрация юридических лиц

В российском законодательстве существует достаточно обширная правовая база, регулирующая институт фирменных наименований, однако в практической деятельности зачастую возникают случаи, подтверждающие наличие пробелов либо коллизий в нормах права. Проанализировав множество нормативных правовых актов, а также множество гражданских споров в сфере защиты исключительных прав на фирменное наименование юридических лиц, можно выдвинуть ряд проблемных вопросов, которые в настоящий момент существуют в отечественном праве.

1. Первая важная правовая проблема в области охраны фирменных наименований связана с процессом регистрации соответствующего наименования. Сотрудники налоговых инспекций в различных регионах могут иначе оценивать названия компаний с точки зрения соответствия их требованиям Гражданского кодекса РФ. Например, в одном регионе может беспрепятственно пройти регистрацию ООО «Ремонт мебели», однако же в другом регионе компании с идентичным названием откажут в регистрации, так как оно состоит только из указания на род деятельности и нарушает нормы п. 2 ст. 1473 ГК РФ<sup>1</sup>. Также при регистрации юридических лиц и фирменных наименований возникают вопросы, связанные с гуманностью и моралью, так как данные понятия являются оценочными и зависят от убеждений конкретного человека. Ругательные и матерные слова в качестве фирменного наименования не регистрируются ни в одной налоговой инспекции. Однако, например, ООО «Ешкин кот» была зарегистрирована налоговой инспекцией в Красноярском крае. Но товарный знак

---

<sup>1</sup> Фирменное наименование и товарный знак: в чем разница и почему предприниматели регистрируют названия своих компаний как товарные знаки: Юридическая фирма Башук / Чичканов. 12.04.2022. URL: <https://www.bashukchichkanov.com/press/firmennoe-naimenovanie-i-tovarnyy-znak/> (дата обращения: 03.05.2023).

«Йошкин кот» Роспатент не зарегистрировал и отметил, что фраза относится к бранной лексике. В качестве примера из судебной практики можно привести резонансное дело, которое рассматривалось 31 марта 2023 г. в Арбитражном суде Красноярского края. Арбитражный суд обязал ООО «Ёбидоёби» изменить фирменное наименование в течение трех месяцев со дня вступления в законную силу решения суда. По мнению суда, фирменное наименование противоречит нормам Гражданского кодекса РФ, а именно общеизвестным принципам гуманности и морали и с высокой долей вероятности может вызвать ассоциацию с бранной ненормативной лексикой русского языка<sup>1</sup>. Возникают вопросы, каким образом налоговая служба одобрила соответствующее наименование, потому что в регистрации данного названия в качестве товарного знака Роспатент отказал. Важно также отметить, что решение суда затрагивает исключительно фирменное наименование юридического лица, поэтому коммерческое обозначение, которое как раз и располагается на всех рекламах и вывесках, останется<sup>2</sup>.

2. Исходя из законодательства, юридические лица, которые ведут сходную предпринимательскую деятельность, не могут использовать фирменное наименование, тождественное фирменному наименованию другого юридического лица или сходного с ним до степени смешения. Однако на практике с 2002 г. налоговая инспекция, которая регистрирует компанию, не проверяет уникальность названия. В ЕГРЮЛ на данный момент существуют десятки ООО «Счастье», «Радость» и иных. Это связано с тем, что для сотрудников налоговых служб важна уникальность ИНН и ОГРН, которые и так не могут быть дважды присвоены разным компаниям<sup>3</sup>.

Данное утверждение подтверждается делом № А32–20369/2017, которое рассматривалось в Арбитражном суде Краснодарского края. ООО «Управляющая компания «Доверие» предъявило к другому ООО с идентичным названием иск с требованием прекратить использовать в фирменном наименовании слово «Доверие». Первая управляющая компания появилась в ЕГРЮЛ раньше, однако лицензию на осуществление деятельности она получила позже. Суд первой инстанции встал на сторону истца, опираясь на приоритет в фирменном наименовании по дате внесения в ЕГРЮЛ. Апелляционный суд в иске отказал, мотивируя это наличием специального законодательного регулирования в области фирменных наименований для компаний, осуществляющих управление многоквартирными домами. Однако Суд по интеллектуальным правам отменил решение Апелляционного суда и установил, что заявленные требования связаны с защитой исключительного права на фирменное наименование, то есть вытекают из гражданских правоотношений,

<sup>1</sup> Решение Арбитражного суда Красноярского края от 31.03.2023 по делу № А33–31075/2022 // URL: <https://krasnoyarsk.arbitr.ru/node/22361> (дата обращения: 03.05.2023).

<sup>2</sup> Придется ли сети доставки суши отказаться от нейминга: Коммерсантъ. 11.04.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5926885> (дата обращения: 03.05.2023).

<sup>3</sup> Как выбрать наименование юрлица: Гардиум. URL: <https://legal-support.ru/information/blog/spory/firmennoe-naimenovanie/> (дата обращения: 03.05.2023).

которые регулируются Гражданским кодексом, а не Жилищным кодексом, на который опирался в своих возражениях ответчик, а в дальнейшем в своем решении суд апелляционной инстанции. В итоге суд обязал вторую УК или прекратить использовать название в сфере управления недвижимым имуществом, или изменить свое фирменное наименование<sup>1</sup>.

3. Также на практике возникают проблемы, связанные с принудительным исполнением решения суда. Отследить, продолжает ли ответчик использовать фирменное наименование при осуществлении определенных видов деятельности, может оказаться физически невозможным. А смена фирменного наименования подлежит государственной регистрации налоговым органом только по заявлению самого юридического лица. Таким образом, ни взыскатель, ни пристав-исполнитель не могут обратиться в налоговый орган с требованием произвести государственную регистрацию смены фирменного наименования либо прекратить регистрацию ответчика в качестве юридического лица. Соответственно, в случае уклонения ответчика, решение суда может оказаться неисполнимым. Решением данной проблемы может быть только принудительная ликвидация юридического лица по суду в связи с неоднократным или грубым нарушением исключительного права на средства индивидуализации.

4. В случае нарушения права на фирменное наименование правообладатель может подать в суд иск с взысканием с нарушителя убытков. Убытки посчитать и доказать в суде очень сложно. Упущенная выгода — это сумма, которую фирма могла заработать, но не заработала из-за неправомерных действий другого субъекта. Посчитать, сколько компания недополучила из-за того, что иное юридическое лицо начало работу под таким же названием на практике почти невозможно. Поэтому зачастую фирменные наименования регистрируют в качестве товарного знака для того, чтобы защитить себя от возможных рисков в дальнейшем, так как закон освобождает правообладателей товарных знаков от необходимости доказывать размер своих убытков — достаточно попросить суд взыскать компенсацию в определенном размере и примерно обосновать расчет. Доказывать точно этот расчет необходимости нет.

5. В нынешнее время возникает проблема недостаточной защиты фирменных наименований от незаконного использования в Интернете, где часто встречаются домены и страницы, которые могут быть похожи на оригинальные сайты компаний. Данная проблема вызвана тем, что всегда правовые нормы отстают от технического прогресса и лишь через некоторое время начинают регулировать появившиеся сферы. Самостоятельно доменное имя не охраняется и судебная практика по их защите строится по аналогии с защитой фирменного наименования или товарного знака, то есть правообладатель должен доказать, что доменное имя идентично или сходно до степени смешения с зарегистрированными товарными знаками, как в решении

---

<sup>1</sup> Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 16.03.2018 по делу № А32–20369/2017 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/wQZ32mxCfjrP/> (дата обращения: 03.05.2023).

по делу № А46–12977/2009 Арбитражного суда Омской области<sup>1</sup>, либо идентично или сходно до степени смешения фирменному наименованию, о чем говорится в решении по делу № А79–10130/2012 Арбитражного суда Чувашской республики<sup>2</sup>.

Таким образом, множество практических проблем связано с тем, что налоговые инспекции зачастую лишь формально подходят к проверке наименования перед регистрацией юридического лица. Также большое количество проблем связано с тем, что законодательство РФ о фирменных наименованиях является недостаточно полным и отстает от развития технологий, что приводит к появлению правовых пробелов, которые приходится восполнять судам с помощью применения аналогии закона. Для решения данных проблем следует изменить порядок работы налоговых органов при регистрации юридических лиц; ввести экспертизу фирменных наименований перед регистрацией юридических лиц, которая сможет отсеять названия, нарушающие требования о гуманности и морали; принять соответствующие нормативные правовые акты, которые будут содержать нормы о защите доменных имен в сети «Интернет» и которые могут быть сходны с нормами о защите иных средств индивидуализации.

**Николаева Е. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Правовой режим базы данных и свободный обмен информацией в условиях цифровизации**

**Аннотация.** В статье автором рассмотрены вопросы территориальных границ охраны смежного права изготовителя базы данных, влияния технологий на доступ к информации, а также свободного перемещения персональных данных в Российской Федерации и Европейском Союзе в условиях цифровой трансформации общества.

**Ключевые слова:** база данных, охрана смежного права, персональные данные, цифровое пространство, информация

Процесс глобализации и партнерство стран в вопросах развития новых технологий и обмена информацией, а также атаки хакеров в современных политических условиях, побуждают страны уделять особое внимание организации передачи данных между субъектами.

---

<sup>1</sup> Решение Арбитражного суда Омской области от 14.08.2009 по делу № А46–12977/2009 // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.05.2023).

<sup>2</sup> Решение Арбитражного суда Чувашской Республики от 06.03.2013 по делу № А79–10130/2012 // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 03.05.2023).



Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация может распространяться свободно, по соглашению лиц, в рамках предоставления или распространения в соответствии с федеральными законами и законодательства РФ<sup>1</sup>. Однако при обработке информации, ее копировании или модификации, полученной из баз данных, возникает риск ограничения доступа к информации, так как пользователь лишен возможности обращения к первоисточнику.

Без согласия изготовителя базы данных свободно может быть использована существенная часть информационного хранилища в личных, научных, образовательных и иных некоммерческих целях, если объем используемых данных обоснован, не превышает разрешенной цели и не нарушает авторских прав изготовителя базы данных и иных лиц (ст. 1335.1 Гражданского кодекса РФ).

Развитие новых технологий, в том числе искусственного интеллекта, не представляется возможным без исходной информации, извлекаемой из баз данных и используемой для последующего машинного обучения. Таким образом, свободный обмен информацией целесообразен не только в рамках разрешенных целей, но и для обучения искусственного интеллекта, если это не противоречит нормальному использованию базы данных. На данный момент этот вопрос законодательно не урегулирован, но в научном сообществе активно ведутся дискуссии.

Электронные информационные хранилища не ограничены территориальным принципом, части одной базы данных могут находиться в странах с разным правовым режимом. Передача данных хранилищ может осуществляться как с ограничениями, так и свободно, в зависимости от требований той или иной страны.

Для определения территориальных границ охраны смежного права изготовителя базы данных, материалы которой используются и свободно перемещаются в цифровом пространстве, доказательное значение имеет местоположение потенциальных потребителей информации.

Так, в деле *Football Dataco and Others против Sportradar* в решении суда ЕС было изложено, что если право владельца интеллектуального права охраняется в одном государстве — члене ЕС, а лицо незаконно ведет свою деятельность и использует серверы, незаконно размещающие в Интернете охраняемые данные в другом государстве — члене ЕС, но при этом контент предназначен пользователям в стране правообладателя и имеются соответствующие доказательства, владелец может предъявить иски о нарушении к нарушителю в суде своей страны<sup>2</sup>.

Наибольшее значение локализация данных приобретает в целях идентификации для персональных данных. В статье 1 Регламента GDPR содержится фундаментальное

<sup>1</sup> Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Решение Суда ЕС (Третья палата) от 18.10.2012. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=data%2Bextraction&docid=128651&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=9331#ctx1> (дата обращения: 25.09.2023).

право физических лиц на защиту своих персональных данных<sup>1</sup>. Данное право при этом не должно препятствовать свободному перемещению персональных данных в пределах Европейского Союза. Для соблюдения частных и публичных интересов зачастую персональные данные обезличиваются обрабатывающими их субъектами. Доступ к информации в цифровом пространстве, в том числе полученной в результате обработки персональных данных, с учетом скорости развития новых технологий, является необходимым условием экономического и технологического развития стран.

С одной стороны, законодательные требования к получению и обработке персональных данных регулярно возрастают, с другой они необходимы для проведения, например, маркетинговых исследований и развития искусственного интеллекта и совершенствования технического обеспечения сфер образования, здравоохранения и т. д. Изготовители баз данных, включающих в том числе персональные данные, стремятся защитить свой коммерческий интерес, поскольку в создание информационного хранилища вкладываются значительные инвестиции.

Таким образом, цифровая трансформация общества формирует необходимость детальной правовой регламентации степени дозволенности свободного поиска и обмена информацией, а также целей ее использования, с учетом интересов изготовителей баз данных, разработчиков искусственного интеллекта, пользователей и субъектов персональных данных.

**Новикова А. В.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Вопросы интеллектуальных прав при использовании искусственного интеллекта для перевода текста**

**Аннотация.** В статье анализируются актуальные аспекты интеллектуальных прав на сгенерированный искусственным интеллектом перевод. Рассматривается вопрос авторских прав в отношении двух объектов: сгенерированный нейросетью перевод и сгенерированный перевод, впоследствии отредактированный человеком. Изучены положения пользовательских соглашений специализированных платформ для перевода, предлагающих воспользоваться технологией искусственного интеллекта.

**Ключевые слова:** перевод, сгенерированный перевод, машинный перевод, искусственный интеллект, интеллектуальные права, авторское право, AI-assisted и AI-generated creations, CAT tools.

---

<sup>1</sup> Регламент Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27.04.2016 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR). URL: <https://gdpr-text.com/ru/read/recital-1/> (дата обращения: 20.09.2023).

Технологии неотвратимо меняют привычную реальность, а их грамотное использование дарит преимущества тем, кто идет в ногу со временем. Поэтому в контексте переводческой деятельности специализированные платформы для перевода помимо машинного перевода, начали активно предлагать пользователям воспользоваться помощью искусственного интеллекта.

Искусственный интеллект всё чаще используется как инструмент создания произведений переводчиками, работающими со специальными программами, именуемыми «кошками». CAT (Computer-Assisted Translation) tools незаменимы для перевода больших массивов текста. Примерами таких программ являются Smartcat, Phrase, RWS, memoQ. Особенность осуществляемого ими перевода в том, что при высокой скорости обработки информации взаимосвязанные алгоритмы с высокой точностью выполняет перевод, а программа запоминает предыдущие работы пользователя и автоматически подставляет совпадающие сегменты в новый перевод. Именно это позволяет разграничить машинный перевод, просто переводящий контент с одного языка на другой, не извлекая уроков из прошлого опыта или контекста (такие программы, как Google Translate, Amazon Translate и др.), и AI translation, самообучающийся, учитывающий тип контента и целевой язык.

Как известно, перевод согласно пп. 9 п. 2 ст. 1270 Гражданского кодекса РФ считается частным случаем переработки произведения<sup>1</sup>. Переводчику принадлежат авторские права на осуществленный перевод при условии соблюдения прав авторов оригинальных произведений<sup>2</sup>. В свою очередь, при тенденции осуществления перевода посредством искусственного интеллекта необходимо рассмотреть ряд правовых вопросов, в том числе связанных с интеллектуальными правами.

В первую очередь важно определить, возникают ли авторские права на сгенерированный нейросетью перевод? Для этого изучим два объекта: сгенерированный перевод и отредактированный перевод, отредактированный человеком впоследствии.

Обратимся к классификации произведений на AI-assisted и AI-generated, которая зародилась в праве Европейского Союза. В соответствии с ней выделяют произведения, созданные человеком с помощью технологии искусственного интеллекта (AI-assisted human creations) и произведения, созданные непосредственно технологией искусственного интеллекта (AI-generated creations). В сущности эта классификация помогает в зависимости от степени вовлеченности человека в процесс создания объекта определить, должен ли такой объект быть охраняемым результатом интеллектуальной деятельности.

Перевод, сгенерированный искусственным интеллектом, является произведением, созданным непосредственно технологией искусственного интеллекта (AI-generated creations), поскольку он основан на заранее созданных и общих для

---

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. № 289. 22.12.2006.

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. № 289. 22.12.2006.

функционирования нейросети программах, а также степень вовлеченности человека при контроле процесса минимальна. Согласно ст. 1257 ГК РФ автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Следовательно, генерируемый искусственным интеллектом перевод не должен являться объектом авторского права.

Другим объектом является перевод, осуществленный с использованием искусственного интеллекта, когда сгенерированный перевод впоследствии редактируется человеком. Такой перевод можно считать созданным человеком с помощью технологии искусственного интеллекта (AI-assisted human creations), поскольку в этом случае нейросеть выступает инструментом, выдающим промежуточный результат, а человек дополнительно изменяет текст. Представляется, что на такой перевод будут распространяться авторские права, а автором будет считаться человек-переводчик, редактирующий впоследствии сгенерированный текст.

При правовом анализе отредактированного человеком сгенерированного нейросетью перевода обратимся к следующим критериям охраноспособности объектов авторского права, установленным Гражданским кодексом Российской Федерации: творческий характер труда создателя произведения (ст. 1257) и выражение произведения в объективной форме (п. 3 ст. 1259). В то время, как соответствие критерию выражения произведения в объективной форме очевидно (объективной формой выражения произведения будет текст), толкование критерия творческого характера труда может вызвать обоснованные дискуссии. Будет ли редактирование сгенерированного перевода соответствовать критерию творческого характера труда?

В. И. Серебровский отмечает, что «творчество — это сознательный и в большинстве случаев весьма трудоемкий процесс, имеющий своей целью достижение определенного результата»<sup>1</sup>. В доктрине результату творческой деятельности приписывают акцентированный субъективный оттенок и он рассматривается в неразрывной связи с личностью автора<sup>2</sup>. Редактирование перевода может включать в себя действия человека по выбору вариантов, замене словосочетаний, подобранных алгоритмом. Можно считать, что такое переосмысление сгенерированного перевода человеком в процессе внесения изменений допустимо признать творческой деятельностью. На практике стоит опираться на положение о том, что «пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом»<sup>3</sup>.

Обратившись к положениям пользовательских соглашений специализированных сервисов, проанализированных в ходе исследования, обнаружим

<sup>1</sup> Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. 1956. С. 34.

<sup>2</sup> Мерзликина Р. А., Юмашев А. С. Еще раз о творчестве как о признаке объектов авторского права // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2007. № 2. С. 17.

<sup>3</sup> Абз. 2 п. 28 постановления Пленума ВС РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. № 6. июнь, 2009.

вопрос разрешения на использование текстов, загружаемых в программу для ее обучения.

Так, среди условий Пользовательского соглашения Smartcat относительно взаимодействия с искусственным интеллектом выделяется только положение, заверяющее, что Smartcat не будет использовать пользовательский контент для обучения или улучшения каких-либо моделей искусственного интеллекта<sup>1</sup>. Пользовательское соглашение Phrase так же акцентирует внимание на аспект машинного обучения в соответствующем разделе. Среди 3 упомянутых моделей машинного обучения отмечается возможность обучения искусственного интеллекта, настроенного или адаптированного под конкретного пользователя на основе данных этого пользователя с его явного согласия или запроса<sup>2</sup>.

Итак, сгенерированный искусственным интеллектом перевод не может являться объектом авторских прав, за исключением сгенерированных переводов, отредактированных впоследствии человеком. Редактирование человеком такого перевода обладает творческим характером труда.

**Панарина А. Д.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Использование товарного знака конкурента как акт недобросовестной конкуренции**

**Аннотация.** Товарный знак является средством индивидуализации субъекта, позволяющий выделиться на рынке среди конкурентов. Недобросовестные конкуренты используют чужие товарные знаки, что расценивается как паразитарная конкуренция.

**Ключевые слова:** товарный знак, конкуренция, деловая репутация, субъект-конкурент, охрана, бренд, паразитарное приращение, исключительные права, смешение.

«Паразитарная» конкуренция как отдельный вид недобросовестной конкуренции в сфере исключительных прав на средства индивидуализации заключается в действиях субъектов, направленных на использование в целях продвижения собственных товаров или услуг достижений и деловой репутации другого хозяйствующего субъекта и коммерческой ценности средств индивидуализации его предприятия, производимых им товаров, оказываемых услуг. К такой конкуренции Всемирная организация

<sup>1</sup> Пункт В раздела VI Пользовательского соглашения Smartcat. URL: <https://www.smartcat.com/legal/terms/#term-8> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Пункт «Машинное обучение» раздела 16 Пользовательского соглашения Phrase. URL: <https://phrase.com/terms/> (дата обращения: 20.09.2023).

интеллектуальной собственности относит действия, способные повлечь ослабление различительной способности товарного знака<sup>1</sup> и действия по использованию чужой репутации. Виды подобной недобросовестной конкуренции бывают абсолютно разными, однако у каждой из них общая цель — использовать чужой бренд, его деловую репутацию и доверие потребителей в корыстных целях. В статье рассмотрим, по какой причине товарный знак используется конкурентами, и какая практика по борьбе с недобросовестными хозяйствующими субъектами существует в настоящее время.

Итак, товарный знак (ТЗ) является своеобразной визиткой компании. По целевому назначению он должен привлекать внимание потребителей и вызывать ассоциации с брендом. По этой причине основные требования к ТЗ: простота, уникальность, узнаваемость, оригинальность. Далее более подробно рассмотрим основные характеристики ТЗ и причины, по которым его стоит зарегистрировать:

— **Защита бренда.** Производители продукции защищают товарной маркой свой товар от копирования и использования их имени третьими лицами. В случае использования ТЗ третьими лицами ее правообладатель может получить материальную компенсацию;

— **ТЗ — способ выделиться среди конкурентов.** Для того чтобы потребители могли отличить один товар от другого, необходимо указывать ТЗ на упаковке или на самом товаре;

— **Защита от патентных троллей.** В настоящее время распространена практика, когда третьи лица находятся в поисках незарегистрированных брендов и регистрируют их на себя с целью дальнейшего шантажа;

— **Гарантия качества.** ТЗ компании, широко известной потребителям, внушает доверие и создает впечатление, что качество товара защищено законом и гарантировано продавцом. В частности, по этой причине недобросовестные конкуренты пренебрегают правилами действующего законодательства и используют ТЗ конкурентов, «паразитируя» на их бренде.

В России не допускается недобросовестная конкуренция путем совершения хозяйствующим субъектом деяний, способных вызвать смешение с деятельностью хозяйствующего субъекта — конкурента либо с товарами или услугами<sup>2</sup>, в том числе:

— незаконное использование обозначения, тождественного товарному знаку хозяйствующего субъекта — конкурента либо сходного с ними до степени смешения, путем его размещения на товарах, этикетках, упаковках или использования иным образом в отношении товаров, которые продаются либо иным образом вводятся в гражданский оборот на территории РФ, а также путем его использования в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, включая размещение в доменном имени и при других способах адресации;

<sup>1</sup> Товарный знак — зарегистрированное текстовое или графическое обозначение, нанесенное на упаковку, саму продукцию или используемое в рекламе для индивидуализации продукта или услуги (ст. 1477 ГК РФ).

<sup>2</sup> Статья 14.6 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».

— копирование или имитация внешнего вида товара, вводимого в гражданский оборот хозяйствующим субъектом — конкурентом, упаковки такого товара, его этикетки, наименования, цветовой гаммы, фирменного стиля в целом (в совокупности фирменной одежды, оформления торгового зала, витрины) или иных элементов, индивидуализирующих хозяйствующего субъекта — конкурента и (или) его товар.

Кроме того, подобный запрет установлен на мировом уровне: подлежат запрету все действия, способные каким бы то ни было способом вызвать смешение в отношении предпрятия, продуктов или промышленной или торговой деятельности конкурента<sup>1</sup>. Признается, что создание смешения является наиболее распространенным актом недобросовестной конкуренции в мировой практике<sup>2</sup>.

Согласно Закону о защите конкуренции, объектами, в отношении которых может быть создано смешение, являются принадлежащие хозяйствующему субъекту — конкуренту средства индивидуализации, включая товарные знаки, фирменные наименования, коммерческие обозначения и иные.

Правоприменительная практика выработала критерии<sup>3</sup>, согласно которым можно выявить паразитарную конкуренцию. Например, использование спорного обозначения иными лицами до даты подачи заявки на регистрацию обозначения в качестве товарного знака, известность правообладателю факта использования такого обозначения иными лицами до даты подачи им заявки на регистрацию, наличие конкурентных отношений на момент подачи заявки на регистрацию обозначения.

Недавно Суд по интеллектуальным правам<sup>4</sup> (далее — СИП) рассмотрел спор между организацией, обратившейся с заявкой на регистрацию обозначения «Пионерская зорька» в качестве товарного знака (далее — заявитель), и Роспатентом, отказавшим в регистрации обозначения. Отказывая в регистрации ТЗ Роспатент указал, что заявленное обозначение воспроизводит обозначение «Пионерская зорька», используемое в качестве названия советской радиопередачи. Документов, подтверждающих, что заявитель имеет право на использование названия известной советской радиопередачи, представлено не было. Как следствие, Роспатент констатировал, что спорное обозначение способно ввести потребителя в заблуждение относительно лица, производящего товары и оказывающего услуги.

СИП поддержал отказ Роспатента и указал, что с учетом широкой известности одноименной радиопередачи, к созданию которой заявитель не имеет отношения, регистрация наименования в качестве товарного знака без разрешения право-

<sup>1</sup> Статья 10.bis (3) «Конвенции по охране промышленной собственности» (ред. от 02.10.1979) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Еременко В. И. Вопросы недобросовестной конкуренции в рамках «четвертого анти-монопольного пакета» // Конкурентное право. 2016. № 1. С. 8.

<sup>3</sup> Лазарев Я. О. «Обобщение некоторых подходов ФАС России к рассмотрению дел о паразитарной конкуренции» // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2020. № 6.

<sup>4</sup> Решение Суда по интеллектуальным правам от 11.09.2023 по делу № СИП-454/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

обладателей такого произведения будет вводить потребителей в заблуждение и является проявлением паразитарной конкуренции на репутации и известности объекта авторского права, известного российским потребителям.

Данное решение показывает, что проблема паразитического маркетинга в настоящее время актуальна. Резюмируя вышесказанное, ТЗ является средством индивидуализации, охраняемым законом, а его использование конкурентом в том числе в противоправных целях недопустимо не только в России, но и во всем мире. Незаконная маркировка чужим ТЗ или ссылка на ТЗ конкурента является паразитарным прикреплением, которое квалифицируется как недобросовестная конкуренция.

**Пасканый М. Р.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Интеллектуальные права в современном социокультурном пространстве**

**Аннотация.** В статье рассмотрена сущность интеллектуальных прав, которые изменяются под воздействием качественных изменений социокультурной парадигмы в связи с формированием нового общества. Актуальность изучения проблем в области правовых положений интеллектуализации напрямую связана с ключевым значением интеллектуальных ресурсов в научно-техническом прогрессе. Общественные отношения изменяются, и для успешной адаптации к ним национальной системы всех уровней необходимо существенно переработать действующую законодательную систему, направив ее на успешную интеллектуализацию всех сфер жизнедеятельности.

**Ключевые слова:** интеллектуальные права, социокультурное пространство, интеллектуальная собственность, интеллектуальный капитал, интеллектуализация.

В сфере общественных отношений сложились тенденции трансформации социально-экономической национальной системы путем повсеместной интеллектуализации<sup>1</sup>. В свою очередь, это привело к формированию нового общества, в котором устойчивые связи способствуют возрастанию нематериального потребления и созданию интенсивных способов ведения хозяйствования. Перенос национального богатства из материальной сферы в нематериальную создают проблемы в правовой среде, которая должна адаптироваться к тенденциям не только на национальном, но и на международном уровне, затрагивающим все субъекты, функционирующие на глобальном экономическом поле<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Ильченко С. В., Дмитриев Н. Д., Роков А. И. Интеллектуальный капитал как один из факторов развития социально-корпоративных технологий // Вестник Университета. 2020.

<sup>2</sup> Антипина Н. Л., Моор С. М., Мурзина Е. В. Интеллектуализация общества: социально-экономические проблемы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 316.42.



Если проанализировать исторические особенности, то интеллектуальное право рассматривалось на протяжении долгого времени как составной элемент других правовых институтов, в частности, в рамках естественного права. В естественном праве, выражающем идеальные стороны права, результаты интеллектуальной деятельности являлись природным правом автора творческой деятельности. Стоит учитывать, что естественно-правовая концепция как совокупность классических подходов признавала наличие у человека ряда неотъемлемых прав, определяющих его непосредственную принадлежность к человеческому роду, а становление новых подходов, учитывающих всестороннее изучение составляющих элементов интеллектуального права, произошло значительно позже. К таким элементам относятся психологические, социальные, культурные аспекты создания интеллектуального труда. Расширенное рассмотрение результатов интеллектуального труда в правовой науке приводит к необходимости его более детального изложения в законодательстве

К сожалению, правовые аспекты интеллектуальной собственности в действующем российском законодательстве еще не до конца сформированы и не могут с достаточной степенью эффективности регулировать процессы создания результатов интеллектуальной деятельности, а также предоставить справедливые условия их охраны. Объекты интеллектуальной собственности рассмотрены Гражданским кодексом РФ в статье 1225: авторское право; права, смежные с авторскими; патентное право; нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности. Согласно законодательству, данный список является исчерпывающим. Таким образом, наблюдается наличие серьезных ограничений в признании результатов интеллектуальной деятельности объектами интеллектуальной собственности.

Тенденции в области интеллектуализации диктуют необходимость периодически обновлять научно-теоретические подходы к объектам интеллектуальной деятельности и расширять действующую правовую практику, что связано со многими факторами внешнего воздействия в первую очередь с научно-техническими и социокультурными трансформациями. Если научно-технические аспекты подробно прорабатываются в научном сообществе и постоянно обновляются, то социокультурным элементам уделяется незначительное внимание.

Процессы информатизации общества уже заметно отразились на жизни населения практически во всех странах, внедряясь в социокультурное пространство и приводя к изменениям культурных и правовых координат социума. Такие тренды оказывают прямое воздействие на интеллектуализацию, которая рассматривается не только как основополагающий элемент социально-экономического развития, но и международного частного права.

Отечественная цивилистика ищет пути формирования новых правовых механизмов, способных объяснить существующие явления в национальном правовом пространстве, в том числе и в складывающемся под социокультурными особенностями интеллектуальном праве. Решением данной проблемы может являться

существенное развитие принципиальных подходов, поскольку именно принципы являются фундаментом всего гражданского права, его первоосновой<sup>1</sup>.

Интеллектуальные права становятся основой постиндустриальной экономики в рамках осуществления перехода от массового образования к индивидуализированному, способному обеспечить непрерывное творческое и интеллектуальное развитие личности за счет последних достижений научно-технологического прогресса. Социальное и культурное воздействие оказывает прямое влияние на трансформацию института интеллектуальной собственности, что отражается на трудовом потенциале страны и требует дополнительного регулирования со стороны нормативно-правовой базы<sup>2</sup>. Позитивное восприятие творческой интеллектуальной деятельности социума и стремление воплотить в жизнь различные идеи инновационного и технологического характера ставят вопросы перед предоставлением справедливой защиты результатов интеллектуальной деятельности<sup>3</sup>

Российское законодательство нуждается в существенном совершенствовании, поскольку повышение конкурентоспособности страны в социальном, экономическом и политическом направлениях возможно лишь при развитом институте интеллектуальной собственности, постоянно развивающимся под воздействием внешней среды и учитывающем интересы каждого участника гражданско-правовых отношений. Потенциальные возможности расширения объектов интеллектуальной собственности приводит к необходимости отойти от прямолинейного развития, приводящего к оттоку национального интеллектуального потенциала. Отсюда следует необходимость изменения законодательства в области интеллектуальных прав и создания более эффективных механизмов его регулирования и защиты, учитывая тенденции социокультурного пространства.

**Турсунов А. Ю., Шматкова Е. С.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

### **Проблема принадлежности авторских прав в digital-искусстве**

**Аннотация.** Необходимость правового регулирования искусственного интеллекта и правового режима продуктов, создаваемых при помощи него, растет с каждым днем. Существуют разные концепции регулирования нейросетей как и в отечественной науке, так и за рубежом.

---

<sup>1</sup> Волос А. А. Сущность и характеристика принципов-методов гражданского права // Вестник СГЮА. 2017. № 5. С. 133–139.

<sup>2</sup> Антипина Н. Л., Моор С. М., Мурзина Е. В. Интеллектуализация общества: социально-экономические проблемы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 316.42.

<sup>3</sup> Дмитриев Н. Д. Формирование инновационных кадров в условиях становления постиндустриальной экономики // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики в современных условиях : сборник конференции. 2020. С. 22–29.

**Ключевые слова:** цифровизация, нейросеть, искусственный интеллект, digital-искусство, объект авторского права.

В настоящее время искусственные нейронные сети (далее — нейросети, ИИ) оказывают влияние на мир всё больше и больше. Так, нейросети используются в медицине, строительстве, культуре и в других сферах деятельности человека. Говоря подробнее о воздействии нейросетей на культуру, следует сказать, что их использование активно задает темп развитию такому направлению как digital-искусство. В частности, при помощи подачи запроса в ИИ, человек может получить готовый результат в виде художественного, музыкального и даже мультипликационного произведения, что буквально десятилетие назад не представлялось возможным.

Встает вопрос правового регулирования объектов, созданных при помощи нейросетей, в частности, в области авторского права и кому принадлежит право на них. Но, прежде чем говорить об этом, следует дать определение понятию «нейросеть» и механизм ее действия в создании объекта digital-искусства.

В Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ есть определение искусственного интеллекта, которое является синонимичным к понятию нейросеть, поэтому будет разумным использовать именно его. Искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»<sup>1</sup>.

Механизм действия нейросети работает путем обучения на большом количестве данных. Сначала данные подаются на вход нейронной сети, где они преобразуются в числовые значения. Затем эти значения передаются на выход сети, где происходит анализ и интерпретация результатов. На выходе получается новый набор данных, который может использоваться для обучения следующей нейронной сети. Процесс повторяется до тех пор, пока сеть не достигнет заданных параметров точности или не будет обучена полностью.

Теперь следует перейти к вопросу авторского права в digital-искусстве. Высказываются различные мнения о том, кому принадлежит авторское право на вещи. Так, П. М. Морхат выделил следующие концепты наделяния ИИ правосубъектностью, в соответствии с которыми будет решен вопрос о выборе носителя права на результаты интеллектуальной деятельности:

<sup>1</sup> Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О персональных данных» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

1. Машиноцентрический концепт (ИИ является полноправным автором создаваемых им произведений);
2. Концепт гибридного авторства (ИИ является соавтором человека в создании произведений);
3. Концепт служебного произведения (ИИ сравнивается с наемным работником, создающим результаты интеллектуальной деятельности);
4. Антропоцентрический концепт (ИИ — инструмент человека для создания определенных результатов интеллектуальной деятельности);
5. Концепт «исчезающего» (нулевого) авторства;
6. Контаминационный концепт, отражающий особо сложные ситуации пересечения названных концептов (в разных сочетаниях и с разными весовыми характеристиками)<sup>1</sup>.

Предполагается, что в настоящее время невозможно говорить о правосубъектности нейросети, потому что она не может и не должна быть автором того или иного объекта авторского права, поскольку нейросеть выдаст результат только с запросом лица для нейросети создать что-то и деятельности лица, которое выступает в качестве разработчика ИИ.

Кроме этого, в соответствии со статьей 1257 ГК РФ нельзя не учитывать и существующее определение «автора произведения», согласно которому им признается гражданин, творческим трудом которого произведение было создано<sup>2</sup>.

Для признания результата интеллектуальной деятельности объектом авторских прав необходимо, чтобы он соответствовал двум критериям охраноспособности: творческий характер труда создателя произведения и объективная форма выражения согласно п. 3 ст. 1259 ГК РФ<sup>3</sup>.

Из этого следует, что нейросеть никак нельзя считать ни автором, ни соавтором произведения, поскольку деятельности нейросети не обладает творческим характером. И наиболее верным является антропоцентрический концепт из приведенной выше классификации.

Однако всё же, дискуссионным остается вопрос, признавать ли объектом авторских прав произведения, созданные с помощью ИИ и кого же признавать автором — программиста-разработчика создавшего нейросеть или пользователя, введившего запрос. Или же признавать получившееся произведение результатом их совместной деятельностью — соавторством.

Прежде чем определять место субъектов в digital-искусстве, необходимо понять возможность отнесения сгенерированных с помощью нейросети объектов к результатам интеллектуальной деятельности (далее — РИД) и распространения на них правовой защиты как объекта авторского права.

<sup>1</sup> Морхат П. М. Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект : монография. М. : Юнити-Дана, 2018. 121 с.

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (в актуальной редакции) // Российская газета. 2006.

<sup>3</sup> Там же.

Если опираться на критерии охраноспособности РИД, то объективной форме продукт digital-искусства соответствует ему, так как перечень, указанный в статье 1259 ГК не является исчерпывающим и электронная форма будет объективной<sup>1</sup>.

Коллизия возникает на моменте наличия творческого характера труда гражданина создавшего произведение. В отечественной доктрине выделено два подхода к пониманию творчества (творческой деятельности): субъективный и объективный. Согласно субъективному подходу, чтобы произведение являлось объектом авторского права, оно должно отражать личность и индивидуальность его создателя<sup>2</sup>. Объективный подход, указывает не на творческую деятельность конкретного автора, а на творческий характер результата<sup>3</sup>.

Поскольку законодатель основывается на первом подходе, то есть необходим творческий характер труда, то возникает вопрос — можно ли считать ввод человеком конкретного запроса нейросети его творческой деятельностью? Ведь, чем красочнее, четче, конкретнее будет запрос, тем нейросеть более точно представит результат. И если считать ИИ инструментом для создания произведения, не будет ли у созданного результата названных критериев охраноспособности, как объекта авторского права. Соблюдение и объективной формы, и отражение в произведении индивидуальности автора.

Примечателен опыт регулирования данного вопроса в зарубежных странах. В Резолюции Европарламента № 2020/2015 различают два вида произведений: созданные человеком при помощи ИИ и созданные ИИ автономно<sup>4</sup>. Для первого случая, в п. D Резолюции указывается необходимость в защите лиц, которые создают произведение с помощью ИИ, поскольку иначе это «лишает людей-создателей получать справедливое вознаграждение, чей оригинальный труд используется для обеспечения работы таких технологий»<sup>5</sup>.

Подводя итог, можно сделать вывод, что есть и теоретические представления закрепления авторского права на РИД, созданных при помощи ИИ, и практика регулирования в зарубежных странах. Однако для разрешения проблемы принадлежности авторских прав в digital-искусстве, необходимо разрешить ряд фундаментальных вопросов, которые напрямую затрагивают две ключевые фигуры в процессе созда-

<sup>1</sup> Там же.

<sup>2</sup> Иоффе О. С. Советское гражданское право // В 3 т. Т. 3. Л., 1965. С. 5 ; Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. М., 1956. С. 34 ; Дозорцев В. А. // Указ. соч. С. 280.

<sup>3</sup> Гордон М. В. Советское авторское право. М., 1955. С. 63 ; Ионас В. Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике. М., 1963. С. 23 ; Кашанин А. В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 97.

<sup>4</sup> Резолюция Европарламента № 2020/2015 «О правах интеллектуальной собственности для разработки технологий искусственного интеллекта». URL: [https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0277\\_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0277_EN.pdf) (дата обращения: 26.09.2023).

<sup>5</sup> Там же.

ния продукта digital-искусства: разработчика нейросети и пользователя нейросети. Наиболее рациональным предлагается закрепление авторских прав за пользователями и уплата определенной денежной суммы разработчику за использование пользователями нейросети, которая будет для них словно кисти, краски и холст для художника — инструментом для создания произведений.

**Федорова В. В.**

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина РАНХиГС  
Студент

### **Охраноспособность «исполнения» артиста, участвующего в съемках с использованием технологии motion capture с точки зрения гражданского законодательства**

**Аннотация.** В статье рассматриваются основные вопросы применимости норм об исполнении как результате интеллектуальной деятельности, защищаемом гражданским законодательством, к работе артиста, участвующего в создании кинематографического персонажа с помощью технологии motion capture. Анализируется соответствие деятельности актеров, с помощью которых производится захват движения для цифровой модели критерию «творчества», характеризующему исполнение, понимаемое в классическом смысле.

**Ключевые слова:** смежные права, исполнение, исполнитель, motion capture, технология захвата движения, правовая защита.

Стремительное развитие индустрии развлечений во многом обусловлено повсеместным внедрением в нее современных технологий, которые позволяют максимально расширить горизонты доступных конечному потребителю видов и форм досуга. Одной из наиболее динамично осваивающих технологические новшества отраслей, безусловно, является кинематограф, который уже невозможно представить без масштабных и динамичных сцен, создаваемых с применением технических средств, избавляющих от необходимости разработки сложных декораций и грима. Такие средства дают возможность с помощью компьютерной графики не только детально изменить внешность отснятого персонажа, но и вообще оставить от него одни движения, как, например, и происходит во время съемки сцен с помощью технологии motion capture или «захват движения».

Целью данного исследования стало выяснить, можно ли считать актера, чьи движения записываются для персонажа с помощью технологии захвата движения, исполнителем в гражданско-правовом смысле. Для достижения поставленной цели требовалось выполнить следующие задачи: изучить специфику актерской деятельности, связанной с использованием motion capture, проанализировать, имеется ли в этой деятельности творческая составляющая, необходимая для признания ее охраноспособности, изучить практику предоставления правовой за-

щиты цифровым моделям движения, созданных с помощью технологий захвата движения, сделать необходимые выводы по результатам изучения полученного материала.

В первую очередь следует подробнее рассмотреть саму сущность технологии motion capture (или технологии захвата движения). Технология захвата движения — метод анимации персонажей и объектов, основанный на фиксации движения моделей с помощью специальных камер и датчиков, нанесенных на костюм актера. При этом захват мимики артиста данной технологией не предусмотрен и персонаж, созданный с помощью оцифрованных движений может не только не унаследовать лицо своей модели, но и вообще не иметь человеческого лица. В процессе изучения технических аспектов записи движений, выполняемых актером, возникает неизбежный вопрос: какие же именно движения артиста, служащие основой для цифровой модели персонажа, следует считать творчеством. Можно ли распространить понятие «творчество» на всю пластику актера или же следует исключить из творческой деятельности простые движения, не требующие особого вклада, такие как бег или ходьба?

Под охраноспособным с точки зрения ГК РФ исполнением, являющимся объектом смежных прав, понимается результат исполнительской деятельности, а именно исполнения артистов-исполнителей и дирижеров<sup>1</sup>. Статья 3 Римской конвенции 1961 г.<sup>2</sup> в качестве исполнителей перечисляет различных актеров, певцов, музыкантов, танцоров или других субъектов творческой деятельности, которые играют роли, поют, читают, декламируют, исполняют или каким-либо иным образом участвуют в исполнении литературных или иных художественных произведений. Ожидаемо, отдельного указания на motion capture — актеров в этих актах обнаружить не удастся.

Детальный анализ норм ГК РФ позволяет утверждать, что не всякий актер, являющийся моделью для motion capture — видео может считаться исполнителем. С точки зрения теории ключевой характеристикой исполнителя является его творчество, определить наличие которого в работе конкретного актера может быть довольно трудно, особенно если его вклад в создание фильма крайне незначителен по хронометражу или представляет собой обычные бытовые движения.

Один из основных доктринальных подходов к вопросу охраноспособности исполнения предлагает оценивать «творчество» исполнителя с точки зрения качественного и количественного критерия<sup>3</sup>. «Качеством» творчества предлагается

<sup>1</sup> Гришаев С. П. Постатейный комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации // Гарант. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/77140578/paragraph/1990> (дата обращения: 25.09.2023).

<sup>2</sup> Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г.) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО, М., 1991. С. 451.

<sup>3</sup> Матвеев А. Г. Условия охраноспособности исполнений как объектов смежных прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 4. С. 5–14.

считать художественный вклад в исполнение, а «количеством» — объем вклада конкретного актера в исполнение. Основная проблема данного способа определения охраноспособности состоит в том, что работа актеров, запись движений которых необходима для создания второстепенных персонажей, может быть отсеяна по количественному критерию, в связи с незначительностью их вклада в общий процесс создания фильма. Данный подход не совсем универсален, но пока что он остается одним из наиболее применимых для регулирования правовой охраны motion capture.

Вызывает особый интерес тот факт, что зарубежное право так же не имеет совершенной модели правовой охраны motion capture — артистов, которая не вызвала бы претензий как со стороны актеров, желающих ограничить несанкционированное использование своего творчества, так и со стороны кинокомпаний, которые хотели бы владеть оцифрованными базами движений для своих постановок. В частности, некоторые общественные организации (WIPO) публично задают вопрос о том, имеют ли актеры, «дающие» свои движения персонажам, какую-либо возможность влиять на дальнейшее использование результатов своей деятельности<sup>1</sup>.

Практика показывает, что артисты, чьи движения оцифрованы, выступают в роли фактически бесправной стороны договора. Так, например, во время съемок одной из частей фильма «Матрица» компания «Warner Bros» заявила о своем праве на создание цифровой библиотеки отсканированных движений для их последующего неограниченного использования в своих проектах<sup>2</sup>. Подобная ситуация ставит актера в крайне невыгодное положение, ведь движения, выполненные актером, могут отличаться крайне выраженной творческой составляющей (в случае, если мы имеем дело с индивидуальными особенностями походки, навыками в области боевых искусств, танцев или акробатики и т. д.) Однако до сих пор вопрос о том, что следует делать правоприменителям при возникновении аналогичных споров, не разрешен ни в судебных решениях, ни нормативных правовых актах.

Подводя итоги, необходимо еще раз отметить, что на цифровой образ движений, созданный с помощью технологии motion capture, на данный момент практически невозможно распространить правовой режим, предусмотренный ГК РФ для исполнения. В связи с этим по-прежнему сохраняется острая необходимость в каждом конкретном случае заключения соглашения с motion capture — артистами подробно обговаривать условия, которые будут ограничивать свободное использование данных оцифрованного движения. В противном случае, артисты могут быть ущемлены в своем праве на вознаграждение, если единожды созданная цифровая модель будет использована многократно и без их согласия.

<sup>1</sup> Житкова Д. А. Правовые аспекты создания визуального образа персонажа видеоигры // Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы: коллективная монография / под науч. ред. М. А. Рожковой, Р. Л. Лукьянова. М. : Развитие правовых систем, 2023. С. 121–127.

<sup>2</sup> Jet Li Rejected Starring in ‘The Matrix’ Sequels Because He Didn’t Want to Lose Ownership of His Martial Arts Moves // IndieWire. URL: <https://www.indiewire.com/features/general/jet-li-rejected-the-matrix-sequels-martial-arts-1202013491/> (дата обращения: 25.09.2023).



## XVIII. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ: ПУТЬ К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ СУВЕРЕНИТЕТУ

**Анепкин А.В**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Правовое регулирование импортозамещения в легкой текстильной промышленности: анализ и перспективы**

**Аннотация.** Данная научная статья проводит анализ правового регулирования импортозамещения в легкой текстильной промышленности. Предметом исследования являются основные нормативные правовые акты, предусмотренные для поддержки и развития отечественного текстильного производства. Целью статьи является выявление эффективности данных мер и определение перспектив дальнейшего развития на основе юридической практики и опыта.

**Ключевые слова:** импортозамещение, интеллектуальная собственность, легкая текстильная промышленность, патентное право.

Современная легкая текстильная промышленность сталкивается с рядом вызовов и проблем, связанных с интенсивным импортом текстильной продукции. В условиях глобализации и открытых рынков, важным направлением развития является импортозамещение — процесс замещения импортируемой продукции отечественным производством. Однако для эффективного осуществления этого процесса необходимо правовое регулирование, которое бы содействовало развитию и поддержке отечественного текстильного производства.

Актуальность импортозамещения в легкой текстильной промышленности обусловлена несколькими факторами:

**Экономические выгоды:** замена импорта отечественным производством способствует сокращению расходов на импорт текстильной продукции и стимулирует развитие национальной экономики. Увеличение доли отечественного производства в этой отрасли может улучшить торговый баланс страны и создать новые рабочие места.

**Геополитическая независимость:** сокращение зависимости от импорта текстильной продукции позволяет государству укрепить свою экономическую и политическую независимость от других стран. Это особенно важно в условиях изменчивости мировой политической ситуации и торговых войн.

**Развитие инноваций и технологий:** импортозамещение стимулирует развитие национальных производственных технологий и инноваций. Это может способствовать повышению качества и конкурентоспособности отечественной продукции, а также развитию научно-исследовательских центров и инжиниринговой индустрии.

Безопасность и устойчивость поставок: опережающее развитие отечественного текстильного производства позволяет обеспечить стабильные поставки и обходить возможные проблемы с внешними поставщиками, такими как политические конфликты, транспортные проблемы или экономические кризисы в других странах.

Экологическая устойчивость: легкая текстильная промышленность имеет значительные экологические последствия, сопряженные с транспортировкой продукции на большие расстояния. Местное производство может снизить негативное воздействие на окружающую среду и ресурсы, связанные с дальнейшей транспортировкой и использованием энергии.

Все эти факторы указывают на актуальность и важность импортозамещения в легкой текстильной промышленности для экономики, геополитики, инноваций, безопасности и экологической устойчивости.

В процессе исследования перспектив правового регулирования импортозамещения использовался метод сбора и анализа данных.

Вторая глава Федерального закона «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров»<sup>1</sup> посвящена защите отечественного производителя, но как следует из названия закона только при импорте товаров. Федеральный закон применяется к правоотношениям, возникающим в связи с расследованиями, которые предшествуют введению специальных защитных, антидемпинговых или компенсационных мер при импорте товаров. Также важно отметить, что многие таможенные тарифы указаны в НК РФ<sup>2</sup>. После ухода импортной продукции законодатель в перспективе может внести ряд изменений в законодательные акты или же написать новый, в котором будут предусмотрены следующие средства для защиты:

1. Защитные пошлины: Федеральное правительство может устанавливать защитные пошлины на импортируемые товары, чтобы ограничить их доступность на внутреннем рынке. Это может подтолкнуть отечественных производителей к увеличению производства и замене импортных товаров.

2. Регулирование торговых соглашений: Федеральный закон может устанавливать правила торговли и требования к импорту, чтобы содействовать развитию отечественных отраслей. Такие требования могут относиться к качеству, безопасности, стандартам или сертификации товаров, что создает дополнительные условия для импорта и озадачивает иностранных производителей.

3. Финансирование и поддержка: федеральное правительство может предоставлять финансовую поддержку, субсидии или льготы для отечественных производителей, чтобы они могли увеличить свою конкурентоспособность и замещать важные импортные товары.

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 08.12.2003 № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Указанные меры могут варьироваться в зависимости от страны и ее политики в отношении импортозамещения. Они могут быть реализованы через различные положения и изменения в федеральных законах о тарифах и пошлинах, чтобы создать благоприятные условия для развития отечественного производства и замещения импортных товаров.

Не менее актуальна проблема правового регулирования патентных прав и интеллектуальной собственности. Оно включает в себя нормативные правовые акты, которые устанавливают права и обязанности владельцев патентов и других объектов интеллектуальной собственности, а также процедуры и способы защиты этих прав. Все они в основном регулируются четвертой главой ГК РФ<sup>1</sup>, а также такими нормативными актами как о внесении изменений в Федеральный закон «О патентных поверенных»<sup>2</sup> и Федеральный закон «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»<sup>3</sup>.

1. Инновационное развитие: защита патентных прав и интеллектуальной собственности стимулирует инновационную деятельность, поскольку предприятия и инвесторы могут быть уверены в возможности защиты своих интеллектуальных активов и получении материальной выгоды от своих открытий.

2. Трансфер технологий: правовая защита патентов и интеллектуальной собственности может способствовать передаче технологий и знаний между предприятиями, что способствует росту производительности и экономическому развитию.

3. Защита интересов общества: правовое регулирование патентных прав и интеллектуальной собственности способствует сохранению и использованию интеллектуального потенциала, что способствует улучшению качества жизни и развитию науки и технологий.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о необходимости дальнейшего усовершенствования правового регулирования импортозамещения в легкой текстильной промышленности. Для достижения устойчивого развития и конкурентоспособности отечественного текстильного производства необходимы комплексные меры, учитывающие не только экономический, но и социальный и экологический аспекты. Активное взаимодействие государства, предприятий и общественности способствует формированию правовой базы, способной эффективно регулировать процессы импортозамещения в легкой текстильной промышленности и обеспечивать устойчивое развитие данного сектора экономики.

<sup>1</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> О внесении изменений в Федеральный закон от 21.12.2021 № 416-ФЗ «О патентных поверенных» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров. Закон РФ от 23.09.1992 № 3520-1 // СПС «КонсультантПлюс».

### Путь к технологическому суверенитету в контексте последних событий: спад или новые возможности

**Аннотация.** В статье рассматривается вопрос, как российская экономика отреагировала на события февраля 2022 г. и введение санкций со стороны Европейских государств. Технологический суверенитет пришел вместо термина «импортозамещение» и отразился на независимости России от других стран. С кем Россия заключила новые соглашения и с кем потенциально может расширить договоренности?

**Ключевые слова:** Экономика, технический суверенитет, санкции, производство, предпринимательская свобода, параллельный импорт

События начала 2022 г., которые охарактеризовались введением пакетов санкций со стороны стран «коллективного Запада», напрямую сказались на формате и векторах развития отечественной экономики. Введенные санкции против России показали зависимость некоторых отраслей производства и технологий от поставок и услуг иностранных компаний. Выразилось это в том, что российские производители ряда отраслей ощутили дефицит товаров и комплектующих в связи с ограниченностью или прекращением поставок из-за границы при отсутствии российских аналогов.

Однако не так давно использовался термин импортозамещение, но с 2022 г. используется термин «технологический суверенитет», который позволит обеспечить научно-техническое развитие технологий и инфраструктуры для достижения независимости от зарубежных технологий.

Чтобы показать значимость импорта, обратимся к данным Ассоциации разработчиков и производителей электроники (АРПЭ). Так, ежегодно в России продается вычислительной техники примерно на 7,5 млрд. долл. США, при этом российского производства — всего на сумму около 500 млн. долл. Следует также отметить, что вся российская вычислительная техника создается на основе импортных комплектующих из стран ЕС и Азии. Это привело к тому, что к началу 2022 г. 90% российских компаний использовали зарубежное правовое обеспечение. Эта статистика показывает пробел российского технического производства<sup>1</sup>.

Однако некоторые российские ученые-экономисты, такие как, Александр Аузан, Софья Донец, Наталья Зубаревич отмечают<sup>2</sup>, что российская экономика потерпела значимый спад, но, в свою очередь, она справляется с ограничениями лучше, чем можно было ожидать; экономика не рухнула и даже начала восстанавливаться по-

<sup>1</sup> Ассоциация разработчиков и производителей электроники // URL: <http://arpe.ru> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Как экономика России адаптировалась к санкциям и что ее ждет в новом году // URL: <https://www.rbc.ru/economics/04/01/2023/63a02e769a79471e00e74746> (дата обращения: 20.09.2023).

сле падения спроса в добывающих отраслях. Но вопрос в другом, сколько времени потребуется экономике, хотя бы, вернуться на прежний уровень?

Если обратиться к официальным данным Центр Банка РФ, то в 2024 г. прогнозируется рост российской экономики в широком интервале от 0,5 до 2,5%, в 2025 г. — рост в интервале 1,5–2,5%. Что довольно неплохо, после спада на 2.1% в 2022 г.<sup>1</sup>

Способ использования технологического суверенитета, это предоставление преференции для инвесторов в российское производство и льготы для производителей качественного аналога иностранным продуктам ввиду того, что сейчас необходимы инвестиции для реализации национальных продуктов и заключение международных договоров. Видится целесообразность в заключении инвестиционного соглашения с Индией и расширении производства с Китаем. Соглашения с Китаем уже устоялись и долговечны — Китай зарекомендовал себя как надежный партнер. А инвестиционное соглашение с Индией позволит обеим странам усилить свои позиции на международном рынке, так как Индия известна наличием рабочих (трудовых) ресурсов и возможностью поставки товаров в Европу. На данный момент экспорт Китая в Россию составляет 76.1% (9,6% рост за год), на втором месте Белоруссия с 22.5% (рост 6.1% за год) на третьем месте Турция с 9.3% (3.5% рост за год)<sup>2</sup>.

Президент РФ в июне 2022 г. на Петербургском экономическом форуме подчеркнул, что необходимо сформировать технологический суверенитет, который обеспечит формируемой национальной экономической системе как реальную защищенность от внешних негативных факторов, так и основу для прорывов в будущее на основе наукоемких технологий<sup>3</sup>.

Так, год назад Национальное объединение строителей начало составлять реестр импортозамещения. В результате этого выявлено, что к началу 2023 г. в реестре было 2365 импортных позиций с подобранными аналогами от производителей из России и дружественных стран. Товарам 396 иностранных производителей (прежде всего из Германии, Италии, США, Франции) были найдены аналоги 470 производителей из восьми государств. 80% аналогов приходится на Россию, 18% — на Китай, 2% — на Беларусь и другие страны. Согласно данной статистике, мы видим, что Россия предпринимает меры по поиску новых экономических связей, что способствует постепенному выходу из кризиса определенных отраслей производства.

Таким образом, технологический суверенитет можно рассматривать как достигнутый уровень реальной независимости страны в областях науки, техники и технологий, чем обеспечивается беспрепятственная реализация национальных интересов в техносфере с учетом существующих и перспективных угроз.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что санкции создали неоднозначную ситуацию в экономике: перспективный спрос, с одной стороны, и сложности

<sup>1</sup> Центральный банк России. Сайт // URL: <https://www.cbr.ru> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Константинов И. Б., Константинова Е. П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник ПАГС. 2022. № 5.

<sup>3</sup> Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/68669> (дата обращения: 20.09.2023).

в кооперированных связях для развития российских технологий, с другой стороны. Но всё же сто́ит отметить, что российский рынок предпринимает все меры, чтобы экономика стала устойчивой, хотя риски и сохраняются.

**Гридасова Е. В.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Правовой режим инвестиционных платформ**

**Аннотация.** В статье рассматриваются ключевые тенденции развития инвестиционных платформ в Российской Федерации, отражены трактовки понятий «цифровая платформа» и «инвестиционная платформа». Анализируются положения Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», сфера его применения, основные требования к инвестиционным платформам и их операторам.

**Ключевые слова:** правовой режим, инвестиционная платформа, оператор инвестиционной платформы, инвестирование, краудфандинг

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что платформы являются инновационным инструментом динамичного технологического развития и постепенно становятся основой предпринимательской деятельности.

В последние годы интернет-пространство — это одно из самых удобных мест для поиска источников финансирования и развития. Результатом стало формирование благоприятных условий для создания на базе интернет-платформ систем альтернативного онлайн-финансирования, финтех-кредитования различного рода деятельности, в том числе нелегальной. Тогда и появилось понятие «краудфандинг».

Законодательство должно соответствовать динамике происходящих технологических процессов, поэтому с 1 января 2020 г. вступил в силу Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»<sup>1</sup> (далее — Закон об инвестировании).

Предлагаемая модель инвестиционной платформы не является уникальной и не сильно отличается от агрегаторов, существующих в мире, хотя включает в себя новые правовые конструкции, например, утилитарные цифровые права и цифровые свидетельства.

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 172. 07.08.2019.

В самом общем виде, платформа — это информационная система, работающая через сеть Интернет, которая обеспечивает взаимодействие участников платформы друг с другом, позволяя им создавать и обмениваться ценностями.

Если обратиться к статье А. В. Алтухова, И. В. Ершовой, С. Ю. Кашкина, то они понимают под платформой группу технологий, которые используются в качестве основы, обеспечивающей создание конкретизированной и специализированной системы цифрового взаимодействия, и являются ядром инновационного развития<sup>1</sup>.

По мнению А. В. Габова, платформа — это прежде всего сайт, интернет-ресурс, вход в который с использованием технологических инструментов позволяет ее участнику осуществлять дистанционное, электронное, юридически значимое (влекущее правовые последствия) взаимодействие с другими субъектами для различных целей<sup>2</sup>. То есть платформы — это всегда технологическая информационная система, которая использует определенное программное обеспечение, в основном в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Некоторые исследователи рассматривают платформу как имущественный комплекс, который включает в себя не только технические средства и оборудование, но и информацию и права на индивидуализацию<sup>3</sup>.

Законодатель дает нам близкое к приведенным выше позициям понятие с учетом специфики деятельности, осуществляемой на платформе.

Под инвестиционной платформой понимается информационная система в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», используемая для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы<sup>4</sup>.

Инвестиционная платформа должна отвечать техническим требованиям, таким, например, как ведение реестра договоров, обеспечение сохранности и достоверности сведений, а также предоставление сторонам возможности получить текст договора.

Инвестирование с использованием инвестиционных платформ может быть осуществлено четырьмя способами:

- 1) предоставление займов — краудлендинг;
- 2) приобретение эмиссионных ценных бумаг — краудинвестинг;
- 3) приобретение утилитарных цифровых прав (УЦП);
- 4) приобретения цифровых финансовых активов.

<sup>1</sup> Алтухов А. В., Ершова И. В., Кашкин С. Ю. Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.

<sup>2</sup> Габов А. В. Онлайн-урегулирование споров участников цифровых платформ (экосистем) // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 208–235.

<sup>3</sup> Гаврин Д. А. Особенности правового регулирования инвестиционных платформ // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 1.

<sup>4</sup> Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 172. 07.08.2019.

Для субъектов предпринимательской деятельности в привлечении средств путем использования инвестиционной платформы есть ряд преимуществ.

Во-первых, инвестиционные платформы оперативны в обработке заявок на предоставление инвестиций, а также не требуют личного присутствия в офисе. Если обратиться к сайтам платформ, что они работают круглосуточно, подача осуществляется онлайн с минимальным пакетом документов.

Во-вторых, процент одобрения инвестиционных заявок выше, чем у инвестиционных кредитов в банках.

В-третьих, в отличие от банков, где получение кредита может превратиться в длительную процедуру, на платформе деньги достаточно быстро собрать. Чем дольше существует платформа, тем больше на ней инвесторов. Поскольку проектов относительно мало, то каждый новый заемщик сразу вызывает интерес.

Помимо преимуществ привлечения средств через инвестиционные платформы можно выделить и существенные минусы.

В отличие от предложений в банке, процент по займу на платформах высокий. Для предпринимателей, привлекающих денежные средства, это не выгодно, но зато привлекает инвесторов. Срок для возврата займа, как правило, не превышает год, что значительно меньше, чем в банке, но в последнее время некоторые инвестиционные платформы следуют тенденции увеличения сроков.

Закон об инвестициях сравнял в надежности для заемщиков банки и платформы путем установления требований к последним.

Оператором инвестиционной платформы является хозяйственное общество, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляющее деятельность по организации привлечения инвестиций, а также обладающее собственными средствами в размере не менее 5 млн. руб.<sup>1</sup>

Условия взаимодействия между операторами инвестиционных платформ и их клиентами содержатся в Правилах инвестиционных платформ, которые согласуются с Банком России. Они определяют права и обязанности сторон, способы и порядок инвестирования, вознаграждение оператора.

Банк России также ведет реестр инвестиционных платформ, и он носит открытый характер. По состоянию на июнь 2023 г. зарегистрировано 70 инвестиционных платформ. Помимо этого, Банк России включает и исключает сведения об операторах инвестиционных платформ из реестра операторов инвестиционных платформ, контролирует соблюдение операторами инвестиционных платформ требований законодательства, проводит проверки их деятельности<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. № 172. 07.08.2019.

<sup>2</sup> Указание Банка России от 04.12.2019 № 5342-У «О порядке ведения реестра операторов инвестиционных платформ» (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/73428915/> (дата обращения: 13.09.2023).



По данным Банка России объем рынка краудфандинга по итогам 2022 г. составил 20,4 млрд. руб., что на 48% больше, чем объем привлеченных денежных средств на инвестиционных платформах за 2021 г. (13,8 млрд. руб.) — это стало востребованным инструментом развития для субъектов малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, несмотря на большой прогресс в правовом регулировании данной деятельности, сфера применения Закона об инвестировании сильно ограничена. За рамками правового регулирования остались такие модели краудфандинга, которые в зарубежных странах не менее популярны. Так, различные творческие проекты в большинстве случаев финансируются по благотворительной и условно-возвратной модели.

Помимо этого, Закон об инвестировании не предусматривает механизмов защиты прав инвесторов, например, в виде страхования ответственности оператора или средств компенсационного фонда саморегулируемой организации операторов. Целесообразным решением данной проблемы может стать создание саморегулируемых организаций операторов инвестиционных платформ, что значительно повысит уровень доверия инвесторов к данному способу вложения средств.

**Золотухина А. А.**

Оренбургский институт (филиал)  
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
Студент

### **Роль государства в обеспечении технологического суверенитета реального сектора экономики**

**Аннотация.** Современный мир всё больше зависит от использования передовых технологий. Насыщенная конкуренция на глобальном уровне обуславливает необходимость для стран разрабатывать и внедрять собственные инновационные продукты и услуги. В этой связи понятие технологического суверенитета становится актуальным.

**Ключевые слова:** государство, технологический суверенитет, реальный сектор экономики, инновации, развитие, конкурентоспособность.

В связи с введенными в отношении России санкциями, повысилась зависимость российских предприятий от иностранных поставщиков, которые столкнулись с дефицитом сырьевых и полуфабрикатных материалов, не имеющих аналогов на российском рынке. Введение санкций со стороны стран связано с изменением геополитической ситуации, и с санкциями со стороны «коллективного Запада» в отношении России.

Многие западные компании прекратили свою деятельность в России, и, соответственно, возникла необходимость обеспечить российскую экономику необхо-

димыми технологическими ресурсами. Достичь этого можно только при условии достижения технологической независимости. В то же время технологические инновации являются важнейшим фактором экономического развития и обеспечения безопасности страны<sup>1</sup>.

Государство играет ключевую роль в обеспечении технологического суверенитета (TSS) реального сектора экономики. TSS — это способность страны контролировать свои собственные научные исследования, разработки и производство новых продуктов и услуг на основе своих национальных инновационных возможностей. Это позволяет стране укреплять свою конкурентоспособность на мировом рынке и повышать уровень жизни населения.

Важной задачей Правительства является создание прозрачного и эффективного механизма управления TSS, который будет способствовать росту экономической активности и социальному развитию общества РФ.

В целом государство занимает важную роль в обеспечении TSS реального сектора экономики, где задачей является создание благоприятный климат для инноваций и стимулирование развития научно-исследовательских и производственных комплексов, что позволит стране оставаться лидером в глобальной экономике и удовлетворять потребности современного общества.

Проблема обеспечения технологической независимости будет актуальной в ближайшие годы и будет интенсивно обсуждаться учеными и государственными деятелями. Необходимо определить место и роль исследований в этой области, а также рассмотреть проблематику, связанную с технологической независимостью.

В нормативных правовых актах, посвященных технологическому суверенитету России, этот термин фигурирует уже в 32 документах: от протокола заседания Совета Федерации РФ до поручения Президента РФ. В 2022 г. был принят Указ Президента РФ от 14.04.2022 № 203 «О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», который обеспечивает технологическую независимость объектов инфраструктуры.

Политика государства направлена на создание всех условий, которые позволяют осуществлять процесс импортозамещения в различных отраслях экономики.

Правовое регулирование процесса импортозамещения осуществляется на законодательном уровне и на уровне подзаконных актов. В целях проведения анализа процесса импортозамещения, будет проведено исследование данного вопроса в рамках проведения работы в корпорации, которая осуществляет приобретение продукции иностранного производства в целях обеспечения операционно-

---

<sup>1</sup> Бабурина О. Н., Гуриева Л. К. Научно-технологический императив конкурентоспособности России в условиях концептуализации четвертой промышленной революции (Industrie 4.0) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 15. Вып. 3. С. 396–416.

хозяйственной деятельности. Множество российских корпораций вынуждено заключать внешнеэкономические договора с целью обеспечения хозяйственной деятельности промышленным оборудованием иностранного производства, что является тяжелым бременем для корпорации в силу высокого курса валюты, высокой стоимости таможенных пошлин, рисков, связанных с утратой продукции при доставке, судебными разбирательствами в отношении споров по контракту, условия которого подчинены иностранному правопорядку. Все вышеназванные условия являются довольно отрицательными для развития корпорации, поэтому вопрос импортозамещения остается актуальным, который требует исследования в части правового регулирования и его реализации на примере отдельного юридического лица.

Импортозамещение, в отличие от «технологического суверенитета», предполагает поиск аналогов зарубежных технологий и услуг. Он будет способствовать развитию научно-технического и инновационного потенциала в России<sup>1</sup>.

Предполагается, что в 2023 г. будет разработана и утверждена Концепция научно-технологического развития Российской Федерации на период с 2024 по 2030 гг.

«Технологический суверенитет» — это то, что обеспечивает независимость страны в области науки и технологий с учетом существующей и перспективной угрозы. Но существует и другая точка зрения, связанная с технологическим суверенитетом. Иными словами, «технологический суверенитет» — это способность предприятия обеспечить свое производство надлежащим качеством за счет импорта.

С. Г. Ковалев трактует понятие по-своему: «Необходимость производства продукции на территории страны должна быть обеспечена собственными или заимствованными технологиями»<sup>2</sup>.

Механизмы государственной поддержки технологического суверенитета играют важную роль в развитии реального сектора экономики. В условиях современного миропорядка, когда конкуренция на мировом рынке становится всё более ожесточенной, страны должны обладать собственными технологиями и инновациями, чтобы быть конкурентоспособными.

Одним из основных механизмов государственной поддержки являются налоговые льготы. Правительства различных стран предоставляют компаниям, занимающимся исследованиями и разработками новых технологий, определенные налоговые преференции. Это может быть уменьшение ставок налога на прибыль для инновационных предприятий или освобождение от уплаты некоторых видов налогов. Такая поддержка позволяет компаниям иметь больше финансовых воз-

---

<sup>1</sup> Анищенко В. Н. Проблемы технологического развития России в условиях мировой экономической интеграции // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 6. С. 38–42.

<sup>2</sup> Варшавский А. Е. Пространственное неравенство и центростремительное движение населения России: угрозы экономической, научно-технологической и национальной безопасности // Концепции. 2018. № 1 (37). С. 3–27.

возможностей для инвестирования в исследования и разработки, что способствует созданию новых технологий.

Еще одним механизмом государственной поддержки являются гранты и субсидии. Государство выделяет финансовые ресурсы на проведение научных исследований, разработку новых технологий и инноваций. Компании могут получить гранты на создание лабораторий, закупку оборудования, привлечение высококвалифицированных специалистов и другие нужды, связанные с разработкой технологий. Это позволяет компаниям ускорить процесс разработки и внедрения новых технологий, а также повышает интерес к инновационным проектам.

Патентная политика также играет важную роль в обеспечении технологического суверенитета. Государства устанавливают систему защиты интеллектуальной собственности, которая позволяет предприятиям получать патенты на свои изобретения. Патент дает право его обладателю эксклюзивного использования изобретения в течение определенного периода времени. Такая защита стимулирует компании к инновациям, поскольку они знают, что получив патент, они смогут монополизировать рынок и получить прибыль от своих разработок.

Кроме того, государственная поддержка технологического суверенитета может включать создание национальных инновационных центров и парков. Это специальные зоны, которые предоставляют компаниям все необходимые условия для развития инноваций: доступ к высокотехнологичной инфраструктуре, консультации экспертов, обмен опытом и информацией с другими предприятиями. Такие центры становятся местами формирования новых технологических кластеров, где компании взаимодействуют друг с другом и создают новые инновационные проекты.

По словам вице-премьера Правительства России, в официальных и неофициальных источниках термин «технологический суверенитет» трактуется как способность государства распоряжаться технологиями без зависимости от других стран<sup>1</sup>.

Суверенитет — это не просто автономия в области технологий, но и минимальная технологическая зависимость от других государств<sup>2</sup>. Данная трактовка терминологии говорит о том, что в современном научно-техническом сообществе не существует устойчивого определения технического суверенитета.

Также хотелось бы предложить решение вопроса о импортозамещении на уровне правового регулирования. Предлагаем в качестве решения вопросов правового регулирования, принять Федеральный закон, в котором будут определены цели, задачи, принципы импортозамещения, а также основные права и обязанности государства, органов исполнительной власти, субъектов федерации и муниципалитетов.

<sup>1</sup> Егоров С. В. Страны глобального мира в поисках технологической самодостаточности // Материалы Международной конференции Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвященной 90-летию Института истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН. М. : Изд-во Ин-та истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН 2022. С. 237–239.

<sup>2</sup> Ленчук Е. Б. Научно-технологическое развитие как стратегический национальный приоритет России // Экономическое возрождение России. 2022. № 1 (71). С. 58–65.

ципальных образований в рамках осуществления целенаправленной политики по импортозамещению. В настоящее время этот вопрос решается на уровне различных подзаконных актов, в которых меры по импортозамещению выглядят как разрозненные мероприятия.

**Лапин Д. С.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Проблемы использования систем маркировки и прослеживаемости товаров на современном этапе развития экономики**

**Аннотация.** В статье автор рассматривает опыт использования систем маркировки и прослеживаемости в России и ЕАЭС. Актуальность работы обусловлена перспективностью использования систем маркировки и прослеживаемости для социально-экономического развития России и ЕАЭС, важностью для обеспечения экономической безопасности. В ходе работы были использованы описательный, аналитический, дедуктивный методы исследования. В ходе работы автор обобщает позитивные и негативные последствия, предлагает варианты минимизации воздействия негативных факторов от использования систем.

**Ключевые слова:** система маркировки, система прослеживаемости, регулирование торговой деятельности, предпринимательская деятельность, развитие экономики.

Первым крупным проектом, реализованным посредством механизма государственно-частного партнерства в сфере информационных технологий, стала система маркировки и прослеживаемости товаров «Честный знак». Данная система маркировки и прослеживаемости не является единственной, однако она стала наиболее распространенной. Кроме «Честного знака», в России использовались и другие системы маркировки и прослеживаемости, например, внедренная в качестве эксперимента в 2016 г. система маркировки меховых изделий. Успех эксперимента обосновал необходимость в проведении дальнейшей работы в данном направлении. Практика создания и эксплуатации подобных систем является глобальной, однако в отличие от России, в других странах маркировке и прослеживаемости подлежат лишь лекарственные препараты, алкоголь и табак<sup>1</sup>.

В настоящий момент нормативной правовой базой для систем маркировки товаров является Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах

---

<sup>1</sup> Сысойкина М. Как будет работать единая система для борьбы с нелегальным товарооборотом. URL: [https://www.cnews.ru/articles/2018-11-27\\_kak\\_budet\\_rabotat\\_edinaya\\_sistema\\_dlya\\_borby\\_s\\_negalnym\\_tovarooborotom](https://www.cnews.ru/articles/2018-11-27_kak_budet_rabotat_edinaya_sistema_dlya_borby_s_negalnym_tovarooborotom) (дата обращения: 4 декабря 2018).

государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», который содержит легальные определения понятий кодов маркировки, идентификации и проверки, очерчивает круг хозяйствующих субъектов, которые должны осуществлять маркировку, определяет полномочия органов исполнительной власти<sup>1</sup>. При несоблюдении данной обязанности виновное лицо привлекается к административной ответственности в соответствии с нормами КоАП РФ.

В соответствии с законодательными актами принимаются подзаконные акты, особое место среди которых отведено актами Правительства РФ. Так, распоряжением Правительства РФ от 28.04.2018 № 792-р «Об утверждении перечня отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации» были утверждены категории отдельных товаров, которые подлежат обязательной маркировке средствами идентификации. К 2024 г. планируется создание системы сплошной маркировки, подлежать которой будет широкий перечень.

Кроме того, Правительство РФ также уполномочено утверждать размер платы оператору системы за оказание услуг по предоставлению кодов маркировки. В настоящий момент размер платы составляет 50 коп. за единицу кода маркировки без учета НДС, за исключением небольшого перечня лекарственных препаратов, маркировка которых осуществляется бесплатно<sup>2</sup>.

Введение систем маркировки способствовало борьбе с контрафактной продукцией, сделало товарный рынок более прозрачным, увеличило налоговые платежи. Кроме того, использованием данной системы обеспечивается не только защита прав потребителей, но и производителей, так как жесткий и эффективный контроль повышает репутацию отечественных товаров, стимулирует повышение спроса на внешнем рынке.

Однако обобщая имеющийся опыт использования систем маркировки, можно отметить следующие проблемы:

1) Очевидно, что при данном подходе установления размера платы тяжесть оплаты распределяется неравномерно: производители товаров, выпускаемых в большом объеме (молочных продуктов, напитков, которые могут достигать десятки тысяч единиц в час), платят несравнимо большую сумму, нежели производители таких товаров как компьютерные томографы, фотокамеры, так как число производимого товара в равную единицу времени будет неодинаково.

2) Введение системы вызвало траты на приобретение оборудования, необходимого для маркировки, а также осложнило сопутствующие производству процессы.

<sup>1</sup> Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Российская газета. № 253. 30.12.2009.

<sup>2</sup> Постановление Правительства РФ от 08.05.2019 № 577 «Об утверждении размера платы за оказание услуг по предоставлению кодов маркировки, необходимых для формирования средств идентификации и обеспечения мониторинга движения товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, а также о порядке ее взимания» // СЗ РФ. 20.05.2019. № 20. Ст. 2447.

Всё это в совокупности влечет повышение цен на товары, осложнение ведения предпринимательской деятельности.

3) В юридической науке встречается мнение о том, что включение некоторых категорий товаров, например одежды, питьевой воды и других вызывает сомнение в обоснованности, так как порой включение их в перечень произведено без должного исследования необходимости<sup>1</sup>.

Система маркировки товаров средствами идентификации рассматривается как необходимый этап создания системы прослеживаемости. На территории России для маркировки используются такие технологии, включая штриховое кодирование, Data Matrix, RFID и др.<sup>2</sup>.

На основе национальных систем маркировки и прослеживаемости товаров поэтапно в рамках реализации цифровой повестки ЕАЭС с момента принятия решения Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.» проводятся меры по созданию системы прослеживаемости, действующей на территории данного союза. Эксплуатация данной системы должна повысить взимаемость таможенных платежей на территории ЕАЭС. В настоящий момент действует пилотный проект в отношении некоторой бытовой техники по внедрению системы прослеживаемости<sup>3</sup>.

Обобщая практику использования, можно сделать следующие выводы: внедрение систем маркировки и прослеживаемости в целом оказалось успешным, способствует защите прав потребителя, повышению репутации отечественного производителя, налоговых и таможенных поступлений в бюджет, стимулирует развитие экономики в целом. Однако система маркировки не лишена и негативных последствий, например, она ведет к повышению цен на товары и осложняет ведение предпринимательской деятельности.

В целях минимизации данных факторов предлагается установление зависимости размера оплаты услуг оператору системы от количества производимых товаров в единицу времени. Кроме того, следует отметить необходимость проведения объективного исследования обоснованности включения категорий товаров в перечень товаров, подлежащих маркировке, с целью возможного упрощения предпринимательской деятельности в отдельных случаях.

---

<sup>1</sup> Сморгачева Л. Н. Обязательная маркировка товаров средствами идентификации как инструмент административно-правового воздействия на экономические отношения // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. № 2.

<sup>2</sup> Андреева Л. В., Быковский В. К. Системы обязательной маркировки и прослеживаемости товаров: понятие, виды, цифровая трансформация // Предпринимательское право. 2022. № 1. С. 41–51.

<sup>3</sup> Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 21.01.2022 № 2 «О реализации пилотного проекта по внедрению механизма прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза». URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 28.09.2023).

## Некоторые аспекты правового обеспечения цифровой трансформации в агропромышленном комплексе

**Аннотация.** Статья посвящена вопросу правового обеспечения процесса цифровой трансформации стратегически важной для государства сельскохозяйственной отрасли. Проанализирован действующий комплекс нормативных актов, направленных на реализацию поставленных задач, и рассмотрены некоторые аспекты правового регулирования, препятствующие активному процессу цифровизации современного агропромышленного комплекса. Автор также предлагает мероприятия, которые могут способствовать в дальнейшем решению имеющихся проблем и более активному переходу к инновационным технологиям.

**Ключевые слова:** агропромышленный комплекс, цифровая трансформация, цифровое сельское хозяйство, инновационные технологии

Цифровая трансформация агропромышленного комплекса — это новый этап мирового технологического развития сельского хозяйства, основанный на использовании искусственного интеллекта, био- и нанотехнологий, робототехники и иных достижений науки. Россия — крупнейший производитель сырья (зерновых, растительных масел и др.)<sup>1</sup>, однако импортозависимость по отдельным группам товаров до сих пор остается высокой. В связи с этим укрепление национальной продовольственной безопасности является важнейшей задачей, которая нашла свое отражение в национальном проекте «Цифровое сельское хозяйство», направленном на разработку и использование технологий искусственного интеллекта в рамках программ: «Умная ферма», «Умное поле», «Умное стадо», «Умная теплица», «Умная переработка», «Умный склад», «Умный агроофис»<sup>2</sup>. Однако на данный момент эксперты оценивают уровень внедрения инновационных технологий в России как 20–25%, это около 1,2% от мирового уровня<sup>3</sup>, что вызвано следующими причинами.

Во-первых, принятые по вопросу цифровизации агропромышленного комплекса (далее — АПК) документы носят преимущественно программный характер регулирования, не выходящий за рамки правотворческой деятельности органов

<sup>1</sup> Журнал «Агроинвестор». Россия подтвердила статус нетто-экспортера, 2023 // URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/40229-rossiya-podtverdila-status-netto-eksportera-tretiy-god-podryad-vyvoz-produktsii-apk-prevysil-ee-vvoz/> (дата обращения: 23.09.2023).

<sup>2</sup> Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное издание. М. : Росинформагротех, 2019. С. 6.

<sup>3</sup> В АПК растет спрос на цифровые решения, 2023 // URL: <https://rg.ru/2023/07/06/v-apk-rastet-spros-na-cifrovyie-resheniia.html> (дата обращения: 23.09.2023).



исполнительной власти. Слаженный механизм правового регулирования отношений — одно из средств государства, чья политика направлена на повышение качества уровня жизни и общественных отношений<sup>1</sup>.

Действительно, перечень введенных в действие правовых актов, регулирующих использование цифровых технологий в АПК достаточно широк: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.<sup>2</sup>, Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»<sup>3</sup>, Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия<sup>4</sup>, Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 г.<sup>5</sup>

Как отмечает Н. П. Воронина, данные документы не обеспечивают совместности с базовыми законами комплексного регулирования и не образуют единой системы, направленной на цифровизацию АПК<sup>6</sup>. К примеру, в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства»<sup>7</sup> цифровизация не рассматривается в качестве направлений аграрной политики, положения об информационных технологиях отсутствуют и в других федеральных законах, образующих основу аграрного права. Указ Президента России «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» также выделяет цифровизацию АПК и внедрение платформенных решений, однако без указания методов их выполнения<sup>8</sup>. Ввиду фрагментарности правового регулирования появилась необходимость во внесении соответствующих изменений в нормативные документы, определении правового

<sup>1</sup> Колоткина О. А. Современное состояние правового обеспечения процесса трансформации агропромышленного комплекса в условиях цифровизации // Российская юстиция. 2019. № 10. С. 47.

<sup>2</sup> Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

<sup>3</sup> Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 04.06.2019 № 7) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> Паспорт государственной программы (комплексной программы) Российской Федерации «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (утв. Правительством РФ 24.12.2022 № ММ-П11–22479) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Распоряжение Правительства РФ от 10.08.2019 № 1796-р (ред. от 13.10.2022) «Об утверждении Долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года» // СЗ РФ. 2019. № 33. Ст. 4849.

<sup>6</sup> Воронина Н. П. Правовое обеспечение цифровизации сельского хозяйства // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 22.

<sup>7</sup> Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О развитии сельского хозяйства» // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 27.

<sup>8</sup> Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

статуса субъектов правоотношений, специальном понятийном аппарате в области цифровых технологий в АПК.

Во-вторых, согласно п. «д» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ сельское хозяйство отнесено к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, что позволяет регионам осуществлять правовое регулирование с учетом особенностей природно-климатических факторов. Однако на уровне субъектов законотворческая деятельность либо почти не ведется, либо ведется очень медленно<sup>1</sup>. По оценке экспертов, около 10 субъектов, включая Краснодарский, Алтайский край, Воронежскую, Тамбовскую, Нижегородскую области, имеют технологическую базу и соответствующие программы поддержки<sup>2</sup>. Более того, как следует из материалов Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, в регионах низкий уровень покрытия сетью Интернет, особенно в сельской местности<sup>3</sup>, в связи с чем возникла проблема «цифрового неравенства», на решение которой принятый комплекс актов не направлен.

Следующий фактор, сдерживающий цифровую трансформацию, связан с отсутствием государственных программ поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, готовых внедрять цифровые технологии. Поскольку основная финансовая нагрузка ложится на производителей, в настоящее время лишь крупные агрохолдинги могут позволить использовать в работе новейшие технологии, а малое и среднее предпринимательство испытывает трудности. В связи с этим, как подчеркивает Н. О. Ведышева, целесообразно на федеральном уровне предусмотреть соответствующие меры, обучение и переквалификацию специалистов сельхозпредприятий за счет федерального бюджета<sup>4</sup>. Действительно, дополнительные инструменты поддержки в форме льготного кредитования, субсидирования и стимулирования частных инвестиций станут крепкой основой для развития государственно-частного партнерства в данной сфере.

Таким образом, использование инновационных технологий в АПК способствует повышению эффективности фермерских хозяйств, росту сельскохозяйственного оборота, производительности труда, улучшению качества продукции, а также устойчивому развитию сельских территорий.

В настоящий момент цифровую трансформацию в сельском хозяйстве сдерживают следующие факторы: разобщенность и отсутствие единой концепции

---

<sup>1</sup> Биткова Л. А. Некоторые вопросы правового регулирования цифровизации сельского хозяйства в Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2020. № 11 (191). С. 89.

<sup>2</sup> РИА Новости. В Россельхозбанке назвали наиболее готовые к цифровому АПК регионы, 2020 // URL: <https://ria.ru/20200619/1573163101.html> (дата обращения: 22.09.2023).

<sup>3</sup> Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Доклад о результатах проведенного мониторинга состояния социально-экономического развития сельских территорий в 2022 году, 2023 // URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/9c3/xgyijsd5ojj75xgv49n0rgnv2fgcv1w.pdf> (дата обращения: 23.09.2023).

<sup>4</sup> Ведышева Н. О. Цифровизация сельского хозяйства: правовое регулирование и реализация // *Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития*. 2021. С. 274.

комплекса правовых актов, регулирующих использование цифровых технологий; неравномерный процесс внедрения цифровизации в регионах, связанный с разной «цифровой» оснащенностью; отсутствие программ поддержки товаропроизводителей АПК, готовых осуществить «переход к цифре», как на федеральном, так и на региональном уровнях. Для достижения прорывного развития необходимо последовательное решение данных вопросов, и в конечном итоге внедрение комплексных цифровых технологий в сельскохозяйственное производство позволит снизить издержки государства и хозяйствующих субъектов.

**Чеха К. В.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### Правовое регулирование редомициляции в России

**Аннотация.** Редомициляция является новым институтом российского права. Законодательство о смене компаниями места их регистрации постоянно изменяется и усовершенствуется в связи с запросами бизнеса. В статье автор рассматривает основы правового регулирования редомициляции и специальных административных районов, а также приводит причины, которые замедляют и противодействуют переезду компаний.

**Ключевые слова:** редомициляция, регистрация в другом государстве юридического лица, специальные административные районы, русские офшоры.

Для государства, всегда был актуальным вопрос о том, как вернуть уехавший бизнес в родную юрисдикцию. Еще в 2002 г. Президент РФ Владимир Путин, выступая на открытии IV съезда Торгово-промышленной палаты РФ, заявил о том, что Правительству и деловым кругам необходимо задуматься о создании благоприятных инвестиционных условий и о том, как вернуть капиталы, находящиеся в офшорных зонах в Россию<sup>1</sup>.

Однако наиболее актуальным данный вопрос стал именно в последнее время, после введения персональных, в отношении непосредственных бенефициаров российского бизнеса, и секторальных, в отношении отдельных отраслей экономики, западных санкций. Большинство российских компаний, в связи с возросшим санкционным давлением, испытывают трудности с движениями капиталов и переводами средств, зарубежные юридические, трастовые, бухгалтерские и иные консультанты отказываются от сотрудничества с компаниями российского происхождения; банки и страховые компании больше не предоставляют свои услуги<sup>2</sup>. Более того, многие

<sup>1</sup> Высказывания Владимира Путина и других лидеров государств об офшорных зонах // URL: <https://tass.ru/info/829079> (дата обращения: 27.09.2023).

<sup>2</sup> Отчизны блудные сыны: почему российские компании возвращаются из офшоров домой // [absatz.media](https://absatz.media). URL: <https://absatz.media/ekonomika/46988-otchizny-bludnye-synny-pochemu-rossijskie-kompanii-vozvrashayutsya-iz-ofshorov-domoj> (дата обращения: 27.09.2023).

компании, не могут исполнить обязательство по выплате дивидендов, поскольку санкции были введены и в отношении Национального расчетного депозитария (НРД).

В данном случае у бизнеса, объективно, возникает необходимость в изменении места своей регистрации, то есть — редомициляции. Часть компаний в таких условиях перебираются в «дружественные» России юрисдикции, еще часть, возвращаются «домой». Наш президент — Владимир Путин, на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума — 2023 поручил правительству до декабря 2023 г. ускорить возвращение активов в ключевых отраслях из иностранных юрисдикций в российскую<sup>1</sup>.

Само понятие редомициляции «выводится» из п. 1 ст. 11 Федерального закона от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах» (далее — Закон № 290-ФЗ), где под ней понимается изменение личного закона посредством регистрации в иностранном государстве или на территории, законодательство которых позволяет осуществлять такую регистрацию. Профессор В. В. Долинская отмечает, что понятие «домициль», от которого происходит и сам термин, заимствовано из общего (англосаксонского) права, и изначально применялось только к физическим лицам<sup>2</sup>.

Необходимо отметить, что редомициляция является самостоятельным комплексным институтом, который несмотря на сходство с другими институтами корпоративного права имеет принципиальные отличия. Так, в частности, от реорганизации, как уже было справедливо отмечено в доктрине, данный институт отличается тем, что при реорганизации не происходит изменение личного закона юридического лица<sup>3</sup>.

Правовую основу возвращения компаний в России составляют принятые еще в 2018 г. вышеупомянутый Закон № 290-ФЗ, а также Федеральный закон от 03.08.2018 № 291-ФЗ «О специальных административных районах на территории Калининградской области и Приморского края». Так, именно посредством вступления в силу последнего закона были созданы специальные административные районы (далее — САР), так называемые «русские офшоры» — острова Русский в Приморском крае и Октябрьский в Калининградской области.

Стоит подчеркнуть, что подобные районы есть и в других государствах, например в Китае, где также, еще с конца 90-х гг. существует специальные административные районы — Гонконг и Макао. Также и в иных юрисдикциях есть территории с особыми правовыми режимами, например в Испании — это Канарские острова, в составе Великобритании — Британские Виргинские острова.

<sup>1</sup> Путин поручил ускорить возвращение бизнеса в Россию // rbc.ru. URL: <https://www.rbc.ru/business/16/06/2023/648c60c69a794773afc0f8de> (дата обращения: 27.09.2023).

<sup>2</sup> Долинская В. В. Редомициляция или «трансграничная миграция компаний» // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конференции. Иркутск, 2019. С. 152–158.

<sup>3</sup> Ищенко И. Д. Сравнительно-правовой анализ редомициляции в России и за рубежом: насколько эффективна российская модель? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 9. С. 94–135.

Сама идея САР заключается в создании более гибкого, в частности валютного, налогового, корпоративного правового режима на специально отведенных для этого территориях.

В соответствии со статистикой, количество резидентов российских САР в течение 2022–2023 гг. многократно увеличилось, по сравнению с предыдущими годами. Так, только за первые 9 месяцев 2022 г. резидентами районов стали 49 компаний с российскими корнями, что почти в два раза больше, чем за весь прошлый год<sup>1</sup>.

Поскольку, в научной литературе уже рассматривались основные преференции, которые получают резиденты САР, а также детально анализировался режим осуществления предпринимательской деятельности на данной территории, не будем останавливаться на этом<sup>2</sup>. Стоит лишь сказать, что законодатель, старается постоянно усовершенствовать модель правового регулирования данных территорий, о чем говорит достаточно частое изменение законодательства. Так, в частности, посредством принятия в июле 2022 г. Федерального закона от 14.07.2022 № 332-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» у международных компаний, созданных в форме акционерного общества, появилась возможность выпуска различных типов акций с разным объемом прав. Ранее, возможность издания таких акций не была известна российскому правопорядку.

Однако не все компании решаются поменять место своей «прописки» из-за наличия определенных факторов, которые могут препятствовать этому. Кратко обозначим основные такие факторы.

1. Наличие ограничений со стороны государств, в которых они были изначально прописаны. Данные ограничения могут быть предусмотрены на законодательном уровне государства, из которого осуществляется переезд. Например, некоторые государства, могут устанавливать специальный налог для компаний, которые хотят выйти из-под их юрисдикции. В частности, такой «налог на выход» установлен в Нидерландах<sup>3</sup>. Компания обязана заплатить его, если новым местом ее прописки будет страна, не входящая в Европейский Союз или в Европейскую экономическую зону. При том, как представляется на данный момент, данное положение не является противоречащим принципу свободы учреждения компаний, закрепленному в статьях 49 Договора о функционировании ЕС, так как оно не облагает налогом перемещение компаний внутри союза.

Также, поскольку для осуществления редомициляции необходимо, чтобы правопорядки обоих государств регулировали данный институт и процедуру переезда,

<sup>1</sup> Власти сообщили о росте числа компаний, переехавших в российские офшоры // rbc.ru. URL: <https://www.rbc.ru/business/15/10/2022/634a68e09a7947182119deb7> (дата обращения: 27.09.2023).

<sup>2</sup> Кондукторов А. С. Правовое регулирование редомициляции в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 9 (130).

<sup>3</sup> Influence of EC law on Dutch exit tax provisions // unibo.it. URL: <https://ste.unibo.it/article/view/4728/4471> (дата обращения: 27.09.2023).

осложнять переезд компаний в РФ может отсутствие регулирования процедуры в прежнем государстве.

2. Нежелание потерять зарубежных инвесторов. С переездом в САР, на территорию России, велик риск того, что держатели акций, в особенности из «недружественных» стран, начнут распродавать свои бумаги, что может негативным образом повлиять на их курс, а в следствии чего и на компанию. В особенности данное обстоятельство может нанести вред компаниям, с большой долей зарубежных акционеров.

3. Недостатки правового регулирования в самом законодательстве о САР. В частности, для многих компаний, возможные опасения вызывает сложность процедуры обратной редомициляции (то есть переезда из САР). В соответствии с п. 1 ст. 11 Закона № 290-ФЗ для совершения такой процедуры международной компанией необходимо получить разрешение Правительства РФ. Однако необходимо понимать, что либерализация процедуры обратной редомициляции будет содействует оттоку капитала из государства. Именно поэтому, как представляется, законодателю необходимо искать баланс в данной области.

Таким образом, редомициляция является новым институтом для российского права. Для дальнейшего развития данного института необходимо его более детальное изучение, исследование всех механизмов перемещения компаний из одной юрисдикции в другую, при том такое исследование нужно проводить непосредственно при взаимодействии с бизнесом. Также необходимо изучение регулирования данного вопроса на территориях с особым статусом в других государствах.

**Яппарова Э. Р.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Исследование влияния технологического суверенитета на конкурентоспособность и стабильность экономики: анализ стратегий и правового обеспечения различных стран**

**Аннотация.** Статья раскрывает концепцию технологического суверенитета и его роль в экономическом развитии. В работе анализируются основные аспекты роли технологического суверенитета, включая повышение конкурентоспособности, обеспечение устойчивости экономики, анализ стратегий и правовое обеспечение экономики различных стран.

**Ключевые слова:** технологический суверенитет, конкурентоспособность, инновации, импорт технологий, экспорт технологий.

Технологический суверенитет относится к способности страны или общества обладать, контролировать и развивать собственные технологии, которые не зависят от внешних поставщиков. Исходя из первой концепции понимания технологического суверенитета, предложенной В. К. Фальцманом, технологический суверенитет — это

способность того или иного вида экономической деятельности обеспечить народное хозяйство своей продукцией надлежащего качества, пусть даже частично за счет ее импортных поставок, но при обязательном условии возмещения импортных затрат за счет поступлений от реализации собственного экспорта<sup>1</sup>.

Другое мнение предлагает Е. Н. Кабалов: «Купило предприятие, к примеру, аддитивную машину у шведской компании Arcam. Понадобилось температуру поднять на платформе до 1000 градусов, чтобы сделать нужную деталь. А в программе ограничение стоит — не выше 600 градусов. Пытаются изменить — машина выключается». В ответ на просьбу изменить параметры производитель ответил: «Вам хватит 600 градусов». В этой связи Е. Н. Кабалов использует другое определение, а именно «технологическое рабство»<sup>2</sup>.

Заместителем председателя Правительства РФ Д. Н. Чернышенко поясняет, что технологический суверенитет — это способность государства располагать технологиями, самостоятельно разрабатывать их или получать от других стран без возникновения зависимости<sup>3</sup>.

Так как точного определения технологического суверенитета нет, стоит обратиться к Современному Экономическому словарю, где под технологическим суверенитетом подразумевается способность государства располагать ключевыми технологиями, которые считаются критически важными для обеспечения благосостояния и конкурентоспособности, то есть или самостоятельно их разрабатывать, или получать от экономик других стран без односторонней структурной зависимости.

Далее рассмотрим основные пути, которыми технологический суверенитет влияет на экономику:

— Развитие инноваций: государства с технологическим суверенитетом могут активно разрабатывать собственные технологии и инновации, что помогает им оставаться на передовой позиции в международной конкуренции. Например, Япония развивает технологические парки и инкубаторы, которые предоставляют стартапам и малым предприятиям доступ к инфраструктуре, оборудованию и ноу-хау<sup>4</sup>.

— Безопасность и конфиденциальность данных: государства, обладающие технологическим суверенитетом, могут обеспечить более высокий уровень безопасности и конфиденциальности своих данных.

---

<sup>1</sup> О. П. Неретин Интеллектуальный суверенитет экономики России // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=eejpn1> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Ульянов Н. Не попасть в технологическое рабство // Журнал «Эксперт». URL: <https://expert.ru/expert/2017/24/ne-popast-v-tehnologicheskoe-rabstvo/> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>3</sup> Дмитрий Чернышенко: В России к декабрю появится новый институт заместителей руководителей по научно-технологическому развитию // Правительство России. URL: <http://government.ru/news/46316/> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>4</sup> МИД Японии: главные темы саммита G8 — мировая экономика и занятость // Государственное информационно-аналитическое агентство Российской Федерации. URL: <http://ria.ru/interview/20130614/943369314.htm> (дата обращения: 15.01.2014).

— Создание рабочих мест: развитие технологий и инноваций связано с созданием новых рабочих мест и развитием высококвалифицированных специалистов.

Рассмотрев основное значение технологического суверенитета, стоит сказать о его пользе для конкуренции в экономике различных стран и государств. Во-первых, конкурентоспособность позволяет стране создавать и предлагать продукты и услуги, которые конкурентоспособны на мировом рынке. Например, Россия является одним из ведущих производителей во всем мире самолетов, включая гражданские и военные модели, такие как Sukhoi Superjet 100, МиГ и Туpoleв, тем самым конкурируя с Китаем, США и Бразилией<sup>1</sup>. Во-вторых, конкурентоспособность стимулирует инновации и увеличение производительности в различных секторах экономики. Через внедрение новых технологий, улучшение процессов производства и разработку качественных продуктов, страна может предложить более эффективные и конкурентоспособные решения на рынке. Например, Россия стала первой страной в мире, одоббившей общедоступную вакцину против COVID-19. Различные страны хотят приблизиться к тому уровню технологического суверенитета, который может обеспечить стабильность экономики в своем государстве.

Так, в Российской Федерации появляются новые аспекты развития технологического суверенитета, а именно:

— Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» — документ, определяющий ключевые направления развития науки и технологий в стране. Она включает в себя меры по содействию созданию и развитию отечественных технологий, поддержке научных исследований и развитию высокотехнологичных отраслей экономики<sup>2</sup>.

— Национальная технологическая инициатива (НТИ) — запущена в 2015 г. с целью создания благоприятной экосистемы для инноваций и разработки передовых технологий. В рамках НТИ было создано несколько технопарков и инновационных центров, проведены конкурсы и гранты для поддержки инновационных проектов.

— Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» — один из ключевых документов, определяющих стратегию России в области национальной безопасности. Программа включает меры и стратегии по защите национальных интересов, включая разработку и защиту ключевых технологий и национальных критических информационных инфраструктур.

Также основная часть форума «Технопром-2022» была посвящена теме технологического суверенитета, на нем были названы цели, необходимые для его достижения. Эти цели включают формирование государственного технического

<sup>1</sup> Капогузов Е. А., Новиков Ю. В. Антироссийские экономические санкции: отражение в российском дискурсе и анализ применительно к финансовому и нефтегазовому сектору // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. № 3 (59). С. 36–47.

<sup>2</sup> Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 20.09.2023).



заказа, деятельность научно-образовательных центров, работу государственных и частных предприятий в рамках Концепции научно-технологического развития страны, реализацию проектов в области беспилотного транспорта, электромобилей и персональных медицинских приборов, а также формирование отечественных специалистов, подготовкой которых занимаются инженерные школы<sup>1</sup>.

Спецпредставитель Президента РФ по вопросам цифрового развития Дмитрий Песков выделил несколько компонентов технологического суверенитета. Он отметил, что основой технологического суверенитета должен стать когнитивный суверенитет, то есть способность вырабатывать собственные экономические и технологические идеи, а именно: фундаментальные технологии, которые позволяют создавать необходимые продукты с помощью цифровых инструментов, транспортные технологии для сотрудничества со странами-партнерами и климатические технологии, которые помогут управлять циклом воды, углерода и метана и осуществить климатическую адаптацию.

Далее стоит рассмотреть Китай, который принял стратегию «Made in China 2025», направленную на сокращение зависимости от импортируемых технологий и продвижение своих собственных инноваций. В этой стратегии акцент делается на развитии ключевых отраслей, таких как искусственный интеллект, робототехника, информационные технологии и новые материалы. Так, Китай предложил три основных фазы плана «Made in China 2025»:

— В 2015–2025 главной целью является становление одной из ведущих мировых производственных площадок.

— В 2026–2035 — вхождение в середину мирового рейтинга крупнейших мировых производителей.

— В 2036–2049 — закрепление позиций ведущего мирового центра производства<sup>2</sup>.

Китай за 9 лет уже добился определенных успехов: по данным официальных китайских источников, Китай значительно увеличил свою спутниковую группировку с 32 до 311 спутников на орбите за период с 2000 по 2018 г. в области робототехники Китай уже является мировым лидером поставок промышленных роботов, производя 87 тыс. единиц в год, что составляет около 30% мирового рынка. В планах — развитие робототехники для использования роботов в домашнем хозяйстве.

Европейский Союз также принимает меры для достижения технологического суверенитета. Недавно была представлена стратегия «Цифровой век Германии», которая призвана укрепить позиции Германии в области цифровых технологий, включая искусственный интеллект, кибербезопасность и разработку новых цифровых инфраструктур.

<sup>1</sup> Новости-Правительство России от 12.07.2022. «Дмитрий Чернышенко: Мероприятия «Технопром-2022» будут решать задачи технологического развития страны» // URL: <http://government.ru/news/45995/> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Тимофеев О. А. Сопряжение программ «Сделано в Китае — 2025» и Industrie 4.0 как основа инновационного с / О. А. Тимофеев, В. С. Ронжина // Китай в мировой и региональной политике. История и современность, 2017. Р. 338–351.

США осуществляют активные усилия для защиты своего технологического лидерства. В 2018 г. администрация президента Трампа выпустила стратегию «Нацеленность на инновации», которая направлена на защиту чувствительных технологий и пресечение нежелательного перетекания технологий к геополитическим конкурентам.

Исследование влияния технологического суверенитета на конкурентоспособность и стабильность экономики является актуальной темой в современном мире. Различные страны разрабатывают свои стратегии и правовые меры для достижения технологического суверенитета. Наличие технологического суверенитета способствует повышению конкурентоспособности экономики и повышает стабильность в условиях быстро меняющегося мирового рынка.

# XIX. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Балдаев Д. И.

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова  
Студент

## Тенденции и возможности совершенствования российского законодательства в сфере регулирования труда спортсменов и тренеров

**Аннотация.** В статье представляется краткий обзор российского трудового законодательства в сфере регулирования труда спортсменов и тренеров; раскрывается сущность этих понятий, а также выявляется ряд недочетов и пробелов. Автором предлагаются пути устранения выявленных недостатков через внесение новых положений или поправок в существующее трудовое законодательство.

**Ключевые слова:** российское трудовое законодательство, регулирование труда, спортсмен, тренер, профессиональный спорт.

В советское время профессиональный спорт не получал должного внимания от государства, отношения в данной сфере были плохо урегулированы, что создавало опасность для прав и законных интересов спортсменов и тренеров. После распада СССР область регулирования труда субъектов спорта начала привлекать к себе больше внимания, и методом проб и ошибок была собрана довольно обширная нормативная база, которая позволила достичь законности и стабильности в деятельности профессиональных спортсменов и тренеров<sup>1</sup>. Таким образом, Федеральным законом от 28.02.2008 № 13-ФЗ, в Трудовой кодекс РФ была введена глава 54.1 «Особенности регулирования труда спортсменов и тренеров»<sup>2</sup>. Но всё же некоторые недостатки, которые требуют исправления или устранения остаются. Для того чтобы их выявить, автор приводит краткую характеристику положений из данной главы.

Понятие «спортсмен» дается в ч. 1 ст. 348.1 Трудового кодекса Российской Федерации<sup>3</sup>. Его трудовая функция состоит в подготовке и участии в тренировочном процессе для последующего выступления в спортивных соревнованиях по

---

<sup>1</sup> Законодательное регулирование трудовых отношений профессиональных спортсменов и тренеров в России: история и современное состояние // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zakonodatelnoe-regulirovanie-trudovyh-otnosheniy-professionalnyh-sportsmenov-i-trenerov-v-rossii-istoriya-i-sovremennoe-sostoyanie/viewer> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Особенности правового регулирования труда профессиональных спортсменов и тренеров в зарубежных странах и Российском законодательстве // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-regulirovaniya-truda-professionalnyh-sportsmenov-i-trenerov-v-zarubezhnyh-stranah-i-rossijskom-zakonodatelstve/viewer> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>3</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

определенным видам спорта (например, футбол). Определение «тренер» дано в той же статье, что и первое понятие — его задача состоит в том, чтобы проводить тренировочные занятия и осуществлять руководство над деятельностью спортсменов для достижения побед на спортивных соревнованиях (олимпиады, чемпионаты мира, внутренний чемпионат страны и т. д.)<sup>1</sup>.

Законодатель очень подробно раскрывает особенности регулирования труда спортсменов, например: спортсмены обязаны не реже раза в год проходить медицинское обследование, для того чтобы определить готовность к предстоящей работе; спортсмен может обратиться к работодателю с просьбой провести внеочередной медицинский осмотр в соответствии с медицинским заключением, все расходы работодатель берет на себя; спортсменам может быть предоставлен ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск, но он не может состоять из менее четырех календарных дней; если спортсмена не включили в заявку на участие в каком-либо соревновании из-за того что он не подходит под требования, это не является основанием для снижения его заработной платы, в описанной ситуации необходимо обеспечить его участие в тренировочных мероприятиях по подготовке к соревнованиям; спортсмен обязан под роспись ознакомиться с дополнительными документами (правила видов спорта, антидопинговые правила, условия договоров и т. д.); спортсмен обязан соблюдать спортивный режим, установленный работодателем, принимать участие в спортивных соревнованиях; обязан выплатить денежную сумму в пользу работодателя при расторжении договора; должен принимать участие в тренировочном процессе и выполнять данные ему указания; получать жилье для себя и своей семьи на период действия договора.

С тренерами ситуация обстоит иначе. Если у спортсменов количество прав и обязанностей примерно одинаковое, то у тренеров обязанностей больше, что не может не влиять на качество выполняемой ими работы. На наш взгляд, это и есть основные недостатки, которые присутствуют в нынешнем законодательстве. Для примера мы взяли отдельный вид спорта — футбол, а именно тренеров детских юношеских спортивных школ (далее — ДЮСШ) и тренеров футбольных академий. Многие работодатели требуют результата здесь и сейчас, чтобы команда выигрывала и приносила доход от победы на соревнованиях. Во многих таких академиях и ДЮСШ у тренеров очень низкая зарплата, из-за чего они вынуждены брать дополнительное денежное вознаграждение от родителей, знакомых, которые хотят, чтобы именно их человек играл, а не более талантливый, который не может позволить себе такие траты. Даже если такой способный, но физически неподготовленный человек попадет в команду, вместо него предпочтут более сильного, который прямо сейчас делает результат. А все

---

<sup>1</sup> Регулирование труда спортсменов и тренеров (кроме особенностей заключения и расторжения трудового договора) // URL: <https://rostrud.gov.ru/rostrud/deyatelnost/?ID=553204> (дата обращения: 20.09.2023).

потому, что у тренера нет тех двух-трех лет для развития таланта, ведь если не будет побед, работодатель расторгнет с ним контракт. Также многие тренеры не имеют необходимой лицензии, либо она просрочена, или находятся в плохой физической форме, что не дает полноценно проводить тренировочные мероприятия, и подает плохой пример спортсменам. Именно по этим причинам, по нашему мнению, российские профессиональные футболисты так блекло смотрятся на фоне иностранных.

Хочется отметить, что такая ситуация складывается не только в футболе, но и многих других видах спорта в России, в связи с чем у большинства потенциальных спортсменов не получается стать профессиональными.

Исходя из всего вышесказанного, предлагаем следующие пути решения: внести изменения в ст. 348.3 Трудового кодекса Российской Федерации, а именно то, что тренеры, так же как и спортсмены перед заключением договора обязаны проходить медицинский осмотр не реже одного раза в год, а также прописать в ст. 348.2 Трудового кодекса Российской Федерации, что тренер обязан иметь действующую лицензию определенного вида спорта для проведения тренировочных мероприятий.

Стоит добавить в ст. 348.10 Трудового кодекса Российской Федерации пункт, который будет гласить о том, что работодатель не может расторгнуть договор с тренером не ранее чем через 24 месяца после его подписания, за исключением случаев, если расторжение будет по собственному желанию или договор заключен на срок менее 12 месяцев. Такие временные рамки выбраны в связи с тем, что за один год каких-либо заметных изменений может не произойти, а за два года тренер вполне в состоянии выстроить такой тренировочный процесс, который будет улучшать индивидуальные или командные качества спортсменов, благодаря чему появится соответствующий положительный результат.

Также добавить пункт о гарантии заработной платы, которая должна составлять не менее 5 МРОТ. Данное условие послужит стимулом для ответственной работы, привлечет более квалифицированных тренеров, а также позволит избежать взяточничества. Крайним изменением будет то, что тренеры должны уметь следить за психологическим и эмоциональным состоянием спортсменов, проводить с ними профилактические беседы, чтобы не было эмоционального выгорания. В крайнем случае, обращались за профессиональной помощью. Каким образом данный момент можно будет реализовать, предстоит еще хорошо обдумать.

Резюмируя, хочется отметить, что российское законодательство в сфере регулирования труда спортсменов и тренеров, несмотря на относительную молодость, делает большие шаги вперед, по сравнению с тем, что было в советские годы, и одним из приоритетных направлений деятельности государства в профессиональном спорте должно стать качественное изменение и дополнение законодательства. Возможно, в ближайшем будущем будет принят профильный нормативный акт, который будет всеобъемлюще регулировать отношения в данной сфере.

**Проблемы правового регулирования привлечения  
к дисциплинарной ответственности  
за коррупционные правонарушения в трудовом законодательстве**

**Аннотация.** При анализе правовых актов, регламентирующих привлечение к дисциплинарной ответственности лиц, совершивших коррупционные правонарушения, можно выявить недостатки правового регулирования этого вопроса в трудовом законодательстве. В статье обосновывается указанная точка зрения, предлагается вариант нормативного закрепления оснований применения дисциплинарных взысканий за нарушение норм антикоррупционного законодательства.

**Ключевые слова:** дисциплинарная ответственность, коррупционные правонарушения, трудовое законодательство, утрата доверия, антикоррупционное законодательство.

Достижение целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации политики, направленной на решение ряда задач, среди которых немаловажное место занимает предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности. Коррупцию, безусловно, можно признать одной из угроз национальной безопасности, что обуславливает активное совершенствование законодательной базы, однако анализ трудового законодательства в вопросе привлечения к ответственности работников за совершение коррупционных правонарушений еще требует доработки.

Неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений — один из принципов противодействия коррупции, закрепленный в п. 4 ст. 3 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон о противодействии коррупции)<sup>1</sup>. Статья 13 указанного закона называет виды ответственности, к которым могут быть привлечены физические лица, совершившие коррупционные правонарушения, к ним относятся уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации<sup>2</sup>.

В практике с учетом разновидностей коррупционных преступлений наиболее часто используется дисциплинарная ответственность, но правовое регулирование ее применения на государственной службе и в отношении работников организаций частного сектора различно. Если регулирование привлечения к ответственности государственных служащих находит свое отражение в законодательстве о противо-

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). С. 6228.

<sup>2</sup> Там же.

действии коррупции, государственной гражданской службе, законах, регламентирующих государственную службу иных видов, то процедурные вопросы привлечения работников к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения не решены в настоящее время, хотя проблема имеет актуальный характер<sup>1</sup>.

Запреты и обязанности, нарушение и неисполнение которых соответственно влечет освобождение от занимаемой должности, досрочное прекращение полномочий или увольнение в связи с утратой доверия для лиц, замещаемых государственными должностями РФ, государственные должности субъектов РФ, должности муниципальных служащих и иных лиц, указаны в статьях 7.1 и 13.1 Закона о противодействии коррупции. К таким запретам, например, относятся открытие счетов и вкладов, хранение ценностей и наличных денежных средств в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ. Осуществление лицом предпринимательской деятельности, вхождение в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, непринятия мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов государственным служащим влечет за собой его увольнение в связи с утратой доверия<sup>2</sup>. Порядок применения взысканий за коррупционные правонарушения регламентированы федеральными законами, устанавливающими порядок прохождения соответствующего вида службы.

Наиболее острой является проблема привлечения к ответственности работников других организаций, не имеющих особого правового статуса, за совершение коррупционных правонарушений. В трудовом законодательстве дисциплинарная ответственность работников, нарушающих требования антикоррупционного законодательства должным образом не регламентирована.

Применение дисциплинарного взыскания за нарушение антикоррупционного законодательства, а именно, за непринятие работником мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является, непредставление или предоставление недостоверных сведений о своих доходах, расходах, об имуществе, открытие счетов и вкладов в иностранных банках и иные деяния, указанные в п. 7.1 ст. 81 Трудового кодекса РФ предусмотрено в виде расторжения трудового договора с работником по инициативе работодателя<sup>3</sup>. В указанной норме права для применения такого вида дисциплинарного вида взыскания помимо совершения деяния предусмотрено еще одно условие — это признание совершенных действий (бездействия) основанием для утраты доверия работодателя к работнику. Только эти два условия в совокупности дают основание для увольнения работника. Однако в практике закрытый перечень правонарушений часто толкуется

<sup>1</sup> Зайков Д. Е. Проблемы привлечения работников к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 30–33.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

<sup>3</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

расширительно, что влечет за собой нарушение трудовых прав работника, а также формирует предпосылки для злоупотреблений со стороны работодателя. Так, в определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2023 по делу № 88–2483/2023 суд не удовлетворил требования работодателя, указал, что не имелось оснований для увольнения работника по п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, поскольку невнесение сведений о пользовании парковочным местом в справку об имуществе не свидетельствует о совершении значительного проступка, свидетельствующего о его коррупционной составляющей. Примененное дисциплинарное взыскание в виде увольнения несоизмеримо тяжести проступка<sup>1</sup>.

Также стоит обратить внимание на то, что термин «утрата доверия» представляет собой субъективное явление, по своей сути представляющее отношение к лицу, возникшее вследствие совершения им действий, порождающих сомнения в его порядочности, честности, способности профессионально выполнять свои должностные обязанности. Признание факта утраты доверия лицом находится в исключительной компетенции работодателя, что может образовывать предпосылки в злоупотреблении таким основанием. В судебной практике встречаются случаи неверной трактовки такого основания как утрата доверия, например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Дагестан в апелляционном определении от 14.10.2014 по делу № 33–3174 указала, что ответчик не представил доказательства, подтверждающие основания для утраты доверия к истцу по причине не предоставления сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера<sup>2</sup>. Но в силу своей специфики невозможно определить психическое отношение работодателя к лицу после совершения им коррупционного правонарушения, как и представить доказательства этого. Здесь речь скорее идет о доказательствах совершенного правонарушения, а не последовавшего за ним отношения работодателя в виде утраты доверия к работнику.

Таким образом, норма трудового законодательства, устанавливающая дисциплинарное взыскание за совершение антикоррупционного правонарушения, вызывает ряд вопросов. На необоснованность и противоречивость двух указанных выше обстоятельств для применения такого вида ответственности обращают внимание правоведы в своих научных работах. Так, Д. Е. Зайков при анализе нормы п. 7.1 ст. 81 ТК РФ утверждает, что определение вида дисциплинарного взыскания, подлежащего применению к работнику, является исключительной прерогативой работодателя в силу ч. 1 ст. 192 ТК РФ<sup>3</sup>. Также ученый упоминает, что ТК РФ не содержит градации дисциплинарных взысканий в зависимости от вида дисципли-

<sup>1</sup> Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2023 по делу № 88–2483/2023, 2–723/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Апелляционное определение от 14.10.2014 по делу № 33–3174 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.



нарного проступка<sup>1</sup>. Вполне обоснованно указанное замечание, если обратиться к Федеральному закону от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», то ч. 3.1 ст. 59.3 устанавливает, что замечание как вид взыскания может быть применено к служащему при малозначительности совершенного коррупционного правонарушения<sup>2</sup>.

Оптимальным считается предложение А. Е. Русецкого, Т. А. Тухватуллина, С. Н. Манухина о нормативном закреплении в ТК РФ перечня коррупционных правонарушений, влекущих наложения дисциплинарных взысканий, а также порядка их применения. В перечень обязанностей работника необходимо добавить конкретные требования по соблюдению антикоррупционного законодательства, а в случае их нарушения применять п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, предусматривающий основание расторжения трудового договора по инициативе работодателя в случае однократного грубого нарушения трудовых обязанностей работником<sup>3</sup>. Такой вариант представляется разумным с точки зрения эффективного соблюдения требований антикоррупционного законодательства и прав работников.

Вопрос привлечения к дисциплинарной ответственности работников за совершение коррупционного правонарушения требует тщательного анализа и проработки, это показывают существующие неточности в нормах закона, неоднозначная правоприменительная и судебная практика, что сказывается на результатах проводимых мероприятий по противодействию коррупции, а также защищенности трудовых прав работников. Наиболее важной представляется синхронизация внесения изменений в антикоррупционное и трудовое законодательство, в том числе и по расширению перечня правонарушений в этой сфере, а также обязательной тщательной деятельности работодателя по внедрению мер предупреждения коррупции в организации

**Докучаева Е. В.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Проблемы применения процедуры медиации при разрешении трудовых споров**

**Аннотация.** Применение медитативных процедур в сфере трудовых правоотношений на практике влечет за собой определенные проблемы. В этой связи

<sup>1</sup> Зайков Д. Е. Проблемы привлечения работников к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения // Трудовое право в России и за рубежом. 2019. № 4. С. 30–33.

<sup>2</sup> Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Парламентская газета. № 140–141. 31.07.2004.

<sup>3</sup> Русецкий А. Е., Тухватуллин Т. А., Манухин С. Н. Увольнение работников, совершивших коррупционные правонарушения: сравнительно-правовой анализ оснований и механизма расторжения трудовых договоров // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 2. С. 18–21.

необходимо разработать возможные пути их решения, а также проанализировать текущую ситуацию в данной области.

**Ключевые слова:** медиация, трудовые правоотношения, трудовой спор, медиативные процедуры.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» под процедурой медиации понимается способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения<sup>1</sup>.

С каждым днем в России медиация укрепляет свои позиции в различных сферах общественной жизни. Не исключением стали и трудовые правоотношения. Однако необходимо отметить, что медиация имеет место только в индивидуальных трудовых спорах, поскольку, согласно ч. 5 ст. 1 Федерального закона процедура медиации не применяется к коллективным трудовым спорам или же в случае, если спор, вытекающий из трудовых правоотношений, может затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы. Статистика нарушений трудового законодательства как со стороны работников, так и со стороны работодателей постоянно растет. Стоит подчеркнуть, что к медиаторам чаще обращаются именно работодатели. Это связано с тем, что каждый работодатель ценит репутацию своей организации, и именно медиативные процедуры позволяют урегулировать конфликты конфиденциально, не делая их предметом всеобщего обозрения. Следующим плюсом является скорость принятия решения. Судебное разбирательство в большинстве случаев носит затяжной характер урегулирования споров, а в трудовых правоотношениях необходимо разрешить спор как можно быстрее. Также медиация позволяет выявить интересы сторон, а значит, и истинные противоречия. Впоследствии это даст возможность сохранить работодателю ценных сотрудников.

Однако медиация в сфере трудовых правоотношений пока не пользуется большой популярностью, поскольку на практике с применением медиативных процедур связаны определенные сложности. Так, согласно ст. 381 ТК РФ под понятием индивидуального трудового спора понимаются неурегулированные разногласия между работниками и работодателем<sup>2</sup>. Однако многие европейские страны (например, Франция) расширяют категорию трудового спора, включая в нее конфликты между сотрудниками. Действительно, конфликты между работниками часто являются распространенной проблемой, и привлечение медиатора дало бы возможность урегулировать обстановку в коллективе. Вместе с тем в решении конфликта присутствует заинтересованность не только работодателя, но и работников.

<sup>1</sup> Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

Следующей немаловажной, на мой взгляд, проблемой является вопрос о сроках разрешения споров. В случае обращения в комиссию по трудовым спорам (КТС) или в суд можно увидеть определенные сроки обращения, которые прописаны в законодательстве. Но если стороны спора обращаются к применению процедуры медиации, их течение не приостанавливается. Таким образом, на первый план выходят опасения пропустить эти сроки. В этом вопросе следует обратиться к мнению С. Ю. Головиной, которая выступила с предложением о необходимости закрепления в ТК РФ тех трудовых спорах, по которым медиация невозможна, а также установления правил об отложении рассмотрения трудового спора на период проведения медиации<sup>1</sup>. Это позволило бы сторонам закрепить за собой возможность обращаться в КТС или в суд в том случае, если медиативные процедуры оказались неэффективными.

Нередко требования работников к работодателю могут носить ошибочный характер. Показательным будет пример из практики. Так, работники, состоящие в профсоюзе завода N, потребовали увеличить отпуск в связи с увеличением объема работ. Но требования предъявлялись в адрес руководителя цеха, в сферу полномочий которого не входит данное требование. Во время процедуры медиатор не только выяснил вопрос об отпуске, но и организовал обсуждение межличностных отношений. Так, медиатору удалось выявить конфликт в трудовом коллективе на ранних стадиях и предотвратить его.

Также стороны конфликта должны быть осведомлены о возможности процедуры медиации. В том случае, если организация придет к выводу о необходимости внедрения медиации при урегулировании разногласий, следует заключать с сотрудниками соглашения о применении данной процедуры. Особенно важно заключать такие соглашения с сотрудниками, которые выполняют функции единоличного исполнительного органа. Это позволит обеспечить стабильный рабочий процесс.

Таким образом, процедура медиации при разрешении трудовых споров имеет свои плюсы, однако прослеживаются проблемы внедрения и реализации медиативных процедур. Усовершенствование механизма применения медиации (в том числе и с помощью изменений в законодательстве) позволит сделать этот процесс более доступным и эффективным инструментом урегулирования разногласий.

**Котовой А. С., Яшенкова А. М.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

### **Соглашение о неконкуренции: российский и зарубежный опыт**

**Аннотация.** Соглашение о неконкуренции в нынешней действительности набирает популярность. Несмотря на то что российское законодательство не

---

<sup>1</sup> Головина С. Ю. Проблемы применения медиации при разрешении трудовых споров // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 119–126.

допускает применения данного акта, судебная практика постепенно признает юридическую силу за ним. Авторы приводят сравнение российского опыта с зарубежной практикой и делают выводы о дальнейшей судьбе соглашения о неконкуренции в Российской Федерации.

**Ключевые слова:** свобода труда, соглашение о неконкуренции, коммерческая тайна, работник, работодатель.

Конституция Российской Федерации<sup>1</sup> устанавливает, что труд в России свободен и каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Трудовой кодекс РФ<sup>2</sup> закрепляет одним из основных принципов правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений принцип свободы труда, включая в него право на труд, который каждый свободно выбирает или на который свободно соглашается, право распоряжаться своими способностями к труду, выбирать профессию и род деятельности (статья 2). К. Н. Гусов отмечал, что принцип свободы труда выражается и реализуется путем предоставления гражданину равных возможностей для вступления в трудовые отношения и выражения своих профессиональных способностей<sup>3</sup>. В. В. Федин при описании данного принципа выделяет разнообразные юридические аспекты, среди которых — свобода выбора профессии и сферы деятельности<sup>4</sup>. Исходя из данных научных мнений и смысла законодательства можно сделать вывод, что принцип свободы труда имеет одним из своих направлений закрепление недопустимости запрета выбирать работнику род деятельности и профессию со стороны всех субъектов трудового права.

Однако в современных экономических реалиях многие работодатели (компании) желают обязать работников не использовать свои навыки и умения после окончания трудовых отношений и тем самым исключить возникновение значительных конкурентных преимуществ иным нанимателям<sup>5</sup>. Реализуют они это путем «соглашения о неконкуренции» (non-compete). В научной среде существует множество определений этого акта. Согласно мнениям ученых, в узком смысле соглашение о неконкуренции — это обязательство работника не конкурировать

---

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398. Ч. 1 ст. 37.

<sup>2</sup> Федеральный закон Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. с изм. и доп. в ред. от 04.08.2023.

<sup>3</sup> Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / М. О. Буянова, К. Н. Гусов [и др.] / под ред. К. Н. Гусова. М. : ТК «Велби», 2006. С. 17.

<sup>4</sup> Федин В. В. Юридический статус работника как субъекта трудового права : монография. М. : ТК «Велби», Проспект, 2005. С. 150.

<sup>5</sup> Кулагина А. В. Российская практика применения соглашений о неконкуренции // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. С. 346.

с предыдущим работодателем. Оно включает запрет в течение определенного периода времени после увольнения (в разных странах от одного года до пяти лет) наниматься на аналогичное предприятие, создавать подобный бизнес, поддерживать деловые отношения с клиентами бывшего работодателя и разглашать информацию, касающуюся бывшей работы<sup>1</sup>, представляющую определенную ценность для работодателя<sup>2</sup>. В широком смысле оно также включает обязательство работника не приобретать доли/акции конкурентных организаций (их аффилированных лиц) и не занимать руководящие должности в таких организациях<sup>3</sup>.

В Российской Федерации на законодательном уровне не регулируется такой вид соглашений. На данный момент вопросы соглашений о неконкуренции разъяснены в письме Минтруда России от 19.10.2017 № 14–2/В-942<sup>4</sup>. В нем указывается, что попытка ограничить работнику возможность трудоустроиться после расторжения трудового договора с предыдущим работодателем, даже если такие действия могут привести к неблагоприятным последствиям для бывшего нанимателя, прямо противоречит закону. Это положение находится в тесной взаимосвязи со ст. 55 Конституции РФ, которая закрепляет, что ограничение прав человека и гражданина возможно лишь в мере, необходимой для защиты конституционного строя, здоровья и безопасности граждан. Такое ограничение возможно со стороны государства, а работодатель не имеет права нарушать конституционные нормы.

В российской практике вне рамок трудовых отношений это соглашение является непоименованным договором, который прямо не предусмотрен законодательством. Сходный характер имеет соглашение о неразглашении, предусмотренное Законом «О коммерческой тайне»<sup>5</sup>. Однако оно не ограничивает трудовые права, а лишь предусматривает возможность привлечения бывшего работника к ответственности после прекращения трудовых отношений. Данное положение отражено в п. 7 ч. 1 ст. 243 ТК РФ.

Российская судебная практика признает, что non-compete не предусмотрены российским законодательством и носят дискриминационный характер<sup>6</sup>, признает условия между компаниями о непереманивании сотрудников противоречащими

<sup>1</sup> Киселёв И. Я. Сравнительное и международное трудовое право : учебник для вузов. М. : Дело, 1999. С. 103.

<sup>2</sup> Урчуков Р. М. Соглашение о неконкуренции как ограничение свободы труда работников. Трудовое право в России и за рубежом, 2019. № 3. С. 32.

<sup>3</sup> Липковская В. В. Интересы работодателя в трудовом праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 88.

<sup>4</sup> Письмо Министерства труда и социальной защиты РФ от 19.10.2017 № 14–2/В-942 О дополнительном соглашении о неконкуренции // СПС «Гарант».

<sup>5</sup> Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Российская газета. 2004. с изм. и доп. в ред. от 14.07.2022.

<sup>6</sup> Определение Московского городского суда от 02.06.2017 № 33–20918/2017 // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/64351e4b-6316-43e2-8d59-f678f4f7119b> (дата обращения: 20.09.2023).

трудовому законодательству<sup>1</sup>, что находит отражение и в практике Конституционного Суда РФ<sup>2</sup>. Однако есть решения противоположные общепринятой практике. К примеру, Мосгорсуд в 2014 г. посчитал соглашение о неконкуренции действительным. Бывший сотрудник банка хотел взыскать компенсацию за соблюдение условия о неконкуренции. В первой инстанции истец получил поддержку суда, который пришел к выводу, что оспариваемые условия в договоре о неразглашении информации и запрете конкуренции не применимы, а истцу полагается вознаграждение за отсутствием доказательств использования конфиденциальной информации. Однако апелляционная инстанция выявила, что предыдущие решения не учли важные обстоятельства дела. Суд в апелляции отметил, что оспариваемые условия не ограничивали право истца на свободное трудоустройство и не запрещали ему занимать определенную должность, а лишь устанавливали условия выплаты вознаграждения. Суд также представил интересный аргумент: поскольку истец, занимая высокий пост, который предполагает, что он будет «прямо или косвенно использовать информацию, полученную в результате своей трудовой деятельности в банке». Кроме того, сам факт его трудоустройства на данную должность предполагает раскрытие информации. В результате истец не выполнил все условия договора, приняв должность в компании, занимающейся аналогичной деятельностью, и поэтому требования о выплатах не могут быть удовлетворены<sup>3</sup>.

Существует и такой пример, когда суд признает юридическую силу такого соглашения. Между работником и работодателем было заключено соглашение о неконкуренции, в котором закреплено, что бывший сотрудник обязуется в течение 12 месяцев после окончания трудовых отношений не принимать участия в деятельности конкурирующих предприятий. Бывший сотрудник обратился в суд, требуя компенсацию от своего бывшего работодателя за соблюдение условий соглашения. Однако суд отклонил его иск и отказал в выплате денежной компенсации, так как истец нарушил условия соглашения, принимая предложение другого работодателя до истечения срока, указанного в соглашении<sup>4</sup>.

При анализе зарубежного опыта интересным представляется недавняя ситуация с американским журналистом Такером Карлсоном. В апреле 2023 г. он

---

<sup>1</sup> Определение Верховного Суда РФ от 16.09.2020 № 305-ЭС20–13015 по делу № А40–230924/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 № 1277-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Тимидея Групп» на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 64 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Апелляционное определение Московского городского суда от 14.10.2014 по делу № 33–34658 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/130949702/> (дата обращения: 09.09.2023).

<sup>4</sup> Апелляционное определение Московского городского суда № 33–52632/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

был уволен с телеканала Fox News<sup>1</sup>. Далее журналист решил вести свое шоу на платформе Twitter, на котором он собрал более 80 млн. просмотров в первый день<sup>2</sup>. В связи с этим телеканал стремится подать на Такера в суд, поскольку сообщается, что в его трудовом договоре содержался запрет работать в других СМИ и создавать свой контент до 31 декабря 2024 г.<sup>3</sup> Такие требования телеканала вступают в противоречие с первой поправкой Конституции США о свободе слова<sup>4</sup>. Дополнительно сто́ит отметить, что регулирование данного института в США осуществляется на уровне каждого штата, и ученые отмечают, что в Америке нет единого подхода к регулированию соглашений о неконкуренции<sup>5</sup>. Как правило, американские суды указывают на следующие разумные критерии такого соглашения: правомерный интерес работодателя, разумный географический охват, разумность продолжительности ограничения, адекватное встречное предоставление со стороны предпринимателя<sup>6</sup>. Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что практика применения non-compete в США допускает ограничения в отношении работника при наличии экономического интереса со стороны работодателя.

Таким образом, зарубежный опыт строится на тесной связи соглашения о неконкуренции с коммерческими интересами. Российская практика постепенно воспринимает такое толкование и применение. Однако такой опыт непременно сопряжен с ограничениями конституционных прав граждан, в связи с чем данный институт на современном этапе развития российского трудового законодательства ограничен в применении. Вместе с тем в случае возрастания экономической целесообразности данного соглашения, для того чтобы оно было применимо в современной российской действительности, необходимым станет закрепление дополнительных гарантий работнику, например, дополнительной денежной компенсации, так как это способствуют защите работника, являющегося более слабой стороной трудовых правоотношений. К тому же возможно закрепление исчерпывающего перечня сфер, в которых будет существовать возможность заключения такого рода соглашений.

<sup>1</sup> Скандальный ведущий с огромной аудиторией: почему Такера Карлсона уволили с Fox News // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17638827> (дата обращения: 09.09.2023).

<sup>2</sup> Оппозиционный ведущий из США Такер Карлсон открыл свой канал и собрал более 80 миллионов просмотров в первый же день // Яндекс.Дзен. URL: [https://dzen.ru/a/Z1JCQauEFG5mYK29?ut.m\\_referer=yandex.ru](https://dzen.ru/a/Z1JCQauEFG5mYK29?ut.m_referer=yandex.ru) (дата обращения: 09.09.2023).

<sup>3</sup> СМИ: телеканал Fox потребовал от Такера Карлсона прекратить выступления // РИА новости. URL: <https://ria.ru/20230612/karlson-1877641673.html> (дата обращения: 09.09.2023).

<sup>4</sup> Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. Т. 2 : Современное государство и право / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М. : Норма : Инфра-М, 2019. С. 205.

<sup>5</sup> Чукреев А. А. Ограничительные условия в соглашениях между предпринимателями и их работниками по праву зарубежных стран. Часть первая: Великобританияи Соединенные Штаты Америки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 2. С. 432.

<sup>6</sup> Там же. С. 428.

**Дискриминация или дифференциация: проблема  
регулируемого труда женщин**

**Аннотация.** В статье рассматриваются трудовые гарантии женщин и ограничения их труда, а также основания этого установления. Проводится анализ норм трудового права на предмет наличия обоснованной дифференциации в правовом статусе женщин или появления дискриминационных факторов с целью определить их реальное положение на рынке труда.

**Ключевые слова:** дискриминация, трудовые права женщин, гендерное равенство, правовые гарантии и льготы, ограничение труда женщин.

В ходе многолетней истории достижения гендерного равенства женщины смогли претендовать на многие трудовые права и гарантии. Однако дискриминация по признаку пола всё еще распространена в большинстве стран, и если такого рода положения не прямо закреплены в законодательствах, то проявляются косвенными способами (разница в заработной плате и пр.).

В настоящее время многие претензии правозащитников сводятся к приказу Министерства труда и социальной защиты, который не только ограничивает, но и запрещает женский труд в ряде областей. В настоящий момент список значительно сокращен, но всё же продолжает уменьшать возможности женщин при трудоустройстве на 100 должностей (химические производства, подземные работы и др.)<sup>1</sup>. Разъясняя данный вопрос, Верховный Суд РФ указал, что подобное существует «в целях защиты здоровья женщины от воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов»<sup>2</sup>.

Сходную функцию выполняет и приказ Министерства труда и социальной защиты, утверждающий предельно допустимые нормы нагрузок для женщин, который также ставит ограничения для трудоустройства в виде «легких» работ, не требующих взаимодействия с тяжелым грузом, что также может повредить здоровью<sup>3</sup>. Однако женщинам-спортсменам разрешено превышение установленных пределов при

---

<sup>1</sup> Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18.07.2019 № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» // СПС «Гарант».

<sup>2</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 14.09.2021 № 629н «Об утверждении предельно допустимых норм нагрузок для женщин при подъеме и перемещении тяжестей вручную» // СПС «Гарант».



наличии медицинского заключения<sup>1</sup>. Получается, части женщин дозволены подъем и перемещение тяжестей, в отличие от других. Можно объяснить это их лучшей физической подготовленностью, т.е. такие действия в меньшей степени повредят здоровью, к тому же, это связано лишь с участием в спортивных мероприятиях. Но такого рода соревнования требуют и должного уровня подготовки, на которых женщины также будут превышать установленные нормативы подъема, что можно сравнить с обычной ежедневной трудовой функцией, которая как раз и регулируется приказом. Выходит, что вопрос не только в биологических основаниях защиты, но и неких социальных факторах, ограничивающих женщин в выборе работы. Что если подобную трудовую функцию решит выполнять физически подготовленная женщина или даже спортсменка, которой разрешено подобное на соревнованиях — откажут ли им в трудоустройстве, если нормы тяжести будут превышены?

Соответственно, помимо биологических оснований, подразумевающих опасения законодателя по поводу воздействия данных работ на репродуктивное здоровье женщин при регулировании трудовых правоотношений с ними роль играет и социальный фактор. Иногда это проявляется в сравнении женщин со «слабым полом» и влечет смягчение нагрузок и пр., что, однако, часто влияет и на размер заработной платы. В некоторых государствах имеют место социально-культурные различия, как например, религия в странах Востока, где трудоустройство — во многом несовместимое с женщиной понятие.

Конституция РФ закрепляет, что «каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду». Помимо этого, установлен и запрет дискриминации, т.е. предполагается равенство возможностей мужчин и женщин при трудоустройстве, что, однако, противоречит существованию вышеуказанных списка и норматива<sup>2</sup>. Действующее законодательство наделяет повышенной защитой ряд категорий работников: «Правовое регулирование трудовых и непосредственно связанных с ними отношений с участием женщин... осуществляется в целях создания благоприятных и безопасных условий труда и обеспечения равенства возможностей в осуществлении трудовых прав и свобод указанными работниками с учетом их общественно значимых особенностей (в частности, выполнения функций материнства и воспитания детей...)»<sup>3</sup>. То есть предполагается, что в данном случае лишь наличествует правовая дифференциация, которая реализует заботу о социально незащищенных гражданах. Но подобное с уверенностью можно утверждать о беременных женщинах или о женщинах, осуществляющих уход за ребенком. Установление подобных запретов остальным категориям многие считают архаич-

<sup>1</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 348.9.

<sup>2</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

ным — такого рода списков запрещенных профессий нет в Грузии, Армении, США; в Германии же нет деления «женских» и «мужских» профессий (все зависит от должных знаний и подготовки)<sup>1</sup>. К тому же Конвенция 1979 г. говорит о создании комфортных условий труда, а не о прямом запрете при наличии риска<sup>2</sup>. Она не ограничивает тем самым женщин в труде, а лишь позволяет создать для них более комфортные условия, отвечающие требованиям безопасности, т. е. не препятствует реализации ими трудовых возможностей. Это также подтверждает мысль, что право, предоставленное каждому, не будет означать риска здоровью при снижении такового государством или работодателем. Это и будет создавать *равные* условия труда для обоих полов.

Также встает вопрос: раз причиной такого регулирования является материнство как объект государственной защиты, то почему оно распространяется и на тех женщин, кто не может иметь детей по медицинскому заключению? Видится, что даже в этой ситуации женщины лишаются права развиваться в выбранном направлении из-за многочисленных ограничений. Существуют исследования, указывающие на то, что некоторые факторы, такие как воздействие токсичных газов оказывают воздействие на репродуктивную способность и у мужчин. То есть это также может подвергнуть функцию деторождения угрозе, однако российское законодательство не устанавливает им ограничения в выборе профессии. Соответственно, мужчины в таких случаях наделяются возможностью «самостоятельно анализировать риски и принимать решение о том, насколько такие риски обоснованы», в отличие от женщин, что напрямую говорит о продиктованной историей и обществом их более слабой социальной роли<sup>3</sup>.

Также в деле Анны Клевец женщина была ограничена в праве трудоустроиться в качестве помощника машиниста электропоезда по причине высокого физического и эмоционального напряжения, что могло повлечь негативные последствия для женского организма, а также поставить под угрозу жизни других людей. Отказывая в рассмотрении, Конституционный Суд РФ указал: «реализация принципа юридического равенства не может осуществляться без учета общепризнанной социальной роли женщины в продолжении человеческого рода»<sup>4</sup>. Эта позиция стала одной из основных в решении подобного рода споров

<sup>1</sup> Москвина М. С. Проблемы ограничения труда женщин во вредных и (или) опасных условиях труда // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 11. 16 с.

<sup>2</sup> Конвенция Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.) // СПС «Гарант».

<sup>3</sup> Сазонова М. Трудовые права женщин: вопросы дискриминации и основные судебные кейсы // URL: <https://www.garant.ru/article/1604620/> (дата обращения: 18.09.2023).

<sup>4</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 22.03.2012 № 617-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клевец Анны Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частями первой и третьей статьи 253 Трудового кодекса Российской Федерации и пунктом 374 раздела XXX Перечня тяжелых работ и работ с вредными и опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» // СПС «Гарант».

и нередко использовалась судами в сходных делах. В деле же Светланы Медведевой суд не учел наличие образования в качестве судоводителя и опыт работы матросом, что можно назвать физически более тяжелой работой, чем должность моториста-рулевого, на которую претендовала женщина. Это подчеркивает противоречие законодательного регулирования фактическому положению дел. Комитетом ООН, рассмотревшим этот вопрос, было заявлено, что запреты отражают консервативные представления о ролях и обязанностях женщины в семье и обществе. Следовательно, подобного рода ограничения ставят под угрозу не только их социальное, но и материальное положение, поскольку препятствуют карьерному росту и образованию<sup>1</sup>. Исходя из данных выводов и исключения ряда профессий из списка запрещенных, возникает вопрос, имело ли место изменение их влияния на женский организм или первоначальная ошибка, связанная с их введением в перечень?

Можно отметить, что в логике судов причина ограничений не раз следовала именно из социальной характеристики женщины как неспособной выполнять традиционно считающуюся мужской профессией. Разумным было бы пересмотреть список запрещенных профессий с целью вычлнить из него те отрасли, в которых возможно обеспечить труд не только мужчин, но и женщин, обеспечив их при этом безопасными условиями труда (на что, к сожалению, не всегда идут работодатели).

Во всяком случае, на эту тему возникает немало споров как в России, так и за рубежом. Но нельзя не признать, что указанные ограничения значительно снижают для женщин право выбора, что ведет к усилению гендерного неравенства. В обществе всё еще сохраняются стереотипные представления о роли женщины. Конкуренция с мужчинами на рынке труда во всем мире ослабляет правовое и экономическое положение женщин, что требует их повышенной защиты.

**Нанагюлян А. Р.**  
НИУ ВШЭ  
Студент

### **Институт компенсации морального вреда: усовершенствование критериев определения размера выплат**

**Аннотация.** Институт компенсации морального вреда в РФ в последние годы динамично развивается. В данной связи необходима разработка конкретных критериев, на основе которых будет определяться размер компенсации в соответствии с принципами разумности и справедливости. Статья имеет целью анализ возможных способов расчета компенсации на примере зарубежных правопорядков и выработку предложений по их применению в РФ.

<sup>1</sup> Сазонова М. Трудовые права женщин: вопросы дискриминации и основные судебные кейсы. URL: <https://www.garant.ru/article/1604620/> (дата обращения: 18.09.2023).

**Ключевые слова:** компенсация морального вреда, критерии определения размера компенсации, судебная дискреция, рекомендательные таблицы, зарубежный опыт.

Компенсация морального вреда как институт гражданского права на современном этапе его развития, представляет собой обширную сферу, требующую глубокого анализа и проработки. Судебные решения о присуждении компенсации морального вреда в РФ не являются единообразными, и зачастую присуждаемые суммы компенсации не соответствуют причиненным физическим и нравственным страданиям пострадавших лиц. Стоит отметить недавно вышедшее в свет постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее — постановление Пленума ВС РФ № 33), целью которого было разрешение некоторых коллизий в судебной практике.

Переходя к функциям института, в первую очередь стоит отметить компенсаторную функцию, которая является основополагающей функцией института компенсации морального вреда. Она заключается в назначении потерпевшему денежной суммы, способной максимально сгладить причиненные боль и страдания, восстановить его внутренний покой и тем самым вернуть его к положению, существовавшему до нарушения. В некоторых ситуациях присутствует и элемент «покарания» причинителя вреда в зависимости от степени его вины<sup>1</sup>. Немаловажной представляется и превентивная функция института, которая предполагает назначение достаточной санкции для предотвращения причинения морального вреда в будущем.

Моральный вред по своей сущности представляет из себя нечто неразрывно связанное с личностью, не имеющее материального выражения. Критики института компенсации морального вреда подвергают сомнению его существование, обосновывая свою точку зрения немыслимостью такой компенсации, поскольку оценка степени страданий, боли и иных переживаний потерпевшего в денежной форме невозможна из-за неэкономической природы возникающих правоотношений и отсутствия, по словам Е. А. Суханова, «рынка боли и страданий»<sup>2</sup>

Несмотря на все доводы противников института, компенсация морального вреда в России, как и во многих других правовых порядках, согласно п. 1 ст. 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, осуществляется в денежной форме. В связи с этим стоит остановиться на проблеме низкого размера при-

<sup>1</sup> Так, институт выполняет и карательную функцию, наказывая виновное лицо за особые виды неправомерного поведения, например, в случае грубой халатности, что не соответствует природе института компенсации морального вреда, как в первую очередь направленного на возмещение причиненного вреда (Евстигнеев Э. Научно-практический комментарий к ст. 1099–1101 ГК РФ по компенсации морального вреда // Журнал РШЧП. 2022. № 5. С. 7).

<sup>2</sup> Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2023. С. 570 (автор главы — А. А. Ягельницкий).

суждаемых компенсаций, которая является довольно острой в российской судебной практике<sup>1</sup>.

Размер компенсации морального вреда в России различается в зависимости от субъекта РФ ввиду отсутствия единообразной методики расчета суммы компенсации и противоречий в судебной практике. Более того, суды в своих заключениях не представляют достаточной мотивировки назначенного размера компенсации, ограничиваясь неполными формулировками<sup>2</sup>. Следовательно, вынесение решений о присуждении компенсации морального вреда в российской правоприменительной практике осуществляется со значительным нарушением принципов горизонтальной и вертикальной справедливости<sup>3</sup>, которые закреплены в Принципах европейского деликтного права<sup>4</sup>.

Что касается опыта других государств, в немецком праве аналогом компенсации морального вреда является так называемый институт «денежной компенсации за страдания»<sup>5</sup>. В Германии судами поддерживается детальное рассмотрение каждого конкретного дела о присуждении компенсации с учетом всех обстоятельств и индивидуальных особенностей сторон<sup>6</sup>, а не следование формулам с жесткими критериями расчета<sup>7</sup>.

Во французском правопорядке под моральным вредом понимается любое умаление неимущественных прав, что является ключевым отличием от понимания данного института отечественным правопорядком<sup>8</sup>. Размер компенсации во Франции определяется на основе судебской дискреции с учетом обстоятельств каждого конкретного дела и с опорой на судебную практику по аналогичным делам. Несмотря на отсутствие обязательной методики расчета денежной суммы, суды

<sup>1</sup> Действующее постановление Пленума ВС РФ № 33 предприняло первый шаг в решении данной проблемы и предусмотрело положение, согласно которому сумма компенсации морального вреда не может быть ничтожно малой и незначительной. Однако конкретной методики по исчислению размера компенсации разработано не было.

<sup>2</sup> Моисеева О. В. Проблемы компенсации морального вреда // Российский судья. 2019. № 6. С. 3.

<sup>3</sup> Ключевой идеей принципа вертикальной справедливости является пропорциональность суммы присуждения тяжести причиненного вреда, а принцип горизонтальной справедливости предполагает, что при причинении одного и того же типа вреда, потерпевшим должен присуждаться одинаковый размер компенсации.

<sup>4</sup> Прибыткова М. Обоснование размера морального вреда: принципы горизонтальной и вертикальной справедливости // Журнал РШЧП. 2018. № 1. С. 193.

<sup>5</sup> Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 3-е изд., испр. и доп. М. : Wolters kluwer Russia, 2007. С. 11.

<sup>6</sup> Основными критериями, выработанными судебной практикой, при определении суммы компенсации являются: размер, интенсивность и продолжительность боли, страдания и обезображивания.

<sup>7</sup> Пастухова А. Е. Справка по компенсации морального вреда в немецком праве, 2019 г. С. 2. URL: [https://m-logos.ru/mlogos\\_publication/nauchno-prakticheskij-blagovoritelnij-kruglyj-stol-opredelenie-razmera-kompensaczii-moralnogo-vreda/](https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchno-prakticheskij-blagovoritelnij-kruglyj-stol-opredelenie-razmera-kompensaczii-moralnogo-vreda/) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>8</sup> Эрделевский А. М. Указ. соч. С. 14.

принимают во внимание различные рекомендательные таблицы при вынесении решений с ориентировочными суммами взыскания<sup>1</sup>.

В странах общего права существует институт неэкономических убытков или убытков за «боль и страдания» (англ. pain and suffering)<sup>2</sup>. Английский правопорядок характеризуется свободой судебного усмотрения и неукоснительным сравнительным анализом прецедентов со сходными обстоятельствами дела<sup>3</sup>. С 1992 г. в Англии действуют постоянно обновляющиеся таблицы, учитывающие инфляцию, с суммами компенсации за причинение тех или иных страданий, которые, однако, носят ненормативный, рекомендательный характер<sup>4</sup>.

Американский подход к определению размера компенсации предусматривает разделение морального вреда на две части: боль и страдания, которые уже были понесены истцом, и ожидаемые в будущем страдания<sup>5</sup>. В соответствии с указанным разделением, судами были разработаны методы для математического расчета причиненного вреда, наиболее успешным из которых является «посуточный» метод<sup>6</sup>, однако есть сторонники и другого, более спорного метода «золотого правила»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> В одной из таких рекомендаций приведено разделение причиненных страданий в зависимости от их тяжести по оценке судебно-медицинской экспертизы: очень легкая — до 2 000 евро, легкая — 2 000–4 000 евро, умеренная 4 000–8 000 евро и др., максимально возможная компенсация не указана, однако за страдания исключительной тяжести предусмотрена компенсация в 80 000 евро и более (Лобачева А. Возмещение морального вреда во Франции, 2019. С. 2. URL: [https://m-logos.ru/mlogos\\_publication/nauchno-prakticheskij-blagotvoritelnyj-kruglyj-stol-opredelenie-razmera-kompensaczii-moralnogo-vreda/](https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchno-prakticheskij-blagotvoritelnyj-kruglyj-stol-opredelenie-razmera-kompensaczii-moralnogo-vreda/) (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>2</sup> Бudyлин С. Л. Боль и страдания в странах общего права. Преискурант или судебная дискреция? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 3. С. 78.

<sup>3</sup> К основным факторам, подлежащим учету судом при назначении суммы компенсации, относятся: тяжесть и серьезность страданий, интенсивность боли, возраст и пол потерпевшего, продолжительность страданий и др.

<sup>4</sup> Так, в случае мелкой травмы присуждается 550 фунтов, а в случае более тяжелой травмы или повреждения, например, при параличе всех конечностей сумма варьируется от 284 000 до 354 000 фунтов (Карапетов А. Г., Фаст И. А. Справка о размерах компенсаций морального вреда в связи с посягательствами на жизнь или здоровье на примере полного паралича рук и ног (сравнение российских и зарубежных показателей), 2019. С. 5. URL: [https://m-logos.ru/mlogos\\_publication/nauchno-prakticheskij-blagotvoritelnyj-kruglyj-stol-opredelenie-razmera-kompensaczii-moralnogo-vreda/](https://m-logos.ru/mlogos_publication/nauchno-prakticheskij-blagotvoritelnyj-kruglyj-stol-opredelenie-razmera-kompensaczii-moralnogo-vreda/) (дата обращения: 20.09.2023)).

<sup>5</sup> Martin E. C. Limiting Damages for Pain and Suffering: Arguments Pro and Con // Am. J. Trial Advoc. 1986. Т. 10. С. 322.

<sup>6</sup> Согласно данному методу, первоначально присяжные заседатели или сам судья определяют исходную денежную единицу, которая умножается на определенное количество дней, месяцев или лет, в которые потерпевшему лицу были причинены боль и страдания с учетом ожидаемых в будущем переживаний.

<sup>7</sup> В соответствии с названным методом, присяжные при определении размера компенсации морального вреда ставят себя на место потерпевшего лица и определяют сумму денег, необходимую для перенесения ими в данном случае причиненных боли и страданий.

В российском правопорядке преимущество отдается усмотрению судей, которые при определении размера компенсации обращают внимание на ряд факторов<sup>1</sup>, однако, несмотря на всю гармоничность механизма определения суммы компенсации морального вреда в теории, на практике все не так гладко. При определении размера компенсации, судьи ориентируется на судебную практику по аналогичным делам, в связи с чем образуется замкнутый круг с суммами присуждений, которые не изменяются десятилетиями, несмотря на инфляционные процессы. Ничтожно малые суммы компенсации приводят к неполному возмещению причиненного вреда, а в случаях посягательства на жизнь и здоровье человека являются грубейшим нарушением достоинства личности и принципа гуманизма, которые закреплены в Конституции РФ<sup>2</sup>.

С учетом всех особенностей российского правопорядка и зарубежного опыта регулирования данного института, наиболее приемлемым представляется постепенное введение рекомендательных таблиц с примерными критериями определения компенсации морального вреда в отдельных случаях или с конкретным числом, эквивалентным боли и страданиям, которые были понесены лицом за определенный период времени. Применительно к способу расчета, следует учитывать и количественный критерий, а именно применять посуточный метод определения размера компенсации, и учитывать страдания и боль потерпевшего, которые могут возникнуть в будущем в зависимости от степени тяжести нанесенного вреда. Этот метод наиболее полно отражает временной аспект компенсации морального вреда.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть важность института компенсации морального вреда как действенного способа восстановления нарушенных прав граждан, их «душевного равновесия» и благополучия. Отсутствие же такого права может привести к систематическому умалению личных неимущественных прав граждан, что недопустимо в правовом государстве, которым является Российская Федерация.

---

<sup>1</sup> Характер нравственных и физических страданий, вина причинителя вреда, индивидуальные особенности лица, к которым относятся возраст, состояние здоровья, род занятий, а также фактические обстоятельства дела. Кроме того, суд принимает во внимание сумму, заявленную самим истцом, при ее наличии, и на основе принципов разумности и справедливости и всех обстоятельств конкретного дела определяет приемлемый размер компенсации морального вреда.

<sup>2</sup> В исследовании, проводимом Комиссией по вопросам определения размеров компенсации морального вреда Ассоциации юристов России, был выявлен средний размер компенсации в случае инвалидности или смерти лица, составляющий от 70 до 140 тыс. руб. А сумма присуждений по компенсации морального вреда за 2020 г. в целом составляет лишь 10% от заявляемых истцами требований. Этот показатель свидетельствует об отрицательной тенденции нынешней судебной практики РФ, и в сравнении с аналогичными делами в зарубежных правопорядках, является ничтожно малым (Методические рекомендации по определению размера компенсации морального вреда при посягательствах на жизнь, здоровье и физическую неприкосновенность человека. М. : М-Логос, 2023. С. 23);

### Тенденции и перспективы совершенствования российского законодательства в сфере труда и социального обеспечения

**Аннотация.** В статье рассматриваются основные тенденции в сфере трудового права и социальных отношений. Прослеживается зависимость изменений законодательства от событий, произошедших за последнее время в стране.

**Ключевые слова:** пандемия, цифровизация, дистанционная работа, специальная военная операция, частичная мобилизация, кадровый электронный документооборот.

За последние несколько лет произошел ряд важных событий, который оказал существенное влияние на общество. Это присоединение новых территорий (Крым 2014 г.; ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области — 2022 г.), введение санкций западными государствами, пандемия COVID-19, специальная военная операция (2022 г.) и частичная мобилизация (2022 г.). Изменения коснулись всех сфер жизни и стали предпосылками к внесению поправок в правовую сферу. В сфере труда и занятости последствиями перечисленных событий стали массовое использование возможностей дистанционной работы; ускорение темпов перехода на электронный документооборот; повышение загрузки импортозамещающих предприятий и предприятий, работающих по оборонным заказам; усиление правовой защиты и введение новых прав и гарантий для мобилизованных сотрудников; увеличение льгот для социально мало защищенных слоев населения.

К наиболее значимым направлениям развития трудового права можно отнести:

1. Изменения, касающиеся дистанционной работы.

Во время пандемии в 2020 г. в связи с вводом нерабочих дней многие работодатели прекращали рабочую деятельность, другие же переводили работников на работу из дома. Начался активный переход к дистанционной работе, когда работники занимались своей профессиональной деятельностью, не нарушая самоизоляции, в основном через сеть Интернет. Необходимо было «подтянуть» трудовое законодательство к реальности для урегулирования отношений между уделенным работником и работодателем. В конце 2020 г. были приняты изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации, появились статьи 312.1–312.9, регламентирующие особенности дистанционной работы, связанных с ней гарантий, порядка перевода на удаленную работу. Вместе с тем неурегулированным остались такие вопросы, как процедура увольнения дистанционного работника по дополнительным причинам, невозможность точного определения реального места работы сотрудника и др.

Дистанционный труд помогает решить некоторые социальные проблемы в регионах России, так как человек получает возможность работать, не покидая своего муниципального образования. Пенсионеры, студенты, инвалиды, не имеющие воз-



возможности трудоустроится в своем населенном пункте, могут найти работу в любой точке мира. Экономисты, бухгалтеры, программисты, копирайтеры, маркетологи, преподаватели, специалисты по поиску персонала (HR), представители многих других профессий, уйдя в 2020 г. на дистанционную работу, не вернулись обратно в офисы. Дистанционная работа имеет свои достоинства и недостатки. Основные преимущества для работников — это снижение времени, проведенного в дороге до работы; снижение уровня выгорания за счет более комфортных условий работы, уменьшение затрат на проезд и питание вне дома. Работодатель получает снижение расходов на аренду помещений, коммунальных услуг, возможность нанимать работников независимо от их проживания. Благодаря этим особенностям дистанционная работа становится крайне востребованной. К недостаткам удаленной работы относится дороговизна средств, обеспечивающих дистанционное общение; неполных обхват территорий сетью передачи данных.

Рост использования дистанционной работы ускорил переход на электронный документооборот.

## 2. Цифровизация в сфере трудовых отношений.

Стоит отметить, что переход на электронные документы начался раньше введения ковидных мер, но именно дистанционный режим подхлестнул использование документов, не имеющих бумажного носителя, в которых не требуется физическая подпись работника и работодателя. Так, электронный листок нетрудоспособности (электронный больничный лист) стал официально действовать в России с середины 2017 г., а с 1 января 2022 г. в соответствии с Федеральным законом от 30.04.2021 № 126-ФЗ выдача медицинскими организациями листков нетрудоспособности осуществляется только в форме электронного документа.

Перед самым началом пандемии Федеральными законами от 16.12.2019 № 436-ФЗ и № 439-ФЗ вводятся электронные трудовые книжки, в трудовом кодексе появляется статья 66.1, посвященная сведениям о трудовой деятельности.

С 1 июля 2021 г. единой цифровой платформой в сфере занятости населения считается портал «Работа в России» (Федеральный закон от 28.06.2021 № 219-ФЗ). С 1 января 2022 г. отчет через него обязаны подавать компании со среднесписочной численностью свыше 25 человек. Работодатели обязаны ежемесячно представлять органам службы занятости информацию о наличии свободных рабочих мест и вакантных должностей, о созданных рабочих местах для трудоустройства инвалидов в соответствии с установленной квотой, о локальных нормативных актах, содержащих информацию о таких рабочих местах и выполнении квоты для трудоустройства инвалидов.

Через портал реализована возможность осуществления кадрового электронного документооборота (КЭДО). С 22 ноября 2021 г. действуют изменения в Трудовом кодексе Российской Федерации, которым определены основные положения и порядок ведения КЭДО, появились новые статьи 22.1–22.3.

К основным плюсам КЭДО можно отнести: экономию на всех ресурсах (бумага, принтер, картриджи, папки и т.п.) для создания документов и их доставку; снижение

времени на обмен документами; доступность — подписание документов в любое время и с любых устройств, легко найти документ в архиве; повышение контроля за соблюдение трудового законодательства. В системе можно отслеживать сроки и статусы подписания документов — это позволяет своевременно собирать все подписи и избегать штрафов от контролирующих органов.

3. Повышение социальных гарантий получило сильнейший толчок во время пандемии. С 1 апреля 2020 г. установили порядок расчета пособий, в соответствии с которым работодатели должны выплачивать пособие по временной нетрудоспособности так, чтобы при расчете за полный месяц оно было не ниже МРОТ (ст. 1 Федерального закона от 01.04.2020 № 104-ФЗ).

Существенная часть антиковидных социальных мер за последнее время была отменена, но в 2022 г. появились меры поддержки мобилизованных и их семей, которые будут сохраняться даже после демобилизации. Для социальной защиты работников — участников СВО 7 октября 2022 г. был принят Федеральный закон № 376-ФЗ. Он регулирует действия работодателя и работника, если последнего призвали на службу. Все участники СВО, а также их дети, имеют право поступить в Высшие учебные заведения в рамках отдельной квоты (10% от общего объема бюджетных мест). Граждане, призванные на военную службу по мобилизации, имеют статус военнослужащих наряду со всеми другими участниками боевых действий, а также по постановлению Правительства от 04.03.2023 имеют право получать статус ветеранов боевых действий.

Одна из главных тенденций российской социальной политики в 2020-е — рост поддержки семей с детьми. С 2023 г. вводится система единых семейных пособий — такие социальные выплаты направлены на наименее обеспеченные слои населения и для самых малообеспеченных семей полностью компенсируют потери от роста цен в 2022-м.

Указом Президента от 04.10.2022 к территории Российской Федерации были присоединены Донецкая Народная республика, Луганская Народная республика, Херсонская и Запорожская области. В новых регионах с 4 января 2023 г. работодателям необходимо было привести все трудовые договоры в соответствие с трудовым законодательством России. Положения, которые не соответствуют положениям трудового законодательства, не будут применяться с 01.01.2026. Трудовой договор с эвакуированными сотрудниками приостанавливается, работодатель вправе заключить срочный трудовой договор с другим сотрудником. Жители новых регионов получили социальные льготы. Так, абитуриенты из ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей поступают в вузы в рамках отдельной квоты без вступительных испытаний. Федеральный закон от 17.02.2023 расширил количество выплат для жителей четырех новых субъектов.

Законодательство в сфере труда и социальной защиты чутко реагирует на изменения, происходящие в стране. За последнее время многое было сделано для поддержки разных слоев населения и обеспечения рабочей силой организаций. Развитие трудового права делает нашу страну более приспособленной к преодо-

лению кризисов. Однако не все правовые вопросы еще урегулированы, остается большой простор для законоотворчества.

**Павельская П. А., Судакова Т. С.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студенты

### **Проблемы трудоустройства молодежи: современность и перспективы**

**Аннотация.** Как известно, проблемы трудоустройства молодых людей являются актуальными в современных условиях. В статье были выделены возможные причины, оказывающие влияние на проблемы при трудоустройстве, с которыми сталкивается современная молодежь, а также решение этих проблем и некоторые направления реализации трудового потенциала молодого населения.

**Ключевые слова:** занятость, молодежь, студенты, работодатель, рынок труда

В соответствии с Федеральным законом 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» молодежь, молодые граждане — это социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно<sup>1</sup>. В настоящий момент на рынке труда такую социально-демографическую группу можно охарактеризовать так: это перспективная часть населения, обладающая высокой работоспособностью, мобильностью, а также способная легко обучаться новому и адаптироваться к современным реалиям.

По нашему мнению, эту категорию населения стоит считать прогрессивным двигателем развития общества. В связи с этим стоит сказать, что рациональная реализация трудового потенциала молодежи является одним из главных факторов, которые непосредственно влияют на уровень общего развития экономики страны.

К сожалению, проблема безработицы среди молодежи остается одной из наиболее острых проблем рынка труда. Работодатели не хотят брать на работу молодых людей из-за отсутствия опыта, а производственная практика в вузах не дает необходимого опыта. И нередко случается так, что при направлении студента на практику у работодателей уже есть укомплектованный штат работников со своими задачами, в связи с чем работы, на которой можно было бы приобрести этот опыт, для практикантов просто нет. Поэтому студентам предлагается прийти в последний день практики, чтобы получить печать и подпись, а на собеседовании от потенциальных работодателей студент или уже выпускник вуза чаще всего слышит следующую фразу: «Мы Вам перезвоним».

По нашему мнению, одной из причин молодежной безработицы является то, что в нашей стране не изучается спрос на профессии на рынке труда.

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Парламентская газета. № 1с. 06.01.2021.

Во-первых, спрос на профессию быстро меняется. Иногда сложно спрогнозировать, что будет востребовано через 3–5 лет обучения. Во-вторых, уже сейчас мы можем выявить и негативные последствия цифровизации. Ее влияние в целом проявляется и в том, что многие профессии (то есть те, в которых человека может заменить машина) будут отмирать, причем не только связанные с физическим, но и с интеллектуальным трудом (бухгалтер, редактор и др.)<sup>1</sup>.

К примеру, в настоящий момент по данным Министерства труда и социальной защиты РФ<sup>2</sup>, наиболее востребованными сферами на российском рынке труда является промышленность, строительство и транспорт. Работодатели также заинтересованы в высококвалифицированных специалистах в сферах науки и техники, здравоохранения, образования, права и т. д.

Стоит отметить, что наиважнейшую роль в появлении у молодого поколения трудовой мотивации играют учебные заведения.

Еще одной из проблем трудоустройства молодежи является то, что молодые люди, даже получившие высшее образование с отличием, уже на первом этапе вступления в трудовую деятельность испытывают многочисленные трудности в процессе приспособления полученных за период обучения знаний к предстоящей работе.

На сегодняшний день российская система образования — это влиятельный, исторически сложившийся институт, который находится под влиянием двух противоборствующих сторон: необходимости соответствовать современным условиям экономики и технологии, с одной стороны, а с другой — традиции преподавания установившихся знаний, невозможности своевременного обновления учебного материала и т. д. Обусловлено это тем, что система образования в России еще не полностью восстановилась после реформирования, начавшегося в период распада СССР.

Существует мнение о том, что теперь преподаватели и студенты — это не просто разные поколения по возрасту, они носители разных целей образовательного процесса. Поколение преподавателей — это безупречные воспроизводители информации, они многое знают наизусть, способны работать без электронных устройств.

Мы считаем, что решать данную проблему необходимо «на корню». С ранних этапов обучения в школе ученикам следует ограничить использование гаджетов в учебной деятельности. Это способствует развитию собственного аналитического мышления, а также большей заинтересованности в учебном процессе.

Следующая проблема вызвана методом подбора персонала работодателями. Чаще всего это люди поколения «X» или старше. Однако именно они быстрее всего в силу рыночной конкуренции реагируют на новации, поэтому стажеры и молодые выпускники учебных заведений оцениваются ими как обладатели небольшого багажа знаний. Также у «новичков» нет необходимого опыта, в связи с чем они

<sup>1</sup> Шваб К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. М. : Эксмо, 2018.

<sup>2</sup> Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30.12.2022 № 831 «Об утверждении списка наиболее востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, требующих среднего профессионального образования» // Администратор образования. № 5. март 2023.

отсеиваются в процессе найма. И всё же, нередко если найм происходит, в таком случае может начаться ломка усвоенных навыков труда и поиск информации, которая только усиливает психологическое давление на молодого специалиста, создавая условия для скорого увольнения.

Судебная практика также показывает, что имеются случаи неправомерного отказа при приеме на работу из-за молодого возраста. Однако согласно ч. 2 ст. 64 ТК РФ<sup>1</sup> не допускается какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, за исключением случаев, в которых право или обязанность устанавливать такие ограничения или преимущества предусмотрены федеральными законами.

Тем не менее в деле № 2–1613/2020, рассмотренном в Железнодорожном районном суде г. Барнаула 07.07.2020, центр занятости выдал безработному направление для возможного трудоустройства на должность машиниста котельной. Работодатель не принял соискателя на работу. В направлении центра занятости в качестве причины указали, что он молод, и возраст безработного не соответствует требованиям, предъявляемым к вакансии. Суд отметил, что ответчик не доказал несоответствие возраста безработного требованиям по должности. Следовательно, работодатель допустил дискриминацию, а отказ в приеме на работу незаконен.

Если молодого специалиста все-таки приняли на работу, его наставником в организации, чаще всего, становится более взрослый специалист. По нашему мнению, это отличная возможность получить от старшего поколения необходимый опыт. Также мы предлагаем создание дискуссионных клубов в организации для всестороннего обсуждения наиболее актуальных проблем и профильных задач организации. Это не только способствует неформальному и активному обсуждению насущных вопросов, возникших в результате рабочей деятельности, но и сплачивает коллектив, дает возможность раскрыться и научиться чему-то новому. Такая практика уже используется в ряде преуспевающих компаний, но, к сожалению, не сильно распространена.

Таким образом, преимущественно отклик на вакансию получают те, чей стаж работы составляет достаточное время, чтобы освоить профессию. Нужно понимать, что не у всех студентов есть возможность совмещать учебный процесс с заработком, особенно у тех, кто учится на очной форме обучения. Из-за этого после окончания вуза отсутствует так необходимый всем опыт работы. В качестве решения вышеуказанных мы предлагаем внести изменения в систему оценивания получаемого опыта будущих молодых специалистов, а именно: ввести плату за прохождения учебных практик в университете и засчитывать их в стаж работы. Причем оплата за прохождение учебной или производственной практики стимулировало бы молодежь к получению необходимых навыков, а также желания закрепиться в организации.

---

<sup>1</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

Также потенциальным работодателем следовало бы чаще проводить мероприятия, направленные на раскрытие потенциала молодого поколения в учебных заведениях. В частности, к таким мероприятиям относится проведение бизнес-коучей, мастер-классов, что положительно бы сказывалось не только на репутации работодателя, но и помогало найти новых сотрудников, заинтересованных в своей профессии.

Подводя итог, можно определить, что ситуация, сложившаяся на рынке труда среди молодого населения, является достаточно сложной. Для решения проблем трудоустройства молодежи в глобальном смысле, в том числе безработицы, требуется предпринимать действия по реализации и совершенствованию более гибкой молодежной политики. Также проблемы решаются за счет разработки проектов по трансформации образовательного процесса в учебных заведениях для более тесной работы с будущими работодателями. Это помогло бы скорректировать профессиональные стандарты и развить у молодых специалистов дополнительные компетенции, что в конечном итоге позволит преодолеть проблемы трудоустройства и занятости молодежи.

**Покровская М. С.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Дефиниция понятия «дискриминация» в праве Российской Федерации и международном праве**

**Аннотация.** В статье поднимается проблема недоработки отечественного законодательства по вопросу возрастной дискриминации и предлагаются пути решения данной ситуации через призму анализа зарубежного законодательства и отечественной доктрины.

**Ключевые слова:** дискриминация, перечни признаков, прямая дискриминация, косвенная дискриминация, трудовое законодательство.

Базовым положением, определяющим равенство прав и свобод граждан на всей территории Российской Федерации, является ч. 1 ст. 6 Конституции Российской Федерации<sup>1</sup>. Положению ст. 6, относящемуся к основам конституционного строя, соответствует ч. 2 ст. 19 Конституции, констатирующей равенство прав и свобод человека и гражданина. Возраст, как возможное основание ограничения прав человека прямо не поименован в указанной статье, но закрепление открытого перечня оснований позволяет сделать вывод об отнесении его именно к «другим обстоятельствам». Положения ч. 2 ст. 19 помимо закрепления перечня возможных

---

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. № 237.

оснований ограничения устанавливаются и запрет на «любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». К данным формам, безусловно, относится и дискриминация в сфере труда.

Положениям Конституции РФ, как акта высшей юридической силы, соответствуют положения ст. 3 Трудового кодекса Российской Федерации<sup>1</sup>. Понятие дискриминации в статье определяется через перечисление признаков, на основании которых ограничение или предоставление преимуществ будет считаться дискриминационным. По мнению М. А. Жильцова, такая дефиниция понятия «дискриминация» обусловлена невозможностью дать определение этому понятию путем перечисления его родовых и видовых отличий<sup>2</sup>. С данным утверждением сложно не согласиться: установление перечня признаков, пусть и не исчерпывающего, является необходимым для обеспечения осведомленности всех субъектов правоотношений и правоприменителя об основаниях ограничения.

Еще одним положением ТК РФ, устанавливающим запрет дискриминационных действий, является ст. 64, констатирующая недопустимость «прямого или косвенного ограничения прав или установления прямых, или косвенных преимуществ при заключении трудового договора» с указанием перечня критериев, к числу которых относится и возраст. При этом в литературе отмечается, что запрет косвенной дискриминации устанавливается только для лиц, заключающих трудовой договор, и не охватывает лиц, уже работающих по трудовому договору<sup>3</sup>. Данное утверждение действительно применимо к ст. 64 ТК РФ, устанавливающей запрет косвенной дискриминации напрямую. Вместе с тем положения ст. 3 ТК РФ дают широкое определение дискриминации, под ограничениями и преимуществами понимается как прямая, так и косвенная дискриминация. Обращает внимание, что норма ст. 64 является единственной специальной нормой в ТК РФ, устанавливающей запрет на ограничение прав или предоставление привилегий применительно к конкретному обстоятельству, при котором такое ограничение могло произойти — заключению трудового договора. Таким образом, в Трудовом кодексе РФ отсутствуют специальные нормы о недопущении дискриминации при таких обстоятельствах как выполнение работником трудовой функции, прекращение трудового договора или назначение дисциплинарного взыскания. Перекос в сторону антидискриминационного регулирования отношений, связанных с заключением трудового договора, видится как недостаток законодательства, для устранения которого возможно создание специальных норм, запрещающих прямую и косвенную дискриминацию. Нали-

<sup>1</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. № 256.

<sup>2</sup> Жильцов М. А. Проблемы формулирования дефиниций в трудовом праве // Законодательство. 2008. № 8. С. 63–73.

<sup>3</sup> Монгуш В. А. Дискриминация в сфере труда: проблемы теории и практики // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 1. С. 166.

чие таких специальных норм было бы обусловлено логикой законодательного регулирования в сфере защиты от дискриминации.

Всеобщая декларация прав человека 1948 г.<sup>1</sup> провозглашает равенство в возможностях и правах всех людей (ст. 1). Статья 7 Декларации предусматривает право «на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации». Понятие «дискриминация» применительно к сфере трудовых отношений определяется в Конвенции МОТ № 111 о дискриминации в области труда и занятий 1958 г.<sup>2</sup> Как и нормы ст. 3 ТК РФ, Конвенция содержит открытый перечень критериев дискриминации, позволяя государствам на национальном уровне определять дополнительные критерии.

Говоря о наднациональных нормах, необходимо указать Директиву Совета Европейского Союза 2000/78/ЕС от 27.11.2000 «О создании общих стандартов в поддержку равноправия в сфере занятости и труда»<sup>3</sup>. Подход к определению понятия «дискриминация» в Директиве основывается на разделении прямой и косвенной дискриминации (ст. 2), причем признаки, на основании которых лицо может быть дискриминировано, указаны для косвенной дискриминации напрямую, без отсылки к ст. 1 Директивы. Статья 6 Директивы устанавливает ряд изъятий, предусматривающих отсутствие дискриминации лиц по возрасту, если это обусловлено «целью благоприятствовать их включению в профессиональную жизнь или обеспечить их защиту». Предполагается, что такие изъятия вправе на законодательном уровне устанавливать государства-участники.

Определение особенностей антидискриминационного регулирования в зарубежных странах возможно путем рассмотрения специальной нормы, раскрывающей лишь признак возраста (на примере США), и общей нормы, выделяющей признак возраста среди других возможных оснований дискриминации (на примере Финляндии). Такое рассмотрение позволит сравнить два отличающихся по юридической технике нормативных акта, выделить особенности регулирования проблемы дискриминации в сфере труда применительно к конкретному правопорядку.

В США принятие специального закона о запрещении возрастной дискриминации в сфере труда (Закон о возрастной дискриминации в области занятости 1967 г.)<sup>4</sup> было обусловлено возросшей проблемой трудоустройства лиц старше 40 лет, участвовавшими случаями дискриминации таких лиц по признаку возраста. Вследствие этого, Закон, констатируя недопустимость дискриминационных ограничений, отмечает в качестве одной из основополагающих целей защиту трудовых прав

---

<sup>1</sup> Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10.12.1948) // Библиотечка Российской газеты. 1999. № 22–23.

<sup>2</sup> Конвенция Международной организации труда № 111 о дискриминации в области труда и занятий (Женева, 25 июня 1958 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961.

<sup>3</sup> Директива Совета Европейского Союза 2000/78/ЕС от 27.11.2000 «О создании общих стандартов в поддержку равноправия в сфере занятости и труда». Четвериков А. О. Перевод и предисловие. Справочно-правовая система «Гарант».

<sup>4</sup> Age Discrimination in Employment Act of 1967 (Pub. L. 90–202) (ADEA) // URL: <https://www.eeoc.gov/statutes/age-discrimination-employment-act-1967> (дата обращения: 31.03.2023).



лиц, достигших возраста 40 лет. Закон применяется к работодателям с численным составом работников не менее 20 человек. К достоинствам акта можно отнести закрепление в нем достаточно широкого круга обстоятельств ограничения работника по признаку возраста. Установление широкого перечня обстоятельств можно объяснить особенностью американского права в целом, его большей, в сравнении с системами романо-германской правовой семьи, казуистичностью.

В Финляндии комплексным нормативным актом, запрещающим дискриминацию в сфере труда, является Акт Финляндии о недискриминации<sup>1</sup>. Понятие «дискриминация» в данном нормативном акте определяется через призму прямой и косвенной дискриминации, указаний или приказов применить к лицу дискриминационные ограничения, создания обстановки унижения и запугивания.

На основе проведенного исследования отечественных, международных, наднациональных актов и нормативных актов зарубежных стран можно сделать ряд промежуточных выводов. Наличие специального указания на обстоятельства дискриминации (например, в ст. 64 ТК РФ) должно существовать в системе с иными специальными нормами, также подчеркивающими запрет дискриминации при конкретных обстоятельствах. В отечественной литературе также поднимался этот вопрос. Т. А. Васильева утверждает, что «сложившаяся в Российской Федерации ситуация требует постепенного перехода к закрытой модели антидискриминационных законов»<sup>2</sup>. Отмечается, что в рамках комплексного антидискриминационного акта существует возможность решения вопросов, регулирование которых невозможно посредством норм действующего законодательства. Объединение норм о дискриминации в сфере труда в единый нормативный акт также позволит унифицировать правоприменительную практику, значительно уменьшив возможность произвольного толкования норм о дискриминации ввиду их недостаточной определенности. Вместе с тем существует возможность выделения норм о дискриминации в сфере труда в отдельную главу ТК РФ, что представляется более целесообразным, так как обеспечит системный подход к дискриминации в сфере труда, позволит отказаться от детализации обстоятельств дискриминации в специальных нормах ТК РФ.

**Серебrenникова М. М.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Перспектива законодательного регулирования предложения о работе**

**Аннотация.** В статье рассматривается необходимость юридического регулирования института job offer в России. В статье приводится дефиниция понятия

<sup>1</sup> Non-Discrimination Act 21/2004 (as amended by several acts, including No. 84/2009) // URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/2004/en20040021.pdf> (дата обращения: 25.09.2023).

<sup>2</sup> Васильева Т. А. Борьба с дискриминацией по признаку возраста как необходимая составляющая современной социальной политики // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 1. С. 213.

job offer, правовые последствия, которые порождает подп, а также приводится анализ судебной практики.

**Ключевые слова:** job offer, предложение работы, работодатель, работник, трудовые правоотношения.

Трудоустройство с каждым годом сопровождается всё большим количеством англицизмов. Во многих компаниях есть HR-специалисты и рекрутеры. На собеседованиях они спрашивают про софт-скилы и бэкграунд. А успешным кандидатам высылают джоб-оффер.

Что же такое джоб-оффер? Официального определения не существует по объективным причинам, джоб-оффер пока еще не нашел регулирование в действующем законодательстве. Job offer (оффер) — это предложение работодателя о трудоустройстве работнику, где указываются все существенные условия трудового договора, который будет заключен в будущем. Он может быть представлен как в письменном, так и устном виде на усмотрение работодателя. Формально разницы между этими двумя вариантами нет, так как в России оффер не имеет юридической силы, а значит, до подписания трудового договора работодатель может отозвать предложение.

Откуда же пришел Job offer? Практика составления джоб-офферов пришла в российский бизнес из западных компаний еще в 90-х гг., изначально офферы давали только сотрудникам, которых приняли на топ-позицию. В настоящее время эксперты говорят, что письменные предложения о работе характерны для крупного бизнеса и компаний, которые работают по западным стандартам, в крупном бизнесе 95% случаев найма сопровождаются письменными офферами.

Также представляется возможным сравнение предложения работы с офертой и акцептом<sup>1</sup> и предварительным договором<sup>2</sup>. Однако не стоит забывать, что трудовое и гражданское законодательство регулируют разные правоотношения. Применение полной аналогии по отношению к трудовому законодательству не будет корректно.

Какие основные проблемы есть у джоб-оффера? Трудовой кодекс<sup>3</sup> никак не регулирует джоб-оффер. Соискатели рассматривают этот документ, как гарантию трудоустройства на определенных условиях и получив его увольняются с текущей работы. Если в последующем компания отказывает в найме или прописывает в трудовом договоре не те условия, которые были в оффере, то соискатели обращаются в суд. На чью же сторону встают суды? Когда предложение о работе сыграют против компании? Что делать, если работник на место которого пригласили кандидата отозвал заявление об увольнении? Судебная практика не обрадует потенциальных работников и призывает не увольняться с прежнего места работы пока не заключен трудовой договор на новом месте работы.

---

<sup>1</sup> Ст. 435, ст. 438 ГК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Ст. 429 ГК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> ТК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

Во-первых, соискателю получившему джоб-оффер можно отказать в приеме на работу. Джоб-оффер содержит многие обязательные условия трудового договора. Подписывают джоб-оффер, как правило, уполномоченные лица компании, например, генеральный директор или директор по работе с персоналом. Однако суды признают, что джоб-оффер не обязывает работодателя заключать с кандидатом трудовой договор. Приведу пример из судебной практики:

*«Кандидат получил джоб-оффер, подписанный генеральным директором, исполнительным директором, директором по персоналу, главным бухгалтером по подбору персонала. Кандидат также подписал документ и уволился с текущей работы, после этого работодатель отказал в найме со ссылками на то, что на вакансию принял другого работника. Кроме того, кандидат не предоставил копию документа об образовании, а значит, нельзя было убедиться в его квалификации. Суды не установили связь между увольнением кандидата и действиями потенциального работодателя, а также факт дискриминации. В связи с этим суды отказали кандидату в удовлетворении иска о признании отказа в приеме на работу незаконным»<sup>1</sup>.*

Как видно из примера, суды хотя и не рассматривают джоб-оффер, как гарантию найма, но разрешая спор оценивают правомерность отказа в приеме на работу, а значит, что работодателю надо быть готовым обосновать причину отказа, доказать, что она не носит дискриминационного характера, а также показать, что кандидата не приглашали на работу в порядке перевода.

Во-вторых, в трудовом договоре можно указать условия различные от тех, что были в джоб-оффере, так как он не обеспечивает трудоустройства он и не гарантирует того, что в трудовом договоре будут указаны, обещанные ранее условия труда.

В случае различий между условиями в джоб-оффере и трудовом договоре, применяться будут условия трудового договора. Если соискатель не желает работать на таких условиях, то он может не подписывать договор. Но существует этический момент, который состоит в том, что работодатель обещал одно, а после того, как кандидат уволился с прежнего места работы, то работодатель указал в договоре совсем иное, суды это не учитывают, но и это остается на совести работодателя. При указании в трудовом договоре условия различные от джоб-оффера компаниям нужно учитывать репутационные риски. Задача джоб-оффера является подтверждение серьезности намерений компании. Если соискатель уволится с прежней работы, то он уверен, что компания предлагает лучшие условия труда, а потом если это компания изменит условия, то это скорее всего обидит соискателя. Но даже если он согласится на условия компании, то доверие к ней уже не будет. Кроме того, если об этом станет известно другим потенциальным соискателям они уже не будут серьезно воспринимать оффер от компании.

---

<sup>1</sup> Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.04.200 по делу № 8Г-5150/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Во-третьих, нельзя уволить работника, который отозвал заявление об увольнении из-за предложения его места другому. Не только работник страдает от того, что статус этого документа не урегулирован. Такое происходит, когда кандидата приглашают на должность, которая пока еще занята, но скоро должна освободиться, поскольку действующий работник подал заявление на увольнение по собственному желанию.

Дело в том, что до истечения срока предупреждения об увольнении (который по общему правилу составляет 14 дней<sup>1</sup>), работник вправе в любое время отозвать заявление. Если он это сделает, то уволить его можно будет, если только работодатель пригласил на это место другого сотрудника в письменной форме в порядке перевода от другого работодателя. Но сам по себе джоб-оффер таким предложением на работу не является, если в нем прямо не прописано иное. Соответственно, уволить работника, который отозвал заявление нельзя. Такое правило справедливо даже если на момент отзыва заявления работодатель подписал с новым сотрудником трудовой договор. Пример из судебной практики:

*«Работник написал заявление об увольнении по собственному желанию, но до даты увольнения отозвал его. В ответ работодатель уведомил работника о невозможности отзыва заявления в связи с тем, что на его должность письмом предложили другому человеку и он согласился, подписал трудовой договор. После чего работника уволили, и он обратился в суд. Суд признал увольнение незаконным и восстановил работника. Он был вправе отозвать заявление до истечения срока. Суд исследовал трудовой договор, приказ о приеме на работу и запись в трудовой книжке сотрудника, который был принят на место уволенного сотрудника. Из документов следовало, что работник был уволен с прошлого места работы перед приемом в организацию ответчика не в порядке перевода. Следовательно, обстоятельств, при которых новому сотруднику не могло быть отказано в заключении трудового договора на должность, которую занимает истец не было»<sup>2</sup>.*

Можно сделать вывод, что несмотря на договоренности, ничто не мешает новому сотруднику остаться на прежнем месте работы, например, отозвав заявление об увольнении, если оно было. Если зовете кандидата на место увольняющегося сотрудника и есть сомнения в том, что он уйдет, то стоит приглашать кандидата на работу в порядке перевода по ч. 2 ст. 72.1 ТК РФ. Это дает возможность при необходимости уволить работника, который отзовет заявление об увольнении, но компания уже не сможет отказать, приглашенному работнику в найме в течение месяца со дня его увольнения с прежней работы.

---

<sup>1</sup> Ч. 4 ст. 80 ТК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Апелляционное определение ВС Республики Коми от 18.05.2020 по делу № 33–1698/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Следующая проблема состоит в том, что нельзя выдать джоб-оффер, допустить соискателя до работы, но не оформить отношения. Если работник приступил к работе, а трудовые отношения с ним не оформили, он может использовать джоб-оффер в качестве одного из доказательств их возникновения. Подпись приглашения на работу одного из представителей работодателя в таких случаях является дополнительным аргументом в пользу работника. Пример из судебной практики:

*«Девушка получила приглашение на работу, она согласилась и работодатель допустил ее к работе. Сотрудницу зарегистрировали в журнале ухода-прихода бизнес-центра, выдали ей пропуск для посещения офиса. Кроме того, работнице предоставили рабочее место, компьютер и рабочую сим-карту. Сотрудница проработала в офисе два месяца, однако отношения с ней так и не были оформлены. Через два месяца сотруднице сообщили, что отношения с ней прекращены, часть зарплаты не выплатили. Работница обратилась в суд. Суд встал на сторону работницы, установив, что трудовые отношения между сторонами все-таки возникли. Суд указал, что в совокупности доказательства свидетельствуют о том, что отношения сторон носили стабильный характер. Истица была допущена к работе уполномоченным представителем работодателя и два месяца выполняла определенную трудовую функцию. Одним из доказательств допуска к работе суд признал, выданное приглашение на работу»<sup>1</sup>.*

В связи с вышеизложенным, можно сделать вывод, что сам по себе джоб-оффер не подтверждает, что человека допустили к работе. Предложение о работе в таких делах может быть одним из доказательств.

Также в 2022 г. были попытки урегулирования джоб-оффера на законодательном уровне: *«В Госдуме намерены урегулировать правовой статус так называемого джоб-оффера (предложения о работе)...»<sup>2</sup>.*

Если джоб-офферу всё же будет придана юридическая сила, то этот документ должен будет содержать «все основные моменты, которые работодатель гарантирует, — прием на работу, размер оплаты труда, формат работы — с условием не ухудшения этих моментов, а только улучшения. Также в нем должен быть прописан «разумный срок, в течение которого действует приглашение, чтобы кандидат, например, имел возможность с соблюдением закона уволиться с предыдущего места работы». В целях обеспечения гарантий работников и соблюдения интересов работодателей понятие предложения работы безусловно нуждается в нормативном закреплении или по крайней мере в официальном толковании для наделения данного документа юридической силой и установления единообразия в понимании его значения.

<sup>1</sup> Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 02.04.2019 по делу № 2–4608/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> В Госдуме предложили легализовать институт джоб-оффера // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2022/11/23/951635-dzhob-offer-predlozhenie-ot-kotorogo-legko-otkazatsya> (дата обращения: 29.09.2023).

### Некоторые проблемы трудоустройства молодежи Российской Федерации в современных условиях

**Аннотация.** В статье на основании результатов проведенного социологического опроса делается вывод о том, что в Российской Федерации молодежь переживает ряд ограничений при трудоустройстве, связанных с нестабильностью рынка труда, скудностью предлагаемых возможностей и несовершенством российского законодательства. Представляется необходимым расширить образовательные возможности данной категории населения при помощи государственных программ и бизнеса.

**Ключевые слова:** трудоустройство, конкуренция, экономика, рынок труда, государство, проблемы.

В современных условиях, несмотря на желание трудиться, молодежь в возрасте от 18 до 26 лет испытывает трудности в трудоустройстве. По официальным данным на 1 августа 2023 г. численность среди молодежи в центрах занятости безработных составляет 503 тыс. человек<sup>1</sup>.

Вопросы занятости молодого поколения России остаются актуальными и на сегодняшний день. Трудоустройство молодых людей важно для обеспечения стабильного развития экономики государства, рынка труда. В процессе наемного труда молодые люди социализируются и приобретают новые навыки. Тем самым молодежь развивается, следовательно, молодое поколение положительно влияет на тенденции развития государства. А более развитое государство обеспечивает более высокий уровень жизни населения.

Каковы проблемы трудоустройства молодежи в Российской Федерации в современных условиях? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно учитывать деление молодежи на две возрастные группы: 1) от 14 до 18 лет, 2) от 18 до 26 лет. Каждая из групп испытывает свои трудности в трудоустройстве, которые довольно сложно преодолеть. Например, граждане от 14 до 18 лет ограничены в своих возможностях Трудовым кодексом Российской Федерации. В статье 282 ТК РФ указано, что граждане до 18 лет не допускаются на работу с вредными и опасными условиями труда. Также в ст. 92 ТК РФ подростки в возрасте до 16 лет не могут работать более 24 часов в неделю, а от 16 до 18 лет более 35 часов в неделю. Там указано, что в период обучения продолжительность рабочей недели не может превышать половины от установленных норм. Таким образом, в современных условиях рынок труда для данной группы молодежи довольно ограничен. Чаще

---

<sup>1</sup> Агентство экономической безопасности Прайм — официальный сайт // URL: [https://1prime.ru/state\\_regulation/20230801/841266337.html](https://1prime.ru/state_regulation/20230801/841266337.html) (дата обращения: 20.09.2023).

всего, в силу требований закона, работодатели не могут предложить молодым гражданам что-то многозадачное, фактически предлагая неквалифицированный вариант работы.

Следовательно, работодателям не всегда выгодно принимать молодежь на работу. А предоставляемая работа в центрах занятости в сфере благоустройства города или в образовательном учреждении обусловлена необходимостью занятости только в летний период, когда обучающиеся находятся на каникулах. Такая работа и соответствующая низкая оплата труда не мотивирует молодежь, молодое поколение не видит в этом перспектив.

Для молодых людей в возрасте от 18 до 26 лет тоже установлены ограничения. Например, многим работодателям не симпатизируют данные работники, так как чаще всего молодежь в этот период жизни обучается в колледжах, университетах или же только закончила свое обучение и не имеет требуемого опыта. Так, сейчас в Российской Федерации ужесточились требования к юристам. Это связано с тем, что в этой профессии высокая конкуренция, появились новые профессии, нуждающиеся в правовом сопровождении. Также бывает, что рынок труда интересующей специальности переполнен.

В целях выяснения общественного мнения по рассматриваемой тематике с помощью онлайн-платформы Straw Poll был проведен опрос среди обучающихся нескольких колледжей и вузов г. Москвы. Всего в опросе приняло участие 567 человек.

Анализ результатов опроса показал, что более половины опрошенных — 67% — это молодые люди от 18 до 26 лет. Также 59% опрошенных ищут работу уже более полугода, что свидетельствует о сложности процесса трудоустройства молодежи. Наиболее распространенными проблемами при поиске работы оказались: переполненный рынок труда в интересующей сфере — 45% и недостаток опыта — 34%. А возможные пути решения, по мнению опрошенных, это расширение возможностей образования и повышения квалификации (63%), а также увеличение программ стажировок молодых специалистов (48%).

Таким образом, можно сделать вывод, что для решения проблемы трудоустройства молодежи необходимо уделить внимание развитию программ стажировки для молодых работников. В частности, государство может расширить свои программы стажировок в рамках реализуемых национальных проектов, предоставляя больше возможностей для молодых людей получить опыт работы в государственных организациях и учреждениях. Также можно расширить корпоративные программы стажировок. Крупные компании могут предложить молодежи возможность получить опыт работы в различных сферах бизнеса. Еще могут расширить спектр программ стажировок некоммерческие организации и благотворительные фонды.

Предлагаемые варианты образовательных форм помогут молодым людям получить опыт в сфере социального предпринимательства и решении социальных проблем.

## Правовое регулирование платформенной занятости в Российской Федерации

**Аннотация.** В статье исследуется правовое регулирование платформенной занятости в Российской Федерации. Изучается место платформенных занятых на рынке труда. Анализируется законопроект о занятости населения в Российской Федерации.

**Ключевые слова:** платформенная занятость, цифровая платформа, занятость, трудовое отношение, гражданско-правовое отношение, рынок труда.

В последнее время платформенная занятость становится всё более популярной формой занятости. Итоги обследования рабочей силы Росстатом за I квартал 2023 г. показывают, что число платформенных занятых составляет 5,16 млн. человек<sup>1</sup>.

Что же представляет из себя новый тренд на рынке труда? На цифровых платформах трудоспособные граждане предоставляют свои услуги и ищут клиентов. Платформенная занятость наиболее популярна среди граждан, которые водят такси, занимаются курьерской доставкой, репетиторством, оказывают психологическую помощь, присматривают за детьми, делают ремонт, предоставляют услуги по переводу и дизайну<sup>2</sup>.

Начало быстрого развития платформенной занятости было положено во время карантина 2020 г. С тех пор число платформенных занятых постоянно увеличивается. Так, вышеназванные данные Росстата показывают, что только с 2022 г. общее число занятых на цифровых платформах увеличилось в 1,5 раза.

У работы через цифровые платформы есть много преимуществ. Например, платформы предоставляют доступ к широкому кругу клиентов, такая работа дает быстрый заработок, у платформенных занятых появляется возможность самостоятельно устанавливать свой график работы, а также выбирать заказы и клиентов.

Несмотря на все преимущества платформенной занятости, существует ряд проблем, который затрудняет работу через сайты и приложения и создает риск нарушения прав платформенных занятых. Как уже отмечалось ранее, платформенная занятость уже несколько лет активно развивается. Тем не менее какое-либо правовое регулирование данной формы занятости отсутствует. Это приводит к возникновению ряда вопросов. Так, не ясно, каким видом отношений является платформенная занятость: трудовых или гражданско-правовых. Вследствие данного

<sup>1</sup> Итоги выборочного обследования рабочей силы Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 17.09.2023).

<sup>2</sup> Платформенная занятость в России: масштабы, мотивы и барьеры участия: аналитический доклад / О. В. Сиянская, С. С. Бирюкова, Е. С. Горват, Д. Е. Карева, Д. А. Стужук, К. О. Чертенков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2022.



правового пробела у платформенных занятых отсутствует право на оплачиваемые отпуска, больничные, такие люди не могут получить страховую пенсию по старости, так как не платят страховые взносы, а в трудовой книжке не учитывается стаж работы через цифровые платформы. Именно поэтому вопрос об определении вида отношений платформенных занятых имеет большое значение.

В научных кругах не сложилось единого мнения относительно данного вопроса. Если рассматривать организационную и финансовую зависимость работника от работодателя как один из признаков трудовых отношений, то можно прийти к двум противоположным выводам: 1) платформенная занятость относится к трудовым отношениям, так как существует информационная зависимость работника от работодателя; и 2) платформенная занятость относится к гражданско-правовым отношениям, так как применение технических средств при организации и управлении трудовой деятельностью не может само по себе свидетельствовать о наличии или об отсутствии зависимости работника от работодателя.

Следует отметить, что судебная практика по делам об установлении факта трудовых отношений в сфере платформенной занятости неоднозначна. Прежде чем перейти к исследованию судебной практики, необходимо определить лица, которые участвуют в осуществлении работы через цифровые платформы, а именно исполнитель, потребитель услуг, заказчик — партнер платформы и информационный посредник — сама цифровая платформа. Исход рассмотрения дела зависит от того, к кому с иском обратится истец: к партнеру платформы или к самой цифровой платформе. В судах Российской Федерации сложилась практика об установлении факта трудовых отношений с партнером платформы, а не с самой цифровой платформой. В качестве примеров можно привести апелляционное определение Мосгорсуда по делу № 33–53437/2019 и решение Петроградского районного суда г. Санкт-Петербург по делу № 2–1656/2020. Так, в апелляционном определении Мосгорсуда от 22.11.2019 по делу № 33–53437/2019<sup>1</sup> устанавливается, что водитель такси обратился с иском об установлении факта наличия трудовых отношений к цифровой платформе. Суд не удовлетворил апелляционную жалобу водителя такси и указал, что из материалов дела нельзя сделать вывод о наличии трудовых отношений, так как водитель не подчинялся действующим правилам внутреннего трудового распорядка, не зависел от цифровой платформы, ему не были созданы условия труда, и он не был интегрирован в организационную структуру компании. В решении Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 07.07.2020 по делу № 2–1656/2020<sup>2</sup> суд удовлетворил требования курьера, выполняющего работу через мобильное приложение, о признании факта наличия трудовых отношений.

<sup>1</sup> Апелляционное определение Московского городского суда от 22.11.2019 по делу № 33–53437/2019. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/3a706793-408c-4059-9c94-8bdcc1f8dea7?caseNumber=33-53437/2019> (дата обращения: 17.09.2023).

<sup>2</sup> Решение Петроградского районного суда города Санкт-Петербург от 07.07.2020 по делу № 2–1656/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rQWf6MAACuL1/> (дата обращения: 17.09.2023).

Суд установил, что курьеру выдали должностную инструкцию, направляли пройти медосмотр, а задания по доставке он получал у сотрудника организации. Суд решил, что эти факты указывают на наличие трудовых отношений между сторонами.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормы, которые могли бы регулировать платформенную занятость, что влечет к нарушению прав лиц, работающих через цифровые платформы. Законодатель не игнорирует существующий правовой пробел и делает первые шаги по урегулированию данных отношений. Так, на рассмотрении Государственной Думы находится законопроект «О занятости населения в Российской Федерации»<sup>1</sup>. В марте 2023 г. он был принят в первом чтении. В данном законопроекте впервые закрепляется легальное определение платформенной занятости. Согласно ч. 4 ст. 2 законопроекта под платформенной занятостью понимается «деятельность граждан (платформенных занятых) по личному выполнению работ и (или) оказанию услуг на основе заключаемых договоров, организуемая с использованием информационных систем (цифровых платформ занятости), обеспечивающих взаимодействие платформенных занятых, заказчиков и операторов цифровых платформ занятости посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Факт закрепления в новом законе о занятости населения легальной дефиниции платформенной занятости свидетельствует о ее признании на государственном уровне. В законопроекте не устанавливаются принципы регулирования платформенной занятости. Законодатель планирует установить более подробное правовое регулирование платформенной занятости позже в «законах-спутниках». Так, планируется разработать в 9-месячный срок с момента принятия федерального закона о занятости населения федеральный закон «О платформенной занятости и о самозанятости в Российской Федерации».

А. К. Исаев, один из разработчиков законопроекта, рассказал в интервью о требованиях, которые будут предъявляться к платформам: 1) Цифровые платформы планируется регистрировать в специальном реестре; 2) Будет вестись рейтинг платформенных занятых; 3) Станет необходимым доводить до сведения платформенных занятых условий заказа; 4) Вознаграждение должно будет перечисляться занятым не позднее трех дней с момента выполнения заказа; 5) Законодатель обяжет платформы создать условия для социального страхования платформенных занятых: по заявлению занятого цифровая платформа будет перечислять государству взносы на пенсионное и медицинское страхование; 6) Будет разработан единый для всех цифровых платформ порядок разрешения споров с занятыми<sup>2</sup>.

Российская Федерация является одним из лидеров по масштабам платформенной занятости. Как уже было выше сказано, в России число платформенных занятых составляет более 5 млн. человек, то есть около 7% от общего числа работающих.

<sup>1</sup> Законопроект «О занятости населения в Российской Федерации» № 275599–8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/275599-8> (дата обращения: 17.09.2023).

<sup>2</sup> Права цифровых платформ в отношении платформенных занятых значительно уже, чем у работодателя в отношении работника. URL: <https://rg.ru/2023/05/16/platformennaia-zaniatost-i-pravo.html> (дата обращения: 17.09.2023).

В Европе же через цифровые площадки работает около 3% от трудоспособного населения<sup>1</sup>. Активное развитие платформенной занятости требует государственного регулирования отношений, возникающих в этой отрасли. Правовой пробел в законодательстве является причиной низкого уровня социальной защищенности лиц, работающих через платформы. Необходимо урегулировать отношения между платформенными занятыми, цифровыми площадками и партнерами площадок, а также установить требования, предъявляемые к таким площадкам. Законодатель не игнорирует существующий правовой пробел, а прилагает усилия по урегулированию данных правоотношений. Так, в первом чтении был принят новый закон о занятости населения в РФ, в котором впервые дается легальная дефиниция платформенной занятости. Платформенная занятость требует более детального урегулирования, так как с каждым годом набирает все большую популярность среди трудоспособного населения и способствует развитию экономики и рынка труда.

**Харазян Е. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### Какие изменения могут произойти в сфере занятости?

**Аннотация.** Статья посвящена возможным изменениям законодательства в сфере занятости. Автор раскрывает основные направления трансформации государственной политики, тенденции развития и появления новых институтов. Проведен сравнительно-правовой анализ норм действующего законодательства и законопроекта о занятости населения. В результате проведенного исследования делается акцент на спорных изменениях.

**Ключевые слова:** законопроект, занятость населения, изменения, платформенная занятость, теневая занятость, пособия по безработице

Действующий закон «О занятости населения» был принят 19 апреля 1991 г., около 32 лет назад. Изначальная версия этого закона была изложена Верховным Советом РСФСР, в последующем было внесено множество поправок, но сейчас появилась острая необходимость ввиду новшеств и изменений на рынке труда издать новый закон о занятости. На данный момент, законопроект<sup>2</sup> находится на рассмотрении Госдумы РФ, принятие которого планируется к январю 2024 г.

Законопроект привносит много изменений, и я бы хотела раскрыть некоторые из них, как мне кажется, самые актуальные и интересные. Начнем с платформенной

<sup>1</sup> Employment statistics — digital platform workers. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Employment\\_statistics\\_-\\_digital\\_platform\\_workers](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Employment_statistics_-_digital_platform_workers) (дата обращения: 17.09.2023).

<sup>2</sup> Законопроект «О занятости населения в Российской Федерации» № 275599–8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/275599-8> (дата обращения: 23.09.2023).

занятости — неотъемлемого института практически во всех отраслях экономики. Во время пандемии человечество столкнулось с трансформацией многих институтов, людям пришлось менять свой быт и мировоззрение, чтобы приспособиться к развивающейся обстановки: отсутствие возможности выйти на улицу, соответственно, лично приобрести товар. Именно тогда платформенная занятость получила активное развитие и начала быстро внедряться в повседневную жизнедеятельность людей, хотя и появилась намного раньше. Наиболее распространенные услуги: услуги такси «Яндекс.Такси», службы курьерской доставки «Delivery Club» или «Яндекс.Еда», компании, связанные с онлайн-торговлей товаров «Ozon».

Законопроект определяет дефиницию платформенной занятости в ст. 2 законопроекта. Под платформенной занятостью населения понимается деятельность граждан (платформенных занятых) по личному выполнению работ и (или) оказанию услуг на основе заключаемых договоров, организуемая с использованием информационных систем (цифровых платформ занятости), обеспечивающих взаимодействие платформенных занятых, заказчиков и операторов цифровых платформ занятости посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Своими словами это люди, выполняющие работы или услуги с использованием интернет-платформ, заказчик-работодатель будет не один, а их может быть много. Помимо этого, впервые закрепляется статус самозанятого с точки зрения трудового права. Важно, что законопроект предусматривает принятие отдельных федеральных законов для урегулирования вопросов, возникающих с данными формами занятости (платформенная занятость и самозанятость).

Законодательное урегулирование платформенной занятости дает ряд положительных, но и дискуссионных изменений. Например, стоит ли относить платформенную занятость к трудовым или гражданско-правовым отношениям, от этого будет зависеть ряд гарантий (оплачиваемые отпуска и т.д.).

Также интересным изменением является появление «Черных списков» работодателей. Будет утвержден реестр работодателей, у которых выявили случаи неконвенциональной занятости<sup>1</sup>. Реестр будет находиться в ведении Федеральной службы по труду и занятости. В законопроекте установлено, что на федеральном уровне Правительство РФ утверждает план мероприятий по борьбе с нелегальной занятостью, а координировать действия на региональном уровне будут межведомственные комиссии субъектов РФ, также в их полномочия будет входить рассмотрение письменных обращений граждан, содержащих такую информацию.

На мой взгляд, включение в законопроект норм, связанных с противодействием теневой занятости, является оправданным и очень даже положительным. В период пандемии такая категория работников была уязвима, в силу лишения определенных социальных гарантий и денежных выплат, к примеру, получение пособий по безработице. Размер пособия по безработице зависит от трудового стажа и заработ-

---

<sup>1</sup> Орлова Е. Е. Актуальные направления трансформации государственной политики в сфере занятости населения // Право: история и современность. 2023. № 1. С. 40–46.

ной платы на последнем месте работы, а когда нет подтверждения официального трудоустройства, претендовать на государственную поддержку нельзя. Теневая занятость имеет ряд негативных последствий не только для работодателя, но и для государства в целом. Одно из последствий — неполучение бюджетами государства, причем всех уровней, значительных доходов в виде налогов, страховых взносов, что отражается на социальной, экономической и других функций государства.

Также законопроектом вводятся новые категории лиц — граждане, находящиеся под риском увольнения. Появляются новые полномочия органов государственной власти субъектов РФ, а именно разработка и реализация государственных программ субъекта РФ по помощи тем лицам, которые находятся под риском увольнения ввиду разных причин. Такой категории граждан должны оказывать содействие по поиску работы, это могут быть дополнительные льготы, не закрепленные в ТК.

Следующим важным изменением, которое нельзя оставить без внимания является изменение принципа назначения пособий по безработице. На сегодняшний день, максимальный размер пособия по безработице — 12 792, а минимальный 1500 руб.<sup>1</sup>

Одно из основных мероприятий государственной политики в сфере занятости будет разделение на профильные группы зарегистрированных, безработных граждан в зависимости от предыдущей профессиональной деятельности, мотивации потенциального трудоустройства, пола, возраста и других социально-демографических характеристик. Суть такого разделения по группам состоит в том, чтобы с момента регистрации человека в качестве безработного гражданина, максимально минимизировать время его поиска работы. Основным документом, отражающим результат профилирования безработных, будет индивидуальный план содействия занятости, на основе которого планируется начисление пособия по безработице, при этом вопрос о том, подходит ли свободная вакансия — определяет специалист службы занятости. Возникает вопрос, как поступать безработному, если ему не нравятся условия труда или же трудовая функция? Безработный может отказаться от предлагаемой работы, но, если отказ произойдет еще раз, его снимают с учета. В законопроекте определено, что теперь индивидуальный план по содействию занятости будет обязателен и на прямую влиять на выплату пособия.

Важно подчеркнуть, что аналогичные планы предусмотрены в отношении к работодателю, так с помощью сервиса «Определение профильной группы работодателя» разрабатывается индивидуальный план работодателя.

Еще одним изменением в сфере занятости является доступность пособия по безработице индивидуальным предпринимателям и самозанятым. Но есть оговорка, что для получения поддержки государства, придется снять с регистрационного учета ИП или прекратить статуса самозанятого. Размер пособия будет зависеть от величины среднего заработка в найме или от времени, когда граждане совмещали

---

<sup>1</sup> Российская Федерация. Правительство. О размерах минимальной и максимальной величин пособия по безработице на 2023 год [постановление правительства РФ: от 14.07.2022 № 2046] // СПС «Гарант».

самозанятость или деятельность, как ИП с трудовыми функциями. Здесь возникает вопрос: если гражданин, работая в найме, является самозанятым, но на размер пособия это не влияет, то не возникнет ли большая вероятность того, что он просто не будет официально регистрироваться, как самозанятый?

Также явные изменения происходят по расширению норм квотирования, связанных с выделением рабочих мест для инвалидов. В действующем законе о занятости<sup>1</sup> работодателем, у которых численность работников превышает 100 человек, устанавливается квота для приема на работу инвалидов в размере от 2 до 4% от среднесписочной численности работников, в новом законе планка снижается до 35 работников. Конечно, сейчас многим небольшим предприятиям или компаниям придется в скором времени быстро заключать трудовые договоры, чтобы избежать последствий нарушения законодательства, при этом нельзя не заметить озабоченность государства о незащищенных группах лиц. Законопроект также предусматривает финансовую поддержку работодателей, принимающих на работу молодежь, что, как мне кажется, только лишь повысит в дальнейшем качество производства, так как нужные способности и навыки начнут уже с самых первых рабочих дней вырабатываться у юных специалистов.

Законопроект выстраивает направления государственной политики в сфере занятости населения с учетом социально-экономического развития страны. На сегодняшний день происходит цифровизация многих процессов, которые нуждаются в правовом регулировании, и законопроект отражает эти изменения, устанавливая новые нормы и институты (появление Единой цифровой платформы). Безусловно, в дальнейшем требуется принятия новых федеральных законов, подзаконных актов, которые регулировали бы в полной мере все изменения, но именно законопроект дает вектор развития законодательству, хотя нужны будут в нем некоторые доработки. На мой взгляд, нужен более четкий механизм назначения пособия по безработице самозанятым. Помимо этого, возникает много вопросов по поводу реестра работодателей, у которых были зафиксированы факты нелегальной занятости. На какой срок будет внесено лицо в реестр? Какие последствия от внесения в этот список?

**Цыбулина В. С.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Самозанятость: проблемы законодательного регулирования и тенденции развития**

**Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы формирования правового статуса самозанятого гражданина, подходы к пониманию самозанятости, а также

---

<sup>1</sup> О занятости населения в Российской Федерации : закон РФ от 19.04.1991 № 1032-1 (с изм.) // СПС «КонсультантПлюс».

проводится параллель между самозанятым, индивидуальным предпринимателем и работником. На основе судебной практики анализируются вопросы, связанные с признанием безработными граждан, прекративших самозанятость, и с получением ими пособия по безработице.

**Ключевые слова:** самозанятость, правовой статус самозанятого гражданина, предпринимательская деятельность, специальный налоговый режим, пособие по безработице.

В настоящее время в законодательстве фактически отсутствует понятие «самозанятый», однако в доктрине существует несколько подходов к пониманию этого термина. Данное обстоятельство связано с тем, что правовой статус самозанятого гражданина пересекается с другими правовыми категориями — индивидуальный предприниматель, налогоплательщик, работник и т. д.

Конституционный Суд РФ нередко обращался к определению сущности самозанятости при разрешении вопроса о необходимости уплаты самозанятыми гражданами страховых взносов во внебюджетные фонды. Позиция Конституционного Суда РФ состоит в том, что «поскольку самозанятые граждане осуществляют свободно избранную ими деятельность на основе частной собственности и на свой страх и риск, на государстве не лежит обязанность уплачивать за них суммы страховых взносов на обязательное социальное страхование»<sup>1</sup>. При этом он относил к категории самозанятых индивидуальных предпринимателей, глав крестьянских (фермерских) хозяйств, занимающихся частной практикой нотариусов, адвокатов, арбитражных управляющих, оценщиков и т. д.

Статья 23 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает, что «в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя»<sup>2</sup>. Специальное название для деятельности такого гражданина, а также специальное регулирование отсутствуют, поэтому возникает вопрос относительно того, какие нормы регулируют правоотношения с его участием: касающиеся физических лиц или индивидуальных предпринимателей?

Далее обратимся к налоговому регулированию самозанятости. Так, физические лица при применении специального налогового режима вправе вести виды деятельности, доходы от которых облагаются налогом на профессиональный доход, без государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей.

<sup>1</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 07.02.2003 № 65-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гуртовенко Татьяны Евгеньевны на нарушение ее конституционных прав положениями пункта 1 статьи 245 Налогового кодекса Российской Федерации и подпункта 5 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «Об основах обязательного социального страхования» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2003. № 4.

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 08.12.1994. № 238–239.

Причем под профессиональным понимается «доход физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества»<sup>1</sup>. С одной стороны, экспериментальный налоговый режим предоставил самозанятым гражданам возможность легального осуществлять свою деятельности, что безусловно относится к положительным тенденциям. Однако ряд авторов определяют некоторые проблемы, касающиеся неполной законодательной определенности статуса самозанятых, в том числе неоднозначной квалификации характера их деятельности, что приводит к применению этого режима в противоправных целях, например, для обхода норм трудового и налогового законодательства<sup>2</sup>.

В научном сообществе существует позиция, согласно которой «по своему экономическому положению самозанятые ближе к наемным работникам, чем к субъектам предпринимательской деятельности»<sup>3</sup>. Это обусловлено отсутствием в трудовой деятельности самозанятого предпринимательского риска, а также особым характером взаимодействия с постоянными заказчиками, что может расцениваться как взаимодействие работника, работающего по основному месту работы. Н. В. Черных обращает внимание на то, что «правильным вариантом для легализации самозанятого было бы внести соответствующие изменения в Закон «О занятости населения в Российской Федерации», включив его в круг лиц, которых законодатель считает занятыми». Автор считает, что самозанятый должен находиться в промежуточном положении между работником по трудовому договору и субъектом предпринимательской деятельности, что позволит исключить переложение на самозанятого многих социальных рисков, которые обычно несет работодатель<sup>4</sup>.

Стоит отметить, что в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект № 275599–8 «О занятости населения в Российской Федерации»<sup>5</sup> (далее — законопроект). Предполагается, что новый федеральный закон вступит в силу 1 января 2024 г. Законопроектом вводится понятие активно развивающейся формы занятости. Под самозанятостью понимается деятельность гражданина по личному

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494.

<sup>2</sup> Жукова Ю. Д., Подмаркова А. С. Неопределенность правового статуса самозанятых. Обзор судебной практики // Закон. 2022. № 12. С. 168–178.

<sup>3</sup> Филющенко Л. И. Самозанятость как нетипичная форма трудовой деятельности // Законодательство. 2020. № 7. С. 39–43.

<sup>4</sup> Черных Н. В. Труд самозанятых — новая ли форма нетипичной занятости? // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 98–108.

<sup>5</sup> Законопроект № 275599–8 «О занятости населения в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://open-resource.ru/spisok-literatury/?ysclid=I97mqg59b9485864946>.



производству товаров, выполнению работ и (или) оказанию услуг, направленная на систематическое получение дохода.

Законопроект устранил пробел в регулировании самозанятости, причисляя являющихся самозанятыми к занятым на законодательном уровне. Поскольку согласно новым положениям безработными признаются трудоспособные граждане, не относящиеся к занятым, зарегистрированные в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищущие работу и готовые приступить к ней, то можно сделать вывод, что гражданин, прекративший самозанятость, вправе претендовать на статус безработного в полной мере.

Рассматривая вопрос о получении пособия по безработице, также следует обозначить, что законопроект закрепляет право граждан, прекративших деятельность в качестве самозанятых, на его получение. Причем вводится несколько вариантов для порядка определения размера пособия по безработице. Если гражданин в течение 12 месяцев, предшествовавших началу безработицы, совмещал самозанятость с трудовыми отношениями не менее 26 недель, пособие по безработице устанавливается в размере среднего заработка по последнему месту работы. В случае, если гражданин имел статус самозанятого до начала безработицы не менее 12 месяцев, и на день признания его в качестве безработного не имеет долгов по налогам и сборам, то пособие устанавливается в размере средней величины произведенных гражданином налоговых отчислений за предшествующий периоду безработицы налоговый период. Таким образом, для граждан, прекративших самозанятость, предусматривается возможность получения пособия не только в минимальном размере, но и в максимальном.

Кроме того, регламентируется порядок определения пособия по безработице как для совмещающих, так и для не совмещающих самозанятость с трудовыми отношениями. В судебной практике существуют случаи, когда гражданин, работающий по трудовому договору, был уволен, поэтому решил встать на регистрационный учет в качестве безработного. Однако он имел статус самозанятого и снялся с учета только после увольнения, в связи с чем органы службы занятости разъяснили, что «последним местом работы признается самозанятость», а если доходы отсутствовали, то гражданин может претендовать лишь на минимальный размер пособия. Такие выводы нельзя признать правомерными, но законопроект предлагает пути решения данной проблемы.

Помимо этого, в судебной практике существует множество случаев, когда Центр занятости населения обращается в суд к гражданам с иском о возмещении материального ущерба по причине получением пособия по безработице обманным путем. Однако те, в свою очередь, возражают против требований, поясняя, что им не было известно о регистрации в качестве самозанятого или о необходимости сняться с учета, а также, что доход они не получали. Например, решением Мариинского городского суда Кемеровской области от 01.04.2021 по делу № 2–243/2021 исковые требования Центра занятости населения города Мариинска были удовлетворены. Суд признал, что «факт неосуществления трудовой деятельности и неполучения

ответчиком профессионального дохода после его регистрации в качестве безработного не имеет правового значения для рассмотрения настоящего спора»<sup>1</sup>

Тем не менее некоторые суды все-таки обращают внимание на факт получения лицом фактического дохода, а не на регистрацию лица в качестве самозанятого. Так, согласно определению Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2022 № 88–7359/2022 «Д. после ее ошибочной регистрации в качестве самозанятого лица фактического дохода не имела, трудовой деятельностью не занималась, в связи с чем может быть отнесена к лицам, впервые ищущим работу, и претендовать на получение дополнительной социальной поддержки в виде пособия по безработице в повышенном размере»<sup>2</sup>.

Таким образом, самозанятость как правовая категория характеризуется недостаточной степенью правового урегулирования, что приводит к нарушению прав граждан, возникновению пробелов в праве и неправильному применению норм права. Представляется необходимым установить дефиницию самозанятости и унифицировать терминологию для единого понимания статуса самозанятого гражданина всеми отраслями российского законодательства.

**Цысс З. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Дистанционное трудоустройство и работа как мера поддержки слаботзащищенных категорий граждан**

**Аннотация.** В статье рассмотрены вопросы дистанционного трудоустройства и работы. Данные формы могут выступать мерой поддержки таких слаботзащищенных категорий населения, как подростки, лица с ограниченными возможностями здоровья. В работе акцентируется внимание на законодательном регулировании данных вопросов, а также выдвигаются предложения по изменению правовых норм. Сделан вывод о перспективах применения данных форм трудоустройства и занятости как меры поддержки определенных категорий населения.

**Ключевые слова:** трудоустройство, трудоустройство слаботзащищенных категорий, дистанционное трудоустройство, дистанционная работа, дистанционный отбор кадров.

За последние несколько лет произошли серьезные изменения в сфере труда. Они связаны с развитием мира: появление новых технологий, цифровизация процессов,

---

<sup>1</sup> Решение Мариинского городского суда Кемеровской области от 01.04.2021 № 2–243/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 18.08.2022 № 88–7359/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

распространение сети Интернет. Но также следует отметить, что дистанционная работа и дистанционное трудоустройство прочно вошли в жизнь после пандемии COVID-19.

Концепция дистанционной работы появилась еще в XX в. «Телеработа выглядела как новый феномен из-за содержания выполняемой дома работы — теперь называемой высококвалифицированной умственной работой [knowledge work], — и это отличалось от рутинного, низкооплачиваемого труда, который ассоциировался с надомным трудом»<sup>1</sup>. Однако широкое распространение данный вид работы получил в последние несколько лет.

Если рассматривать зарубежное законодательство, то, согласно Конвенции, МОТ № 177 «О надомном труде»<sup>2</sup> дистанционным работником («надомником») считается лицо, которое выполняет работу по месту жительства или в других помещениях по его выбору, но не в производственных помещениях работодателя; за вознаграждение; с целью производства товаров или услуг, согласно указаниям работодателя, независимо от того, кто предоставляет оборудование, материалы или другие используемые ресурсы.

Российское законодательство закрепляет термин «дистанционная работа» в Трудовом кодексе Российской Федерации похожим образом: «выполнение трудовой функции дистанционно) является выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования»<sup>3</sup>.

В судебной практике также решаются споры, связанные с осуществлением лицом работы таким способом. Например, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.10.2020 № Ф04–4271/2020 говорится: «Трудоустройство на дистанционную работу (на дому) в иные организации после наступления страхового случая не компенсирует утраченный застрахованным лицом заработок и не прекращает право работника на получение пособия по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет при условии продолжения фактического полноценного осуществления ухода за малолетним ребенком»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Huws U. The New Homeworkers: New Technology and the Changing Location of White-Collar Work. London, 1984. P. 248.

<sup>2</sup> Конвенция № 177 Международной организации труда «О надомном труде» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

<sup>4</sup> Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 16.10.2020 № Ф04–4271/2020 по делу № А03–13771/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, мы видим, что дистанционная форма занятости является наиболее удобной для слаботзащищенных категорий граждан, которые в силу физических возможностей или возраста могут выполнять работу из дома. Следует отметить, что представители слаботзащищенных категорий населения имеет больше преимуществ, чем недостатков и является наиболее удобной формой занятости<sup>1</sup>.

Согласно ст. 312.3 ТК при заключении трудовых договоров электронным путем дистанционного обмена документами используются усиленная квалифицированная электронная подпись работодателя и усиленная квалифицированная электронная подпись или усиленная неквалифицированная электронная подпись работника.

Электронная подпись оформляется в соответствии с законодательством Российской Федерации. Для ее оформления лицу необходимо предоставить документы (документ, удостоверяющий личность, страховое свидетельство обязательного пенсионного страхования (СНИЛС); индивидуальный номер налогоплательщика, а также дополнительные документы при необходимости). После сбора документов лицо, оформляющее усиленную квалифицированную электронную подпись, должно явиться в аккредитованный удостоверяющий центр. Данная услуга является платной, а стоимость рассчитывается в зависимости от выбранного центра. Лицо также может не являться в аккредитованный удостоверяющий центр, но тогда необходимо иметь подтвержденную учетную запись на портале госуслуг РФ, загранпаспорт нового образца (на 10 лет) и смартфон или планшет с функцией NFC.

Таким образом, мы видим, что для дистанционного трудоустройства необходимо создать усиленную квалифицированную или неквалифицированную электронную подпись физического лица. Процедура ее получения может вызвать затруднения у слаботзащищенных категорий граждан. Для лиц с ограниченными возможностями сложности может вызвать необходимость личного присутствия в центре или наличие документа, для оформления которого также необходимо личное присутствие. Для подростков сложностью может стать плата за данную услугу и удаленное нахождение центров: в небольших городах их не более 1–2.

Мы можем сделать вывод о том, что для поддержки выбора дистанционного трудоустройства необходимо создавать меры, которые помогут это сделать полностью онлайн и с меньшей платой. С этой целью можно вводить льготы для оформления электронной подписи определенной категории граждан, а также создать платформу для подтверждения личности физического лица из дома. Следует отметить, что похожий способ указан в процессуальном законодательстве. Так, согласно ст. 155.2 Гражданского процессуального кодекса<sup>2</sup> лицо может участвовать

<sup>1</sup> Пенских М. А. Ёлгина Л. С. Дистанционная работа как одна из инновационных форм в трудоустройстве инвалидов молодого возраста (на примере Республики Бурятия) // социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях материалы международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. 2022. С. 151–155.

<sup>2</sup> Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

в судебном заседании посредством веб-конференции, что подразумевает нахождение лица в любом месте с технической возможностью. Установление личности гражданина, его представителя или представителя юридического лица, участвующих в судебном заседании путем использования системы веб-конференции, осуществляется с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих идентификацию лица без его личного присутствия — единой биометрической системы. Указанный способ удостоверения личности можно также использовать при оформлении усиленной электронной подписи физического лица.

Далее рассмотрим особенности дистанционной работы слабозащищенных категорий граждан, к данной категории лиц относят несовершеннолетние, лица с ограниченными возможностями, пенсионеры, лица, испытывающие трудности в поиске работы. Рассмотрим ограничения при дистанционной работе для несовершеннолетних и лиц с ограниченными возможностями. Время работы у лиц с ограниченными возможностями может быть ограничено из-за особенностей индивидуальной программы реабилитации (ИПР), а время работы подростков регулируется трудовым законодательством. Следует отметить, что время работы дистанционного работника может устанавливаться им самостоятельно в соответствии со ст. 312.4 ТК РФ, но это не относится к несовершеннолетним работникам, так как их время работы устанавливается главой 42 ТК РФ.

Данные обстоятельства могут привести к злоупотреблению работодателем временем, которое подросток будет тратить на выполнение дистанционной работы, так как отслеживать рабочий график будет именно он. Есть определенные приложения и платформы, которые позволяют отслеживать рабочее время. Однако их внедрение не является обязательным и также остается на усмотрение работодателя<sup>1</sup>. Государство может поддерживать дистанционных работников слабозащищенных категорий граждан вводя обязательный контроль за временем их работы, устанавливая поощрения работодателям, которые используют системы для контроля рабочего времени. Таким образом, можно будет создать условия, позволяющие дистанционным работникам осуществлять свою деятельность безопасно.

В заключение хотелось бы сделать вывод о том, что дистанционная работа и трудоустройство являются одним из наиболее удобных способов для слабозащищенных категорий граждан. Однако возникают определенные проблемы при использовании данных способов трудоустройства и работы: оформление усиленной электронной подписи для физических лиц, отсутствие обязательного механизма контроля времени работы и т. д. Данные проблемы могут решаться законодательным регулированием, созданием льгот и выделением бюджетных средств работодателям для создания условий для определенных категорий граждан

<sup>1</sup> Голубенко К. А., Грязнова С. П. Создание механизмов защиты прав несовершеннолетних при дистанционном формате работы / Голубенко К. А., Грязнова С. П. // Трансформация права: технологии XXI века. Екатеринбург : Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2022. С. 48–52.

## XX. ПАРАДИГМА СЕМЕЙНОГО ПРАВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Амиралиева Х. А.

Северо-Кавказский институт (филиал) РПА Минюста России  
Студент

### Парадигма развития семейного права в Дагестане: на стыке обычаев и закона

**Аннотация.** В статье раскрываются ответы на вопросы о том, как процесс мировой интеграции и эмансипации женщин отражается на семейных отношениях, на каком месте по значимости и приоритетности стоит создание семьи у молодого поколения, какое воздействие оказывают национальные традиции на семейные устои, каково их соотношение с нормами семейного права РФ и Республики Дагестан и с чем связано немислимое количество разводов в Северо-Кавказском регионе.

**Ключевые слова:** семья, семейные отношения, брак, Республика Дагестан, семейное законодательство

Как говорил Рабиндранат Тагор: «Семья — основная ячейка любого общества и любой цивилизации». Первоочередное значение в жизни каждого человека имеет семья. Именно с семьи начинается процесс социализации. Семья откладывает неотвратимый отпечаток на жизни любого индивида. Ни один вид общественных отношений, на наш взгляд, не обладает столь же высокой ценностью, сколь имеет семейный. Соответственно, на упорядочение данного социального института мы должны направить максимум своих ресурсов.

Создание отдельной отрасли права для урегулирования семейных отношений свидетельствует о придании важнейшей роли семейным ценностям в нашем государстве. И наша с вами задача, как граждан и членов семей, эти ценности сохранить и придать им еще больший вес.

Но, надо помнить, что общество — явление прогрессивное, оно не может и не должно стоять на месте. И семья, как одна из составляющих этого явления, неизбежно претерпевает ряд изменений. Традиционная семья попала под воздействие процессов глобализации, который ознаменовался эмансипацией женщины, иной расстановкой жизненных приоритетов и стремлением к равноправию.

В последнее десятилетие российские женщины активно занимаются саморазвитием и стремятся к успеху в карьере, тогда как женщины в Европе давно демонстрируют свой потенциал и являются равноправными партнерами во всех сферах жизни, полноценно руководят крупными корпорациями, не связаны бытовыми обязанностями и уже не носят ярлыков. Согласно результатам исследования, отраженным на карте «Женщины в политике: 2023», созданной Межпарламентским союзом (МПС) и структурой «ООН-женщины», число женщин-спикеров парламента увеличилось до 22%, а женщин — членов парламента — до 26,5%. Во всем мире ме-

нее чем каждый четвертый член кабинета министров — дама (22,8%)<sup>1</sup>. Эти данные констатируют развитие личности женщины в современном мире.

Кроме того, девушки видят мало положительного в создании семьи. Особенно остро эта проблема стоит в Республике Дагестан, где женская часть населения всегда находилась в подчинении мужчин, и несколько высвободившись из этой зависимости не хочет обратно.

К слову о Дагестане. Семейные ценности в «Стране гор» всегда стояли превыше любых иных. Республика традиционно отличалась ранними браками, многодетными семьями, низким процентом разводов и иными признаками значимости института семьи. Однако, к сожалению, глобальный кризис семейных отношений проникает и в дагестанские реалии.

По мнению экспертов, сейчас наблюдается неслыханный процент разводимости у жителей Северного Кавказа. Согласно статистике, представленной Росстатом, с января по апрель 2023 г. число браков в стране по сравнению с тем же периодом 2022 г. уменьшилось на 8,5 тыс. (с 228332 до 219860), число разводов выросло на более чем 15 тыс. (с 200853 до 216170)<sup>2</sup>.

Демограф Алексей Ракша объяснил это следующим образом: «Феноменальный рост разводов, прежде всего в национальных республиках СКФО с самой высокой в России рождаемостью и патриархальными обществами, связан исключительно со стремлением войти в число адресатов выплат пособий по критериям нуждаемости...Архитектура этих пособий такова, что выгодно находиться вне брака, чтобы получить больше денег»<sup>3</sup>.

В большинстве Кавказских регионов понятие семья развивается в аспекте традиционного союза между мужчиной и женщиной, где роли распределяются в соответствии с обыденными патриархальными устоями и обычаями. Это объясняется и тем, что неотъемлемыми элементами правовой системы Дагестана на протяжении многих веков являлись и являются обычное и мусульманское право. В результате такого развития Семейное право в Дагестане сформировалось в ключе религиозных норм, преданий, и сложившихся в процессе многолетнего опыта родителей, устоев.

Но надо отметить, что обычаи и традиции могут оказать самое неординарное воздействие на общественную и правовую систему в целом. Безусловно, обычное право способствует сохранению самобытности и культуры этнических групп и когда в качестве обычая передается посыл о ценности и значимости семьи в жизни человека — это замечательно. Но порой, следуя за традициями, люди впадают в крайности, упуская из виду то, что между ними и развивающимися общественными и правовыми отношениями образовалась немислимая пропасть.

<sup>1</sup> Women in politics: 2023 // Digital library: Publications. UN Women — Headquarters. 2023.

<sup>2</sup> Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>. 2023 (дата обращения: 26.09.2023).

<sup>3</sup> Ракша А. И. Демография от Ракши. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/06/30/72451745/>. 2023 (дата обращения: 23.09.2023).

В качестве примера можно привести обыденную бытовую ситуацию: когда речь заходит о семье, дагестанец в первую очередь обращается к источникам мусульманского права и религиозной литературе, после — за советом к старшим, а лишь когда дело доходит до формальностей таких, как узаконение отношений, регистрация факта рождения ребенка в семье или развод — прибегают к нормам семейного законодательства.

Отсюда вытекает и вторая проблема — уклонение от регистрации брака. В Центральной России эта проблема обусловлена популярностью внебрачного союза, именуемого «сожительством», а в Дагестане — тем, что люди не видят необходимости в государственном оформлении брака в органах записи актов гражданского состояния (далее — ЗАГС), когда заключают его по нормам религии (никах), либо многоженством.

Исследуя причины распространенности сожительства, мы пришли к выводу, что во главе угла стоит страх перед ответственностью. Вступление в брак — это серьезный шаг для каждого молодого человека, а сожительство никак не обременяет. Внебрачный союз предполагает отсутствие традиционных, стереотипных семейных ролей. Ко всему прочему, продолжительность такого вида брачных отношений не имеет строго определенных рамок, по той причине, что форма совместной жизни в неофициальном союзе будто предоставляет каждому партнеру индивидуальную свободу.

Однако сожительство имеет массу недостатков. Высокий процент подобных союзов не сохраняется на длительный период, ибо разрушить этот «брак» так же легко, как в него вступить. В связи с отсутствием ответственности перед семьей всех ее членов, как формального, так и реального, семейные ценности в таких взаимоотношениях практически отсутствуют.

Что касается узаконения брака в РД — браки регистрируются, однако не в органах ЗАГСа, а традиционно — в мечети, по нормам ислама.

Кроме того, в рамках исповедуемой религии, мужской части населения республики дозволено многоженство. С каждым днем количество вторых, третьих и четвертых семей увеличивается, а показатели зарегистрированных браков в регионе — нет. Очевидно, это по той причине, что законодательство России не предусматривает многобрачие: согласно статье 14 Семейного кодекса РФ не допускается заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно лицо уже состоит в другом зарегистрированном браке<sup>1</sup>.

Разрешение данной проблемы и в центральных регионах, и в Республике Дагестан, на наш взгляд, кроется в правовом образовании женщин. Юридическая неграмотность девушек как субъектов семейных отношений катастрофична. Внутренняя часть женского пола не осведомлена о том, в какой финансовой «опас-

---

<sup>1</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп. от 02.07.2021). URL: [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_law\\_34683/](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_34683/) (дата обращения: 23.09.2023).



ности» они находятся, состоя в неофициальном союзе с женщиной. В соответствии со ст. 1 СК РФ брак без регистрации не признается браком, равно и никаких прав, и обязанностей не возникает.

В результате нашего исследования, мы пришли к выводу, что необходимо соблюдать баланс между традициями и обычаями, способствующими приданию большей значимости семейным ценностям и законодательством, предназначенным для правового урегулирования данных отношений. Кроме того, наша работа преследует цель найти пути решения проблем, провоцирующих кризис института семьи, и предрасположить молодых людей вступать в браки, узаконивать отношения и жить в счастливых семьях.

**Багдасарова М. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Бэби-боксы как способ защиты прав детей: за или против?**

**Аннотация.** «Бэби-боксы» («окна жизни») рассматриваются в качестве возможной меры профилактики преступлений, совершаемых в отношении детей. Статья посвящена проблемам, связанным с внедрением в России системы «бэби-бокс», выявлены положительные и отрицательные стороны такой системы, разработаны предложения по модернизации и оптимизации «бэби-боксов».

**Ключевые слова:** «бэби-бокс», «окна жизни», защита прав детей, жестокое обращение с детьми, профилактика преступлений.

Установление системы «бэби-боксов» в Российской Федерации для сохранения права на жизнь новорожденных детей — неоднозначное явление, вызывающее широкую общественную дискуссию. У «бэби-боксов» есть как сторонники, так и противники, и каждый аргументирует свою точку зрения по-своему.

Для начала необходимо разобраться с тем, что такое «бэби-боксы» («окна жизни»). Это специальные контейнеры, оснащенные детской колыбелью, вентиляцией и отоплением. Устанавливаются они при роддомах и перинатальных центрах. Особенностью таких «окон жизни» является то, что они находятся в местах, где нет камер видеонаблюдения, что гарантирует анонимность лиц, оставляющих ребенка. Спустя полминуты после помещения ребенка в «бэби-бокс» дверца автоматически блокируется и ее, соответственно, нельзя открыть снаружи. Затем лицу, наблюдающему за «бэби-боксом», приходит оповещение о том, что там находится ребенок, затем ребенка осматривают медицинские работники, приезжает полиция для дальнейшей передачи органам опеки и попечительства. «Бэби-боксы» существуют в России и, как правило, их установкой занимаются НКО, однако на законодательном уровне вопрос «бэби-боксов» по сей день не урегулирован ввиду разногласий и опасений.

Ранее была предпринята попытка внесения изменений в Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»<sup>1</sup>. Согласно проекту, матери могли анонимно оставить ребенка, не неся за отказ уголовную ответственность и сохраняя ребенку жизнь. В пояснительной записке к данному законопроекту было предложено законодательное регулирование «бэби-боксов» несмотря на то, что «анонимный отказ от ребенка, как и любое уклонение от воспитания и содержания своих детей, неприемлемы с моральной точки зрения»<sup>2</sup>. Однако проект был отклонен — у «бэби-боксов» немало противников, которые апеллируют следующими аргументами:

1. Установление таких контейнеров нарушает этические нормы, поскольку матерям предоставляется легкий способ избавиться от своего ребенка и даже «провоцирует» их на совершение такого «безнравственного поступка». Чем больше таких «ящиков», тем сильнее соблазн оставить ребенка без какой-либо ответственности за это.

2. В «бэби-боксы» детей приносят не матери-убийцы, а женщины, пребывающие в отчаянии, которым просто нужна психологическая или материальная помощь, но из-за анонимности отказа помочь становится невозможно.

3. В случае, если мать изменит свое решение, для возврата ребенка ей придется пройти недешевую ДНК-экспертизу, которую назначает суд, а это достаточно затяжной процесс<sup>3</sup>.

4. Кроме того, возможно возникновение сложностей с доказательствами, когда неясно, был ли ребенок мертв уже на момент оставления его в «бэби-боксе» либо смерть наступила после. Кроме того, из-за нахождения в закрытом помещении ребенок может задохнуться.

5. Странники проекта «бэби-бкс» пренебрегают основными правами ребенка: правом знать своих родителей, правом жить и воспитываться в семье, правом ребенка на сохранение своей индивидуальности<sup>4</sup>.

6. Кроме того, имущественные права ребенка, помещенного в «бэби-бкс», также ущемляются, он не сможет получать содержание родителей и вступить в наследство после их смерти.

7. Для функционирования системы «бэби-бкс» требуются существенные материальные затраты, средства целесообразно было бы направить на профилактику отказов, чтобы в «бэби-боксах» не было нужды.

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. С. 3802.

<sup>2</sup> Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Почему в России могут запретить бэби-боксы? // URL: <http://zvzda.ru/articles/26659e80a940> (дата обращения: 17.09.2023).

<sup>4</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2020) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

8. Женщина, которая собирается «избавиться» от ребенка, находится в особом психоэмоциональном состоянии, соответственно, искать ближайший к ней «бэби-бокс» (возможно находящийся в сотнях километров от нее) она не станет, ей легче будет «избавиться» от ребенка иным способом.

Необходимо разобраться с каждым аргументом, приведенным противниками «бэби-боксов» и определить, на самом ли деле «бэби-боксы» — деструктивное явление или их не стоит опасаться?

1. «Бэби-боксы» соответствуют принципам семейного права, поскольку, например, сущность принципа приоритета семейного воспитания заключается в том, что ребенок, в первую очередь должен воспитываться в семье и только в исключительных случаях передается в организации для детей-сирот. Очень высока вероятность для ребенка, найденного в «бэби-боксе», попасть в семью, а не в детский дом потому, что сегодня на младенцев большая очередь по их усыновлению, забрать их смогут практически сразу<sup>1</sup>. Соответственно, оставление новорожденного в бэби-боксах не противоречит принципам семейного права<sup>2</sup>.

2. «Бэби-боксы» дают матерям возможность ошибиться, отказавшись от ребенка, однако это не приведет к фатальному для и без того беспомощного младенца исходу — смерти. На отказы от ребенка «бэби-боксы», как упоминалось ранее, «провоцируют» в разы меньше, чем мусорный бак, вокзал или скамейка во дворе.

3. У матерей, которые после оставления ребенка, всё же передумали, есть возможность вернуть ребенка. Стоимость ДНК-экспертизы составляет в среднем от 8 до 10 тыс. руб. Не было ни одного случая, когда родитель, решившийся вернуть ребенка, не нашел средства на ДНК-экспертизу<sup>3</sup>.

4. Матери, находящиеся в отчаянии, имеют возможность обратиться за помощью (психологической, материальной, юридической) в кризисные центры, контактные данные которых располагаются непосредственно на «бэби-боксах», соответственно, аргумент о том, что из-за анонимности женщины не могут получить помощь, несостоятелен.

5. «Бэби-бокс» благоустроен для младенцев, оснащен вентиляцией и отоплением, кроме того, с момента помещения ребенка в «окно жизни» до оповещения ответственного лица проходит всего 30 секунд — исключается риск смерти ребенка от гипоксии. Таким образом, это гарантирует максимальную безопасность и контроль со стороны врачей, что защищает ребенка от переохлаждения и истощения.

6. «Бэби-боксы» не исключают осуществление мер профилактики отказов — они могут «сосуществовать», функционируя вместе. Отметим, что установление «бэби-боксов» хотя и финансово затратно, но ценность человеческой жизни куда выше.

<sup>1</sup> Усыновление в России // URL: <https://xn--b1agisfqlc7e.xn--p1ai/children?page=1> (дата обращения: 18.09.2023).

<sup>2</sup> Кондрашова М. А. Институт «бэби-боксов» для новорожденных как один из способов осуществления семейных прав и исполнения обязанностей // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 67–70.

<sup>3</sup> Что такое беби-боксы и нужны ли они в России: за или против // URL: <https://tass.ru/obschestvo/2749033> (дата обращения: 18.09.2023).

7. Внесение изменений в законодательство и повсеместное установление «бэби-боксов» сделает их доступными, следовательно и у матерей не будет необходимости проделывать долгий путь до «бэби-бокса».

8. Что касается ущемления имущественных прав ребенка, в частности права на алименты и наследство, то, по мнению автора, не может идти речи об имущественных правах, если будет нарушено главное право, предусмотренное статьей 6 Конвенции о правах ребенка — право на жизнь<sup>1</sup>. Невозможно обеспечить какие-либо иные права без обеспечения права на жизнь.

Таким образом, подводя итог, случаи жестокого обращения с детьми можно предотвратить — необходим комплексный и разноплановый подход. Разработка и реализация эффективных программ, включающих в себя мероприятия профилактического характера и «меры быстрого (неотложного) реагирования» в виде «бэби-боксов», детальная проработка законодательства, социальная реклама «бэби-боксов» и кризисных центров — все эти мероприятия смогут поспособствовать борьбе с нарушением прав детей, жестоким обращением с ними, а также помогут матерям в трудной жизненной ситуации.

**Бареев Р. Р.**

РАНХиГС при Президенте РФ  
Студент

### **Фактические брачные отношения: проблемы правового регулирования в Российской Федерации**

**Аннотация.** Проблема регулирования фактических брачных отношений активно обсуждается в научной сфере. Правовое регулирования имущества лиц, состоящих в фактических брачных отношениях отсутствует, из-за чего возникают споры касательно совместно нажитого имущества, также существуют и другие немаловажные вопросы, требующие решения. В настоящее время ученые и политики активно обсуждают, как требуется урегулировать данную проблему.

**Ключевые слова:** фактически брачные отношения, имущественные отношения, семья, институт брака, супруги.

Не представляется спорным факт, что современный мир диктует новые правила во всех сферах жизни: от возникновения новых специальностей до изменений в морально-этических принципах. Сегодня в силу поступательного характера реорганизации общественного сознания, которое в большей степени касается молодого поколения, новизна взглядов не обошла и институт брака и семьи. По

---

<sup>1</sup> Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 995.

причине отсутствия четких представлений о семейных взаимоотношениях, тенденции ориентирования на точки зрения «инфлюенсеров», около 14% молодых людей в России предпочитают законному фактический брак<sup>1</sup>. Данная тенденция негативно сказывается на реализацию задачи государства, направленной на сохранение стабильности института брака и семьи. Для того чтобы российское общество развивалось поступательно, требуется высокая ответственность молодых людей, которые брали бы на себя супружеские и родительские права и обязанности. Данная проблема является актуальной, так как сейчас мы можем наблюдать серьезные проблемы с демографической ситуацией в стране, на которую также влияет правовая неопределенность фактических отношений.

В последние годы в публичной и научной сфере активно поднимается вопрос правового регулирования лиц, проживающих совместно, но при этом незарегистрированных в браке. В первую очередь это связано с тем, что данное количество союзов растет, из-за чего пропорционально растет количество судебных разбирательств, которые в основном относятся к спорам имущественного характера. Согласно ч. 1 ст. 10 Семейного кодекса «Брак заключается в органах записи актов гражданского состояния»<sup>2</sup>. Действующий Семейный кодекс РФ не содержит понятие «фактического брака», поэтому гражданские супруги не обретают прав совместной собственности на имущество, которое было обретено в период сожительства, в следствие чего появляется огромное количество споров о разделе имущества лиц, состоящих в фактических брачных отношениях.

Важность решения вопроса правового регулирования отношений фактических супругов подтверждается тем, что данную проблему рассматривали на законодательном уровне. Так, членом Совета Федерации А. В. Беляковым был внесен в Государственную думу законопроект № 368962–7 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации» от 22.01.2018, по вопросу о статусе фактических брачных отношений. Данный законопроект был отклонен, так как в нем не были четко обозначены критерии фактических брачных отношений, также документ обладал низкой юридической техникой. Данный законопроект подразумевал, что лица, состоящие в фактических брачных отношениях более пяти лет, будут считаться мужем и женой, тем самым де-факто фактический брак будет приравнен к зарегистрированному. По моему мнению, данный правовой механизм приведет к существенному ограничению прав граждан, состоящих в зарегистрированным браке, поэтому приравнивание двух этих союзов не является рациональным с правовой точки зрения. Проблематика признания фактического брака связана с тем, что это приведет к множеству проблем в сфере регулирования института семьи и брака.

<sup>1</sup> Официальный сайт ВЦИОМ // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli> (дата обращения: 10.09.2023).

<sup>2</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ: по сост. на 31 июля 2023 г. // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

Во-первых, это повлечет подрыву принципа моногамии, так как лицо сможет проживать сразу с несколькими людьми в рамках сожительства. Также данное нововведение приведет к конкуренции зарегистрированного и фактического брака, что будет противоречить существующей парадигме семейного права в России, которое направлено на защиту семейных ценностей и брака.

Во-вторых, в случае признания фактического брака, имущество, совместно нажитое фактическими супругами, будет признаваться совместной собственностью. Росстатом была представлена статистика заключенных браков за последние несколько лет, полученные показатели говорят нам о том, что последние годы наблюдается курс сокращения зарегистрированных браков<sup>1</sup>. Данное нововведение будет способствовать тенденции отказа от регистрации брака граждан, так как правовая охрана имущества будет реализуема с помощью фактических брачных отношений, регистрация брака не потребуется, потому что существует более упрощенная процедура защиты имущества. Имущественный фактор играет важную роль в регулировании брачных отношений, поэтому данное нововведение приведет к упадку института семьи и брака, который и так находится в не лучшем положении в настоящее время.

В-третьих, представляется спорным и аспект добровольного волеизъявления «супругов». Если в органах ЗАГС обязательно его подтверждении каждым из брачующихся, то в случае сожительства подобный фактор, который обязательный для брака, проверить достоверно не видится возможным вовсе.

По мнению ряда опытных юристов фактические брачные отношения набирают популярность и количество данных пар растет, из-за чего пропорционально увеличивается количество имущественных споров, связанных с совместно нажитым имуществом. Данные отношения не защищены законодательством, поэтому могут вызывать сложные судебные разбирательства, которые имеют разную юрисдикцию и иные нюансы. Далеко не всегда гражданскому супругу удастся доказать материальное участие, из-за чего после размолвки он может остаться ни с чем<sup>2</sup>. Так, например, в решении Бердского городского суда, было установлено отказать истцу в возмещении денежных средств, которые были им вложены в совместно нажитое имущество, так как не было доказано, что истец вложил средства в приобретение данного имущества<sup>3</sup>.

Я считаю, что молодые пары, которые не желают вступать в брак, должны при покупке дорогостоящего имущества заключать договор, например соглашение о долевой собственности, чтобы в случае размолвки они не потеряли свои вложения, также можно зарегистрировать все крупные покупки на обоих сожителей, важной

<sup>1</sup> Данилов Д. Статистика разводов и браков в России 2020–2021: таблицы по годам и регионам // Рейтинги и новости : [сайт]. 2021. 17 июня. URL: <https://top-rf.ru/places/149-top-15-subektov-rf-po-chislu-brakov-na-1000-chelovek.html> (дата обращения: 09.09.2023).

<sup>2</sup> Pravo.ru // URL: [https://pravo.ru/story/225414/?desc\\_emb=](https://pravo.ru/story/225414/?desc_emb=) (дата обращения: 10.09.2023).

<sup>3</sup> Решение Бердского городского суда Новосибирской области от 10.03.2016 по делу № 2–105/2016 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/d1yvtPZlmg/> (дата обращения: 10.05.2023).

составляющей является сохранение документов о покупке, чтобы в случае судебных разбирательств доказать свое право собственности.

В научном сообществе активно поднимается вопрос закрепления на законодательном уровне фактических брачных отношений<sup>1</sup>. По моему мнению, нормативное закрепление данных отношений начнет разрушать традиционные ценности семьи, а также будет способствовать деформации установившейся парадигме семейного права. Для общества институт брака реализует правовые и экономические аспекты, которые осуществляются в особых имущественных отношениях между супругами, поэтому отстоявшаяся модели союза супругов не стоит, так как это создаст серьезные правовые последствия и начнет процесс искажения института семьи<sup>2</sup>.

Таким образом, по моему мнению, действующее законодательство достаточно регулирует зарегистрированный брак и его правовые последствия с учетом разнообразных обстоятельств и жизненных ситуаций. Безусловно, гражданин обладает правом сделать выбор, в каких отношениях ему состоять, если человек, ввиду своего мировоззрения и взглядов не хочет официально зарегистрировать свои отношения, то не требуется изменять и разрушать устоявшиеся семейные ценности и традиции с помощью нормативного закрепления новых видов отношений. Государству требуется проводить мероприятия для повышения семейных ценностей, а также стимулировать мотивацию граждан вступать в зарегистрированный брак, чтобы поддерживать стабильность института брака и семьи.

**Белогорцева С. С.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Ответственность в семейных правоотношениях**

**Аннотация.** В статье автор рассматривает составляющие такого института как ответственность в семейных правоотношениях. На конкретных примерах проводит сравнение различных видов юридической ответственности и их влияние на семейное право. Целью исследования является рассмотрение института семейно-правовой ответственности, как самостоятельного вида юридической ответственности, а также возможности ее выделения в качестве такого вида.

**Ключевые слова:** юридическая ответственность, семейное право, семейно-правовая ответственность, санкция, институт.

---

<sup>1</sup> Кулакова А. А. Фактические браки и проблемы их регулирования в Российском праве. 2019. № 1. С. 55–59.

<sup>2</sup> Гонгало Б. М., Крашенинников П. В., Михеева Л. Ю., Рузакова О. А. Семейное право : учебник / под ред. П. В. Крашенинникова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2016. 315 с.

В последние несколько лет в российском законодательстве видна тенденция к всесторонней защите семейных правоотношений. В связи с этим вопрос об ответственности в семейном праве, ее расширении и применении встал достаточно остро. Сама по себе ответственность в семейном праве — совокупность нескольких видов юридической ответственности, которые применяются к лицам в случаях совершения правонарушений в сфере семейно-правовых отношений. Среди таких видов можно выделить гражданско-правовую материальную ответственность, административную ответственность, уголовную ответственность, а также такой специфический и дискуссионный вид ответственности, как семейно-правовая ответственность. Речь о ее выделении в качестве самостоятельного вида ведется достаточно давно, при этом единого мнения по данному вопросу до сих пор нет. При этом нельзя не отметить тот факт, что именно семейные правоотношения играют особую роль в становлении общества, что только подтверждает потребность в специфическом способе защиты.

Говоря об ответственности в семейном праве, стоит обратиться к конкретным статьям Семейного кодекса и иных актов, предусматривающих меры этой ответственности. Так, например, в соответствии с п. 3 ст. 111 Семейного кодекса, должностные лица, обязанные сообщать о перемене места работы лица, обязанного уплачивать алименты, в случае неисполнения данной обязанности, будут привлечены к административной ответственности по ст. 19.7 КоАП<sup>1</sup>. А вопросы, касающиеся неуплаты алиментов вообще могут повлечь за собой привлечение к уголовно-правовой ответственности. Большое влияние в этом вопросе имеет и гражданско-правовая ответственность. Примером традиционной гражданско-правовой санкции в семейном праве может быть п. 2 ст. 45 Семейного кодекса. Она предусматривает правила обращения взыскания на общее имущество супругов по их общим и индивидуальным обязательствам. А при недостаточности общего имущества предусматривает солидарную ответственность имуществом каждого из них.

При этом существуют специфические меры юридической ответственности, которые нельзя относить другим отраслевым видам такой ответственности. Например, ст. 69 и ст. 73 Семейного кодекса предусматривают лишение и ограничение родительских прав, крайне специфическая мера ответственности, которую можно найти только в семейном праве. Часто лишение родительских прав сравнивают с лишением права в рамках КоАП, но в противовес этого мнения стоит довод о том, что родительские права нельзя относить к специальным правам, речь о которых идет в Кодексе об административных правонарушениях. Это специфическое право, которое фактически возникает не по воле государства или уполномоченных органов, а в связи со спецификой семейно-родительских отношений. Таким образом, отмечается, что отдельные виды юридической ответственности не могут охватить те специфические меры, которые оказывают влияние именно на семейно-правовые

---

<sup>1</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.



отношения. Именно здесь встает вопрос о выделении отдельного вида ответственности — семейно-правовой.

Если обратиться к литературе, можно обнаружить три основных подхода к пониманию семейно-правовой ответственности. Первый из них — самый распространенный. Его сторонники считают, что семейно-правовая ответственность — правоотношение, субъектами которого выступает непосредственно правонарушитель, потерпевшие, а также государство, в лице его органов<sup>1</sup>. Так, семейно-правовая ответственность в первую очередь заключается в определенном лишении или же ограничении личных неимущественных или имущественных прав. Одним из основоположников данного подхода по праву является профессор Ворожейкин, который также выделял основные признаки семейно-правовой ответственности еще в советское время. Хотя именно и в тот период нашей истории семейно-правовая ответственность практически отрицалась. Этот подход не с проста является наиболее распространенным. В первую очередь это связано с тем, что он наиболее легко перекладывается на практику и его отражение так или иначе можно найти в существующем семейном законодательстве. Также он практически полностью отражает все признаки юридической ответственности, которые традиционно выделяются в науке теории государства и права. То есть можно сделать вывод о том, что именно этот подход дает возможность выделения семейно-правовой ответственности, как теоретически, так и практически.

Второй подход — менее распространенный. Фактически он сводит семейно-правовую ответственность к санкциям, которые содержатся в статьях нормативных правовых актов, регулирующих семейные правоотношения<sup>2</sup>. Но именно этот подход подвергается частой критике. Связано это в первую очередь с самим назначением санкций в нормативных правовых актах. Их основная цель — отражение конкретных мер юридической ответственности, применяемых к лицам, а не самого вида юридической ответственности в целом, поэтому отождествление семейно-правовой ответственности с санкциями, предусмотренными в статьях, видится не совсем корректным. Юридическая ответственность — более широкий институт.

Третий подход также находит много критики. Его основная концепция заключается в рассмотрении института семейно-правовой ответственности, как обязанности лица претерпеть неблагоприятные последствия на совершенные им правонарушения. Сторонники этого подхода, например, профессор М. В. Антокольская, отмечают, что семейно-правовая ответственность практически идентична гражданско-правовой<sup>3</sup>. Основной причиной критики данного подхода является специфический характер мер гражданско-правовой ответственности, отличный от мер семейно-правовой ответственности. В большинстве своем, гражданско-

---

<sup>1</sup> Ворожейкин В. М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972. С. 254–334.

<sup>2</sup> Романовская З. В. Защита в советском семейном праве. Львов. 1985. С. 44.

<sup>3</sup> Антокольская М. В. Семейное право : учебник М. : Юрист, 1996. С. 104.

правовая ответственность несет в себе санкции имущественного характера, то есть является ответственностью материальной. Семейно-правовая же ответственность предусматривает в первую очередь санкции личного характера, связанные со спецификой субъектов и объекта семейных правоотношений.

Подводя итог, хочется отметить, что институт семейно-правовой ответственности является крайне важной составляющей всей системы семейного права. Он не только обеспечивает права субъектов таких правоотношений, но и обеспечивает соблюдение прав и законных интересов «слабых» сторон, например, несовершеннолетних и нетрудоспособных. Семейно-правовая ответственность — межотраслевой юридический институт, который, безусловно, является составляющей такого широкого понятия как ответственность в семейном праве.

**Борец С. Д.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Проблемы правового закрепления договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации**

**Аннотация.** Договор о суррогатном материнстве является довольно новым институтом в Российской Федерации, из-за чего его урегулирование ограничивается упоминанием в федеральном законе. Это влечет за собой проблемы в реализации данного договора на практике, что приводит к ограничению возможности его использования не обладающими специальными знаниями гражданам.

**Ключевые слова:** суррогатное материнство, договор о суррогатном материнстве, вспомогательные репродуктивные технологии, генетические родители

Развитие биомедицины делает всё более доступными вспомогательные репродуктивные технологии, одной из которых является суррогатное материнство. Оказание услуги вынашивания чужого ребенка не может не закрепляться в формальном виде, из-за чего и используется договор суррогатного материнства для регулирования отношений между суррогатной матерью и заказчиками. В данной статье будет оценен уровень правового регулирования договора о суррогатном материнстве в Российской Федерации.

Для более полного понимания института стоит начать с законодательного определения суррогатного материнства, которое дано в п. 9 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Суррогатное материнство в этой статье определяется как вынашивание и рождение ребенка по договору о суррогатном материнстве. Также в определении раскрывается суть договора: то, что он заключается между суррогатной матерью и потенциальными родителями, чьи половые клетки

использовались для оплодотворения<sup>1</sup>. Понятие является достаточно детальным и содержит, по сути, единственное правовое определение договора о суррогатном материнстве в законодательстве Российской Федерации.

В этом и заключается основная проблема правового регулирования. В Семейном кодексе Российской Федерации мы можем встретить лишь упоминание самого института суррогатного материнства, а также раскрытие понятия суррогатной матери, но никак не договора.

Отсутствие законодательного регулирования не позволяет также четко определить правовую природу договора о суррогатном материнстве, что также усложняет его применение. Данный договор очень близок по своим характеристикам к договору возмездного оказания услуг, но с определенными изъятиями: суррогатное материнство может осуществляться как возмездно, так и безвозмездно. Безвозмездное суррогатное материнство предполагает осуществление данной услуги на некоммерческой основе, хотя на практике чаще складывается так, что суррогатная мать всё же получает определенные выплаты, например, возмещение потерянной заработной платы, либо компенсацию за причиненные боль и страдания<sup>2</sup>. Этот момент не позволяет с абсолютной точностью причислить договор суррогатного материнства к договору возмездного оказания услуг, так как в Гражданском кодексе весьма четко сказано, что в случае договора возмездного оказания услуг заказчик обязан оплатить услуги, которые оказывает ему исполнитель<sup>3</sup>.

Существует мнение, что, в связи с ничтожным количеством договоров безвозмездного суррогатного материнства данный договор можно спокойно включать в перечень договоров, регулируемых главой 39 Гражданского кодекса РФ<sup>4</sup>, но всё же малое количество таких договоров не означает их полное отсутствие.

Отсутствие законодательного закрепления данного договора ведет также к ряду других проблем, например, неопределенности существенных условий договора, нерегулированности количества и состава сторон данного договора. Условия в заключаемом договоре в конечном итоге составляются либо исходя из практики, если это делает компетентный юрист, либо «по наитию», если супруги-заказчики решаются обойтись без квалифицированной юридической помощи. Такое отношение влечет за собой проблемы впоследствии, когда выясняется, что заказчики на адреналине и воодушевлении забыли предусмотреть какие-то важные элементы, как, например, разрешение вопроса выплаты и дальнейших отношений в случае рождения

---

<sup>1</sup> Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.04.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

<sup>2</sup> Андреева И. С. Социально-философские проблемы пола, брака, семьи // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 135.

<sup>3</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

<sup>4</sup> Митрякова Е. С. Правовое регулирование суррогатного материнства в России : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 81.

мертвого ребенка, выкидыша, рождения ребенка с особенностями здоровья и т. д. Отсутствие какого-либо закрепления состава договор приводит к спорам между сторонами: стоит ли привлекать врача-акушера, включать в договор конкретную медицинскую организацию?<sup>1</sup>

Нерешенным остается и вопрос с ответственностью, так как при оказании услуги суррогатного материнства возникают проблемы, которые сложно урегулировать общими мерами гражданско-правовой ответственности, например, вопрос штрафов в случае, когда суррогатная мать родила мертвого ребенка не по своей вине. Согласно определению правового характера договора как договора возмездного оказания услуг, который был указан выше, неоказание услуги — рождение мертвого ребенка — должно повлечь за собой определенные санкции, но специфика договора и самой услуги в очередной раз ставит его участников перед дилеммой.

Таким образом, делая вывод о законодательном регулировании договора суррогатного материнства, можно описать ситуацию буквально тремя словами: его практически нет. Нельзя отрицать, что любой человек, обратившийся за услугой суррогатного материнства, может найти также и юриста, который решит все вопросы урегулирования отношений, но автор придерживается мнения, что развитие вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), которое делает их более доступными для населения, должно идти не только в медицинском аспекте. Доступность ВРТ в нормативном плане, в плане свободного доступа населения к требованиям и ограничениям данного договора, закрепленных законодательно, позволит большему количеству людей воспользоваться услугой и завести ребенка в том случае, когда все остальные методы исчерпаны. Именно поэтому стоит отдельно урегулировать на законодательном уровне договор суррогатного материнства.

**Борисова Э. Б.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Государственные жилищные программы при разделе имущества супругов в случае расторжения брака**

**Аннотация.** Актуальность научной статьи обусловлена важностью конституционного права каждого на жилье, его неприкосновенность и неотчуждаемость. В настоящее время в Российской Федерации много молодых семей, которые нуждаются в жилом помещении и улучшении жилищных условий. В научной работе проведен анализ государственных целевых программ, задача которых — улучшить жилищные условия в стране и обеспечить молодые семьи жильем. Отмечен ряд

---

<sup>1</sup> Чаплыгин А. Н. Суррогатное материнство: To be or not to be? // Актуальные проблемы частноправового регулирования : материалы Всерос. науч. конференции мол. ученых. Самара : Изд-во Самар. Ун-та. 2004. С. 386.

условий и факторов социально-экономического характера, влияющих на состояние реализации права на жилье для молодых семей в рамках существующих государственных программ поддержки. Отмечены проблемы при разделе возникающие при рассмотрении дел о разделе имущества супругов, в случае если предметом спора является имущество, приобретенное на денежные средства материнского капитала.

**Ключевые слова:** жилье; государственные целевые программы; молодая семья; раздел имущества супругов.

Согласно ст. 40 Конституции Российской Федерации каждый гражданин имеет право на жилище<sup>1</sup>. Нет сомнения, что конституционное право граждан на жилище относится к основным правам человека. Под этим правом принято понимать государственное обеспечение стабильного пользования жилым помещением лицами на законном основании и на постоянной основе, равно и передача жилья из муниципального, государственного, а также иных жилищных фондов нуждающимся в жилье и малоимущим гражданам, осуществление содействия, улучшение условий для проживания, обеспечение неприкосновенности жилого помещения, недопустимость незаконного лишения жилья.

Право на жилище характеризует в своей работе И. В. Качалова следующим образом: «Это субъективное гражданское право на конкретное жилое помещение, которое по юридической природе может быть вещным, обязательственным, корпоративным»<sup>2</sup>.

М. И. Давлетова сравнивает субъективное гражданское право на жилое помещение с реализованным конституционным правом на жилище<sup>3</sup>. Действительно, конституционное право на жилище, представляет собой только субъективное право на возможность обладания жильем, закрепленное в Конституции РФ, и выступает нормативным основанием возникновения субъективного гражданского права на жилое помещение.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики от 25.08.2023 число семей, состоящих на учете на получение жилья, составляет 1987 тыс. семей, а количество семей, которые получили данное жилье — 94 тыс.<sup>4</sup> Исходя из этих данных можно сделать вывод, что молодые семьи испытывают финансовые трудности, данной категории населения необходима поддержка государства.

В настоящее время оказание государственной поддержки молодым семьям в решении жилищной проблемы предусмотрено в рамках мероприятий ведомственной

---

<sup>1</sup> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля.

<sup>2</sup> Качалова И. В. Право собственности и иные вещные права граждан на жилые помещения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2006. 29 с.

<sup>3</sup> Давлетова М. И. Субъективное гражданское право на жилое помещение: нормативные основания и некоторые проблемы правовой охраны : автореф. дис. ... канд. юрид. наук Казань, 2003. 24 с.

<sup>4</sup> Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 28.09.2023).

целевой программы «Оказание государственной поддержки гражданам в обеспечении жильем и оплате жилищно-коммунальных услуг». Программа включает в себя предоставление молодым семьям социальных выплат на приобретение жилого помещения или создание объекта индивидуального жилищного строительства<sup>1</sup>. Молодым семьям также доступна программа «Дальневосточная ипотека», например, в период с 01.12.2019 по 31.12.2030 включительно при соблюдении определенных условий молодые семьи могут получить кредит, в частности, под 2% годовых на приобретение или строительство жилья на территории Дальневосточного федерального округа<sup>2</sup>.

Также необходимо отметить, что большое количество дел в судах относится к категории о расторжении брака и разделе имущества супругов. Если говорить о сложности рассмотрения и разрешения данных дел, то здесь стоит сказать о некоторых нюансах, связанных с экономической и социальной обстановкой в стране, новых программах и льготах, предоставленных молодым семьям.

В соответствии с п. 1 ст. 34 Семейного кодекса РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, а общим имуществом супругов, помимо перечисленных в статье, является любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства<sup>3</sup>. При этом ст. 39 СК РФ устанавливает, что при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе доли супругов признаются равными. Следовательно, возникает вопрос: как делить средства государственных жилищных программ, предоставляемых молодым семьям.

Так, в определении Верховного Суда РФ от 07.08.2018 № 46-КГ18–30<sup>4</sup> во время брака супруги, а также их сын получили по федеральной целевой программе «Жилище» социальную выплату на приобретение жилья, на эти деньги купили

<sup>1</sup> Постановление Правительства РФ от 17.12.2010 № 1050 (ред. от 26.01.2023) «О реализации отдельных мероприятий государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2023).

<sup>2</sup> Постановление Правительства РФ от 07.12.2019 № 1609 (ред. от 09.09.2023) «Об утверждении условий программы «Дальневосточная ипотека», Правил предоставления субсидий из федерального бюджета акционерному обществу «ДОМ.РФ» в виде вкладов в имущество акционерного общества «ДОМ.РФ», не увеличивающих его уставный капитал, для возмещения российским кредитным организациям и иным организациям недополученных доходов по жилищным (ипотечным) кредитам, предоставленным гражданам Российской Федерации на приобретение или строительство жилых помещений на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 02.09.2015 № 1713-р» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2023).

<sup>3</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. 2007. 21 октября.

<sup>4</sup> Определение Верховного Суда РФ от 07.08.2018 № 46-КГ18–30 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2023).

земельный участок и начали строить на нем дом. После расторжения брака супруги решили разделить имущество. Верховный Суд РФ разъяснил, что не всё имущество супругов относится к общему и после развода делится пополам. Выплаты по целевым программам, например средства материнского капитала и пособия для приобретения жилья, считаются собственностью всей семьи, включая детей. Поэтому недвижимость, купленная с использованием таких средств, при разводе супругов делится на всех членов семьи.

В силу п. 3 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» документом, подтверждающим право на дополнительные меры государственной поддержки, является государственный сертификат на материнский (семейный) капитал. Таким образом, можно сделать вывод о том, что материнский капитал — это форма государственной поддержки российских семей, имеющих детей. Предоставляется данная форма поддержки Правительством РФ. Возвращаясь к вопросу о разделе имущества и возможности отнесения материнского капитала к совместной собственности супругов, следует изучить судебную практику.

В 2014–2015 гг. суды исходили из того, что данное имущество следует признать совместным нажитым имуществом супругов, а следовательно, делиться оно должно в размере по  $\frac{1}{2}$  каждому из супругов.

Однако в определении Верховного Суда РФ от 26.01.2016 № 18 КГ15–224<sup>1</sup> из обстоятельств дела следует, что супруги, находясь в браке, осуществляли строительство дома на денежные средства, полученные в качестве материнского капитала. Указанный объект недвижимости супруги просили разделить между ними в равных долях. Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что строительство спорного объекта производилось во время брака, имущество является совместно нажитым, а поскольку дом не достроен и не введен в эксплуатацию, то доли детей не могут быть определены. Верховный Суд РФ указал, что средства материнского капитала не являются совместно нажитым имуществом супругов и не могут быть разделены между ними в равных долях.

Также, изучив кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 19.04.2023 № 1-КАД23–2-К3, следует, средства материнского (семейного) капитала имеют определенное целевое назначение, в связи с чем не являются совместно нажитым имуществом супругов и не могут быть разделены между ними<sup>2</sup>.

Таким образом, следует и отметить, что возникающие у судов сомнения по поводу разделения имущества, приобретенного за счет средств государственной поддержки жильем молодых семей, остались позади.

<sup>1</sup> Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2016 № 18 КГ15–22 // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 28.09.2023).

<sup>2</sup> Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 19.04.2023 № 1-КАД23–2-К3 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.09.2023).

### Некоторые вопросы снижения размера алиментов, установленных соглашением: теория и практика

**Аннотация.** В статье анализируется правоприменительная практика по вопросу изменения алиментного соглашения и уменьшения размера алиментов, выявляется неоднозначность восприятия судами доказательств, предлагается возможный критерий для оценки существенности изменения материального или семейного положения.

**Ключевые слова:** алиментные обязательства, соглашение об уплате алиментов, снижение размера алиментов, материальное и семейное положение.

На современном этапе развития семейного права оно становится всё более открытым для диспозитивного регулирования. Одним из таких проявлений такой тенденции является широкое распространение практики заключения соглашения об уплате алиментов.

В юридической науке существуют различные подходы к определению правовой природы данного института. Некоторые исследователи указывают на его гражданско-правовую природу, ссылаясь на сходные требования к содержанию отдельных гражданско-правовых договоров и алиментного соглашения<sup>1</sup>, а также на указание в самом Семейном кодексе РФ на то, что к его заключению, исполнению, расторжению и признанию недействительным применяются нормы Гражданского кодекса РФ, касающиеся гражданско-правовых сделок<sup>2</sup>, в частности, ст. 451, устанавливающая существенное изменение обстоятельств как основание для изменения или расторжения договора. Другие авторы указывают на семейно-правовую природу алиментного соглашения<sup>3</sup>. Однако суды пока однозначно определяют его как гражданско-правовой договор.

Порядок изменения соглашения об уплате алиментов устанавливается п. 4 ст. 101 Семейного кодекса РФ, согласно которому заинтересованная сторона вправе обратиться в суд с требованием о таком изменении. При этом доказыванию подлежат следующие факты:

---

<sup>1</sup> См., например: Гончаренко Е. В. Соглашения об уплате алиментов: правовая природа, соотношение с иными договорами // Семейное и жилищное право. 2006. № 3 ; Антокольская М. В. Семейное право : учебник. М. : Юрист, 2002.

<sup>2</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // Российская газета, № 17, 27.01.1996.

<sup>3</sup> См., например: Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования : монография М. : Статут, 2018 ; Титаренко Е. П. Правовая природа семейного соглашения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2009. № 13.



- существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении соглашения (изменение материального или семейного положения);
- принятие истцом надлежащих мер по урегулированию спора в досудебном порядке.

Второй факт доказать относительно легко. Как правило, к исковому заявлению в качестве приложений прикрепляют предложение о досудебном урегулировании (предложение о внесении изменений в соглашение об уплате алиментов) и документы о направлении этого предложения. Также прикрепляются доказательства отказа второй стороны от предложения при их наличии. В таком случае суды обычно считают, что досудебный порядок урегулирования спора истцом соблюден.

Сложности появляются при доказывании существенности изменения материального или семейного положения. Возникает вопрос: где же проходит та тонкая грань между существенным и несущественным изменением?

Верховный Суд РФ еще в 2017 г. сделал попытку прекратить разногласия и разъяснить, как понимать данный критерий: «материальное или семейное положение должно измениться настолько, что в случае, если бы такое положение имело место на момент заключения соглашения, оно не было бы заключено в связи с нарушением интересов любой из сторон соглашения, либо стороны заключили его на значительно отличающихся условиях»<sup>1</sup>. То есть простого факта снижения заработной платы или рождения еще одного ребенка недостаточно для снижения размера алиментов.

Данный тезис подтверждается правоприменительной практикой. Например, в деле, рассмотренном в 2023 г. одним из городских судов Московской области<sup>2</sup>, истец обосновал необходимость снижения размера алиментов следующим:

1. с момента заключения алиментного соглашения его доход уменьшился ввиду ликвидации юридических лиц, где он являлся учредителем;
2. для выплаты алиментов по соглашению истцу пришлось взять на себя кредитные обязательства;
3. истец выплачивает алименты на второго несовершеннолетнего ребенка, сумма которых в 5 раз меньше суммы алиментов на первенца;
4. сумма алиментов не соответствует потребностям ребенка, ответчик уклоняется от предоставления документального отчета о расходах.

Однако в итоге суд считает, что «материальное положение истца существенно не изменилось, сведения о снижении доходов опровергаются представленными ответами на судебные запросы из налогового органа, АО «Альфа-Банк», согласно

<sup>1</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Российская газета. № 297. 29.12.2017.

<sup>2</sup> Решение Красногорского городского суда Московской области от 11.04.2023 по делу № 1851/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

которым истец имеет стабильный доход, который позволяет выплачивать алименты в установленном соглашением размере»<sup>1</sup>.

Однако в практике имеются случаи отказа в снижении размера алиментов, очевидно нарушающие интересы плательщика. Остановимся на некоторых из них. Например, первая инстанция отказала в удовлетворении иска несмотря на то, что после заключения алиментного соглашения плательщик получил трудовое увечье, у него была установлена инвалидность бессрочно и степень утраты профессиональной трудоспособности 60%<sup>2</sup>. В другом апелляционном определении Московского городского суда было отражено, что в алиментном соглашении была установлена обязательная индексация размера алиментов с увеличением курса доллара США по отношению к российскому рублю ЦБ РФ, при этом, когда курс доллара увеличился более чем в 2,5 раза, а уровень дохода снизился в 3,5 раза и появились еще двое детей на иждивении, плательщик обратился в суд с просьбой снизить размер алиментов. Районный суд не посчитал данные доводы убедительными, однако апелляционная инстанция оценила изменение материального и семейного положения истца как существенное и удовлетворило апелляционную жалобу<sup>3</sup>. В обоих случаях, несмотря на то, что акты впоследствии были отменены вышестоящей инстанцией и баланс интересов сторон алиментного соглашения был восстановлен, суды первой инстанции допустили существенные ошибки в применении норм материального права, что повлекло очевидное несоответствие их выводов обстоятельствам дела.

Однако иски плательщика алиментов могут быть направлены не только на снижение непосредственно суммы платежа, но и на уменьшение алиментов посредством изменения формы их уплаты. Например, в одном из дел<sup>4</sup> отец просил изменить способ взыскания алиментов с твердой денежной суммы, определенной соглашением сторон, на взыскание в размере  $\frac{1}{4}$  от всех видов доходов. В обоснование требований указал, что вынужден был согласиться на перевод на более низкооплачиваемую должность, так как для него в силу возраста найти работу затруднительно. Суд установил, что доход истца существенно снизился в силу объективных причин. Также на решение повлияло наличие у отца ипотеки, по которой он совершает ежемесячный платеж в счет погашения кредита, и отсутствие иного жилья, кроме того, которое приобретено в ипотеку. Этих доказательств хватило, чтобы суд принял решение об изменении размера алиментов. Главным аргументом, по нашему мнению, здесь послужил возраст истца (полагаем, что имел место предпенсионный или пенсионный возраст, который затрудняет поиск работы). Во

<sup>1</sup> Решение Красногорского городского суда Московской области от 11.04.2023 по делу № 1851/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Апелляционное определение Амурского областного суда от 28.04.2021 по делу № 33АП-1567/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Апелляционное определение Московского городского суда от 10.06.2020 по делу № 2–5527/ СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> Решение Бутырского районного суда города Москвы от 21.02.2023 по делу № 2–97 // СПС «КонсультантПлюс».

многих аналогичных ситуациях отказывая в удовлетворении иска суд ссылается именно на трудоспособный возраст плательщика и отсутствие у него каких-либо проблем со здоровьем, которые помешали бы ему осуществлять трудовую деятельность и продолжать уплату алиментов в прежнем размере.

Подводя итоги, можно утверждать, что ключевым при разрешении спора о снижении установленного соглашением размера алиментов является корректный ответ на вопрос: будет ли выплата алиментов в прежнем объеме при настоящем материальном и семейном положении плательщика обременительна для него? Чтобы дать такой ответ, необходимо учесть все обстоятельства во взаимосвязи, исследовать реальное материальное положение плательщика вне зависимости от изменения уровня дохода из одного источника. При этом важно соблюсти баланс в интересах несовершеннолетнего ребенка и алиментобязанного лица: выплата алиментов в прежнем объеме не должна ставить плательщика в кабальное положение, то есть такое, при котором он растратил весь накопленный капитал и вынужден брать на себя долговые обязательства, заведомо невыполнимые без существенного нарушения его интересов. Считаем, что следование данному критерию позволит максимально соблюсти баланс интересов родителей и детей.

**Гриджина А. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Правовое регулирование права женщин на аборт: становление и развитие в России**

**Аннотация.** Статья посвящена исследованию законодательного регулирования права женщин на искусственное прерывание беременности: с дореволюционной эпохи по настоящее время. В работе рассмотрены актуальные законодательные инициативы, а также представлено сравнение в этой сфере законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь.

**Ключевые слова:** аборт, искусственное прерывание беременности, правовое регулирование абортов, законодательство.

Отношение к искусственному прерыванию беременности постоянно изменялось в течение разных этапов развития человечества. В религиозных учениях сформировалось отрицательное отношение к умышленному прерыванию беременности, как к убийству человека<sup>1</sup>. На протяжении долгого времени религия играла важную роль в жизни каждого человека. В связи с этим законодатели закрепляли

---

<sup>1</sup> Гецманова И. В. Правовое регулирование искусственного прерывания беременности и ответственности за незаконное производство аборта: история, проблемы, перспективы // Медицинское право. 2016. № 5. С. 31–35.

нормы о запрете права на осуществление аборта. В настоящее время вопрос законодательного регулирования аборта однозначно не решен в мировом пространстве, поскольку на первый план выходит вопрос о сохранении жизни человека, что непосредственно связано с моральными и этическими проблемами в обществе.

В дореволюционный период в истории России преобладало правовое регулирование, устанавливающее запрет на совершение умышленного искусственного прерывания беременности<sup>1</sup>. Несмотря на некоторое смягчение государственного курса с течением времени, оставался запрет данной процедуры. Меры наказания, предусмотренные за совершение данного деяния, предусматривались как для беременной девушки, так и для врачей, акушеров, которые принимали содействие в этой процедуре<sup>2</sup>.

В постреволюционный период был изменен законодательный подход к регулированию аборт. Это связано с изменением курса государственного управления, направленного на установление светского государства. Было установлено, что вопрос закрепления права на искусственное прерывание беременности должен находиться в «сфере нравственного, а не государственного регулирования»<sup>3</sup>. Несмотря на смену курса по возможности проведения аборт из-за снижения рождаемости и ухудшения демографической обстановки в стране, полный запрет снова не удалось ввести, поскольку искусственное прерывание беременности стало считаться обычной медицинской процедурой. Соответственно, период в России до начала перестройки характеризовался изменчивым в отношении закрепления правового института аборта.

В середине 1985-х начался курс либерализации во всех сферах жизни общества, что также затронуло область регулирования искусственного прерывания беременности. В этот период на законодательном уровне был увеличен срок проведения аборта до 28 недель, были расширены немедицинские показания к искусственному прерыванию беременности: «смерть мужа во время беременности; пребывание женщины или ее мужа в местах лишения свободы; лишение прав материнства; многодетность (число детей свыше 5); развод во время беременности; беременность после изнасилования; инвалидность у ребенка»<sup>4</sup>. Нововведения указывали на либерализацию курса в сфере семейного права.

Распад Советского Союза в 1991 г. повлек за собой изменения в социальной и политической сферах, что также способствовало развитию в области медицины

---

<sup>1</sup> Дядюн К. В. История регламентации уголовной ответственности за преступные посягательства, связанные с репродуктивными аспектами // ОБЩЕСТВО И ПРАВО. 2013. № 4 (46). С. 108–115.

<sup>2</sup> Данилова С. И. Об искусственном прерывании беременности // СПС «Консультант-Плюс». 2022.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Приказ Министерства здравоохранения СССР от 31.12.1987 № 1342 «Об утверждении Инструкции о порядке разрешения операции искусственного прерывания беременности по немедицинским показаниям» // СПС «КонсультантПлюс».

и общественной жизни. Так, в 1993 г. в связи с принятием нового закона было провозглашено, что «каждая женщина имеет право самостоятельно решать вопрос о материнстве»<sup>1</sup>. Правительством также был утвержден закрытый перечень, закрепляющий социальные показания для аборта, который изначально состоял из 13 пунктов<sup>2</sup>, а после был сокращен до 4: наличие решения суда о лишении родительских прав, беременность, наступившая в результате изнасилования, отбывание наказания женщиной в тюрьме, наличие инвалидности 1–2 группы у мужа<sup>3</sup>. В связи с этим были представлены широкие возможности для реализации права на искусственное прерывание беременности.

Следующим шагом на пути законодательного регулирования стало принятие нового закона, закрепляющего основы по искусственному прерыванию беременности<sup>4</sup>. Там впервые в российской практике закрепилось положение о том, что для проведения аборта женщине необходимо представить информированное добровольное согласие, форма которого законодательно установлена<sup>5</sup>. В данном документе отмечается, что женщина уведомлена о сроке обращения и возможных последствиях процедуры. Подписание согласия пациенткой снижает возможность возникновения споров по вопросу законности проведения процедуры. Помимо этого, были установлены список медицинских показаний для проведения аборта и социальное показание, которым в настоящее время является только беременность, произошедшая в результате изнасилования<sup>6</sup>.

В последнее время в России появляется много законодательных инициатив, направленных на ограничение количества аборт<sup>7</sup>. Так, были высказаны предложения о том, чтобы ввести дополнительные меры поддержки беременным женщинам, которые добровольно отказались от совершения аборт<sup>7</sup>, или ограничить финансирование аборт<sup>7</sup>. Несмотря на то что данные законопроекты были отклонены, различные инициативы по данным вопросам постоянно появляются. Так, в июле

<sup>1</sup> Ст. 36 «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан» (утв. ВС РФ 22.07.1993 № 5487–1) // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Постановление Правительства РФ от 08.05.1996 № 567 «Об утверждении Перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Постановление Правительства РФ от 11.08.2003 № 485 «О перечне социальных показаний для искусственного прерывания беременности» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>5</sup> Приказ Минздрава России от 07.04.2016 № 216н «Об утверждении формы информированного добровольного согласия на проведение искусственного прерывания беременности по желанию женщины» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>6</sup> Постановление Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>7</sup> Киселева А., Майер А. Вице-спикер Госдумы Кузнецова предложила губернаторам не выдавать частным клиникам лицензии на аборт<sup>7</sup>. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/06/29/982852-vitse-spiker-gosdumi-predlozila-gubernatoram-ne-vidavat-chastnim-klinikam-litsenzii-na-aborti?ysclid=ln045j4z3d852852303> (дата обращения: 25.09.2023).

2023 г. министр здравоохранения РФ, М. Мурашко, заявил, что разработан проект приказа о введении предметно-количественного учета медицинских препаратов для прерывания беременности<sup>1</sup>.

На сегодняшний день вопрос об искусственном прерывании беременности продолжает оставаться спорным во многих государствах<sup>2</sup>. При этом возникают закономерные вопросы о том, с какого момента начинается определение правового статуса эмбриона: с момента зачатия или рождения ребенка. В юридической сфере также нет единого мнения в данном вопросе, поскольку существуют разногласия по поводу того является ли эмбрион самостоятельным организмом, которого можно признавать как субъекта права, или его необходимо считать как часть организма матери, который неотделим от нее<sup>3</sup>. Так, заслуживает внимания решение ЕСПЧ<sup>4</sup>, по которому было установлено, что вопрос о возникновении права на жизнь разрешается в национальном законодательстве. Вывод базируется на основании того, что «нет общего европейского консенсуса относительно научного или правового определения начала жизни»<sup>5</sup>.

В целях проведения анализа актуальности законодательства России в этой теме следует обратиться к регулированию в других странах. Сходное правовое регулирование по вопросу искусственного прерывания беременности можно встретить в Республике Беларусь. Можно отметить такие общие положения, как срок прерывания беременности, составляющий по общему правилу не более 12 недель, определение социальных и медицинских показаний, при наличии которых аборт может быть произведен безотносительно от срока беременности<sup>6</sup>. Но в белорусском законодательстве не отмечены положения, устанавливающие не ранее какого срока, после обращения женщины проводится искусственное прерывание беременности: не ранее 48 часов или не ранее 7 дней со времени обращения в медицинскую организацию. Фиксация этих сроков позволяет женщине обдумать свое решение, что способствует уменьшению принятия поспешных решений. Другим отличием являются разные перечни социальных показаний для беременности. В России таким

---

<sup>1</sup> Ларина А. Минздрав разработал проект по учету препаратов для абортов в аптеках. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6110685?ysclid=ln01xjv88m655607715> (дата обращения: 25.09.2023).

<sup>2</sup> Шатилина А. С. Конституционно-правовое измерение репродуктивного здоровья: terra incognita? // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 51–57 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Еремеева О. И., Сайфуллина Н. А. К вопросу о понятии и правовом положении эмбриона человека // Международный научный журнал «Инновационная наука». № 3/2016. С. 40–44.

<sup>4</sup> Решение ЕСПЧ от 08.07.2004 по делу «Vo против Франции» по жалобе № 53924/00. URL: <https://www.conventions.ru/int/8918/> (дата обращения: 25.09.2023).

<sup>5</sup> Василевич Д. Г. законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации об искусственном прерывании беременности (абортах) как средство предотвращения депопуляции населения. Вестник Московского университета МВД России № 6/2018. С. 222–227.

<sup>6</sup> Ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» // СПС «КонсультантПлюс».

показанием является беременность, наступившая в результате изнасилования<sup>1</sup>. В то время как в Беларуси помимо вышеуказанного показания является решение суда о лишении родительских прав<sup>2</sup>. Соответственно, Россия и Беларусь имеют некоторые сходные черты в регулировании института аборта, в том числе и установлении ответственности за незаконное проведение процедуры.

Таким образом, аборт продолжают оставаться одной из актуальных проблем в России. Снижение рождаемости, рост смертности приводит к сложной демографической обстановке, что, в свою очередь, способствует возникновению законодательных инициатив, направленных на ограничение аборта, как на один из негативных факторов. Несмотря на постоянный «поток» предложений, практически все они остаются в статусе инициатив. Это может быть связано со сложностью регулирования, поскольку здесь затронуты этические аспекты, нормы семейного и медицинского прав. Кроме того, запреты на проведение абортов могут привести и к отказу от детей, росту подпольной медицины, что будет негативно влиять на здоровье беременной женщины.

**Джафарова А. Г.**

Тюменский государственный университет  
Студент

### **Правовая система защиты родительских прав и интересов после расторжения брака**

**Аннотация.** В статье исследуются проблемы правового регулирования отношений между раздельно проживающими родителями, которые могут непосредственно влиять на нормальное психологическое и физическое здоровье ребенка. В дальнейшем предлагаются пути решения для преодоления имеющихся коллизий и пробелов в самом законодательстве и судебной практике.

**Ключевые слова:** родительские права, интересы детей, отдельно проживающий родитель, алиментные обязательства, защита семейных прав.

На сегодняшний день одним из наиболее приоритетных направлений социальной политики государства является защита самой семьи ее прилегающих ценностей, детства, которые, в свою очередь, формируют последующий российский социум. Государство оказывает помощь родителям в осуществлении воспитания несовершеннолетних посредством реализации социальных программ, денежного стиму-

<sup>1</sup> Постановление Правительства РФ от 06.02.2012 № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23.10.2008 № 1580 «Об установлении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности и признании утратившим силу постановления Совета Министров Республики Беларусь от 05.07.2002 № 902» // СПС «КонсультантПлюс».

лирования, выдачей продуктов питания для нормального развития детей и иной помощи, которую можно воспроизвести для полной поддержки молодых семей.

Тем не менее за последние годы в России значительно вырос показатель бракоразводных процессов. По данным Единой Межведомственной информационно-статистической системы в 2021 г. произошло 82 679 разводов, а в 2022–127 250, на 2023 пока приходится 46 101 развод, что является достаточно значительным фактором риска изменения в сторону увеличения<sup>1</sup>.

Особенно данное явление опасно для детей, так как может нанести им психологическую травму, воспроизвести «заторможение» развития и обучаемости, но в некоем плане могут пострадать и бывшие супруги, так как суд определит место проживания с одним из родителей. В последующем на практике это приводит к неожиданным последствиям в дальнейшем, так как супруги начинают делить ребенка или детей между собой, конкурируя за его внимание и любовь, но имеются и иные случаи, когда бывшие партнеры стремятся насолить друг другу через манипуляции ребенком, своим недобросовестным поведением по отношению к другому родителю.

В частности, в России женщины примерно в 60–80% (в зависимости от субъекта Российской Федерации коэффициент может колебаться) случаях являются инициаторами разводов. Помимо того, после бракоразводных процессов суды оставляют несовершеннолетних обычно проживать с матерью (в 94–95% по статистике на 2022 г.), а отцы выплачивают алиментные обязательства на детей, что можно считать ущемлением родительских прав последних. В некоторых случаях родители могут оказывать негативное влияние друг на друга посредством осуществления манипуляций ребенком (встречами с ним, времяпровождением), используя его в качестве инструмента реализации мести, привлечения денежной выгоды и иных причин.

Основные проблемы, встречаемые в судебной практике, фигурируют вокруг таких сфер как:

1. Споры о месте жительства ребенка (в 2022 г. — 32 848 дел).
2. Споры о воспитании детей при отдельном проживании бывших супругов (в 2022 г. — 27 759 дел).
3. Споры о коммуникации с иными родственниками несовершеннолетними (в 2022 г. — 3 268 дел).

В следствии этого предлагаются варианты решения данных проблем:

1. Уравновесить права отцов и матерей на определение жительства несовершеннолетнего. Посредством учета мнения ребенка (если достиг возраста 10 лет, то его воля является решающей, если нет иных решающих обстоятельств по делу, которые установит суд), дохода и материального благополучия бывших супругов. Обязательным фактором проверки должны являться социальный облик и психологическое состояние родителя, его расположение к ребенку. Считаю посредством

---

<sup>1</sup> Демография (Разводы) // Федеральная служба государственной статистики // URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.07.2023).



этих предложений дополнить часть 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации.

2. При добросовестном исполнении алиментных обязательств родителем-алиментоплательщиком имеет право на требование доказательств, что выплаченные им денежные средства пошли на потребности несовершеннолетнего, если имеются основания, что второй родитель злоупотребляет своим положением и тратит на свои нужды (или в пользу третьих лиц) полученные от бывшего супруга алименты, обделяя в значительной степени ребенка (на это могут указывать ухудшение здоровья несовершеннолетнего, состояние замедленного развития, нарушение в психике и иные факторы, которые могут быть установлены в дальнейшем). Данное предложение считаем необходимым включить в часть 3 статьи 66 Семейного кодекса Российской Федерации.

3. В последующем при успешном доказывании факта неудовлетворения алиментополучателем нужд ребенка суд вправе уменьшить денежную сумму алиментов или же определить место жительства ребенка с добросовестным родителем и обязать раннего алиментополучателя на выплату алиментов (по усмотрению суда они могут быть увеличены), и излишних денежных расходов (которые понес второй родитель на потребности ребенка, но они не были реализованы должным образом). Считаем необходимым внести поправку как часть 3 статьи 81 Семейного кодекса Российской Федерации.

4. При возникновении манипуляций ребенком при совместном времяпровождении по утвержденному расписанию встреч (родитель порочит личность бывшего супруга), второй родитель после доказывания данного факта (например, после работы с психологом или педагогом несовершеннолетнего) может сократить время встреч ребенка с бывшим партнером в судебном порядке и утвердить новое расписание свиданий. Считаем необходимым внести предложение в часть 2 статьи 66 Семейного кодекса Российской Федерации.

Посредством качественного изменения законодательства имеется возможность улучшить положение как детей, так и родителей, создав механизм защиты прав добросовестных супругов после развода. Таким образом, через право Российская Федерация сможет в большем качестве защищать семейные ценности и детство, которые определяют моральное и физическое здоровье всей нации, ее будущее и ориентиры.

**Литвин А. С.**

Московская академия Следственного комитета РФ  
Студент

### **Некоторые аспекты правовой ответственности за невыполнение алиментных обязательств**

**Аннотация.** В статье рассматривается вопрос юридической ответственности за неуплату или несвоевременную уплату алиментов. Автор рассматривает меры

ответственности за неисполнение алиментных обязательств с точки зрения разных отраслей права. Говорится об интеграции и взаимном дополнении норм частного и публичного права об ответственности за невыполнение алиментных обязательств. Автор статьи делает акцент на семейно-правовой и уголовно-правовой ответственности, предлагает внести изменения в Уголовный кодекс РФ в части самостоятельности состава преступления.

**Ключевые слова:** алименты, семейно-правовая ответственность, частное и публичное право, ответственность, административная преюдиция.

Конституция Российской Федерации (далее — Конституция РФ) закрепляет положение о том, что семья находится под защитой государства, что говорит о семье, как о государственной ценности. В связи с этим Семейный кодекс Российской Федерации, соответствуя положениям Конституции, содержит идентичную норму и раскрывает ее смысл, указывая, что целью семейного законодательства является укрепление семьи, а взаимная любовь и уважение выступают основой построения семьи. Думается, что положения СК РФ имеют своей целью сохранение семьи. Нормы СК РФ о том, что родители обязаны заботиться о своих несовершеннолетних детях, а дети — о нетрудоспособных родителях корреспондирует с положениями Конституции РФ. В какой-то степени уплата алиментов обеспечивает соблюдение данных положений законодательства, а также выступает мерой ответственности за недолжное отношение к построению семьи.

Сегодня практически каждая отрасль российского права предусматривает меру ответственности за нарушения правовых норм, содержащихся в источниках данной отрасли. Специфика мер ответственности зависит от того, к частному или публичному праву относится данная отрасль, однако встречаются такие правонарушения, ответственность за совершение которых предусмотрена различными отраслями права, причем зачастую как частного, так и публичного. Думается, что такое многообразие мер ответственности обусловлено отношением правонарушителя к своим действиям, а также размером ущерба, нанесенного правонарушением. Говоря об ответственности за неуплату алиментов, отметим, что она предусмотрена как отраслями публичного права (административное, уголовное), так и частноправовыми отраслями (семейным, гражданским). Причем, на наш взгляд, публичное в семейном праве как раз и выражено интеграцией вопросов семейно-правовых отношений в публичные отрасли права.

Вопрос самостоятельности семейно-правовой ответственности стоит достаточно остро в науке, например, С. П. Гришаев утверждает, что семейно-правовая ответственность в чистом виде не применяется, и за нарушение семейно-правовых отношений наступает гражданская, административная, уголовная ответственность<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Цит. по: Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовая ответственность и ограничение семейных прав // Журнал российского права. 2014. № 2 (206). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynopravovaya-otvetstvennost-i-ogranichenie-semeynyh-prav> (дата обращения: 23.09.2023).

Однако с данным тезисом можно не согласиться, так как семейное право является самостоятельной отраслью права, имеет свой предмет регулирования и описывает вполне четкие правовые последствия за нарушения семейного законодательства. Так, СК РФ предусматривает два вида ответственности за несвоевременную уплату алиментов: ответственность, предусмотренная соглашением об уплате алиментов, и неустойка, если лицо было обязано уплачивать алименты по решению суда. Характер семейно-правовой ответственности носит частный характер. Семейное право при регулировании данного вида правоотношений использует деликтный метод регулирования, который обозначает, что пока лицо не взыскало алименты и не акцентировало внимание на несвоевременности их уплаты, ответственность за такое правонарушение не наступит. Таким образом, семейно-правовая ответственность применяется только к субъектам семейных правоотношений; может носить законный или договорный характер; наступление семейно-правовой ответственности за несвоевременную уплату алиментов связано с волеизъявлением заинтересованного лица. В СК РФ отсутствует такой вид ответственности за несвоевременную уплату алиментов, как компенсация морального вреда, что является преградой для оказания на виновное лицо воспитательного воздействия. Данный факт является упущением, однако неустойка и правовые последствия, описанные в соглашении об уплате алиментов, могут также оказать, по нашему мнению, воспитательное воздействие на виновное лицо.

Иные меры ответственности, интегрируемые в семейное право из других отраслей российского права, не исключают, а выступают дополнением друг к другу, например, гражданско-правовая ответственность носит исключительно имущественный характер и направлена на восстановление существующего до нарушения права имущественного положения потерпевшего. Меры административно-правовой и уголовно-правовой ответственности, по нашему мнению, применяются в случае, если описанные выше меры ответственности не оказали должного влияния на виновное лицо. Уголовная ответственность, разумеется, является наиболее строгой, направлена на общественное порицание виновного лица, его исправление и предупреждение подобных деяний в будущем.

В уголовном праве отношения, связанные с неуплатой алиментов, регулирует ст. 157 Уголовного кодекса РФ. Алименты в уголовном праве именуется как «средства на содержание». Условия возникновения алиментных обязательств соответствуют условиям, содержащимся в СК РФ. Важно отметить, что уголовная ответственность за неуплату алиментов наступает только в случае неоднократности совершения деяния. Примечание к ст. 157 УК РФ регламентирует, что неоднократностью считается совершение деяния в период, который составляет 1 год, когда лицо подвергнуто административному наказанию. Таким образом, имеет место административная преюдиция, которая является криминообразующим признаком. Субъективная сторона такого состава преступления характеризуется прямым умыслом, так как неуплата средств на содержание выражается, в том числе в прямом отказе от уплаты алиментов. Отметим, что до 2016 г. по ст. 157 уголовная ответственность наступала за злостное

уклонение от уплаты алиментов. Оценочное понятие «злостное» доставляло трудности при судебном толковании, однако, по нашему мнению, отражало общественную опасность деяния, говорило о систематичности нарушения. Более того, ранее состав преступления, закрепленный в ст. 157 УК РФ носил самостоятельный характер и не был связан с административной преюдицией. Применение ст. 157 имеет своей целью восстановление прав заинтересованного лица, а не реализацию целей наказания. Отметим, что до 2011 г. санкция ст. 157 УК РФ содержала такие виды наказания как: обязательные и исправительные работы, арест, сегодня статья содержит такие виды наказания, как лишение свободы, исправительные и принудительные работы, арест. То есть произошла пенализация, потому как в норму добавлены более строгие виды наказания (лишение свободы), при этом данный состав преступления претерпел процесс декриминализации, поскольку утратил свою самостоятельность.

Таким образом, ответственность за неуплату или несвоевременную уплату алиментов регламентируется отраслями права, как частными, так и публичными. При этом данное правонарушение берет начало из семейного права, а в случае, если нормы семейного права не могут в должной мере исправить виновного, то применяются нормы административного и уголовного права. Состав преступления, описанный в ст. 157 УК РФ, относится к делам публичного обвинения, то есть заявления потерпевшего для возбуждения уголовного дела не требуется, хотя в семейном праве ответственность за несвоевременную уплату алиментов наступает только при наличии волеизъявления заинтересованного лица<sup>1</sup>. Таким образом, происходит пересечение частных и публичных интересов.

Появившаяся с 2016 г. в уголовном законе административная преюдиция создает сложности следователю при работе с данным составом преступления, так как ему необходимо, помимо сбора доказательств традиционных, установить, исполнено ли постановление о назначении административного наказания, не истек ли год со дня окончания исполнения такого постановления и др.<sup>2</sup>. На наш взгляд, целесообразно сделать данный состав преступления самостоятельным для упрощения работы с ним, сохранив наименование, существующее до 2016 г.: «Злостное уклонение от уплаты алиментов». Для наиболее точного понимания, что подразумевать под словом «злостное», разъяснить значение данного понятия и толковать его как неоднократный отказ от уплаты алиментов без указания на годичный срок исполнения постановления о назначении административного наказания, поскольку отсутствие конкретного срока, в который должно совершиться

---

<sup>1</sup> Подробнее об этом см. Фиошин А. В. Оценочные понятия семейного права сквозь призму гармонизации частных и публичных интересов // Гармонизация частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Научная школа доктора юридических наук, профессора, почетного работника сферы образования РФ О. Ю. Ильиной : монография. М. : Юнити-Дана: Закон и право, 2023. С. 308–318.

<sup>2</sup> Ермолович Я. Н. Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в контексте последних изменений уголовного законодательства (ст. 157 УК РФ) // Военное право. 2022. № 3 (73). С. 178–185. EDN NHRXMM.

преступление, так же говорит о том, что лицо не исправилось и должно претерпеть уголовно-правовые последствия.

**Магомедов М. Р.**

РУДН

Аспирант

### **Вопросы нормативного регулирования наследственных отношений в случае недействительности брака**

**Аннотация.** В статье анализируются последствия признания брака недействительным для добросовестных супругов по наследственному праву. Даются предложения по изменению действующего Гражданского кодекса с целью признания за пережившим добросовестным супругом права быть наследником по закону первой очереди.

**Ключевые слова:** брак, признание брака недействительным, правовые последствия, добросовестный супруг, право, наследование.

Глава 5 Семейного кодекса РФ состоит из четырех статей (ст. 27–30), которые в настоящее время посвящены институту недействительности брака.

Согласно действующему российскому законодательству, признание брака недействительным может быть произведено только в судебном порядке по заявлению уполномоченного лица.

Статья 30 Семейного кодекса Российской Федерации<sup>1</sup> регулирует семейно-правовые последствия недействительности брака. Как правило, недействительный брак не порождает у бывших супругов прав и обязанностей, предусмотренных Семейным кодексом<sup>2</sup>.

Однако признание брака недействительным имеет значение не только в семейных, но и в наследственных отношениях, поскольку является основанием для лишения пережившего супруга, являющегося законным наследником, не только наследственных прав в соответствии с наследственным договором или совместным завещанием супругов, но и наследственных прав после умершего супруга.

В отличие от расторжения брака, которое является основанием для прекращения брачного правоотношения на будущее время, признание брака недействительным свидетельствует об его аннулировании, а брачное правоотношение считается никогда не существовавшим.

Таким образом, правовым последствием признания брака недействительным является исключение будущих наследственных прав супругов. Правовым послед-

---

<sup>1</sup> Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. 1996. № 17.

<sup>2</sup> Ибрагимова Н. Ш., Магомедмерзоев Х. М. Некоторые аспекты признания брака недействительным // Закон и право. 2022. № 7. С. 98–99.

ствием признания брака недействительным является также отстранение наследодателя и лиц, состоящих в браке с наследодателем, от наследования в первую очередь. Такое исключение происходит с момента вступления в законную силу решения суда о признании брака недействительным, в том числе и в случаях, когда указанный судебный акт вступает в законную силу после открытия наследства.

В то же время мы считаем, что вопрос о защите интересов добросовестных супругов в таких случаях остается нерешенным.

В пункте 4 ст. 30 Семейного кодекса РФ законодатель указывает, что, за исключением общих положений, содержащихся в п. 1 ст. 30 СК РФ, суды могут в интересах добросовестного супруга осуществить некоторые права, вытекающие из брака, а именно: право на получение алиментов от другого супруга, раздел совместно нажитого имущества до признания брака недействительным. Следует отметить, что суд ввел в действие положения, допускающие право на применение положений, установленных статьями 34, 38 и 39 СК РФ, в следующих случаях: право на сохранение права на признание действительности брачного договора полностью или в части.

В качестве исключения из общего правила о семейно-правовых последствиях недействительности брака в п. 5 ст. 30 Семейного кодекса РФ указано, что добросовестный супруг имеет право на сохранение фамилии, избранной им в период брака.

Однако, поскольку право добросовестного супруга претендовать на наследство в данном перечне не упоминается, можно сказать, что добросовестный супруг теряет свои наследственные права по закону в случае расторжения брака.

Такое решение не является оптимальным, поскольку противоречит основополагающим принципам семейного права — справедливости и разумности.

Обычно о недействительности брака заявляют наследники умершего, а не сам супруг.

В подавляющем большинстве таких дел истцами являются дети других супругов наследодателя. Причем они обращаются в суд после смерти своих родителей, даже если о причинах недействительности брака им было известно еще при жизни родителей.

Второй супруг, как правило, узнает о препятствиях к установлению брака после смерти своего супруга, когда он уже не может ничего изменить, в том числе и финансовые аспекты брака.

Такая ситуация может возникнуть, например, если суд задолго до заключения брака признал одного из супругов недееспособным и скрыл эту информацию от другого супруга или органа, уполномоченного регистрировать брак, при заключении брачного договора.

Законодатель не предусматривает исключения для случаев, когда доход получает только добросовестный супруг, а другой супруг не работает, но имущество, приобретенное на средства, заработанные добросовестным супругом, зарегистрировано на имя второго супруга.

В то же время другие наследники таких супругов, хотя и знают о наличии оснований для признания брака недействительным и об отсутствии таких сведений у добросовестного супруга, как правило, не предпринимают никаких действий

до смерти наследодателя. Только после смерти наследодателя они обращаются в суд с соответствующими требованиями. Поэтому момент постановки вопроса о действительности брака и причины, препятствующие обращению в суд до смерти наследодателя, представляются важными вопросами, требующими рассмотрения.

В целом в анализируемом случае очевидно, что право добросовестного супруга на наследство было нарушено, и он оказался неправ.

Это подтверждается судебной практикой по анализируемым категориям дел, и в результате проведенного анализа можно отметить наличие судебных решений, предоставляющих добросовестным супругам право совместной собственности на имущество,житое совместно до признания брака недействительным в соответствии с п. 4 ст. 30 Семейного кодекса РФ.

В данном случае суды истолковали существующую правовую норму о том, что добросовестный супруг утрачивает установленные законом наследственные права при расторжении брака буквально и не признали пережившего супруга в признании наследственных прав по делам о расторжении брака.

Это связано с тем, что семейное законодательство признает права добросовестных супругов на супружеские доли, в то время как наследственное законодательство лишает добросовестных супругов наследственных прав как наследников первой степени.

Мы считаем, что данная проблема должна быть решена. Наилучшим способом совершенствования действующего правового регулирования правоотношений, являющихся предметом настоящего исследования, было бы указание на то, что в случае признания брака недействительным после смерти умершего супруга суд вправе признать за пережившим добросовестным супругом права наследников по закону страны первого рождения умершего супруга.

При этом встает вопрос о сбалансированности интересов других наследников умершего и соразмерном учете интересов пережившего его добросовестного супруга. Для достижения этой цели желательно, как правильно отмечается в научной литературе, ограничить право наследования добросовестного супруга возможностью наследования только доли имущества, приобретенного в «недействительном» браке<sup>1</sup>.

**Сбытова Е. А.**

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

### **Особенности распоряжения общим имуществом супругов: теоретический и практический аспекты**

**Аннотация.** Независимо от способов участия супругов в формировании общего имущества каждый из них имеет равные права по владению, пользованию

---

<sup>1</sup> Малкин О. Ю., Смолина Л. А. К вопросу о влиянии прекращения брачных отношений на наследование по закону пережившим супругом // Наследственное право. 2022. № 1. С. 20–24.

и распоряжению им, если иное не установлено брачным договором. Спouses осуществляют правомочия по обоюдному согласию. Вместе с тем установлены особенности осуществления правомочия распоряжения, которые будут рассмотрены в данной статье на основании Семейного кодекса РФ и судебной практики.

**Ключевые слова:** владение, пользование, распоряжение общим супружеским имуществом, общая совместная собственность, согласие супруга.

Согласно п. 2 ст. 35 Семейного кодекса РФ существует презумпция согласия второго супруга при совершении другим супругом сделки по распоряжению общим супружеским имуществом, то есть предполагается, что он действует с согласия другого супруга<sup>1</sup>. Такое положение закона базируется на личных доверительных отношениях между супругами, общности интересов семьи и, с одной стороны, направлено на упрощение совершения сделок с имуществом, принадлежащим супругам на праве совместной собственности, а с другой стороны, обеспечивает интересы добросовестных контрагентов по таким сделкам<sup>2</sup>.

В отличие от правомочий владения и пользования, которые связаны только с «внутренними» правоотношениями супругов, правомочие распоряжения выходит за рамки данных семейных правоотношений и затрагивает также правоотношения супругов или одного из них с третьими лицами. Именно поэтому важно законно распорядиться общим супружеским имуществом, так как иначе отрицательные последствия возникнут не только у супругов, но и контрагентов по сделке, будут нарушены и их интересы.

Что же делать в ситуациях, когда один из супругов выступал против совершения сделки по распоряжению общим имуществом, но сделка все-таки была заключена? Так как согласие супруга является лишь предположением, такая сделка может быть признана судом недействительной. Так, закон устанавливает два условия признания сделки недействительной: 1) в суд должен обратиться супруг, согласие на совершение сделки которого отсутствовало, 2) доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки (абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ).

Следует также отметить, что вышеуказанные нормы действуют в отношении именно сделок по распоряжению общим имуществом, например, сделок купли-продажи, мены, дарения, ренты и др. Довольно часто в суд подают иски с требованием признать договор поручительства недействительным по основанию, указанному в абз. 2 п. 2 ст. 35 СК РФ. Однако судебная практика по данному вопросу единообразна: суды указывают на то, что договор поручительства не является

---

<sup>1</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

<sup>2</sup> Семейное право : учебник для бакалавров / отв. ред. С. О. Лозовская. М. : Проспект, 2014. С. 125.



сделкой по распоряжению общим имуществом супругов, поскольку его предметом является обеспечение обязательств по договору, поэтому действующим законодательством не предусмотрено получение согласия супруга на заключение физическим лицом договора поручительства<sup>1</sup>. Кроме того, согласно выводу ВС РФ презумпция согласия супруга не распространяется на долговые обязательства другого супруга перед третьими лицами<sup>2</sup>.

Также следует учитывать, что для заключения одним из супругов определенных сделок необходимо именно нотариально удостоверенное согласие другого супруга. К числу данных сделок относятся: а) сделки по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, б) сделки, для которых законом установлена обязательная нотариальная форма, в) сделки, подлежащие обязательной государственной регистрации (п. 3 ст. 35 СК РФ). В частности, право собственности на недвижимое имущество, переход права собственности на недвижимость к покупателю по договору продажи недвижимости подлежат государственной регистрации, в связи с чем для продажи одним из супругов совместно нажитого недвижимого имущества требуется нотариально удостоверенное согласие другого супруга (п. 1 ст. 131, п. 1 ст. 551 Гражданского кодекса РФ от 26.01.1996 № 14-ФЗ<sup>3</sup>. Супруг, чье согласие на продажу совместно нажитой недвижимости не было получено, вправе обратиться в суд с иском о признании сделки недействительной в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки (п. 3 ст. 35 СК РФ; п. 1, 2 ст. 173.1 ГК РФ). Если же к моменту отчуждения такого имущества брак между супругами расторгнут, сделка может быть признана судом недействительной по иску бывшего супруга, чье согласие на продажу получено не было. При этом истец обязан доказать недобросовестность поведения покупателя на предмет его осведомленности об отсутствии у бывшего супруга (продавца) полномочий распоряжаться имуществом (п. 2 ст. 173.1, п. 2, 3 ст. 253 ГК РФ).

Также спорные ситуации возникают, когда перед предстоящим расторжением брака один из супругов самостоятельно распоряжается общим имуществом супругов — продает его своим родственникам, чтобы избежать его раздела. В данном случае истец также должен указывать на то, что приобретатель иму-

---

<sup>1</sup> Определение Московского городского суда от 15.07.2010 по делу № 33–21095 // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; определение Московского городского суда от 09.09.2010 по делу № 33–28159 // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс»; определение Санкт-Петербургского городского суда от 24.10.2011 № 33–15838 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>2</sup> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.08.2021 № 5-КГ21–91-К2 // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>3</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

щества был осведомлен о наличии спора между супругами об имуществе и о нежелании истца давать согласие на распоряжение им. Например, в одном из судебных дел Ф. И. О.1 обратился в суд с иском к Ф. И. О.2, Ф. И. О.3 о признании сделки купли-продажи транспортного средства недействительной, указав на то, что 1) договор купли-продажи транспортного средства, заключенный между Ф. И. О.2 и Ф. И. О.3, является мнимой сделкой, поскольку был заключен лишь для вида (по значительно заниженной цене), без намерения создать соответствующие правовые последствия, связанные с переходом права собственности, характерные для сделок данного вида; 2) сделка заключена между близкими родственниками с целью избежать раздела общего имущества супругов при расторжении брака; 3) договор был заключен Ф. И. О.2 без ведома и согласия истца. Из материалов дела следует, что ответчик Ф. И. О.3, приобретшая автомобиль, является матерью Ф. И. О.2 и водительского удостоверения не имеет. С момента заключения договора купли-продажи и до момента рассмотрения дела в суде автомобиль находился в пользовании Ф. И. О.2, также в договоре обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, Ф. И. О.3 указала Ф. И. О.2 в качестве единственного лица, допущенного к управлению автомобилем. Следовательно, приведенные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии фактической передачи транспортного средства от покупателя продавцу и отсутствии реальных намерений у Ф. И. О.3 — приобрести автомобиль, а у Ф. И. О.2 — произвести его отчуждение. Из вышеуказанного, как правильно отметил суд апелляционной инстанции, следует, что сделка, совершенная в период конфликтных отношений истца и ответчика Ф. И. О.2, приведших к подаче иска о расторжении брака, была направлена на исключение автомобиля из состава совместно нажитого имущества с целью избежать возможного его раздела<sup>1</sup>.

Таким образом, в настоящее время вопросы распоряжения общим имуществом супругов являются актуальными. Для того чтобы после распоряжения данным имуществом возникли правовые последствия, не противоречащие законодательству РФ, супруги должны учитывать много особенностей — уведомлять другого супруга о желании распорядиться общим имуществом, получать его согласие на совершение сделки и нотариально его удостоверить в необходимых случаях и т. д., то есть добросовестно относиться к распоряжению общим супружеским имуществом. Именно тогда уменьшится количество судебных споров по данному вопросу. Если же спора все-таки не удалось избежать, с целью полного восстановления нарушенных прав сторонам следует изучить не только законодательство на данную тему, но и актуальную судебную практику, чтобы оценить риски и перспективы.

---

<sup>1</sup> Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.2021 № 88–1821/2021 по делу № 2–1398/2020 // Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Уранова М. К.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Студент

## Как брачный договор поможет в борьбе с наследственными рисками?

**Аннотация.** В статье брачный договор рассмотрен как инструмент для предотвращения наследственных рисков для юридических лиц. Ведь большинство владельцев не задумывается о судьбе своего бизнеса после смерти, а их супруги и близкие могут иметь совершенно другой взгляд на его ведение в дальнейшем.

**Ключевые слова:** брачный договор, наследство, наследственный риск, режим собственности, переживший супруг.

Ахиллесовой пятой многих собственников бизнеса являются наследственные риски. Практически каждый из них заинтересован в продолжении своего дела наследниками, но не все понимают, как его грамотно им передать. Сейчас всё чаще используются различные наследственные инструменты, позволяющие избежать длительных судов за наследство между наследниками в дальнейшем. К числу таких инструментов можно отнести: завещание, наследственный фонд и наследственный договор. Однако в России по-прежнему популярнее наследование по закону, чем по завещанию.

Кроме перечисленных выше инструментов брачный договор также может быть инструментом, который поможет управлять наследственными рисками. Он является одним из самых эффективных инструментов. Некоторые возражают на это фразой про то, что конструкция брачного договора не популярна. Е. В. Каймакова отмечает, что в конце двадцатого столетия многие были уверены в том, что сама конструкция брачного договора в России не приживется<sup>1</sup>. Но как можно заметить по статистическим данным Федеральной нотариальной палаты за 2021 г., брачный договор оформили 148,3 тыс. россиян, что составляет 16% от всех зарегистрированных на тот период браков, что уже достаточно немало. Только за пять лет количество брачных договоров выросло на 67%<sup>2</sup>. Это связано с тем, что люди всё больше задумываются о рисках, к которым ведет расторжение или прекращение брака. А брачный договор — один из самых надежных инструментов по их предотвращению<sup>3</sup>.

Определение брачного договора можно найти в статье 40 Семейного кодекса Российской Федерации. Брачный договор определяет имущественные права и обязанности супругов в браке и после его расторжения<sup>4</sup>. Однако важно

<sup>1</sup> Каймакова Е. В. Совместное завещание супругов: сравнительно-правовой анализ российской и зарубежной моделей // Наследственное право. 2020. № 1. С. 35–38.

<sup>2</sup> Федеральная нотариальная палата // URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/trend-nabrachnye-dogovory-prodolzhaet-nabirat-oporory-2202> (дата обращения: 20.09.2023).

<sup>3</sup> Логвина С. Брачный договор // Административное право. 2020. № 3. С. 27–32.

<sup>4</sup> Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

заключать брачный договор с правильным регулированием режима собственности как в браке, так и после его расторжения. А если в брачном договоре указан договорной режим собственности только в случае его расторжения, то по мнению Верховного Суда, при определении состава наследства такое учитываться не будет<sup>1</sup>.

Договорными режимами собственности супругов являются долевая и раздельная собственность. А законным режимом — совместная. С целью изменения режима собственности и используется брачный договор. Например, самым распространенным положением является закрепление раздельного режима собственности супругов: закрепление за каждым супругом той собственности, которая зарегистрирована на его имя.

Положение по поводу изменения режима собственности в брачном договоре важно, поскольку оно напрямую влияет на права пережившего супруга. Дети и родители наследодателя, так же как его супруг, являются наследниками первой очереди, согласно статье 1142 Гражданского кодекса Российской Федерации<sup>2</sup>. При отсутствии регулирования режима собственности брачным договором переживший супруг претендует на половину совместно нажитого в браке имущества, согласно положениям 1150 ГК РФ. Соответственно, после принятия наследства доля пережившего супруга будет куда большей, чем доли остальных наследников первой очереди, что естественно вызовет их недовольство со всеми вытекающими возможными последствиями. Но, из этого правила есть исключения. Верховный Суд отметил, что если второй супруг заявляет об отсутствии его доли в приобретенном во время брака имуществе, то доля пережившего супруга будет входить в наследство<sup>3</sup>.

Кроме возможных судебных разбирательств после смерти супруга-наследодателя, возможны также и иные риски. Такие, как обращение взыскания на общее имущество супругов за долги в случае признания обязательства общим обязательством супругов. Этого можно избежать, если включить в брачный договор условие о том, что каждый из супругов отвечает за свои долги исключительно своим имуществом. Таким образом, вышеописанная ситуация — несправедливое изъятие имущества за долги становится невозможной. Е. М. Глушкова уверена, что в случае непредсказуемого состава наследников и кредиторов наследодателя заключение брачного договора уберезет от большого количества наследственных рисков<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (последняя редакция // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.09.2023).

<sup>2</sup> Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 № 146-ФЗ (часть третья) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.

<sup>3</sup> Обзор судебной практики Верховного Суда № 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда 04.07.2018) СПС «КонсультантПлюс».

<sup>4</sup> Глушкова Е. М. Завещание и брачный договор как инструменты снижения потенциальных рисков при наследовании бизнеса // Нотариальный вестник. 2022. № 8. С. 11–18.

Однако сто́ит заметить, что брачный договор не способен заменить наследственных инструментов. Поэтому всегда лучше использовать инструменты в совокупности<sup>1</sup>.

К сожалению, большинство владельцев юридических лиц не так часто задумываются о судьбе и эффективности их активов после их смерти. Практика наследственного планирования и наследственных споров показывает, что споры между наследниками и корпоративные конфликты нередко приводят к снижению показателей эффективности компании, а то и вовсе, к ее развалу. Если не использовать инструменты наследственного планирования в комплексе, они не будут столь эффективны. Простое завещание можно будет оспорить в суде, в то время как комплексную защиту оспорить уже гораздо сложнее и дороже. Исходя из этого, предлагается использовать семейное и наследственное законодательство в части предотвращения наследственных рисков в комплексе.

---

<sup>1</sup> Акимова Ю. И. Брачный договор: проблемы реализации // Нотариус. 2016. № 8. С. 26–29.